МАХАБХАРАТА

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

АШВАМЕДХИКАПАРВА,
ИЛИ
КНИГА О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ КОНЯ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Я. В. ВАСИЛЬКОВ И С. Л. НЕВЕЛЕВА

श्रीमहाभारतं
आश्वमेधिकपर्व

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2003

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Опубликование очередного тома комментированного перевода «Махабхараты» (Книга XIV — «Ашвамедхикапарва», или книга «О жертвоприношении коня»), сопровождаемого статьями, в которых с позиций современной науки исследуются содержательные особенности эпического текста, его мировоззренческий и мифоритуальный аспекты, впервые вводит в научный оборот репрезентативный материал, необходимый для изучения древнеиндийского эпоса как явления мировой эпической словесности.

Многослойность эпического содержания, сочетающего рассказ об отправлении одного из важнейших ритуалов индийской древности — *ашвамедхи*, жертвоприношения коня, — с религиозной дидактикой (раздел «Анугита»), потребовала в первую очередь уточнения принципов перевода, выработанных авторами в прежних изданиях («Махабхарата»: Книга III — «Араньякапарва», [«Лесная»], 1987; Книга VIII — «Карнапарва», [«О Карне»], 1990; Книга X — «Сауптикапарва» [«Об избиении спящих воинов»]; Книга XI — «Стрипарва» [«О женах»], обе — 1998). Стихотворный эпический текст, как и в указанных выше изданиях, переводится современной литературной прозой (с некоторой долей архаизации), при сохранении непереводимых (в частности философских) санскритских терминов. Вопросы перевода религиозно-философской терминологии приобретают тем большую остроту, что в отечественной научной традиции в целом они еще весьма далеки от своего окончательного решения. Особая трудность здесь состоит в том, что европейские эквиваленты зачастую совершенно не соответствуют объему содержания индийских религиозно-философских понятий и терминов.

Тем сложнее была задача, которая стояла перед переводчиком первой половины «Книги о жертвоприношении коня» (главы 1—50), поскольку большая ее часть (главы 16—50) занята религиозно-философским трактатом «Анугита». Исполнитель должен был разработать принципы перевода философского текста, представляющего определенную школу древнеиндийской мысли — раннюю *санкхью*, причем слово «философский» употребляется здесь достаточно условно: в «Анугите» и то в более поздних ее главах, можно усматривать, пожалуй, лишь зарождение философии, тогда как этот текст в целом представляет *санкхью* как еще пред-философское, гностическое учение.

Особое внимание было уделено проблеме передачи на русском языке специальной терминологии памятника: для части терминов были подобраны русские эквиваленты, другие же термины, ввиду отсутствия соответствий для них в европейской философской традиции, оставлены без перевода, то есть даны в русской транслитерации, а поле значений каждого из них описывается и разъясняется в сопроводительной статье и в комментарии.

Что касается общих принципов перевода древнеиндийского эпического текста, то здесь необходимо подчеркнуть, что основные усилия переводчиков были направлены, естественно, на передачу смысловой стороны многопланового текста «Книги о жертвоприношении коня», но при учете стилистических особенностей памятника. Центральное место среди традиционных поэтических средств индийского эпоса занимают *постоянные* (т. е., закрепленные за определенным образом) сравнение и метафора. Формульный характер этих явлений эпической поэтики — иными словами, определенность их метрической позиции в стихе — делает их важнейшим приемом устной импровизационной техники. Подробное освещение особенностей эпической стилистики см. в наших прежних работах; представленных в списке литературы.*

Стилевые повторы, принадлежащие к числу свидетельств устно-фольклорного генезиса древнеиндийского эпоса, требуют от переводчиков следования определенного рода ограничениям; в целях наиболее приближенного воспроизведения стилистики памятника указанные ее тенденции по возможности соблюдаются. Как и в ранее изданных переводах из «Махабхараты», переводчики придерживаются, за редкими исключениями, соответствия санскритского стиха (шлоки, триштубха и других размеров) русскому предложению, тем более, что санскритский стих, представляя собой, как правило, замкнутое смысловое и грамматическое единство, дает к этому все основания.

Согласно выработанной авторами ранее методике исследования, *научный комментарий* к переводу содержит необходимые для истолкования текста сведения, с целью накопления которых произведен обзор целого спектра современной (отечественной и зарубежной) исследовательской литературы, соответствующей содержательной проблематике эпоса, которая включает в качестве основных мифологический, этнографический и религиозно-философский аспекты.

Среди других эпосов древности «Махабхарата» выделяется обостренным вниманием к религиозно-этическим проблемам и обнаженностью мифо-ритуальных связей. *Сопроводительные статьи* отвечают указанным направлениям исследования, тем более, что «Ашвамедхикапарва» предоставляет в этом отношении особо ценные сведения.

---

* Список литературы см. на с. 283—292. В тексте комментария и статей названия литературных источников даны в сокращении и отсылают к этому списку. Особого рода сокращения используются при отсылках к санскритским текстам (такой список сокращений см. на с. 293).

Статья Я. В. Василькова «„*Анугита*" и „*Бхагавадгита*": о природе различий между текстами» рассматривает «Анугиту» в сопоставлении со знаменитой проповедью Кришны в книге VI «Махабхараты» — *Бхагавадгитой*, как бы повторным воспроизведением которой, согласно эпосу, является «Анугита», само название последней означает: «Последующая песнь (*гита*)». Однако, в «Анугите» мы не находим ничего из того, что составляет наиболее существенную часть духовного содержания «Бхагавадгиты»: ни теизма (проповеди личностного Бога, воплощенного на земле в облике Кришны и любви к нему, как высшего из путей спасения), ни специфического призыва к активной деятельности в миру для исполнения своего общественного долга при непременном условии отсутствия какой-либо личной заинтересованности в плодах своих действий. Напротив, в «Анугите» целью адепта провозглашается освобождение, понимаемое как слияние с безличным Божественным началом и осуществляемое на пути Знания (*джняна*, в европейской терминологии — *гносис*), а всякая деятельность осуждается, как препятствующая освобождению (точка зрения, с которой наиболее последовательно полемизировал Кришна в «Бхагавадите»).

В статье прослеживается история сложных отношений между двумя изначально родственными явлениями: теистической *йогой*, представленной в «Гите», и гностической *санкхьей*. В контексте этих отношений «Бхагавадгита» предстает как реформаторская попытка ликвидировать отрыв все более обособлявшейся и «философизировавшейся» *санкхьи* от йогической практики и восстановить первоначальное единство пути *санкхья-йоги*. В то же время «Анугиту» мы можем рассматривать как свидетельство гностического реванша, сказавшегося в традиции «Махабхараты» через несколько столетий после создания основной части «Бхагавадгиты» и надолго, вплоть до Средневековья, нейтрализовавшего влияние идей теистического *бхакти*.

С. Л. Невелева в статье «Эпическая ашвамедха», отмечая присущую древнеиндийскому эпосу «уникальную прозрачность мифо-ритуальных связей», ставит задачей выяснить, как соотносится эпическое описание *ашвамедхи* — обряда жертвоприношения коня (главы 70—93, эпизод, давший имя всей XIV книге эпоса) с реальностью подлинного древнеиндийского ритуала. Анализ эпического описания ашвамедхи позволяет сделать вывод о типологической разнослойности его содержания, в котором соединяются черты глубокой «доклассической» архаики и детальный сценарий ведийского жертвоприношения — ритуальная «классика», вступающая в конфликт с новой идеологией набирающего силу индуизма и в то же время освященная присутствием идей раннего *бхакти*, связанного с образом Кришны. Этот анализ еще раз подтверждает на конкретном материале концепцию, ранее предложенную Я. В. Васильковым, согласно которой уникальность «Махабхараты» состоит именно в том, что эта грандиозная классико-героическая эпопея, отчасти уже трансформировавшаяся в религиозно-дидактическую (поздний эпос), в то же время парадоксальным образом сохраняет некоторые особенности, присущие этому жанру на стадии архаики, тем самым сочетая в себе черты всех трех этапов — архаического, классического и типологически позднего — в истории развития героического эпоса.

За помощь в подборе иллюстраций и разрешение на их публикацию мы глубоко признательны фотоархиву Института Керн (Лейден, Нидерланды) и Петтери Коскикаллио (Хельсинский университет, Финляндия).

Я. В. Васильков, С. Л. Невелева

Кульминация обряда ашвамедхи: Кришна, Пандавы с прочими царями, жрецы и жертвенный конь у священного огня. Иллюстрация к «Джаймининяашвамедхе», 1850 г.

КНИГА О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ КОНЯ

Глава 1

Вайшампаяна сказал:

1-3. Когда царь Дхритараштра1 совершил возлияния воды (для покойного Бхишмы),2 мощнодланный Юдхиштхира,3 пребывавший в полном смятении чувств, пропустил его вперед и (вслед за ним) поднялся (из воды на берег). А поднявшись, хранитель земли, глаза которого затуманились слезами, рухнул на берегу Ганга, словно сраженный охотниками слон. Его, лишающегося чувств, подхватил побуждаемый Кришной4 Бхима;5 сам же Кришна, губитель неприятельских богатырей, крикнул ему "Держись!".

4-6. И увидели Пандавы, о царь, праведного духом Юдхиштхиру - страдающим, опустившимся на землю, часто и тяжко воздыхающим; увидели владыку людей едва живым, пораженным сердечной печалью. Снова скорбь обуяла Пандавов и собрались они вокруг (Юдхиштхиры). А могучий и мудрый царь Дхритараштра, рядом с ним сидевший, сказал ему, терзаемому великой скорбью, такое слово:

7-79. "Восстань, о тигр из рода Куру,6 и непрерывно делай дело: ведь исполняя свой кшатрийский7 долг, ты уже покорил всю землю! Теперь же вместе с братьями и друзьями наслаждайся ею, о владыка людей! Я не вижу, о чем тебе печалиться, о достойнейший из блюстителей дхармы!8 Это мне вместе с Гандхари9 надлежит печалиться, о царь: потерял я и сыновей, и царство - словно приснившееся во сне сокровище! Не послушал я благих советов доброжелателя моего, великого духом Видуры10 - и ныне, глупец, раскаиваюсь! Говорил мне прежде благочестивый провидец:11 "Из-за бесчинств Дурьодханы придет гибель вашему роду! Если хочешь, о царь, блага роду своему - да будет казнен скудоумный злодей, царь Суйодхана!12 Кар-на13 и Шакуни14 пусть никогда более не увидят его! И позаботься о том, чтобы отменить все последствия этой игры! Возведи на трон Царя Праведности15 - Юдхиштхиру; и будет он, как подобает великому правителю, хранить эту землю. А если не хочешь, чтобы царствовал Юдхиштхира, сын Кун-ти, - то сам прими царство и правь как самодержец.16 Будь равно справедлив по отношению ко всем существам, о владыка людей, и все твои родичи, о воз-раститель величия рода, пусть подражают в этом тебе!". Но хоть и говорил так ясновидец Видура, я все же последовал, безрассудный, за злодеем Дурьод-ханой, о сын Кунти! Не послушал я сладостных речей того (великого) мужа - и вот пожинаю плод великоскорбный, тону в океане тоски! Смотри, вот перед тобой, о царь, твои престарелые родители,17 терзаемые скорбью! Тебе же самому, о владыка людей, не о чем, мне кажется, скорбеть в этом мире".

Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" первая глава.

Глава 2

Вайшампаяна сказал:

1-8. Выслушав эти слова многомудрого царя Дхритараштры, благоразумно промолчал (Юдхиштхира). И тут сказал ему Кешава:18 "Тот, кто чрезмерно предается сердцем скорби, тот причиняет боль своим усопшим предкам, о владыка людей! Совершай лучше всевозможные обряды, сопровождаемые обильными дарениями (брахманам),19 насыщай богов - сомой,20 приношениями свадха21 - numapoel22 Подобному тебе, о многомудрый, не к лицу так дер-жать себя ныне: ведь все, что следует познать - ты познал, все, что следует исполнить, - ты исполнил. Ты воспринял "Царскую дхарму"23 от Бхишмы, чья мать - Бхагиратхи,24 а также от Кришны Двайпаяны,25 Нарады26 и Видуры. Не подобает тебе вести себя по обычаю глупцов; лучше, утвердясь в обычае отцов и дедов, неси свое (царское) бремя! Ведь кшатриям надлежит завоевывать небо своей воинской славой, а тот герой, что пал в битве, тоже неба лишен не будет! Потому - не скорби, о великий царь! Все так и должно было случиться. Тех, кто пали в этой битве, ты больше никогда не увидишь!"

9-13. Исполненный духовного пыла Говинда сказал это Праведному царю, Юдхиштхире - и замолк, а Юдхиштхира ответил так: "О Говинда, я знаю, какую ты приязнь ко мне питаешь, с какой любовью и дружбой всегда обо мне печешься. Ты окажешь мне приязнь наивеликую, о досточтимый носитель палицы и диска,27 радость ядавов,28 если соизволишь дать согласие, дабы я ушел в отшельнический лес; ведь не знать мне больше мира и покоя после того, как я стал причиной смерти Деда29 и мужа-тигра Карны, никогда не обращавшегося вспять на поле битвы! Соизволь же назначить мне такое деяние, о смиритель недругов, коим я искуплю свой жестокий поступок, коим очистится моя душа!".

14-20. На это ему познавший дхарму, великим пылом наделенный Вьяса сказал, утешая его, такое благое слово: "Незрел еще твой ум, сынок, ты словно опять впал в детство: что толку нам без конца сотрясать словами пространство! Ты познал дхарму кшатриев - тех, кто живут войной; знаешь, как должен поступать царь, дабы не встретиться с неприятностями. Да и Учение об освобождении,30 ты всё прослушал должным порядком, и все сомнения, порождаемые чувственными привязанностями, я в тебе уничтожил. Маловерный и неразумный, ты постоянно преступаешь (веления) смршпи:31 не смей так больше делать, не пристало тебе подобное невежество! Искупительные обряды, какие есть, - все тебе ведомы; ты слышал всё и о воинской дхарме, и о дхарме дарений, о безгрешный! Почему же, познавший все дхармы, во всех Писаниях32 искушенный, ты опять в помрачение впадаешь - словно бы из-за незнания?

Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" вторая глава.

Глава 3

Вьяса сказал:

1-3. Боюсь, о Юдхиштхира, что подводит тебя твоя мудрость. Ведь смертный никакого дела не совершает сам, по своей воле. Человека направляет Ишвара33 - к худу ли, к благу ли: так и совершает тот деянья; о чем же тогда печалиться? Ты себя, к тому же, мнишь великим грешником; тогда слушай, чем снимаются в этом мире грехи, о бхарата!34

4-10. Деяниями подвижничества, жертвами, дарениями спасают обычно себя люди, которые согрешили, о Юдхиштхира! Жертвою, подвижничеством, даянием очищают себя люди, грех сотворившие, - о муж-тигр, владыка людей! Великие духом асуры35 и боги ради обретения благой заслуги усердно исполняют жертвенный обряд: потому принесение жертв - превыше всего! Именно в жертвах достигнув превосходства, великие духом боги, исполнители обрядов, одержали верх над данавами.36 Соверши, о царь-бхарата, рад-жасую и ашвамедху, а также сарвамедху и нарамедху,Ъ1 о Юдхиштхира! Исполни по всем правилам обряд жертвоприношения коня, сопровождаемый дарениями брахманам, а также раздачей пищи и всевозможных желанных даров, - как (это сделал некогда) Рама, сын Дашаратхи, или как твой предок - великий герой и царь-хранитель земли Бхарата, сын Духшанты и Шакунталы.38

Юдхиштхира сказал:

11-18. Бесспорно, жертвоприношение коня может и всю землю очистить; но соизволь выслушать, как я об этом мыслю. Учинив это превеликое побоище своих родичей, я сейчас, о лучший из дваждырожденных, не способен и на самое малое дарение, ибо остался без богатств. У этих же юных царевичей, чьи раны еще не зажили, печальных, терпящих страдания, - я не смею просить богатства! Сам (только что) разорив свою землю, могу ли я, о достойнейший из брахманов, ради жертвоприношения взимать новую подать с обуянных скорбью (подданных)! Из-за злодейств Дурьодханы разорена изобиловавшая богатствами земля, а все цари-владыки земли познали бесславие, о достойнейший из подвижников! Дурьодхана ради богатств опустошил землю; но казна этого злобного сына Дхритараштры после него оказалась пустой! В этом мире полноценным (считают) и такой обряд, когда вся земля служит дакшиной;39 мудрецы полагают это приемлемым видоизменением обряда. Но я не желаю идти на такую подмену; а потому ты, чье богатство составляет пыл подвижничества,40 соизволь оказать мне в этом необходимую помощь.

Вайшампаяна сказал:

19-20. На это Кришна Двайпаяна, немного подумав, ответил тогда Парт-хе,41 Царю Справедливости: "Известно, о Партха, что на горе Химаване42 пребывает сокровище, оставленное там брахманами при жертвоприношении владыки земли Марутты. Принеси его оттуда, о сын Кунти: его тебе будет достаточно".

Юдхиштхира сказал:

21. Как при жертвоприношении Марутты собирали это богатство? И когда
жил этот царь, о наилучший из повествователей?43

Вьяса сказал:

22. Если хочешь услышать, то слушай, о Партха, (рассказ) о царе (Ма-
рутте) из рода Карамдхама, а также о времени, когда жил этот великий герой
и правитель, обладатель несметных богатств.

Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" третья глава.

Глава 4
Юдхиштхира сказал:
/. Я хочу услышать повествование об этом царственном риши,44 о Двайпаяна, знаток закона! Поведай мне сказ о Марутте, о безупречный!
Вьяса сказал:
2-7. Давным-давно, во времена Критаюги45 жил владыка Ману, владетель карающего жезла.46 Сын его, великий лучник, был известен под именем Прад-жати. А у Праджати был сын, знаменитый Кшапа; сыном же Кшапы был Икшваку, великий владыка и хранитель земли. У него, о царь, было сто необычайно благочестивых сыновей; и всех их владыка Икшваку сделал хранителями земли. Из них же лучшим был Вимша, идеальный стрелок из лука; а у Вимши был, о бхарата, благородный сын по имени Вивимша. Вивимша имел пятнадцать сыновей, о царь, - как на подбор благочестивых и правдивых, великолепных лучников, праведных, говорящих людям только добрые слова, радостно исполнявших обязанности дарителей. Старший из них, Кха-нинетра, одолел всех остальных.
8-22. Этот доблестный Кханинетра безраздельно завладел всем царством, однако не смог уберечь его. Подданные невзлюбили этого царя. Изгнав его из страны, они посвятили на царство его сына, Суварчаса, и очень тому радовались, о Индра царей!47 Бывши свидетелем того, как отца его свергли и изгнали из царства, (Суварчас) сосредоточил все усилия лишь на благе своих подданных. Был он благочестив, правдив, чист, самообуздан и бес-. страстен, и подданные любили своего разумного, преданного дхарме царя. От того, что он во всем следовал дхарме, перевелись у него повозки с казной;48 а когда казна опустела, то бывшие вассалы со всех сторон стали наседать на него. Оставшись без повозок с казной, теснимый многими врагами, царь вместе с домочадцами и населением столицы познал великое страдание. Но даже доведя его до последней крайности, враги все же не могли устранить царя, ибо был он праведен в поступках и стоек в дхарме, о Юдхиштхира! Когда же тому царю и столице его совсем тяжко пришлось, он просто дунул в сложенный кулак, и (на изданный им трубный звук) явилось войско, с помощью которого он одержал верх над всеми соседними царями. Вот почему он прославился как "Трубящий в кулак" - Карамдхама, о царь! Сын его, которого по отцу также звали Карамдхамой,49 жил уже в начале Третаюги.50 Благочестивый, он не уступал достоинствами Индре; сами боги не смогли бы одолеть его! В ту пору все (другие) хранители земли покорялись его воле; благодаря своей силе и добродетели он стал над ними верховным царем!51 Всей душой преданный дхарме царь по имени Авикшит отвагой был равен Индре, неукоснительно исполнял жертвенные обряды, охотно предавался разнообразной деятельности, был стоек, смирил свои чувства. Блеском величия он был подобен Солнцу, смирением сравнялся с Землей, разумностью не уступал Брихаспати,52 неколебимой стойкостью - Химавану. Делом, словом и помыслом, ясностью духа, самообладанием тот царь покорил сердца своих подданных. По всем правилам совершил этот владыка сотню жертвоприношений коня, которые исполнял для него (в качестве
главного жреца) сам премудрый владыка Ангирас.53
23-27. Но сын его все же превзошел отца своими достоинствами - знаток дхармы по имени Марутта, многославный царь-миродержец.54 Обладающий мощью десяти тысяч слонов, воочию - будто второй Вишну,55 желая совершить жертвоприношение, повелел изготовить тысячами золотые сверкающие сосуды. Достигнув горы Меру56 на северной стороне Химавана, где есть огромная вершина, вся состоящая из золота, - велел он там начать работу. И вот золотых дел мастера изготовили золотых горшков, ковшей, мисок,57 сидений столько, что даже сосчитать было нельзя. Неподалеку оттуда находилась огороженная жертвенная площадка, и на ней всей душой преданный дхарме владыка людей, хранитель земли Марутта по всем правилам совершил жертвенный обряд вместе с собравшимися там другими правителями народов.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" четвертая глава.

Глава 5
Юдхиштхира сказал:
1-2. Как этот царь достиг такого могущества, о достойнейший из владеющих речью?58 И как он сумел добыть (столько) золота, о брахман? Где теперь находится это добытое им сокровище? Как могли бы мы им завладеть, о владыка, чье богатство - пыл подвижничества?59
Вьяса сказал:
3-6. Асуры и боги - (две ветви) многочисленного потомства Дакши Праджапати60 - соперничали друг с другом, сынок! А у Ангираса было два сына, избравших для себя один и тот же путь служения - наделенный непомерным величием Брихаспати и владеющий богатством тапаса61 Сам-варта. Жили они, будто чужие друг другу: в непрестанном соперничестве. Брихаспати, однако, то и дело одерживал верх над Самвартой. Тот же, терпя все время от старшего брата поражения, бросил, наконец, дела и, одетый одним лишь пространством,62 охотно предался жизни лесного отшельника.
7-11. Но (однажды) Васава, победив и истребив всех асуров, добился для себя во вселенной статуса Индры63 и избрал тогда своим царским жрецом - пурохитой старшего сына Ангираса, достойнейшего из брахманов - Брихаспати. В давние времена сам Ангирас был исполнителем обрядов для царя Карамдхамы; тот во всем мире не знал себе равных в доблести, добронравии и силе, могучий, словно Совершитель сотни жертвоприношений,64 всей душой преданный дхарме, твердый в своих обетах. Его колесница, его войско и всевозможные богатства являлись где угодно по дуновению его уст - в силу глубины его йогического созерцания, о царь! Благодаря своим достоинствам тот владыка людей подчинил себе всех земных правителей. Прожив (на земле) сколько ему хотелось, он затем прямо в своем телесном облике пошел на небо. У него же был сын - знаток дхармы, подобный (древнему царю) Яяти,65 по имени Авикшит, губитель недругов, покоривший себе всю землю. Доблестью и добродетелями тот царь был подобен отцу.
12-19. А у Авикшита был сын по имени Марутта - могучий воитель, равный самому Васаве, и вся Земля, опоясанная океаном, пылала к нему любовью. Тот царь непрестанно соперничал с Царем богов; однако, и Васаве нелегко было состязаться с Маруттой, о радость Пандавов! Владыка земли Марутта был чист и исполнен достоинств; Шакра,66 как ни старался, не мог его превзойти! И вот, не будучи способен превзойти его, Тот, чью колесницу влекут буланые кони, призвал к себе Брихаспати и в присутствии других богов сказал ему: "Если ты, о Брихаспати, хочешь сделать приятное мне, то не соглашайся исполнять для Марутты ни жертвы богам, ни (заупокойные) приношения Предкам. Ведь я один обрел положение Индры и среди богов, и во всех трех мирах, о Брихаспати; а Марутта - (всего лишь) владыка Земли! Сможешь ли ты после того, как совершал жертвенные обряды для бессмертного царя богов, с чистой совестью совершать их для обреченного на смерть Марутты? Сделай же выбор - благо тебе! - между мною и Маруттой; и лучше отвергни Марутту, по свободному выбору своему - мне окажи предпочтенье!"
20-25. На эти слова Индры Брихаспати, на миг задумавшись, так отвечал Царю богов, о Каунтея:67 "Ты - повелитель всего живого, опора для всех миров, ты сразил (асуров) Намучи и Вишварупу, а также Балу.68 Ты один, о герой, направляешь богов к величайшему благу! Ты неустанно поддерживаешь и землю, и небо, о Губитель Балы! Я, исполнявший (доныне) должность пурохиты при тебе, о владыка сонма богов, Пакашасана, - смогу ли совершать жертвоприношения для смертного Марутты? Будь же спокоен, о владыка богов: никогда я для смертного не возьму в руки жертвенный ковш при исполнении обряда. Слушай, что говорю: пусть воды в огонь превратятся, пусть перевернется земля, пусть солнце лишится сиянья, если я свое слово нарушу!".
26. Выслушав эти слова Брихаспати, Шакра одобрил их и затем удалился, успокоенный, в свой небесный чертог.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятая глава.

Глава 6
Вьяса сказал:
1. Здесь обычно рассказывают вот такое древнее предание о беседе Бри-хаспати с Маруттой, о бхарата!
2-3. Узнал царь Марутта о том, какой договор заключил Царь богов с сыном Ангираса, и воспылал гневом. Внук Карамдхамы (тотчас) замыслил совершить жертвенный обряд и, придя к Брихаспати, обратился к нему, красноречивый, с такими словами:
4-5. "О владыка - щедрый податель,69 о владеющий сокровищем тапа-са!70 Прежде я приходил к тебе, и с твоего соизволения, о досточтимый, заключили мы договор о совершении жертвенного обряда. Теперь же я собрал все необходимые припасы и хочу начать жертвоприношение. Тебе надлежит совершить его для меня, о святой муж: так за дело, и исполни (обещанное)!
Брихаспати сказал:
6. Я не желаю совершать жертвенный обряд для тебя, о владыка земли.
Меня пригласил Индра, Царь богов, и я ему обещал.
Марутта сказал:
7. Я - твое поле, от отца наследуемое. Велико и мое почтение к тебе.

Не может мне быть отказано в жертвоприношении. Окажи предпочтение
мне, почитающему тебя.
Брихаспати сказал:
8-9. Я прежде совершал обряд для бессмертного, и не смогу исполнить его для человека. Уходи или здесь оставайся, о Марутта, - я (все равно) отказываюсь от жертвоприношения. Я не буду твоим жрецом - исполнителем обряда. Кого хочешь другого в этом мире возьми себе в наставники, и пусть он совершит жертву для тебя, о мощнодланный!
Вьяса сказал:
10-13. При этих словах царь Марутта исполнился стыда и, огорченный, ушел. По дороге он встретил святого провидца Нараду и, как подобает, замер перед ним в приветствии, почтительно сложив ладони. Тут Нарада и сказал царю: "Не очень-то ты весел сегодня, царственный мудрец! Что могло бы успокоить тебя, о безупречный? Куда ты идешь и откуда несешь свою печаль? Если мне можно слышать об этом, то расскажи все, о царьбык, владыка земли, а я уж не пожалею усилий, чтобы охладить твой гнев, о царь!".
14-16. И в ответ на эти слова великого риши Нарады Марутта рассказал все о том, как жестоко обманул его собственный учитель. "Пошел я к сыну Ангираса, наставнику богов Брихаспати, думал видеть его жрецом на своем жертвоприношении. Но он меня не порадовал. Отвергнутый им, я не хочу больше жить! Мой духовный наставник бросил и обманул меня, о Нарада!".
17-19. И тогда Нарада ответил на это царю, сыну Авикшита, такими словами, словно бы возвращая его к жизни, о великий царь: "Благочестивый сын Ангираса по имени Самварта, одетый одним пространством, странствует по всей земле, повергая людей в смятение (своим видом и поведением). Если не желает Брихаспати исполнить для тебя обряд - поди к Самварте, о великий царь, умилостивь его, и он совершит жертвоприношение!
Марутта сказал:
20-21. Этими словами ты возвратил меня к жизни, о досточтимый Нарада! Но где мне найти Самварту, укажи, о лучший из наделенных речью! И как мне подступиться к нему, чтобы он не отказал? Ведь если и он меня отвергнет, я не смогу жить на свете!
Нарада сказал:
22-26. Под видом безумца странствует он, где захочет, но при этом то и дело наведывается в город Варанаси. Ступай к воротам этого города и положи при них мертвое тело. Кто при виде его повернет обратно, тот и есть Самварта, о владыка земли! Следуй за ним по пятам, куда ни направится этот обладатель великого могущества; когда же останешься с ним наедине, сложи почтительно ладони и проси у него защиты. Если он тебя спросит: "Кто тебе сказал обо мне?", отвечай, о губитель недругов, словно бы по принуждению,71 (не желая меня выдавать): "Нарада". А станет расспрашивать, где меня можно найти, - тут же, без колебаний скажи ему, что я взошел на погребальный костер.
Вьяса сказал:
27-33. Царственный риши молвил: "Да будет так!", поклонился затем Нараде, попросил у него разрешения удалиться и пошел в город Варанаси. Памятуя слова Нарады, многославный царь пришел, как было сказано, к воротам города и велел положить возле них труп. В тот же самый миг вступил под городские ворота некий брахман, но, увидев мертвое тело, поспешно повернул назад. Обратив внимание на этот поступок, владыка земли, сын Авикшита, почтительно сложил ладони и пошел по пятам за Самвартой, надеясь добиться его расположения. Как только они остались одни, (брахман) забросал царя пылью и грязью, всего его вымазал плевками и соплями. Но владыка земли даже побои стерпел от Самварты и все шел следом за тем риши, сложив почтительно ладони и умилостивляя его. Наконец, утомился Самварта. Подошел он к широковетвистому баньяну и, сойдя с дороги, уселся в прохладной тени.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестая глава.

Глава 7
Самварта сказал:
1-2. Откуда ты узнал, кто тебе сказал обо мне? Отвечай только правду, если ищешь моего расположения! Скажешь все, как есть, - и исполнятся все твои желания, а соврешь - голова твоя разлетится на семь кусков!72
Марутта сказал:
3. Нарада, (вечно) пребывающий в пути, поведал мне о тебе, владыка, что
ты - сын моего наставника; это доставило мне большую радость.
Самварта сказал:
4. Ты сказал правду, почтенный. Нарада знает меня, как исполнителя
саттр.73 Об одном только скажи мне: где сейчас находится Нарада?
Марутта сказал:
5. Превосходнейший из божественных риши после того, как рассказал
мне о тебе, попрощался со мною и взошел на погребальный костер.
Вьяса сказал:
6-12. Выслушав все, что сказал ему царь, Самварта (сперва) радостно воскликнул: "Я не хуже исполню все это!". Но затем безумный брахман вновь принялся издевательски, грубыми словами поносить Марутту, о царь: "Что это тебе вздумалось доверить совершение обряда такому уроду, как я, который делает все, что вздумается, переменчив, как ветер? Братец мой весьма искусен, сам Васава оказывает ему почести, а тот (для него) совершает жертвоприношение; поручи и ты ему свои обряды! Все отнял у меня старший брат: и дом родной, и обязанности жреца, и домашние обряды, и (заказчиков) богов; одно только это тело оставил! Без его соизволения никак не могу я совершать жертвоприношение для тебя, о сын Авикшита; уж так я его почитаю. Поэтому ступай-ка ты к Брихаспати, попроси у него разрешения на это и возвращайся; вот тогда, если тебе это будет угодно, я и исполню для тебя жертвенный обряд".
Марутта сказал:
13-18. Я уже ходил к Брихаспати, о Самварта, и вот послушай, что из этого вышло. Не хочет он совершать для меня жертвенный обряд, не позволяет ему Васава. "Удостоившись служить мне, бессмертному, ты не должен исполнять обряд для Марутты - человека, подверженного недугам и общему уделу смертных, о мудрец! К тому же этот царь вечно соперничает со мною, о брахман!". И на эти слова Губителя Балы и Вритры74 твой брат ответил: "Да будет так!". Я пришел к нему с любовью в сердце, он же не захотел стать моим жрецом, принял сторону Индры - знай об этом, о великий подвижник! И теперь я хочу все свое достояние употребить на жертвенный обряд, который ты совершил бы для меня, о почтенный. Благодаря твоим достоинствам как жреца я хочу превзойти Царя богов! Не по душе мне, о брахман, вновь идти к Брихаспати, ведь он уже отверг меня, ни в чем перед ним не повинного.
Самварта сказал:
19-21. Все будет по-твоему, как ты хочешь, о царь, если только ты готов исполнить все мои требования. Когда стану я совершать жертву для тебя, Брихаспати и Пурандара75 распалятся гневом и станут вредить себе: к этому прежде всего будь готов! Не знаю, хватит ли тогда у тебя стойкости; ты мне твердо обещай это, иначе как бы я не испепелил тебя сейчас (своим пылом) со всеми твоими родичами!
Марутта сказал:
22-23. Если я наш уговор нарушу, то пусть покуда греет Тысячелучи-стое (Солнце) и покуда стоят горы, я не обрету небесных миров! Если я наш уговор нарушу, то пусть я, живя в этом мире, не обрету ясного разумения ни для правильного постижения истины, ни для (различения) всевозможных объектов восприятия!76
Самварта сказал:
24-27. Ясное разумение да проявится отныне во всех твоих деяниях: ведь я готов исполнить для тебя жертвоприношение, о царь! Я также предоставлю в твое распоряжение огромное, неисчерпаемое богатство; благодаря этому ты превзойдешь богов, гандхарвов77 и (самого) Шакру. Мне же не надо вознаграждения за совершение обрядов, хочу лишь одного: досадить брату и Индре! Не сомневайся, я сделаю тебя равным Индре, будешь доволен - истинно говорю тебе!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" седьмая глава.

Глава 8
Самварта сказал:
1-6. На той стороне Гималайского хребта есть гора Мунджават, где неустанно предается подвижничеству сам Владетель,78 Супруг Умы.79 На корнях могучих лесных деревьев, на горных террасах и вершинах, в пещерах этой царственной горы по воле своей, по

желанию постоянно пребывает окруженный дружинами бхутов,80 сопровождаемый Умой Держатель трезубца,81 Обладатель великого пыла, Владетель Махешвара.82 Там рудры, садхьи, вишвы и васу, Яма, Варуна и Кубера со свитой, бхуты, пишачи, а также Насатьи-Ашвины, гандхарвы и апсары, якши, риши-провидцы, Адитьи, Ма-руты и ягудханы83 - все служат великому духом, способному принимать всевозможные формы Супругу Умы.
7-11. Там предается веселью и играм вместе со своей свитой из страшных, уродливых духов, пылающий блеском своего царского великолепия, сияньем подобный юному солнцу84 Владетель Кубера,85 о хранитель земли! Обычными плотскими очами никому не увидеть ту гору, и никто из наделенных жизнью не укажет её местоположения. Там нет ни жары, ни холода, ни ветра, ни солнечного зноя, ни старости, ни голода и жажды, ни смерти, ни страха, о царь! По всем склонам той горы, о достойнейший из побеждающих, раскинулись, словно лучи Солнца, золотоносные жилы! Стерегут их слуги Куберы, грозно воздевшие оружие, о царь, и готовые на все ради блага великого духом Куберы.
12-31. Поклоненье тому Владетелю,86 Шарве, Устроителю, Рудре, Тём-ношеему, Дивному обликом, Прекрасному блеском, Носителю капарды, Оскаленному, Желтоглазому, Дарителю, Трехокому, Сокрушившему зубы Пу-шана, Карлику, Шиве, Ямье, Авьяктакеше, Садвритти, Шанкаре, Кшемье, Харинетре, Стхану, Пуруше, Рыжеволосому, Бритоголовому, Изможденному, Спасителю, Светочу, Благой переправе, Богу богов, Стремительному, Носящему тюрбан, Дивноустому, Тысячеокому, Щедродарующему, Владыке гор, Умиротворенному, Отшельнику, Облаченному в лубяные одежды, Носящему посох из дерева бильва,87 Совершенному, Всекарающему, Охотнику, Великому лучнику, Бхаве, Избранному, Ясноликому, Держащему в руке жертвенное животное, Варшину, Златорукому, Грозному, о царь, Владыке сторон света, Владыке скота, Владыке существ, Быку, Почитающему Мать, Полководцу, Срединному, Держащему в руке жертвенный ковш, Хранителю, Стрелку из лука, Бхаргаве, Нерожденному, Темноокому, Вирупакше, Острозубому, Жгучему, Пламенноустому Великосиятельному, Бестелесному, Все-телесному, Богатому потомством, Правителю планеты Шукра, Притху, Покрытому шкурой, Носящему гирлянду из черепов, Обладателю золотой диадемы, Махадеве, Кришне, Трьямбаке, Безупречному, Гневному, Человекоубийце, Нежному, Мощнодланному, Вооруженному жезлом, Предающемуся подвижничеству, Вершителю жестоких деяний, Тысячеглавому, Тыся-ченогому, - поклонение Проявляющемуся в Природе, Являющемуся во многих обликах, Клыкастому! Склонив голову перед Владетелем Пинаки, Ма-хадевой, Великим йогом, Непреходящим, Держащим в руке трезубец, Трехглазым, Владыкой трех миров, Обладателем великой мощи, Истоком всех существ, Хранителем, Поддерживающим землю, Ишаной, Шанкарой, Сарвой, Шивой, Всевладыкой, Бхавой, Супругом Умы, Владыкой скота, Вселенской формой, Махешварой, Вирупакшей, Десятируким, Тем, у кого на знамени - (созвездие) Тишья и бык, Грозным, Стхану, Шивой, Страшным, Шарвой, Повелителем Гаури, Ишварой, Темношеим, Нерожденным, Шукрой, Притху, Притхухарой, Харой, Вишварупой, Вирупакшей, Принимающим множество обликов, Супруго
м Умы - перед богом Харой, Уничтожившим тело Камы, склонившись, прибегни к защите Махадевы-Защитника, Четырехликого! Со-вершив таким образом поклонение Махадеве, Стремительному, Великому духом, Владыке Земли - ты получишь то золото! И потом пусть пойдут туда твои люди, чтобы забрать сокровища.
Вьяса сказал:
32. Выслушав это, сын Карамдхамы в точности исполнил все сказанное. Его приготовления к жертве превзошли все человеческие возможности. Ремесленники изготовили для обряда (множество золотых) сосудов.
33-35. Брихаспати, узнав от других богов, как преуспевает владыка земли Марутта, предался суровому самоистязанию. Подвижничеством довел он себя до бледности и предельной худобы, (непрестанно повторяя:) "Теперь Сам-варта, мой недруг, станет богат!". Прослышав об этом, Царь богов в сопровождении бессмертных явился к крайне изнуренному Брихаспати и обратился к нему с такой речью:
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восьмая глава.

Глава 9
Индра сказал:
/. Сладко ли спится тебе, о Брихаспати? Угадывают ли слуги твои желания? Печешься ли ты, о брахман, о здоровье богов, и (хорошо ли) заботятся о тебе боги?
Брихаспати сказал:
2. Да, сладко спится мне на моем ложе, о Махендра; слуги угадывают все
мои желанья; я всегда пекусь о довольстве богов, и они усердно заботятся
обо мне, о Шакра!
Индра сказал:
3. Что за боль - душевную или телесную - ты терпишь, отчего ты се
годня так бескровен и бледен? Расскажи мне всю правду, о дваждырожденный,
и тех, кто причинил тебе боль, я уничтожу!
Брихаспати сказал:
4. Говорят, будто Марутта, о Щедрый, готов совершить великий жертвен
ный обряд с небывалыми дарениями брахманам. Исполнителем же обряда,
как я слышал, будет (у него) Самварта. Я хочу лишь одного: чтобы тот обряд
не состоялся!
Индра сказал:
5. Во исполнение всех желаний ты, о брахман, родился для того, чтобы
отправлять при (клане) богов должность советника и главного жреца. Ты прев
зошел и смерть, и рождение: что же может сделать тебе Самварта, о мудрец!
Брихаспати сказал:
6-7. Предводительствуя богами, рассеял ты асуров, но и сейчас готов разить их, вместе со всеми их родичами, как только увидишь, что кто-либо из них процветает: ибо процветание соперника причиняет нам боль. Вот почему я сегодня бледен, о Царь богов! Соперник мой ныне возвеличился. Зная это, не пожалей сил, о Магхаван, чтобы помешать Самварте или же царю Марутте!
Индра сказал:
8. Ступай скорее, о Джатаведас,88 и передай Марутте, чтобы он принял Брихаспати (в качестве жреца): "Пусть совершит для тебя обряд Брихаспати, а я тебя за это сделаю бессмертным".
Агни сказал:
9. Итак, я отправляюсь как твой посол, о Шакра, предложить Марутте
Брихаспати (в качестве жреца). Я (стремлюсь) сделать поскорее истинными
слова Пурухуты89 и выказать должное уважение Брихаспати.
Вьяса сказал:
10. Затем великий духом Дымознаменный90 двинулся в путь, пожирая
без разбора и большие лесные деревья, и травы. В начале знойной поры
двигаясь без всяких препятствий, преодолевая преграды, он ревел, словно
ветер.
Марутта сказал:
11. Что за чудо я вижу: Огонь в телесном облике явился (к нам)! Приготовь
ему скорее сиденье, воду-питье и воду для (омовения) ног, да приведи коро
ву,91 о подвижник!
Агни сказал:
12. С радостью принимаю от тебя сиденье, воду-питье и воду для ног,
о безупречный! Знай, что я пришел к тебе как посол, с поручением
Индры.
Марутта сказал:
13. Благополучен ли высокочтимый Царь богов? Благоволит ли он к нам,
о Дхумакету?92 Послушны ли боги его веленьям? Все об этом поведай нам,

о бог!
Агни сказал:
14-15. Весьма благополучен Шакра, о Индра царей! Тебе он желает вечной молодости93 и радости. Все боги послушны его воле, о царь! Услышь же от меня послание Царя богов - то, ради чего он и послал меня к тебе, чтобы я предложил Марутте Брихаспати (в качестве жреца). Если этот наставник станет исполнителем твоего жертвоприношения, о царь, то тебя, смертного, (Индра) удостоит бессмертия.
Марутта сказал:
16. Вот этот дваждырожденный - Самварта совершит для меня обряд, а Брихаспати передай мой поклон. Ему, прежде исполнявшему обряды для бога, великого Индры, неприлично будет совершать теперь жертвоприношение для простого смертного.
Агни сказал:
17-18. Если назначишь Брихаспати исполнителем обряда - тогда, покрытый славой, ты наверняка завоюешь себе небо; и какие есть наивысшие райские обители в мире богов - (всех) их ты (непременно) достигнешь по милости Индры. Все миры, доступные как людям, так и только богам, и все великие миры, принадлежащими самому Праджапати,94 ты завоюешь для себя, как и все небесное царство - если только Брихаспати будет у тебя жрецом, о Индра людей!
Самварта сказал:
19. Никогда больше не приходи к нам сюда, чтобы предложить Марутте Брихаспати (в качестве жреца), дабы я в ярости не испепелил тебя своим свирепым взглядом. Запомни это, о Павака!95
Вьяса сказал:
20-21. И тогда, побоявшись быть сожженным, вернулся Дымознаменный к богам, дрожа, словно лист ашваттхи.96 Увидел его великий духом Шакра и в присутствии Брихаспати спросил Уносителя жертв: "По моему поручению, о Джаведас, ходил ты, чтобы предложить Марутте Брихаспати (в качестве жреца). Что же сказал тебе этот царь, готовясь к своему жертвоприношению? Внял ли он (нашим) словам?"
Агни сказал:
22-23. Не по душе пришлись слова твои Марутте. А Брихаспати он велел низко кланяться, но только то и дело твердил: "Жертвенный обряд для меня исполнит Самварта!". Со всей решимостью заявил он: "Если даже за согласие мое получил бы я все великие миры, и людям доступные, и божеские, и (высшие) миры Праджапати, - все равно не желаю этого!".
Индра сказал:
24. Ступай обратно к этому царю и передай ему такие мои слова, для него весьма важные: мол, если он и на сей раз не сделает, как велено, то я сокрушу его своей ваджрой.97
Агни сказал:
25-26. Пускай пойдет к нему гонцом этот царь гандхарвов.98 Я сам боюсь идти туда, о Васава! Ведь Самварта, (долгое время) соблюдавший обет брахма-чарина" и страшный в своем гневе, сказал мне, кипя от ярости: "Если только ты снова придешь сюда предлагать Марутте Брихаспати (в качестве жреца), то я тебя в гневе испепелю своим свирепым взглядом". - Так вот, о Шакра!
Индра сказал:
27. Ты ведь сам всех сжигаешь, о Джатаведас; кроме тебя - есть ли
какой другой Испепелитель? Все живое во вселенной страшится твоего при
косновения. Не верю я твоим словам, о Уноситель жертв!
Агни сказал:
28. А ты способен своею мощью небо и всю землю сжать в единый комок,
о Шакра, Индра богов! Как же могло случиться, что у такого, как ты, некий
Вритра открыто отнял власть над тройственной вселенной?
Индра сказал:
29-30. Покуда я не вкушаю сомы, принесенного в жертву врагом; покуда я не направляю своей ваджры в маломощного (противника), покуда не устремится на меня, (как разъяренная) слониха, (сама) Чандика,100 - как может человек нанести мне вред? Я прогнал с земли калакейев,101 из воздушного пространства - данавов, в небе покончил с Прахрадой102 - может ли смертный нанести мне вред?
Агни сказал:
31-37. Некогда (брахман) Чьявана, желая совершить в одиночку жертвоприношение для царя Шарьяти, зачерпнул сомы (наряду с другими богами) и для Ашвинов. Разгневался ты на него и пытался воспрепятствовать жертвоприношению Шарьяти, о Индра! Взявши свою престрашную ваджру, ты хотел метнуть ее в Чьявану, о Пурандара; но тот брахман, придя в ярость, тапасом своим сковал твою занесенную руку с ваджрой! А потом сотворил он в гневе противника тебе - со всех сторон одинаково страшного видом асуру по имени Мада, или Вишварупа,103 - при виде которого ты зажмурил глаза (от страха). Одна челюсть того огромного данавы на земле лежала, другая - в небо ушла; страшно было видеть тысячи острейших зубов, что выстроились в ряд на сотни йоджан! А четыре крупных, округлых клыка на две сотни йоджан возвышались, сверкая, словно серебряные колонны. Тебя увидев, он бросился в атаку, ловя зубами и воздев грозный трезубец, с намерением убить. И тогда, увидев этого престрашного (асуру), явил ты всем наблюдавшим удивительное зрелище: в страхе перед ним, бросился искать защиты у великого риши, о Губитель данавов! Сила брахманства превосходит кшатру, а над (самим) брахманством нет выше никого. И, зная о том, каковы проявления брахманского пыла, я не хочу идти к Самварте, о Шакра!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" девятая глава.

Глава 10
Индра сказал:
1-2. Да, воистину, сила брахманства выше, и превзойти брахманство никому не дано. Но я не потерплю могущества сына Авикшита и сокрушу его своею грозной ваджрой. Ступай с поручением к Марутте, о Дхритараштра,104 и скажи ему при Самварте: "Пригласи Брихаспати (на должность жреца), о царь, - не то сокрушу тебя своей грозной ваджрой!".
Вьяса сказал:
3-4. Пошел Дхритараштра к Индре людей и передал ему слова Васавы: "Знай, что я - гандхарва Дхритараштра, пришел, чтобы говорить с тобой. Слушай, о лев среди царей, слова Индры! Вот что говорит великий духом владыка мира: "Выбери исполнителем обряда Брихаспати, а не то сокрушу тебя своею грозной ваджрой, если приказа моего не исполнишь". Так обращается к тебе Тот, чьи деяния непостижимы".
Марутта сказал:
5-6. Знаете и ты, и Пурандара, (знают) и Всебоги, и Васу, и Ашвины, что гласит постоянно молва в этом мире: "Предавшему друга нет искупления!". Брихаспати исполнит обряд для великого Индры, Держателя ваджры, наилучшего из богов - а для меня сегодня совершит обряд Самварта. Твои же слова, о царь, мне не по душе.
Гандхарва сказал:
7-8. Слышишь раскаты страшного грома Васавы в поднебесье, о лев среди царей? Ясно, что Махендра сейчас метнет в тебя свою ваджру. Самое время тебе, о царь, подумать о мире!
После этих слов Дхритараштры царь, слыша действительно в поднебесьи раскаты грома Васавы, поведал о своей тревоге стойкому в подвижничестве, глубоко постигшему дхарму, достойнейшему Самварте.
Марутта сказал:
9-10. Этот каменный гром,105 что надвигается издали, - уже совсем недалек он! Я прибегаю к твоей защите, о Индра брахманов; избавь меня от страха, о достойнейший! Вот приближается Владетель ваджры, озаряя все десять сторон света106 своим грозным сверхъес-тественным (оружием). Жрецы под нашим священным навесом107 дрожат от страха!
Самварта сказал:
11-14. Да не будет в тебе страха перед Шакрой, о лев среди царей! Эту великую напасть я быстро отведу своим противодействующим магическим знанием; не страшись ничего и положись на меня! Я отражу Индру, не бойся его; бессильно предо мною оружие всех богов! Пусть грохот ваджры заполняет все пространство, пусть веет вихрь и, став дождем, пусть обрушивается на рощи, пусть изливаются как попало воды из поднебесья, пусть молния блещет - ничего не страшись! Огонь да оградит тебя от всего - и пусть Васава сколько хочет проливает свой ливень, пусть мечет свою ваджру, а Ваю108 пусть потоками воды воздвигает страшный потоп!

Марутта сказал:
15. Слышен грозный, оглушительный гром его ваджры - вместе с рёвом ветра. Снова и снова испытываю я трепет; не возвращается ко мне самооб ладание, о брахман!
Самварта сказал:
16. Да не будет в тебе страха перед грозной ваджрой! Я стану ветром и сокрушу эту ваджру, о Индра людей! Оставь свой страх и выбери ещё любой дар, какой захочешь - силой своего подвижничества я все исполню.
Марутта сказал:
17. Пусть немедля явится сюда воочию сам Индра и пусть примет при ношение, которое назначено ему в жертвенном обряде. И все боги да рас положатся наиудобнейше каждый на своем месте и да вкусят выжатого сомы!
Самварта сказал:
18. Вот едет Индра - вкуситель сомы, влекомый рыжими конями, а за ним и все боги; мои мантры109 призвали его на это жертвоприношение! Взгляни на него: (скованный моими) мантрами, он не управляет своим телом!
Вьяса сказал:
19-20. И вот Царь богов, запрягши в колесницу стремительнейших рыжих коней, сопровождаемый другими богами прибыл на жертвоприношение царя, неизмеримо-мощного сына Авикшита, желая испить сомы. Увидев, как он приближается в окружении сонма небожителей, Марутта вместе с пурохитой вышел навстречу и, исполненный дружелюбия, согласно всем предписаниям шастр,11" воздал наивысшие ритуальные почести Царю богов.
Самварта сказал:
21. Добро пожаловать сюда, о премудрый Пурухута! Благодаря твоему присутствию это наше сегодняшнее жертвоприношение станет еще прекрас нее, о Индра, Губитель Вритры и Балы! Я выжал и вот - подношу тебе сому: испей его!
Марутта сказал:
22. Взгляни на меня милостиво: кланяюсь тебе! Свершено жертвоприно шение, и жизнь моя не осталась бесплодной! А исполняет для меня этот обряд тот, кто родился следом за Брихаспати, о Индра богов!
Индра сказал:
23. Знаком мне твой наставник, чьё богатство составляет пыл подвижни чества, обладатель жгучей духовной мощи - младший брат Брихаспати! Это ведь по его призыву я явился сюда, о Индра людей! Теперь я доволен тобой и больше не гневаюсь!
Самварта сказал:
24. Если ты доволен мною, о Царь богов, то распорядись сам ходом этого жертвоприношения. Установи, кому какие доли назначать,111 о Индра богов! И пусть весь мир прослышит о нас, о бог!
Вьяса сказал:
25-34. В ответ на эти слова сына Ангираса, Шакра самолично распорядился о том, чтобы они построили Дом собрания и рядом тысячами - удобнейшие приюты для ночлега (участников), с расписными полами, со всем необходимым, установили бы немедленно столбы и лестницы, чтобы по ним могли спускаться (с неба) гандхарвы и апсары, и соорудили бы огороженную жертвенную площадку, как бы представляющую небесный мир, чтобы на ней танцевали тысячи апсар! Услышав это, небожители с готовностью поспешили исполнить повеление Шакры, о царь, Индра людей! А Индра, довольный, почтительно обратился к царю Марутте с такими словами: "О царь, придя сюда к тебе, все другие, прежде жившие Индры людей, а также все другие боги (помимо меня) да вкусят, довольные, твоих жертвенных даров! А Индры среди дваждырожденных да принесут в жертву красного (быка), причитающегося Агни, пестрого (быка), причитающегося Всебогам, и иссиня-черного, подходящего для жертвы быка-производителя с трепещущим удом, мне предназначаемого, о правитель!" И возвеличилось жертвоприношение того царя (еще более): ведь сами боги подносили на нем съестные припасы, а Шакра, Владетель рыжих коней, Царь богов, окруженный поклонением брахманов, исполнял там обязанности садасьи.112 Самварта же, великий духом, пламенеющий, словно второй бог Огня, не отходил от алтаря, громко призывал к жертвенным возлияниям сонмы богов и, счастливый, произнося должные мантры, предавал жертвы огню. Когда Сокрушитель Балы, а за ним и другие небожители, которым причитались доли жертвенного напитка, испили превосходнейшего сомы, то все они, довольные и до предела насыщенные, попрощавшись с царем, удалились. А царь, ликуя, повелел насыпать на земле тут и там груды золота; раздав дваждырожденным несметные сокровища, губитель недругов просиял величием, словно сам Владыка богатств! Затем, собрав вместе все многообразные сокровища, оставшиеся после раздачи, повелел он изготовить для них со всем усердием надежное укрытие, а сам попрощался с наставником и вернулся, чтобы (вновь) править всей землей в пределах ок еана.113
35. Вот какой предостойнейший был в этом мире царь и вот откуда взялось на его жертвоприношении то золото. Ты же, о Индра царей, возьми это сокровище и соверши жертвоприношение богам, насыщая их согласно всем правилам.
Вайшампаяна сказал:
36. Выслушав речь сына Сатьявати, царь Пандава, всем видом являя ра дость, утвердился в решении использовать эти сокровища для жертвенного обряда. И снова стал он держать совет со своими близкими.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" десятая глава.

Глава 11
Вайшампаяна сказал:
1-3. После того, как Вьяса, вершитель чудесных деяний, сообщил всё это царю, повел речь богатый духовным пылом Васудева.114 Увидев, что сын Дхармы, Партха, потерявший в битве родичей и близких, глубоко опечален, подавлен, подобен Адитье в пасти Раху115 или Огню, сокрытому дымом, - достойнейший продолжатель рода Вришни116 подошел и сказал ему в утешение:
Васудева сказал:
4-6. Кривда всегда ведет к гибели, прямота - ведет к Брахману:117 вот что следует постигнуть. А какой толк в причитаниях? Еще не осуществлено до конца твоё (главное) деяние, еще враги твои не побеждены. Или ты не осознал, что главный враг заключен в твоем теле, и что это - ты сам? Вот я тебе сейчас поведаю, в согласии с дхармой и с тем, как было слышано, про то, как произошла битва между Индрой и Вритрой.
7-20. Некогда Вритра объял собою всю землю, о владыка людей, и от того, что земля была им объята и похищен был объект (обоняния) - запах,118 явился (другой) объект (обоняния), собравший в себе зловоние со всей земли.119 Увидев, что похищен объект обоняния, разгневался Совершитель ста жертвоприношений и тогда, в ярости, метнул он во Вритру свою грозную ваджру. Преисполненная пыла ваджра поразила его в земле, и тогда Вритра тотчас вошел в воды, похитив при этом объект (вкуса). Когда Вритра объял воды и похитил объект (вкуса), разгневался Совершитель ста жертвоприношений и метнул в них свою ваджру. Преисполненная пыла ваджра поразила Вритру в водах; но он тотчас вошел в свет и изъял из него объект (зрения). Когда Вритра объял свет и похитил объект (зрения) - образ, разгневался тогда Совершитель ста жертвоприношений и метнул в него свою ваджру. Преисполненная пыла ваджра крепко поразила Вритру; но он тотчас же вошел в ветер и похитил объект (осязания). Когда Вритра

вошел в ветер и изъял объект (осязания) - касание, Совершитель ста жертвоприношений разгневался и метнул туда свою ваджру. Наделенная непомерным пылом ваджра поразила его в (ветре); тогда он бежал в пространство и похитил оттуда объект (слуха). Когда Вритра вселился в пространство и похитил объект (слуха) - звук, разгневался Совершитель ста жертвоприношений и метнул свою ваджру. Наделенная непомерным пылом ваджра поразила в пространстве Вритру; но он тотчас вошел в (самого) Шакру и похитил у него объект (манаса120). И тут (Индру), схваченного Вритрой, обуяло великое помрачение; но Васиштха121 пробудил Индру с помощью (песнопения) Ратхантара,122 о сын мой! И тогда Совершитель ста жертвоприношений Вритру, пребывавшего (у него) в теле, сразил незримою ваджрой - вот как я слышал, о бык-бха-рата! Эту тайну, (в коей суть) дхармы, Шакра поведал великим риши, а великие риши поведали мне. Усвой её (теперь и ты), о владыка людей!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" одиннадцатая глава.

Глава 12
Васудева сказал:
/-5. Болезни бывают двух видов: телесные и болезни сознания.123 В своем рождении они взаимообусловлены, и нет такой (болезни), которая не имела бы двойственной причины. Телесные болезни зарождаются, разумеется, в теле; точно так же душевные болезни зарождаются, естественно, в сознании.
Холод и тепло, а также ветер - вот качества, рождающиеся в теле, о царь! И если эти качества пребывают в равновесии, то это, как говорят, признак здоровья: тепло умеряется холодом, холод - теплом. Саттва, раджас и тамас - таковы известны три качества психики.124 Равновесие этих качеств считают признаком здоровья, если же одно какое-то из них преобладает, предписано медицинское вмешательство. Печаль умеряется радостью, а радость - печалью; находясь в беде, человек любит вспоминать о (былом) счастье, а счастливого посещают воспоминания о (былых) бедах.
6-10. Но ты, о Каунтея, ни о беде страдальца, ни о блаженстве счастливого вспоминать не желаешь, ибо - Рок сильнее всего! Или, может быть, это твоя "врожденная природа"125 так тобой повелевает, что ты не желаешь помнить о том, как Драупади в одном лишь куске ткани, во время ее нечистоты, на глазах у сыновей Панду втащили в Дом собрания! Ты не хочешь помнить о том, как покидали столицу, как облачались в оленьи шкуры, как жили в бескрайнем лесу! Ты не хочешь помнить ни о неприятностях от Джатасуры, ни о битве с Читрасеной, ни о притеснениях со стороны Царя Синдху! Ты не хочешь помнить и о том, о Партха, как Кичака, когда вы жили под чужими именами, (посмел) ударить Яджнясени ногой!126
11-13. Что с того, что тебе, губитель недругов, уже пришлось сражаться с Дроной127 и Бхишмой! Ныне тебе предстоит иная битва, в которой одно лишь сознание, манас, будет твоим оружием. А потому надо тебе приготовиться к этой битве, о бык-бхарата, - и, освободившись посредством своих деяний,128 (выйти) за пределы даже высших из проявленных форм! В такой битве, какая тебе предстоит, не сражаются стрелами (и другим оружием), при поддержке свиты и родичей, а сражаются только (оружием) Атмана,129 и в одиночку. Если ты и не достигнешь победы в этой битве, то в какое бы состояние ты не попал, о Каунтея, - благодаря обретенному знанию, ты получишь статус человека, честно исполнившего свой долг.130
14. Прими же такое решение, от которого зависит рождение и судьба (всех) живых существ, и по примеру отцов и дедов правь, как подобает, своим царством!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двенадцатая глава.

Глава 13
Васудева сказал:
1-7. Отринув только все внешнее, нельзя достичь высшей цели. Ее можно достичь, лишь отринув все телесное, и то не всегда. Если кто освободился от внешнего, но продолжает вожделеть к телесному, - добродетель и счастье его таковы, что их можно пожелать лишь врагу. Из двух слогов состоит слово "смерть" - мритью; из трех - слово "Вечное", шашватам, т. е. Брахман. Слово "моё" - из двух слогов, как и "смерть"; а "не моё" - из трех слогов, а потому относится к "Вечному". Эти двое - Брахман и Смерть - утверждены в душе, незримые, о царь, и неустанно сражаются (за власть) над живыми существами. Если предустановлено, что дух131 не может погибнуть, о бхарата, тогда (человек), рассекая тела живых существ, не изменяет (принципу) ахимсы.132 Если человек избавился от чувства "моего", то пусть даже завладеет он землею со всем на ней движимым и недвижимым - на что она ему? И наоборот: иной может жить в лесу и кормиться его дарами, но если при этом у него чувство собственности обращено на материальные предметы, то он пребывает в пасти Смерти.
8. Постигни, о бхарата, исконную природу своих врагов, внешних и внутренних; кто поймет, что она иллюзорна, - избавится от великой напасти.133
9-10. Люди не одобряют того, в чьей душе господствует чувственность, но без чувственного желания не было бы никакой внешней деятельности; ведь и даяние, и изучение Вед, и подвижничество, и ведийские жертвоприношения - (все основано) на желании.134 "То, что диктуется желанием, не может быть дхармой; настоящая дхарма основана на самообуздании" - понимая это, (мудрый) не принимает обетов, не совершает жертвоприношений, не предается созерцанию и йоге, - если (все это продиктовано) желанием.
11. Здесь знатоки старины поют обычно стихи, называемые "Песнью Камы";135 слушай, я приведу их тебе все в точности, о Юдхиштхира:
12-17. "Никто погубить меня не может, если не знает должного средства. Силится ли он убить меня, полагаясь на силу оружия - я вновь являюсь на свет в этом самом его оружии. Силится ли он убить меня посредством жертвоприношений со всевозможными дарениями - я вновь являюсь на свет среди подвижных существ как тот, кто всей душой предан жертвенной деятельности. Силится ли он убить меня посредством Вед, Веданг и духовных практик - я вновь являюсь на свет среди неподвижных существ как тот, чей дух исполнен высшего покоя. Силится ли тот, чья сила в правдивости, убить меня своим терпением - я тут же превращаюсь в это самое состояние его духа, так что он даже не может меня заметить! Силится ли кто, стойкий в обетах, убить меня своим подвижничеством, - я возрождаюсь опять в этом самом его подвижничестве. Силится ли какой мудрец убить меня, устремившись к спасению, - перед ним, одержимым страстью к спасению, я пляшу и смеюсь над ним; ибо Я, Единый и Вечный, неуязвим для всех живых существ!".
18-21. Поэтому ты, о великий царь, направь это свое желание жертвоприношений со всевозможными дарениями в русло дхармы - и тогда все будет по-твоему. Соверши по всем правилам жертвоприношение коня с даяниями (брахманам), а также, как положено, прочие богатые жертвы с обильными дарами. Да не охватит тебя вновь отчаяние при виде убитых родичей; ведь тех, кто пали в этой битве, все равно тебе больше не увидеть (живыми). Соверши лучше великие и богатые жертвоприношения с обильными дарениями (брахманам); за это в мире людей ты обретешь славу и (после смерти) пойдешь наивысшим путем!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тринадцатая глава.

Глава 14
Вайшампаяна сказал:
1-5. Такого рода всевозможные речи подвижников, чье богатство составляет пыл подвижничества,136 успокоили царственного риши Юдхиштхиру, лишившегося в той битве родных. Утешили того великого правителя Все-прославленный Владыка,137 Кришна Двайпаяна и Девастхана. Нарада, а также Бхима, Накула, Кришна-Драупади, Сахадева и многомудрый Виджая138 вместе с другими мужами-тиграми139 и брахманами, глядящими на все с точки шастр, помогли царю избавиться от порожденного скорбью отчаяния, от тяжких душевных мучений. Царь Юдхиштхира воздал должное почитание богам и брахманам, затем совершил заупокойные обряды для (своих павших) родичей и стал, исполненный благочестия, править всею землею в пределах Океана.
6-11. Когда тот царь, потомок Куру, восстановил полностью свое царство и вновь обрел умиротворенность духа, обратился он к Вьясе, Наряде и другим (мудрецам) с такими словами: "О почтенные старцы, быки среди подвижников, вы так меня утешили, что я не вижу более даже самого малого повода для беспокойства. К тому же мне досталось огромное богатство, которое я употреблю на жертву богам. Возглавьте нас, о почтенные, и давайте вместе совершим жертвенный обряд. Тобою хранимые, о дед мой,140 достойнейший из брахманов, отправимся мы в Гималаи; ведь говорят, что этот край полон великих чудес! А Владыка141 вместе с боговдохновенным риши Нарадой и Девастханой преподадут нам в пути множество всяких душеполезных наставлений. Нельзя назвать несчастливым человека, который, пусть и попал в беду, но имеет зато таких великих наставников и друзей, известных как люди святой жизни".
12-17. После того, как сказал это царь, все великие риши, попрощавшись с ним, а также с Кришной и Пхальгуной,142 на виду у всех, не сходя с места вдруг исчезли. А великий царь, сын Дхармы, остался сидеть на том месте. Быстро пронеслось для них время, когда совершали они очистительные обряды в связи с убийством Бхишмы и погребальную церемонию, когда раздавали брахманам

несметные дары. Затем совершил Юдхиштхира вместе с Дхритараштрой погребальный обряд для всех кауравов, начиная с Бхишмы и Карны, о краса рода Куру! Раздав после этого несчетное богатство жрецам, бык-Пандава, пропустив вперед Дхритараштру,143 вступил в Город, носящий имя слона.144 Исполненный благочестия, он утешил Отца145 - Владыку, коему мудрость его служила единственным оком,146 и стал вместе с братьями править землей.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" четырнадцатая глава.

Глава 15
Джанамеджая сказал:
1. Когда покорена была Пандавами земля и умиротворено царство, чем занялись тогда два героя - Васудева и Завоеватель богатств,147 о достойнейший из дваждырожденных?
Вайшампаяна сказал:
2-11. Когда покорена была Пандавами земля и умиротворено царство, Васудева и Завоеватель богатств преисполнились ликования. Охваченные радостью, предавались они веселью в живописных рощах и в горах, на высоких плато и на величественных горных пиках, в прудах и реках - всюду странствуя, забавлялись они, словно два Владыки богов в небесах, словно Ашвины в роще Нандана.148 Особенно радовались и ликовали Кришна с Пандавой в Индрапрастхе, когда вошли они в тот восхитительный Дом собрания,149 о Бхарата! Вели они там беседу за беседой, повествуя друг другу всевозможные истории о битвах и о своих бедствиях, о царь! Рассказывали также, развлекаясь, два великих героя родословные богов или риши; (ведь они и сами были) двумя величайшими из древних риши!150 Кешава, всегда все в точности знающий, рассказывал Партхе чудесные истории, бесконечно разнообразные по содержанию и форме; этими рассказами Джанардана, "внук Шуры,151 старался утешить Партху, мучимого скорбью о сыне и бесчисленным (павшим) родичам. Обладатель великого подвижнического пыла, досконально знающий обычаи Сатвата152 подобающим образом утешил его и как бы дал ему передышку, приняв на себя бремя (его скорби). А в конце своего рассказа Говинда ласково и учтиво обратился к Гудакеше153 с искусно построенной речью.
12-18. "О Савьясачин,154 Утеснитель недругов! Благодаря мощи твоих рук вся эта земля покорилась царю - Сыну Дхармы! Спасибо мощи Бхи-масены и Близнецов155 за то, что ныне Юдхиштхира, Царь Праведности, всецело владеет землей, не зная соперников, о достойнейший из людей! В согласии с дхармой, о знаток дхармы, отвоевал царь это царство, в коем нет больше терния; в согласии с дхармой был убит в схватке царь Суйод-хана! Завистливые, находившие удовольствие в беззаконии, всегда злоречивые, злоумные - сыны Дхритараштры повержены вместе со всеми их родичами! И теперь под твоей защитой, - о Партха, опора рода Куру, - этот царь, супруг Земли, Сын Дхармы может безраздельно обладать всею умиротворенной Землею! Для меня радостно быть с тобой даже в лесах, о Пандава; насколько же радостней (видеть тебя) в окружении твоих подданных, обществе Притхи, о губитель недругов, а также царя - Сына Дхармы, и могучего Бхимы, и двух сынов Мадри - вот поистине в чем для меня высшее счастье!"
19-26. "Но пока я пребывал вместе с тобою, о безупречный бхарата, в прекрасных и святых чертогах твоего подобного небесному дворца, прошло очень много времени, как я не видел сына Шуры, Баладеву и других вриш-нийских героев,156 о Кауравья!157 И теперь захотелось мне отправиться в город Дваравати;158 соизволь же дать согласие на мой отъезд, о величайший из мужей! Когда царь Юдхиштхира был обуян скорбью, мы с Бхишмой то и дело занимали его всякими подходящими к случаю беседами. И Пандава, хоть и сам способен наставлять, внимал нашим поучениям; все сказанное ему полностью усвоил великий духом! Ведь поистине в Сыне Дхармы, знатоке дхармы, правдоречивом и праведном в поступках, всегда неизменно пребывают и дхарма, и правда, и высшее разуменье, и твердость! А потому, если ты согласен, о Арджуна, пойди к великому духом владыке людей и сообщи ему о том, что мы уходим. Я ведь не сделаю ничего неприятного для него, даже если мне грозила бы смерть, и уж подавно не преступлю его воли, когда дело касается всего лишь возвращения в Дваравати, о мощ-нодланный!".
27-31. "Я сейчас скажу тебе, радея лишь о благе твоем и удовольствии, сущую истину, без тени обмана, - о Партха, потомок Куру! Цель моего пребывания здесь уже достигнута, о Арджуна! Царственный сын Дхритараштры убит вместе с соратниками своими и приспешниками. Земля, которую царь (племени) куру наполнил всевозможными сокровищами, опоясанная океаном, со всеми своими горами, лесами и рощами признала над собой власть мудрого Сына Дхармы, - о Пандава, дитя мое! И пусть в согласии с дхармой познавший дхарму царь правит всею землей, и служат ему при этом великие духом сиддхи, и непрестанно воспевают ему хвалы придворные певцы, о бык-бхарата! Пойдем же сегодня вместе со мной к тому царю, умножающему величие племени куру, и попроси за меня, о тигр среди людей, чтобы позволил он мне вернуться в Двараку!".
32-33. "Это свое тело и все богатство, что было в моем доме, я всегда отдавал в распоряжение Юдхиштхиры, о Партха, - ибо многомудрый Юд-хиштхира, владыка племени куру, тоже неизменно являл мне свою любовь и почтение. Я не вижу, что еще, кроме общения с тобой, о мощнодланный, давало бы смысл моему дальнейшему здесь пребыванию; ибо земля по твоей воле, о Партха, передана (твоему) наставнику - добродетельному Юдхишт-хире!".
34. Выслушав эту речь великого духом Джанарданы, неизмеримо-доблестный Арджуна с трудом заставил себя произнести: "Да будет так!" - и воздал Джанардане подобающие почести, о царь!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятнадцатая глава.

ГЛАВЫ 16-50: АНУГИТА
Глава 16
Джанамеджая сказал:
1. Когда Кешава с Арджуной, сразив всех врагов, пребывали, великие духом, в том Доме собрания, - о чем они беседовали там, о дваждырож-денный?
Вайшампаяна сказал:
2-4. Вернув неделимым все свое царство, исполненный ликования Партха в том прекрасном Дворце собрания вместе с Кришной предавался забавам. Как-то раз оба они, веселые, в сопровождении родственников, забрели ненароком в один из залов того дворца, подобный залу (в райском дворце) на небесах. И Арджуна, сын Панду, наслаждаясь обществом Кришны и любуясь тем дивным дворцом, сказал такие слова:
5-7. "Накануне битвы, о мощнодланный сын Деваки, я зрел воочию твое величие и твой образ (Вселенского) Владыки. Но все, что ты из дружеского расположения соизволил поведать мне тогда,1 я забыл, о Кешава, ибо разум мой пострадал (от потрясений). Теперь снова пробудился у меня интерес к этим предметам, но ты собираешься уехать в Двараку - о почтеннейший владыка, Мадхава!"2
8-13. Услышав это, достойнейший из наделенных речью, вместилище великого духовного пыла Кришна обнял Пандаву и так ему ответил: "Я поведал тебе тайну, о Партха, я описал тебе извечную дхарму в ее истинном виде, а также все нетленные миры. Мне весьма неприятно, если ты не обрел просветления и не усвоил (сказанного). Значит, ты маловерен и неразумен, о Партха! А ведь я, возвестив тебе словесно о Брахмане, уместил в этом всю дхарму; больше я уже не смогу рассказать все это полностью! Ибо тогда я повествовал о высочайшем Брахмане, будучи погружен в йогу. А сейчас могу только поведать тебе одно древнее сказание, чтобы ты, обретя должное состояние сознания, пошел высшим путем. Слушай, о достойнейший из блюстителей дхармы, как я расскажу обо всем этом.
14-15. Как-то раз пришел из небесного мира один брахман, обладатель неотразимой духовной мощи, побывавший даже в обители Брахмы,3 о усмиритель недругов! Воздав ему должные почести, мы стали его расспрашивать, и вот слушай, сосредоточенно, не отвлекаясь, все, что он нам чудесным образом поведал, - о Партха, бык-бхарата!
Брахман сказал:
16-17. Опираясь на учение о спасении, из сострадания к живым существам, на погибель силе невежества я поведаю тебе полностью, о Кришна, то, о чем ты меня просишь. Сосредоточенно выслушай, о Мадхава, то, что я тебе расскажу.
18-27. Как-то раз брахман по имени Кашьяпа, преданный подвижничеству и достойнейший из знатоков дхармы, встретил некоего дваждырож-денного, обретшего знание всех дхарм. В совершенстве и великом многообразии постиг и различал он все, связанное с возникновением и гибелью (существ), был искушен в сути всех мирских дел, в природе и блаженства, и страдания. Он знал тайны рождения и смерти, тонкости святости и греха; прозревал, какая участь уготована существам, пребывающем в высокой или низкой телесной оболочке, их деяниями. Достигнув йогического совершенства, он жил, как (прижизненно) освобожденный; обуздав чувства, обретя ясность сознания, сияя величием Брахмана, странствовал он повсюду. Обладая даром невидимости, он любил путешествовать, сопровождаемый свитой таких же невидимых сиддхов,4 сидеть с ними где-нибудь в уединении за беседой, или же скитаться где попало, будучи ни к чему не привязанным, словно ветер. Проведав правду о нем, достойнейший из дваждырожденных, многомудрый

подвижник Кашьяпа, возлюбивший праведность, внутренне сосредоточенный, явился тогда к нему и, исполненный благоговейной преданности, коснулся его стоп.5 Пораженный видом этого удивительного брахмана, окруженного свитой последователей, Кашьяпа воздал ему почести, как наставнику - обладателю знания. С радостью поступив к нему в ученичество, невзирая на то, что сам уже был достаточно учен и известен праведной жизнью, Кашьяпа, в преизбытке обладающий пылом подвижничества,6 ублаготворял его со всем уважением, какое подобает выказывать наставнику! И тогда - как наставник с учеником, довольный и умиротворенный, заговорил с ним (тот брахман) о высшем совершенстве. Услышь от меня, что он сказал, о Джанардана!
28-36. "Благодаря всевозможным деяниям, благодаря личным заслугам благочестия обретают смертные, о сын мой, (новую) участь в этом мире или блаженство в мире богов. Но нигде нет вечного блаженства, и нигде пребывание не вечно; и из высочайшего положения вновь и вновь низвергается (человек), обретая страданье. За то, что я предавался греху, пришлось мне, обуянному желаньем и гневом, помраченному жаждой, пройти через самые нечистые и жалкие участи. Снова и снова я умирал, снова и снова рождался, всевозможную пищу вкушал, сосал из разных грудей, видел многих разных матерей и всякого рода отцов, познал и всяческие наслаждения, и страдания, о безупречный! Сколько раз я бывал разлучен с вещами приятными и сталкивался с неприятными, скорбел о потере богатств, нажитых ценою тяжких лишений! Терпел от чужих и от близких жестокие унижения! Страдал от сильнейших болей, телесных и душевных! Сносил страшные оскорбления, подвергался плену и убийству, проваливался в ад, в царстве Ямы принимал наказание! Постоянно подвергался старению, болезням; многократно менял телесные оболочки! Вкушал в этом мире все страдания, неизбежные, если в сознании сохраняются пары противоположностей!
37-43. Но однажды я, униженный и измученный несчастьями, из отвращения и из духа противоречия отверг законы этого мира - и вот достиг совершенства по своему лишь изволению! Я больше не вернусь в этот мир, моему взору открыты ныне все миры - до мира совершенных и мира Творца существ; мне уготована блистательная посмертная участь! Поскольку я достиг столь высокого совершенства, то (после смерти) пойду в тот мир, что над нами, а оттуда - в еще более высокий, в неколебимую обитель Брахмана; верь мне, так и будет, о лучший из дваждырожденных! Я больше не вернусь в этот мир смертных, о великий мудрец, преисполненный пылом подвижничества;7 скажи, что я могу сделать для тебя? Пришло время исполнить то желание, которое и привело тебя сюда. Я ведь знаю, ради чего ты пришел ко мне.8 Уже совсем скоро мне придется оставить сей мир: поэтому я и поторопил твой приход. Ты весьма угодил мне своим учтивым обхождением, о благоразумный! Спрашивай, о чем хочешь, - я на все готов тебе ответить! Я высоко чту и уважаю твое разумение; это благодаря ему ты удостоил меня вниманием, почтенный! Ибо ты проницате-лен, о Кашьяпа!".
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестнадцатая глава.

Глава 17
Васудева сказал:
1. И тогда, припав к его стопам, стал Кашьяпа задавать всякие наитруднейшие вопросы. А достойнейший из блюстителей дхармы отвечал ему.
Кашьяпа сказал:
2-4. Как тело погибает? Как (другое) возникает? Как, бесконечно перерождаясь, (человек всё же) освобождается из мучительной сансары?9 Как, привязавшись душой к этому телу, он его покидает? И почему, от (одного) тела освободившись, обретает другое? И как этот человек вкушает (плод) собственных благих и дурных деяний? И где деяние пребывает, пока он не имеет тела?
Брахман сказал:
5. И вот, по его настоянию, совершенный10 ответил на эти вопросы по порядку:11 внемли, Варшнея, я передам тебе все это!
Совершенный сказал:
6-13. Действия, продлевающие жизнь и приносящие славу, которые совершает он в этом мире, после того, как обрел иное тело, (рано или поздно) все исчерпываются. И он, чей дух помрачен (мыслями о скором) конце жизни, совершает (действия) противоположной направленности,12 ибо разум его меркнет ввиду предстоящей гибели. Не зная своей природы, своей силы, не думая об уместности своих действий, не владея собой, все время он из-за этого испытывает неприятности. И предается он всему, что для него вредно: то ест чрезмерно много, то не ест ничего; ест пищу испорченную или грубую, или такую, составляющие которой не сочетаются друг с другом; ест пищу тяжелую или однообразную; приступает к еде, не переварив (прежде съеденного). Он подвергает себя чрезмерным физическим нагрузкам или предаётся половым излишествам; или, постоянно устремленный к внешней активности, подавляет естественные позывы (тела). Он ест слишком сочную пищу, привыкает к дневному сну - и сам, хоть и не приспело, не пришло еще для этого время, возмущает в себе гуморы.13 От возмущения гуморов приключается ему болезнь со смертельным исходом; или же он сам кончает свою жизнь неестественным образом: вешается, например.
14-20d. Вот по каким причинам из тела живого существа уходит жизнь: слушай и усвой это, как следует! Природный жар14 в теле возмущается и, нагнетаемый "свирепым ветром",15 заполняет собою все тело и сковывает праны.16 Знай, что будучи чрезмерно возмущен в теле, этот великий жар разрывает жизненные центры,17 в которых пребывает душа.18 И тогда душа, испытывая страдание, тотчас исходит (из тела), покидает (его). Знай, о достойнейший из дваждырожденных, что при разрыве19 жизненных центров (всякое) существо, не в силах вынести объявших душу страданий, оставляет тело. Все живые существа бесконечно претерпевают рождение и смерть; мы видим, как они оставляют свои тела, о бык-брахман, - но и по вселении в (новую) утробу жизненные центры подвергаются сильнейшему потрясению, и человек испытывает точно такие же страдания.20 Затем человек, чьи со-члененья повреждены,21 ощущает влажность вод22 и вступает в соединение с пятью элементами.23
20e-27. Ветер, распределенный в пяти элементах, а также в пране и апане, бывает возмущен в теле (также) вследствии холода; и тогда, гонимый "свирепым ветром", он устремляется вверх, освобождая воплощенного от страданий. И покидает тело, и (оно) предстает взору бездыханным. А когда человек лишается тепла, дыхания, красоты и сознания, когда оставляет его Брахман,24 то о нем говорят: "Умер". По тем каналам, через которые (прежде) облеченный в тело воспринимал предметы чувств,25 не воспринимает он (ныне даже) порождаемое пищей жизненное дыхание. Тот вечный Джива,26 который действует в теле, с каким (местом в теле) ни сочетается, где в момент кончины ни (окажется), то (место) и знай как "жизненный центр",27 ибо таковым полагают его шастры. Когда же эти жизненные центры поражены, то он, учиняя (в теле) возмущение, проникает в сердце живого существа и тотчас же пресекает деятельность сознания; и существо, хоть и сохраняет способность сознания, ничего не сознает.28 Мрак (неведения) скрывает знание, окутывает жизненные центры; душа лишена (теперь всякой) опоры, и ее колеблет ветер. Затем она, вместе с резким, глубоким и страшным выдохом стремительно исходит из бесчувственного тела, сотрясая его.
28-31. Той душе, вышедшей из тела, сопутствуют ее деяния; она несет отметины своих благих заслуг, и грехи тоже следуют за ней. Брахманы, обладающие Знанием и в совершенстве постигшие установления ведийской мудрости, по приметам распознают, обладает ли та душа благой заслугой, или нет. Как люди, обладающие обычным зрением, видят во тьме то вспыхивающие, то тающие огоньки светлячков, точно так же люди, достигшие духовного совершенства, наделенные "оком Знания", благодаря дару "чудесного зрения" могут видеть, как душа исходит, как рождается и как проникает в (новое) лоно.
32-34. Шастры свидетельствуют, что в этой вселенной есть три различных сферы. Наша земля, на коей обитают существа, пока они живы, есть сфера совершения деяний. И все воплотившиеся, совершая добрые и злые дела, вкушают в этом мире всякие следствия, хорошие или плохие, соответственно своим делам. Всякий же, кто совершает недобрые дела, низвергается в ад; и там, вися вниз головой, грешник печется на огне. Трудно оттуда спастись, а потому надо всеми силами беречь (от ада) свою душу!
35-39. Теперь же я воспою тебе, следуя истине, те обители, куда попадают существа, когда поднимаются отсюда наверх: слушай внимательно! Выслушав это, ты обретешь окончательное, самое достоверное знание о деянии. Те, что видны нам в форме звезд, и составляют свиту Месяца; те, что сияют собственным светом и видны миру в окружении Солнца - знай, это все суть обители мужей, совершавших благие дела. Но когда иссякнет заслуга, приходится всякий раз покидать их! Кроме того, и на небе есть различия в положении: у одного - низкое, у другого - высокое, у третьего - среднее. И видя, что чей-то ореол сияет еще ярче, даже там не находит человек удовлетворения. Ну вот, я и описал тебе по отдельности всякие посмертные участи. Вслед за этим расскажу тебе теперь об образовании зародыша. Слушай внимательно, как я буду описывать тебе все по порядку!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семнадцатая глава.

Глава 18
Брахман сказал:
1-3. Не пропадают деяния в этом мире, ни добрые, ни злые; каждое (словно семя), падает на свое поле и там вызревает. Дерево плодоносное при сборе урожая дает обильный плод; так же и содеянное с чистым сердцем29 дает заслугу обильную. А совершенное

со злым сердцем приносит такой же (обильный) грех. Ибо в этом мире (так заведено, что) личность совершает действия, повинуясь руководству сердца (как родового жреца).30
4-7. Дальше слушай о том, как человек, обуянный страстью и гневом,31 проникает в лоно, указуемое его (прежними) деяниями. Семя, смешавшись с кровью женщины, входит в утробу и тем самым обретает свое "поле" - благое или неблагое, в зависимости от (прежде совершенных) деяний. В силу своей тонкой природы и причастности к Непроявленному, обретя тело - (обиталище) Брахмана, (оно) ни к чему там не привязывается, потому оно и есть вечный Брахман, Семя всего живого, То, чем живут все существа! Этот джива входит во все части тела зародыша, одну за другой, и тотчас начинает руководить (ими) посредством сознания,32 сам пребывая во вместилищах пран.33 Поэтому тот зародыш обретает сознание34 и шевелит (разными) частями тела.
8-10. Как расплавленное железо, вылитое в форму, принимает облик статуи, - точно так же, знай, входит джива в зародыш! Как огонь, войдя в железный шар, раскаляет его докрасна, точно так, знай, проявляет себя в зародыше джива!35 Как светильник, горящий в укрытии, (все внутри) озаряет, - точно так тела озаряются сознанием!36
11-13. Какое бы деяние, благое или неблагое, не совершил он, находясь в прежнем теле, - все это теперь помимо своей воли вкушает. Когда эта (карма) исчерпывается - новая накапливается, до тех пор, пока не познает он дхармы, состоящей в йоге и ведущей к спасению. Сейчас я поведаю тебе,
о достойнейший, дхарму, с помощью которой тот, кто кружится в бесконечных перерождениях, может обрести счастье.
14-21. Даяние, принятие обетов, (прежде всего) брахмачарьи,37 а также самое строгое их соблюдение, обуздание (чувств), умиротворенность (сознания) и сострадание к живым существам, самоограничение, незлобивость, отвращение к присвоению чужого, воздержание от подлых поступков по отношению к кому бы то ни было на этой земле, послушание отцу с матерью, почитание богов и гостей, почитание учителя, доброта, чистота, постоянный контроль над органами действия и восприятия, а также неуклонное совершение добрых дел - вот что зовут образом жизни праведных! Из этого рождается дхарма, извечная, хранящая все живое от бед. Ее всегда надо искать среди праведников, ибо там она неизменно пребывает. Образ жизни, которому следуют праведники, и называется дхармой. То, что между ними заведено, и есть вечная дхарма. Кто ей приобщился, уже не ступит на стезю погибели. Она (одна) удерживает на путях праведности людей, погрязших в заблуждении. Однако, йогин и освобожденный - выше всего этого. Даже если человек досконально следует дхарме, очень много времени потребно для того, чтобы он мог преодолеть сансару.
22-28. Вот так всякое живое существо встречается (в новом рождении) с последствиями своих прежних деяний. Именно это и служит причиной того, что оно претерпевает приход свой в этот мир!38 Смущает людей вопрос: кем это изначально было заведено, что (джива должен) воплощаться в теле? Сейчас я расскажу тебе об этом. Сотворив сначала собственное тело, Прародитель всего живого Брахма создал этот тройственный мир со всем движущимся в нем и недвижимым. Затем сотворил он Прадхану,39 которая есть сознание40 всех воплощенных в теле, которой объят весь мир и которую знают как Высшее в мире. То, что здесь - называется тленным, а то, иное (может быть) бессмертным или нетленным: из этой триады (лишь) пара имеет отношение к каждому отдельному живому существу.41 Первосотворенный Праджапати породил все (живые) существа и все неподвижные создания - так гласит изначальное шрути. И установил Прародитель для дживы (правила) возвращения (в этот мир), перевоплощения в виде различных существ, а также временные пределы (для этого).
29-34. Все, что я (тебе) поведаю, соответствует истине, как (слово) человека умудренного и обретшего еще в прошлом рождении знание Атмана. Кто ни в горе, ни в счастье не меняется, прозревая их преходящий характер; кто знает, что тело есть скопище скверн, и гибель его предустановлена прежними деяниями; кто помнит, что всякая радость оборачивается (после) страданием, - тот способен переправиться через страшное, непреодолимое море сансары! Кто познал Прадхану, тот, даже подвергаясь рождениям, смертям и болезням, видит Разум42 живущим во всех сознающих существах! Но затем, устремляясь к высшему состоянию, он утрачивает интерес ко всему иному. Я преподам тебе, как должно, наставление об этом, о достойнейший! Внемли, о брахман, и я изложу тебе полностью все высочайшее знание о Вечном и Непреходящем.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восемнадцатая глава.

Глава 19
Брахман сказал:
1-13. Кто привержен "узкому пути",43 достиг удовлетворенности, избавился от всяких мыслей и шаг за шагом отрешается от всего прежнего - тот (поистине) становится "бездействующим".44 Всему дружественный, все готовый претерпеть, со всеми любезный, обуздавший чувства, не ведающий страха и гнева, истребивший в себе желания, - (такой) человек обретает спасение. Кто ко всем существам относится так же, как и к самому себе, кто чист и самообуздан, лишен самомнения и тщеславия - тот, поистине, освободился от всего. Кто безразличен к жизни и смерти, счастью и страданию, обретению и потере, любви и ненависти - тот достигнет освобождения. Кто не желает ничего чужого, никого не презирает, чья душа свободна от страстей, кто поднялся над парами противоположностей - тот, поистине, освободился от всего! Для кого не существует нигде ни врагов, ни близких, ни потомства; кто отрешился от долга, житейской пользы и чувственных радостей, кто более ни к чему не стремится - тот достигнет освобождения! Кто не соблюдает более дхармы и не нарушает ее, кто уничтожил всю свою прежде накопленную (карму), кто к моменту разрушения телесных элементов достиг ясности духа,45 кто поднялся над парами противоположностей, - тот освобождается! Кто не совершает более действий и избавился от желаний, кто видит, что этот мир преходящ, подобен (перевернутой) ашваттхе46 и рождениями в круговороте сансары постоянно ввергается в заблуждение; чей разум проникнут отрешенностью; кто неусыпно оберегает себя от скверны всякого беспокойства - тому не требуется много времени, чтобы избавить Атман от оков! Кто видит Атман ли-шенным запаха, вкуса, осязаемости, звука, чувства собственности, лишенным формы и непознаваемым - тот спасается! Кто зрит его отъединенным от свойств пяти первоэлементов, не имеющим образа, незапятнанным, не состоящим из гун,47 но являющимся вкусителем их - тот обретает спасение. Умом оставив всякие побуждения, как телесные, так и душевные, он постепенно приходит к нирване (угасанию), как огонь, лишенный топлива.48 Избавившись от всех сан
скар,49 он затем приходит к высшему, вечному Брахману, исполненному покоя, неколебимому, чудесному, Нетленному.50
14-22. Теперь я тебе поведаю высшее, непревзойденное учение йоги; постигнув его, йогины прозревают во всех людях Атман в его совершенстве. Мне открыто это наставленье; прими же его от меня по всем правилам! Вот через какие врата должен непременно пройти (человек), чтобы узреть в себе Атман. Подчинив своей воле органы чувств, он должен обратить сознание51 внутрь себя и, пройдя прежде через суровое подвижничество, должен затем предаться йогическому сосредоточению. Тот мудрый брахман-подвижник, отрешившийся от всяких умышлений, отринувший всякий обман и самость, мысленно созерцает в себе Атман. И если этот праведный человек способен к созерцанию в себе Атмана, то, созерцая в уединении, он видит в себе Атман.52 Всегда самообузданный, преданный йогин, владеющий собой, подчинивший (своей воле) органы чувств, этот святой теперь прозревает своим духом Атман. Как человек, увидев (другого, незнакомого ему человека) во сне, (бывает), встретит (его потом наяву и узнает:) "Это он!", точно так же и этот погруженный в йогу праведник, (выйдя из йогического созерцания), прозревает потом (во всем окружающем) лишенный зримой формы Атман. Как человек, извлекший из мунджа сте-бель,53 может после показать (другим, где он скрыт в кусте этой травы), так же точно и йогин, раз выявив в себе Атман, потом (всегда) прозревает его в теле.54 Тело его называют (в данном случае) "мунджа", а стебель обозначает Атман. Люди, постигшие йогу, считают этот пример самым лучшим.55
23-30. Когда же облеченный в тело правильно созерцает уловленный йогой Атман, то никто тогда над ним не властен, даже сам Владыка тройственной вселенной!56 По своему желанию вселяется он в разные тела, одно за другим; вновь и вновь встречаясь с рождением и смертью, он не радуется и не печалится. Преданный йоге, властный над собой, он может стать даже богом над богами; и, оставив бренное тело, он приходит к непреходящему Брахману. Когда все миры гибнут, он не ведает страха; когда все живое страдает, он не испытывает ни малейшего страдания. Ужасные следствия пристрастия и привязанности, состоящие в страда-нии и скорби, не могут поколебать того, кто погружен в йогу, отрешился от всех желаний, чье сознание умиротворено.57 Не берет его никакое оружие, и смерть ему не страшна; и нигде в мире не найдется человека, счастливее его. Когда он, должным образом погруженный в йогу, созерцает в себе Атман, тогда не может быть у него зависти даже к самому Инд-ре. Но и презрение к миру не пристало подвизающемуся.58 Слушай теперь, как возлюбившему уединение (подвижнику) надлежит предаваться йоге.
31-35. Вернувшись мыслью в ту страну, где уже ранее побывал, в каком граде не поселится, пусть манас его будет внутри того града, а не вовне. И, пребывая внутри града, в какой келье он не поселится, манас его, устремленный на внешнее или внутреннее, пусть не покидает той кельи. Объяв мыслью всю ту келью, в какое тело он ни вселится, манас его пусть пребывает в том теле, ни в коем случае не вне его. Взяв под контроль совокупность индрий,59 в тихом, безлюдном лесу, полностью сосредоточенный, да обозрит он мысленно всю внутренность тела. Пусть представит себе зубы, нёбо, язык, горло, шею, сердце, а также "узилище сердца".60

36-41. Услышав это,61 смышленый ученик стал тогда задавать новые вопросы, относящиеся к учению об освобождении, которое так трудно облечь в слова, о Губитель Мадху!62 "Всякий раз, когда мы едим, - как пища переваривается в желудке? Как превращается в соки, как становится кровью? Как жир питает собой мясо, жилы и кости? Как все эти тела телесных существ возрастают? Как у растущего прибывает сила? Как выводятся прочь (вещества), не прибавляющие силы, а также отдельно - все нечистоты? Как человек вдыхает и выдыхает? И какая область тела служит опорой для Атмана, пребывающего внутри нас? Когда джива движет, заставляет шевелиться послушное тело, когда он поселяет в нем разум - как оно выглядит? Какого оно цвета? Поведай мне это по всей истине, о безгрешный владыка!" И не все вопросы того брахмана я63 ответил так, как сам слышал, о мощнодланный Мадхава, Губитель недругов!
42-47. Как некто, спрятав (ценности) в кладовую, должен обратить все помыслы на (сохранность своего) сокровища, - так джива, через различные "врата" введя сознание в тело, должен (сразу) устремиться к Атману, отринув всякую беспечность. Неустанно таким образом подвизаясь, весьма скоро, умиротворенный, достигает он Брахмана, узрев который становится затем знатоком Прадханы. Не воспринять его оком, ни даже всеми органами чувств; только светильник манаса озаряет в душе Великого.64 Со всех сторон у него руки и ноги, со всех сторон - головы, лица, глаза; джива видит того Атмана как бы извлеченным из тела (словно стебель мунджа65). И тогда, отринув тело, он предается созерцанию Атмана, помня о том, что это - Единственный Брахман, и как бы посмеиваясь в душе (над своими прежними заблуждениями). Вот и возвещена мною тебе вся эта тайна, о лучший из дваж-дырожденных! С твоего позволения, я удалюсь; и ты, ученик мой, ступай, куда хочешь!
48. Услышав мои слова, тот, обладавший великим подвижническим пылом брахман-ученик, избавившийся теперь от всех сомнений, пошел, куда ему было угодно.
Васудева сказал:
49-60. И, сказав мне эти слова, тот бык среди брахманов, надлежаще приверженный учению о спасении, - не сходя с места, исчез, о Партха! Выслушал ли ты (на сей раз) мои слова с полным сосредоточением сознания? Ведь и тогда, на колеснице, я говорил тебе о том же! Я знаю, о Партха, что нелегко постичь это человеку невнимательному, своекорыстному, умственно и духовно не совершенному. Эта благая тайна богов не была еще возвещена ни одному смертному, кроме тебя, о бык-бхарата! И ни один другой человек, кроме тебя, о безгрешный, не достоин услышать её! Даже теперь, (когда она уже открыта людям), нелегко постичь её человеку с рассеянным умом! Ведь люди совершают жертвенные обряды, дабы в награду за них достигнуть мира богов; боги же не заинтересованы в том, чтобы люди покидали мир форм. А извечный Брахман есть высший удел, о Партха; в нем обретают бессмертие и, забыв печаль, вкушают неизменное блаженство. Даже те, кто зачаты в грешных лонах, женщины, вайшьи и даже шудры,66 если только они указанным способом следуют дхарме, - обретают тот высший удел.67 Что уж и говорить о брахманах или многознающих кшатриях,68 которые ревностно блюдут предписания своей дхармы и устремлены только к миру Брахмана! Эта (цель) указана со (всеми возможными) обоснованиями, описаны средства для её достижения и венчающий дело плод, каковым является спасение и ясное осознание (этого мира как обители) скорби. Может ли быть иное блаженство выше этого, о бык-бхарата! Человек просвещенный, исполненный веры и отважный, если отринет, как ни на что не годное, всё мирское знание,69 - то может, о Пандава, используя эти средства, в очень короткий срок достичь высшей цели. Так подобает рассказывать об этом, и не нужно ничего сверх этого. Стоит лишь человеку провести в неустанных духовных упражнениях шесть месяцев - и начинается (истинная) йога, о Партха!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" девятнадцатая глава.

Глава 20
Васудева сказал:
1-4. Здесь обычно рассказывают, о Партха, древнее сказание о беседе одной супружеской пары; и называют (его) "Прогоняющим страх". Одна брахманка своему супругу - брахману, полностью постигшему все (высшее) знание и всю (практическую) мудрость, как-то раз, когда он в уединении предавался созерцанию, сказала: "Какой (посмертный) мир уготован мне, если в этом я завишу от своего мужа, а ты, муж мой, сидишь (неподвижно), перестал совершать обрядовые действия, (ко мне) жесток и безучастен! Нас учили, что жены идут в те миры, которые обретают их мужья. Мне достался в супруги ты - какая же ждет меня посмертная участь?"
5-17. На эти слова он, достигший ясности духа, отвечал ей с улыбкой: "Я не обижаюсь на твои слова, о счастливая!70 Всякое действие, о безупречная, которое может быть схвачено,71 увидено или услышано, рассматривается действующими как действие (приносящее кармический плод). Люди, лишенные мудрости, посредством действия лишь усиливают свое заблуждение. В этом мире для воплощенных не бывает состояния бездеятельности. Живые существа от самого рождения до расставания с телом всегда действием, мыслью или словом вырабатывают благие или дурные кармические следствия. Тогда как все действия, предполагающие использование зримых объектов, повреждаются бесами,72 - я прозрел в самом себе, благодаря тому Атману, обиталище, где пребывает Брахман, чуждый всякой двойственности; где Сома73 вместе с Агни; где входит (в тело) тот Мудрый, что поддерживает все живые существа,74 где (боги), во главе с Брахмой, погруженные в йогу, а также мудрецы - исполнители суровых обетов, духовно умиротворенные, победившие чувства, поклоняются Непреходящему.75 Не обоняется Оно обонянием, не вкушается языком, не ощущается осязанием - но постигается манасом. Не познаваемое зрением, Оно - за пределами слуха, не имеет ни запаха, ни вкуса, ни осязаемости, ни формы, не подвластно разрушению. Из него разворачивается весь набор (элементов),76 в нем же он имеет свою опору. Отсюда исходят и сюда возвращаются прана, апана, самана, вьяна и удана; причем прана и апана движутся между саманой и вьяной. Когда человек спит, самана и вьяна исчезают, а между праной и апаной пребывает, все объемля собой, удана; и потому прана с апаной не покидают спящего. Уданой называется тот (вид дыхания), который контролирует (все остальные) праны;77 потому устремленные к Брахману предаются подвижничеству, основанному на удане.
18-27. Среди этих, друг друга пожирающих, по всему телу блуждающих (пяти ветров) помещён в глубине Агни Вайшванара,78 имеющий семь форм. Нос, язык, глаза, кожа, уши - вот пять, а с манасом и буддхи79 - семь языков пламени Вайшванары. То, что обоняется, то, что вкушается, то, что видится, то, что осязается, то, что слышится, а также то, что воспри-нимается (манасом) и что познается (буддхи) - вот семь видов топлива для меня!80 Тот, кто обоняет, тот, кто вкушает, тот, кто видит, тот, кто осязает, пятое - тот, кто слышит, а также тот, кто воспринимает, и тот, кто познает81 - вот семь верховных жрецов. Умудренные жрецы, возжигая приношения семи видов семью подобающими способами на семи огнях: то, что обоняется, то, что вкушается, то, что видится, то, что осязается, то, что слышится, и прочее - способны порождать (потом) все эти (объекты восприятия) в подобающих им лонах.82 Земля, ветер, вода, пятый - свет, а также манас и буддхи - вот те семь, что называют лонами. Став жертвенным приношением, все гуны входят в уста, образуемые Огнем; и, побыв некоторое время в этом обиталище, затем рождаются в своих лонах. Там же бывают они заключены во время гибели мира и (нового) сотворения живых существ.83 Отсюда рождается запах, отсюда рождается вкус, отсюда рождается зримая форма, отсюда - осязаемое касание, отсюда - звук; отсюда рождается сомнение, отсюда - твердое решение.84 Это называют семиричным рождением. Таким вот образом постигли это древние. Исполнив жертвенные возлияния "полным ковшом",85 преисполнились они духовного сияния.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двадцатая глава.

Глава 21
Брахман сказал:
/-4. Здесь обычно рассказывают еще одно древнее предание. Слушай о том, по какому уставу (совершают) в этом мире (свой обряд) десять жрецов.86 Этот мир должен быть познан. Мысль направлена к познанию. Для (грубого) тела его носителем является семя. Познающий - носитель (тонкого) тела.87 Носителем тела (является также) огонь гархапатья; от него затем производится другой - ахавания,™ на который возливают жертвенное масло. Затем родился Владыка речи; а сознание89 его созерцает. (Сперва) становится явленной форма, а сознание следует за ней.
Брахманка сказала:
5-6. Почему речь была первой, а сознание было после? Ведь, прежде чем явиться, речь сперва мыслится сознанием. Что это за способность знания, благодаря которой в уме утверждается мысль? А когда ее, как ни старайся, не высказать, - кто ей мешает?
Брахман сказал:
7-18. Апана, став над нею владыкой, делает ее, в силу этого, причастной природе апаны.90 Ее называют мыслью, (остающейся) в сознании. Вот почему "сознание (ее) созерцает". И к вопросу, что ты задала мне, о (соотношении) речи и сознания, я тебе ещё расскажу, какой между ними был спор. Речь и манас, придя вдвоём к Бхутатману,91 спросили: "Скажи, из нас двоих - кто важнее, разреши наши сомнения, владыка!". "Манас (важнее)", - молвил тогда Бхагаван, обращаясь к Сарасвати.92 "Но не я ли для тебя -

корова, доящаяся желаемым?"93 - воскликнула, обращаясь к нему, Речь. "Знай же, - (отвечал он), - что у меня есть два манаса: устойчивый и подвижный. Устойчивый принадлежит моей сфере, подвижный - в твоих владениях. Всё, что в твои владения попадает, будь то мантра, буква или звук, - всё это именно подвижный манас; поэтому ты важнее (его).94 Если ты (скажешь): "Не буду говорить!" и обратишься сама в себя, о прекрасная, то, хотя и будет выдох исходить (из тела), тебя в нем не слышно будет, о Сарасвати!". Богиня Речь всегда раньше пребывала между праной и апаной; (но однажды), лишенная праны, она осталась только с апаной, и вот, побуждаемая к действию, (но не в силах действовать), устремилась она, о наделенная великой долей, к Праджапати (с мольбой): "Смилуйся, Бхагаван!" Тогда явилась прана и вновь наполнила собой (звуки) речи. Вот почему не всегда в дыхании звучит речь. Она бывает либо звучащая, либо беззвучная. Из этих двух беззвучная речь выше звучащей. Как корова, исполненная превосходнейших качеств, дает молоко, - так она, возвещающая о Брахмане, доится Вечностью. Эта корова санскритской речи95 обладает как божественным, так и мирским могуществом, о женщина с ясной улыбкой; познай разницу между этими двумя её параллельно проявляющимися, тонкими (формами)!
19. Когда она была томима желанием изречь слова, но не могла их произнести, что сказала тогда, в начале времен, богиня Сарасвати?
20-21. "Та, что порождается в теле праной, затем от праны переходит к апане; ставши уданой, покидает тело и, вместе с вьяной, объемлет всё небо, - после этого пребывает здесь, в самане", - так она некогда изрекла. Поэтому манас избегает неподвижности, тогда как Богиня (Речи напротив) чуждается подвижности.96
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой"Махабхараты" двадцать первая глава.

Глава 22
Брахман сказал:
1-3. Здесь обычно рассказывают, о счастливая, древнее предание - о том, каким в этом мире бывает "обряд семи жрецов". Нос, око, язык, кожа и ухо - вот пять, а с манасом и буддхи их семь жрецов-хотаров,97 действующих обособленно друг от друга; [ведь,] пребывая в тонком пространстве, они друг друга не видят. Знай, о прекрасная: это они, в силу своей исконной природы, [выступают как] семеро жрецов.
Брахманка сказала:
4. Почему они, пребывая в тонком пространстве, друг друга не видят? И какова у каждого из них эта "исконная природа", об этом поведай мне, владыка!
Брахман сказал:
5-13. Нельзя познать (объект), не зная (его) свойств; познание есть знание о свойствах объекта. Эти же (семеро) не распознают свойств друг друга. Язык и око, а также ухо, кожа, манас и буддхи не воспринимают запахов: их воспринимает нос. Нос и око, а также ухо, кожа, манас и буддхи не ощущают вкуса: вкус различается языком. Нос и язык, а также око, ухо, буддхи и манас не воспринимают форм: формы различаются оком. Нос и язык, а также око, ухо, буддхи и манас не ощущают касаний: касания воспринимаются кожей. Нос и язык, а также око, кожа, манас и буддхи не воспринимают звуков: звуки воспринимаются ухом. Нос и язык, а также око, кожа, ухо и буддхи не ощущают сомнений: сомнения ощущаются манасом. Нос и язык, а также око, кожа, ухо и манас не ощущают уверенности: уверенность ощущается буддхи. Здесь обычно рассказывают такое древнее предание о беседе индрий (органов чувств) с манасом, о красавица!
Манас сказал:
14-17. Без меня нос не обоняет, язык не различает вкуса, око не воспринимает формы, кожа не чувствует касаний; без меня ухо не может воспринять звука. Поэтому у всех живых существ я - изначальный и главный (орган). Словно опустевшие дома, словно костры, в которых угасло пламя, лишены без меня красоты и блеска органы чувств! Без меня все живые существа не в силах воспринимать свойств, как бы не напрягали они при этом свои органы чувств; так (костер нельзя разжечь, если) поленья наполовину сухие, наполовину мокрые.
Индрий сказали:
18-23. Твоя точка зрения была бы истинной, о господин, когда бы ты был способен без нас испытывать приятные ощущения, являющиеся нашими предметами. Ты был бы прав, господин, если бы мы (вдруг) пропали, а ты (по-прежнему) получал бы удовлетворение, поддерживал (свою) жизнь, испытывал ощущения, наслаждался. Или если бы мы (вдруг) пропали, а объекты наши продолжали существовать, и ты мог бы одним лишь усилием ума получать обычное наслаждение от их восприятия. Если же ты считаешь, что тебе постоянно дана некая чудесная власть над нашими предметами, тогда (попробуй) воспринять носом - форму, оком - вкус, ухом - запах, языком - уверенность, кожей - звук, а посредством буддхи - касание. Ибо для сильных нет правил, правила существуют для слабых. Так вкуси наслаждения, прежде не испробованные; тебе ведь не подобает вкушать остатки (от чужой трапезы)!
24-27. Но как ученик ради (изучения) Вед приходит к наставнику и, от него восприняв священные тексты, получает доступ к их смыслу, - так и ты устремляешься (лишь) к (тем) объектам, которые мы тебе показываем: в прошлом или в будущем, во сне или наяву. Ведь и те, кто рассудок потеряли,98 и (от природы) умом убогие, - и они, мы видим, поддерживают свою жизнь, если только мы взаимодействуем с объектами. Да и сам ты, сколько бы ни порождал фантазий, не предавался грёзам, а как замучит тебя жажда - так устремляешься к (нашим) объектам!
28-29. Кто наслаждается лишь в воображении, не воспринимая объектов, - тот словно оказался в помещении без дверей; и когда иссякнут праны, его ждет неминуемая гибель - так огонь угасает, когда кончатся дрова. Пусть мы связаны каждый со своими соответствующими свойствами; пусть мы не способны воспринимать свойства, (специфичные для) другого. Но без нас ты не можешь ничего воспринимать, и без нас не вкусить тебе наслаждения!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двадцать вторая глава.

Глава 23
Брахман сказал:
1-2. Здесь обычно рассказывают, о счастливая, древнее предание - о том, каким бывает в этом мире "обряд пяти жрецов". Прана с апаной, удана, самана и вьяна - вот пятеро жрецов, которых мудрые чтут как (жрецов) наивысшего ранга.
Брахманка сказала:
3. "В силу исконной природы - семеро жрецов" - так ты полагал прежде. Почему же (теперь) "пятерых жрецов" (ты относишь) к высшему рангу - разъясни это!
Брахман сказал:
4-6. Праной собранный ветер становится затем апаной; в апане собранный ветер потом действует (как) вьяна. Когда ветер собран вьяной, возникает удана; когда ветер собран в удане, является самана. Некогда явились все они к перворожденному Праджапати и спросили его: "Скажи, кто из нас лучше, и пусть та будет старшей над нами!"
Брахма сказал:
7. При чьём исчезновении все праны в теле носителей пран тоже исчезают,
и напротив: при чьём появлении (все) приходят в движение - та из вас и
старшая; (а сейчас -) ступайте восвояси!
Прана сказала:
8. При моём исчезновении все праны в теле носителей пран тоже исче
зают, а при моем появлении - (все) приходят в движение; значит, я и
старшая. Смотрите, вот я исчезаю.
Брахман сказал:
9-10. И прана исчезла, а потом вновь явилась. Тогда самана с уданой сказали, о прекрасная: "Ты не пронизываешь собой всё это, не пребываешь здесь (повсюду),99 в отличие от нас. О прана, ты - не старшая над нами. Ведь (только) апана подвластна тебе". (И когда) прана возобновила свою деятельность, к ней обратилась апана: "При моём исчезновении все праны в теле носителей пран тоже исчезают, а при моем появлении - (все) приходят в движение; значит, я - старшая. Смотрите, вот я исчезаю". Тогда вьяна и удана, обратившись к ней, сказали: "Нет, ты не старшая, апана; ведь только прана подчинена тебе". (И когда) апана вновь возобновила свою деятельность, вьяна ей ещё сказала: "Старшая над всеми - я, и вот по какой причине. При моём исчезновении все праны в теле носителей пран тоже исчезают, а при моем появлении - (все) приходят в движение; значит, я - старшая. Смотрите, вот я исчезаю". Тут

вьяна исчезла, а потом появилась снова. Прана с апаной, удана и самана ей сказали: "Ты - не старшая над нами, о вьяна! Ведь только самана у тебя в подчинении!". (И когда) возобновила свою деятельность вьяна, самана ей еще сказала: "Я есмь старшая над вами! Послушайте, по какой причине: при моём исчезновении все праны в теле носителей пран тоже исчезают, а при моем появлении - (все) приходят в движение; значит, я - старшая. Смотрите, вот я исчезаю!". Тут исчезла самана, а потом появилась снова. Прана с апаной, удана и вьяна ей сказали: "Нет, самана, ты - не старшая; одна только вьяна тебе подчинена!". (И когда) возобновила свою деятельность самана, удана сказала ей: "Я - старшая над всеми, слушайте - по какой причине: при моём исчезновении все праны в теле носителей пран тоже исчезают, а при моем появлении - (все) приходят в движение; значит, я - старшая. Смотрите, вот я исчезаю!". Тут удана исчезла, а потом вновь появилась. Прана с апаной, самана и вьяна ей сказали: "Удана, ты не старшая: одна лишь вьяна у тебя в подчинении!". И сказал тогда всем им вместе Брахма-Праджапати: "Все вы - и главные, и не главные, (ибо) все друг от друга зав исите. Главные вы каждая в своей сфере, но (не главные - ибо) все друг друга ограничиваете. Один (лишь Ветер есть в реальности; он) то неподвижен, то движется; но в соответствии с особыми признаками (различают) вас (как) пять ветров. Это - мой Атман, хоть и (проявляющийся) многообразно, но образующий Единство. Друг другу друзья, споспешествующие друг другу, ступайте с миром, благо вам! Друг друга поддерживайте!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двадцать третья глава.

Глава 24
Брахман сказал:
1. Здесь обычно рассказывают такое древнее предание о беседе Нарады
с риши Деваматой.
Девамата сказал:
2. У живого существа, когда оно рождается, что начинает действовать
раньше: прана, апана, самана, или вьяна, или же удана?
Нарада сказал:
3. К тому (ветру), которым порождено живое существо, с самого начала
присоединяется другой, (отличный) от него. Следует знать, что праны бывают
двоякого рода: одни движутся горизонтально, другие - вверх.
Девамата сказал:
4. Какая (прана) живое существо порождает? И какая другая сразу к ней
присоединяется? И, конечно, расскажи о двойственности пран, (движущихся)
по горизонтали (или) вверх.
Нарада сказал:
5-12. Вожделение возбуждается (чувственным) помыслом, или же звуком, порождается вкусовым пристрастием или прекрасным образом, от касания возникает или же от запаха. Это - проявление уданы. Вожделение ведёт к совокуплению. От страсти рождается (мужское) семя, от страсти образуется жидкость (в женщине). В соединении семени с (менструальной) кровью, порожденном саманой и вьяной, от семени, с кровью смешавшегося, сперва зарождается прана. Когда же семя видоизменено праной, то возникает апана. Прана и апана - вот пара пран, движущихся вниз и вверх. А вьяна в паре с саманой зовутся "поперечной" двоицей. "Агни - это поистине все боги (сразу)" - так учит Веда.100 (Он) возрождается в брахманах (в виде) мудрости, сопутствуемой различающим знанием. Его дым - тамас; пепел его, обильного семенем, есть раджас; саттва рождается в нём (всякий раз), когда вливают жертвенное масло. "Самана и вьяна - это два жертвенных возлияния агхара" - так знают знатоки жертвенного обряда; прана и апана - это две (соответствующие) порции жертвенного масла; между ними (пребывает сам) Вкуситель жертв.101 И это брахманы знают как высший вид уданы.
13-18. Слушай, как я расскажу тебе о том, что (зовётся) "не входящим в пары". День и ночь - вот пара; а между ними (пребывает) Вкуситель жертв.102 И это брахманы знают как высший вид уданы. Два пути (солнца) - тоже пара; а между ними (пребывает) Вкуситель жертв.103 И это брахманы знают как высший вид уданы. Истина и ложь - вот пара; а между ними (пребывает) Вкуситель жертв.104 И это брахманы знают как высший вид уданы. Благо и зло образуют вдвоём пару, а между ними (пребывает) Вкуситель жертв. И это брахманы знают как высший вид уданы. Сущее и не-сущее - это тоже пара, а между ними (пребывает) Вкуситель жертв. И это брахманы знают как высший вид уданы.
19-20. Прежде - самана, (затем -) вьяна, которая распространяет её действие (повсюду); а на третьем этапе - вновь усердствует самана. И (затем) для достижения покоя (поётся гимн) Вамадевы.105 Покой - это извечный Брахман. И его брахманы знают как высший вид уданы.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двадцать четвертая глава.

Глава 25
Брахман сказал:
1-2. Здесь обычно рассказывают древнее предание о том, по какому чину совершается "обряд четырёх жрецов". Излагаю должным образом всё его последование: слушай, открою тебе, о счастливая, эту великую тайну!
3-17. Орудие, действие, деятель106 и освобождение - вот те четыре жреца, о красавица, коими обьят весь этот мир. Услышь всё полностью о практике (этих четырех) жрецов. Нос, язык, око, кожа и пятое - ухо, (затем) манас и буддхи - этих семерых должно знать как средства (для познания) свойств.107 Запах, вкус, форма, звук и пятое - касание, а также сознаваемое и постигаемое - эти семеро (суть) средства (для познания) действия.108 Обоняющий, вкушающий, зрящий, касающийся и слышащий - пятый, да ещё сознающий и постигающий - этих семерых должно знать как средства (к познанию) деятеля.109 Они, наделенные свойствами, вкушают каждое - свое свойство, благое или неблагое, (ведь) говорится: "Здесь (только) ,Л" не имеет свойств!". И эти семь служат средствами к освобождению. У мудрых и просветленных свойства (гуны), будучи божествами, каждое на своём месте постоянно вкушают, как положено, сжигаемые жертвы. А несведущий, вкушая (сам) всякую пищу, приобщается чувству собственности, и постоянно готовя (еду)110 лишь для себя самого, от чувства собственности гибнет. Вкушение неподобающей пищи и опьяняющих напитков убивает невежду; и он эту пищу убивает, и сам, убив её, ею убиваем. А вот мудрый и властный, поедая пищу, вновь её возрождает; и сам от той пищи возрождается. Грех же от этого невелик. Когда обузданы (индрии), из коих шестая - манас, всё, что сознаётся манасом и что произносится речью, и что слышится ухом, и что видится оком, и что осязается осязанием, и что обоняется обонянием - всё это, как жертвы, со всех сторон (приносимые, поглотив,) обладающий Гунами Очиститель, Уноситель жертв, (ярко) мне сияет! Так совершается во мне жертвоприношение йоги, в котором (высшее) Знание вы-ступает как жрец-брахман, манасом порожденный, пра-на - как хвалебная песнь, апана - как хвалебное слово, а всеотрешенность - как щедрая дак-шина. Благословитель (всякого) действия выступает (в том обряде) как брахман, Деятель - как адхварью,111 действие - как хвалебная песнь; Распорядитель действия в том (обряде) - священные тексты,112 а конечное о
свобождение - дакшина. И здесь возглашают ведийские гимны люди, познавшие Нараяну,113 прежде того для бога Нараяны связавшие жертвенных животных.114 Там (также) распевают саманы.п5 И (всё) это зовется притчей. Узнай от меня, о робкая: бог Нараяна есть Атман вселенной!
Такова в книге "О жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двадцать пятая глава.

Глава 26
Брахман сказал:
1-5. Один лишь есть Повелитель, и нет иного: как он мне укажет, так я и живу. В сердце пребывая, этот Пуруша, Повелитель, повелевает: это им направляем, я (движусь,) словно вода вниз по склону.116 Один лишь есть Наставник, и нет иного; о Нем, в сердце покоящемся, я возвещаю. Этим наставником наущаемы, терпят всегда поражение (от богов) все данавы.117 Один лишь есть Друг, и нет иного; о Нем, в сердце покоящемся, я возвещаю. По его наущению дружелюбные окружают себя друзьями: (смотри, вот и) Семь риши сияют (звездами) в небе!118 Один лишь есть Слышащий, и нет иного; о Нем, в сердце покоящемся, я возвещаю. У этого наставника в доме пожив, обрел Индра бессмертие во всех мирах.119 Один лишь есть Враждующий, и нет иного: о Нем, в сердце покоящемся, я возвещаю. По наущению этого именно наставника всегда враждуют с родом человеческим змеи.
6-8. Здесь обычно рассказывают такое древнее предание о встрече божественных риши со змеями у Праджапати. Риши-боговидцы,

змеи и асуры, приступив почтительно к Праджапати, попросили: "Да будет возвещено нам Благо!". И сказал Владыка им, вопрошающим о (высшем) Благе: "Ом" - вот (вам) в одном слоге (единый, непреходящий) Брахман!". Услышав это, разбежались они во все стороны.
9-13. Но когда они еще только спешили (к Праджапати) за наставлением об Атмане, у змей уже была развита предрасположенность к кусанию. У асу-ров, по их исконной природе, развилась наклонность к гордыне. Боги утвердились в щедрости, а великие риши - в самообуздании. К одному наставнику все они пришли, одним и и тем же словом дано им посвящение - а все определились (в жизни) по разному: и змеи, и риши-боговидцы, и данавы. Человек слышит, что ему говорят, и все как следует воспринимает; но затем вопрошает снова, и уже другой учитель им руководит, и по его наущенью он потом действует. Этот Наставник и Познаватель - (но также) Враг и Ненавистник - обитает в сердце.
14-78. Кто в мире с грехом водится - становится грешником. А кто живет в благочестии - становится благочестивым. Кто с вожделением радеет об услаждении индрий, тот - сластолюбец. А кто стремится всегда к победе над индриями, тот - исполнитель обетов. Кто же, отрешившись и от обетов, и от (обрядовых) действий, к единому Брахману устремлен, с Брахманом соединен, но живет в миру, тот - брахмачарин. Брахман для него - дрова, Брахман - огонь, Брахман - площадка жертвоприношения, Брахман - вода, Брахман - наставник; он целиком сосредоточен на Брахмане. Вот так тонко разумеют мудрые брахмачарью, а уразумев, - практикуют её под присмотром Познающего поле.120
Такова в книге "О жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двадцать шестая глава.

Глава 27
Брахман сказал:
1-2. Есть непроходимая чаща,121 в которой жалят москиты желаний, где холод скорби и зной веселья, где ослепляет тьма заблуждения, где (кишат) тигры и змеи алчности, где на пути - бурелом страсти и гнева, где единственная опасная тропа (намечена) объектами (чувств).122 Я прошел сквозь ту чащу и вступил в великий лес.123
Брахманка сказала:
3. Где же этот лес, о мудрейший? Что за деревья в нём, каковы ручьи, холмы и горы? Далека ли до того леса дорога?
[Брахман сказал:]
4-6. При условии осознания различия124 нет ничего ровнее, (чем путь туда); при отсутствии осознания различия - нет ничего длиннее. Ничто не может быть меньше его и ничто не бывает больше.125 Нет ничего, сопряженного с большим страданием, и нет ничего, что бы сравнилось с ним блаженством. Войдя в него, дваждырожденные не печалятся и не радуются; сами они никого не страшатся, и их не страшится никто.
7. В том лесу - семь дерев великих; плодов семь и семь гостей; семь обителей, семь созерцаний, семь посвящений. Таков образ леса.
8-13. Стоят там, лес собой наполняя, деревья, приносящие чудесные пя-тицветные цветы и плоды. Стоят там, лес собой наполняя, деревья, приносящие золотые и двухцветные цветы и плоды. Стоят там, лес собой наполняя, деревья, приносящие чудесные четырехцветные цветы и плоды. Стоят там, лес собой наполняя, деревья, приносящие благодатные трехцветные цветы и плоды. Стоят там, лес собой наполняя, деревья, приносящие благоуханные одноцветные цветы и плоды. Стоят там также, лес собой наполняя, два ве-ликих древа со многими цветами и плодами, цвет коих непроявлен.
14. Один лишь есть там Огонь - благорасположенный (жрец-) брахман; пять индрий служат ему дровами. Семь разных видов освобождения от них - это семь посвящений. Свойства суть плоды; гости - те, кто эти плоды вкушают.
75-17. Семь великих риши принимают там почести. Когда же они, будучи почтены, исчезают, является в сиянии лес иной. В нем - древо великого обета, не приносящее плодов; в нём тенью служит йогический покой, обителью в нем служит Знание; вода в нём - удовлетворенность. И в нём своё внутреннее Солнце - Познающий Поле. Святые люди, достигнув того (леса), не знают более страха. Ни вверх, ни вдоль, ни поперёк нет тому (лесу) конца.
18. Семь жён неизменно там обитают; опущены долу их лица. Светозарны они и плодоносны. Со временем отнимают они у живых существ все соки (жизни), ибо преходяще все во вселенной.
19-23. Там также пребывают и там восходят Семь риши, семь совершенных во главе с Васиштхой.126 Слава, Блеск, Доля, Удовлетворенность, Победность, Совершенство и Пылкость - вот семь лучей, которые (там) сопутствуют Солнцу. Там есть скопище гор и холмов, а ещё там несут свою воду реки и потоки, рождающиеся от Брахмана. И (есть) там в потаённом месте слияние рек, при котором совершается жертвенный обряд с тремя священными огнями; оттуда смирившие себя, своим Атманом удовольствованные, идут прямо к Праотцу. Изживши почти все желания, кроме желания исполнять благочестивые обеты, подвижничеством выжегшие (в себе всю) скверну, в душе своей в Атман вошедшие, - приближаются к Брахману.
24-25. Люди, знающие тот лес мудрости, восхваляют здесь Веду.127 Кому ведомо о существовании этого леса, тот рождается в соответствии со (своей) мудростью. Вот так знают брахманы об этом божественном лесе, и, зная, реализуют это знание под присмотром Познающего Поле.
Такова в книге "О жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двадцать седьмая глава.

Глава 28
Брахман сказал:
1-5. Запахов я не обоняю, не ощущаю вкусов, не созерцаю форм, не осязаю, не слышу ничего из многообразных звуков и не испытываю никаких желаний. Это исконная природа вожделеет к желанным объектам, это исконная природа128 бежит от всего, что противно. Влечение и отвращение порождаются исконной природой, входя в тела живых существ вместе с праной и апаной. Помимо них, распознай в теле и другие, в том числе преходящие, предрасположенности,129 а также Атмана (всех) существ.130 В нем пребывая, я отнюдь не подвержен ни гневу со страстью, ни старости, ни смерти. Поскольку я не вожделею ничего желанного и ни к какой скверне не испытываю отвращения, на моих "исконных природах"131 нет ни пятнышка, как не пятнаются лотосы каплями воды.132 Они суть невечные (спутницы) Вечного, который созерцает (все) многообразные "исконные природы". Сеть наслаждений при совершении деяний не захватывает Его, как сеть солнечных лучей не прилепляется к небу.
б-10. Здесь обычно рассказывают такое древнее предание о беседе жре-ца-адхварью с подвижником-яти.133 Услышь его, о многославная! Увидев, как в ходе обряда жертвенное животное обрызгивают водой,134 подвижник, сидевший (поодаль), сказал с осуждением, обращаясь к адхварью: "Это - насилие!". Адхварью ему ответил: "Этот козёл не погибнет. Напротив, будет сей твари великое благо, как об этом сказано в шрути. Ведь та доля в нём, что от земли - пойдёт в землю, та же, что от воды - соединится с водами. Его глаз соединится с солнцем, слух - с пространством, а жизненное дыхание - с небом. Действуя сообразно Ведам, я ни в чем не погрешил".135
Подвижник сказал:
11-13. Если в разлучении этого козла с жизнью ты усматриваешь для него благо, то это жертвоприношение для козла и совершается, какая от него польза тебе самому, почтенный? И следовало бы (сперва) заручиться согласием матери, отца, брата и друга (этого козла); ведь он сам не вправе распоряжаться собой (без одобрения близких). Отведи его (к ним) и спроси. Соизволь осведомиться у них, почтенный, согласятся ли они. Если дадут согласие, тогда только можно думать (о жертвоприношении).
14-18. А сейчас жизненные дыхания этого козла удалились к своим источникам. Осталось, сдаётся мне, только (это) недвижное тело. Лишённое сознания тело подобно полену (без огня). Совершающие (в ходе жертвенного обряда) насилие расчитывают на воздаяние, а получают лишь такое полено (без огня), прежде звавшееся жертвенным животным. "Ненасилие - (вот высшая) из всех дхарм!" - так учат старцы. Мы, (подвиж-ники, тоже) знаем: следует делать только такие дела, которые не сопряжены с насилием. Ненасилие - вот наш принцип, и если мне продолжать, то я мог бы указать еще много пороков, присущих твоему образу действий. Мы всегда одобряем невреждение по отношению ко всем существам, и это выведено нами из непосредственного опыта, мы не склонны полагаться на то, что невидимо.
Адхварью сказал:
19-21. Ты наслаждаешься свойствами запахов земли, ты упиваешься вкусами, основа коих - вода, ты видишь форму (небесных) светил; ты осязаешь свойства, порождаемые Ветром; слышишь звук, порождаемый эфиром; ма-насом осознаешь мысль. И при этом ты думаешь: "Все эти сущности - живые". Значит, ты постоянно отнимаешь жизнь, совершаешь насилие, о господин! Нельзя и шевельнуться, не причинив (кому-либо) вреда. А как ты сам думаешь, о дваждырожденный?
Подвижник сказал:

22-24. У психики две природы: непреходящая и преходящая. Из них благая природа - непреходящая, а преходящую называют "исконной природой". Жизненное дыхание, язык, манас и саттва вкупе с раджасом относятся к исконной природе. Человек, который от этих природных сутей свободен, кто поднялся над парами противоположностей, лишен желаний, кто равно относится ко всем существам, не знает слова "моё", восторжествовал над собой и от всего освобождён - может более ничего не страшиться!
Адхварью сказал:
25-26. Воистину, в этом мире следует общаться с людьми святой жизни, о достойнейший из наделённых мыслью! Вот я - выслушал твоё суждение, и сразу моя собственная мысль просияла! Твоей мудростью, о Владыка, просветлённый, я говорю (теперь): надо мыслить (эту) мысль, но жертву (всё равно) совершать, и тогда - не (будет) на мне вины, о дваж-дырождённый!
Брахман сказал:
27-28. После этого подвижник счёл нужным погрузиться в молчание, а адхварью, избавившись от заблуждения, продолжил жертвенный обряд. Вот так, весьма тонко брахманы понимают освобождение;136 а поняв, реализуют это знание под наблюдением Познающего Поле.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двадцать восьмая глава.

Глава 29
Брахман сказал:
/-5. Здесь обычно рассказывают такое древнее предание о беседе Кар-тавирьи с Океаном, о прекрасная! Жил-был царь по имени Арджуна Кар-тавирья, тысячерукий (воитель), который мощью своего лука покорил всю землю, опоясанную океаном. Слышали мы, что как-то раз, бродя по берегу океана, он, гордый своею силой, осыпал океан сотнями стрел. Океан же приветствовал его, почтительно сложив ладони, и сказал: "О герой, не стреляй в меня больше! Скажи, чем я могу служить тебе? Существа, во мне обитающие, гибнут, поражаемые грозными твоими стрелами, о царь-тигр! Избавь же их, владыка, от этой напасти!"
Арджуна (Картавирья) сказал:
6. Если есть где-нибудь держатель лука, равный мне в битве, который
со мной мог бы сразиться, - укажи мне такого!
Океан сказал:
7. Слышал ли ты, о царь, о великом риши Джамадагни? У него есть сын,
который способен оказать тебе подобающее гостеприимство.137
8-17. Немедля царь, обуянный великим гневом, двинулся в путь. Пришёл он к той обители и встретил самого Раму. Стал он с приближенными своими чинить всякие неприятности Раме. И у великого духом Рамы это вызвало большую досаду. Возгорелся тогда в непомерно-пылком Раме ратный пыл, и испепелил он им, о лотосоокая, вражеские рати! Потом взял Рама свой топор и быстро срубил тому (царю) всю тысячу рук, словно ветви с большого дерева. Видя, что (царь) сражён и упал, все его родичи и приближенные, с мечами в руках, обступили со всех сторон Бхаргаву.138 Но Рама взял в руки лук и стремительно взошёл на колесницу; он обрушил ливни стрел на войско царя и рассеял его. Тогда некоторые из кшатриев, участвовавших прежде в убийстве (риши) Джамадагни, бежали (от Рамы) в труднодоступные горы, словно олени, преследуемые львом. Поскольку из-за страха (перед Рамой) они не исполняли более предписанных им (кшатрийских) обязанностей, и поскольку они не общались более с брахманами,139 потомки их превратились в шудр. Все эти драмиды, каши и пундры вместе с шабарамиш стали шудрами из-за невозможности следовать своей дхарме кшатриев. После многократного истребления кшатрийских героев, Джамадагнья перебил и тех кшатриев, которых породили брахманы (от кшатрийских женщин).
18-21. Когда Рама завершал в двадцать первый раз принесение в жертву (всех кшатриев), раздался вдруг бесплотный голос, чудесный, сладкозвучный, слышный всему миру: "О Рама, Рама! Остановись! Что хорошего видишь ты в том, чтобы снова и снова лишать жизни породу кшатриев!". И затем предки во главе с Ричикой так сказали ему, великому духом: "Перестань, о избранник судьбы!". Но Рама, не простивший убийства отца, ответил тем риши: "Со-благоволите не препятствовать мне, почтенные!".
Предки сказали:
22. Благоволи, о победоносный, не губить более отродье кшатриев. Ведь не пристало тебе, благому брахману, убивать царей.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" двадцать девятая глава.

Глава 30
Предки сказали:
/-4. Здесь обычно рассказывают одно древнее предание. Выслушай его сначала, а потом действуй, о почтеннейший из дваждырожденных! Жил царственный риши по имени Аларка141 - величайший подвижник, знаток дхармы, неизменно верный слову, великий духом, исполнитель суровейших обетов. Мощью своего лука покорив всю эту землю в пределах океана и совершив тем самым труднейший подвиг, обратил он затем свой ум к тонким предметам. Расположившись при корнях дерева, он отвлёкся мыслью от дел своего превеликого царства и обратился к вещам тонкого, внутреннего мира.
Аларка сказал:
5-6. Мой манас стал грозной силой. Одолею его - и будет предрешена моя победа. А после я направлю стрелы и в остальных врагов, окруживших меня отовсюду. В того, кто из-за неустойчивости своей склонен создавать (снова и снова) весь этот явленный мир, - в манас пущу я самые острые свои стрелы!
Манас сказал:
7-8. "Нет, никогда не пронзят меня твои стрелы, о Аларка! Они лишь тебе самому рассекут средоточия жизни, и ты, с пораженными жизненными узлами,142 умрёшь. Придётся тебе поискать другие стрелы, если хочешь уничтожить меня". Услышав это и поразмыслив,
Аларка сказал:
9. Обоняньем впивая всевозможные ароматы, человек охочим до них становится. Поэтому - в нос направлю-ка я свои острые стрелы!
Нос сказал:
10-11. "Нет, никогда не пронзят меня твои стрелы, о Аларка! Они лишь тебе самому рассекут средоточия жизни, и ты, с пораженными жизненными узлами, умрёшь. Придётся тебе поискать другие стрелы, если хочешь уничтожить меня". Услышав это и поразмыслив,
Аларка сказал:
12. Вкушая всякие сладкие соки, человек охочим до них становится. Поэтому - в язык направлю-ка я свои острые стрелы!
Язык сказал:
13-14. "Нет, никогда не пронзят меня твои стрелы, о Аларка! Они лишь тебе самому рассекут средоточия жизни, и ты, с пораженными жизненными узлами, умрёшь. Придётся тебе поискать другие стрелы, если хочешь уничтожить меня". Услышав это и поразмыслив,
Аларка сказал:
15. Кожа, ощущая всякие касания, охочей до них становится. А потому я сейчас разнообразными стрелами143 с перьями цапли понаделаю отверстий в этой коже!
Кожа сказала:
16-17. "Нет, никогда не пронзят меня твои стрелы, о Аларка! Они лишь тебе самому рассекут средоточия жизни, и ты, с пораженными жизненными узлами, умрёшь. Придётся тебе поискать другие стрелы, если хочешь уничтожить меня". Услышав это и поразмыслив,
Аларка сказал:
18. Всевозможным звукам внемля, человек охочим до них становится. Поэтому - в ухо направлю-ка я свои острые стрелы!
Ухо сказало:
19-20. "Нет, никогда не пронзят меня твои стрелы, о Аларка! Они лишь тебе самому рассекут средоточия жизни, и ты, с пораженными жизненными узлами, умрёшь. Придётся тебе поискать другие стрелы, если хочешь уничтожить меня". Услышав это и поразмыслив,
Аларка сказал:
21. Наблюдая всевозможные явления, человек охочим до этого становится. Поэтому - в глаз направлю-ка я свои острые стрелы!
Глаз сказал:
22-23. "Нет, никогда не пронзят меня твои стрелы, о Аларка! Они лишь тебе самому рассекут средоточия жизни, и ты, с пораженными жизненными узлами, умрёшь. Придётся тебе поискать другие стрелы, если хочешь уничтожить меня". Услышав это и поразмыслив,
Аларка сказал:

24. А этот - благодаря разумности своей принимает самые разнооб
разные решенья; поэтому в Разум-буддхи направлю-ка я свои острые стрелы!
Разум сказал:
25. Нет, никогда не пронзят меня твои стрелы, о Аларка! Они лишь тебе
самому рассекут средоточия жизни, и ты, с пораженными жизненными уз
лами, умрёшь.
Предки сказали:
26-30. И тогда Аларка предался труднейшему, суровейшему подвижничеству. Но, как ни старался, не нашёл он подходящей стрелы для тех семерых. Предельно сосредоточив свою мысль, задумался тогда владыка. Долго размышлял над этим Аларка, о лучший из дваждырождённых,144 и не сумел тот достойнейший из мыслящих найти ничего, лучше йоги. Сосредоточив свой манас на одной точке, недвижный, предался он йоге и вскоре поразил, отважный, все индрии одной-единственной стрелою. С помощью йоги он открыл в себе Атмана и достиг высшего совершенства.145 В восторге тот царственный риши пропел тогда следующий стих: "Ах, зачем только мы прежде столь радели о царстве! Лишь теперь я постиг, что нет блаженства выше йоги". Уясни себе это и ты, о Рама, и не убивай больше кшатриев. Предайся суровому подвижничеству, и в нем обретёшь благо.
Брахман сказал:
31. Вняв слову Праотцев, тот великий герой, (Рама) Джамадагнья, предался суровому подвижничеству и пришёл к труднодостижимой высшей цели.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцатая глава.

Глава 31
Брахман сказал:
1-3. В мире есть три врага, а в рассчёте по гунам - их девять. Радость, безразличие, самомнение суть три свойства саттвических. Скорбь, гнев и чрезмерная возбудимость считаются раджасическими свойствами. Сонливость, леность и заблужденье - вот три свойства тамасических. Человек разумный, достигший душевного умиротворения, победивший чувства, сперва со всем тщанием отсекает эти свойства множествами стрел, и лишь затем старается одолеть других (врагов).
4-10. Здесь (обычно) знатоки историй о прежних временах оглашают стихи, пропетые некогда царём Амбаришей146 в назидание своей стране. Когда восторжествовали пороки и стало гибнуть всё доброе, Амбариша, как гласит предание, силой взял власть. Обуздав злые пороки и воздав почести людям благочестия, он достиг великих свершений и пропел тогда такую песнь: "Почти все пороки одолел я, всех врагов сразил. Осталось истребить ещё один порок, но его-то я и не осилил. Это из-за него жажда живых существ не находит насыщения, и, обезумев от жажды, мечутся они, даже не замечая, как попадают в ямы и капканы. Из-за него человек совершает то, что вовсе не подобает. И этот порок - алчность; секущий (душу) острыми мечами, да будет он сам отсечён! Ведь это из алчности рождается жажда, а из-за неё мысль привязывается (к объектам); и тот, кто жаждет обрести что-либо, обретает главным образом свойства гуны раджас.
11-12. И этими свойствами ввергнутый в узилище тела, человек вновь и вновь рождается, испытывая желание действовать. Когда же время данного рождения исчерпано, тело его разрушается и рассеивается, и он в этом своём рождении опять к смерти приходит. А потому, сознавая всю пагубу этой жажды обладания, надо решительно её обуздать и в Атмане искать царства, ибо это - истинное Царство, и нет иного. Царь же его единовластный побеждён147 мною с помощью Знания".
13. Такова песнь, которую спел многославный царь Амбариша, когда, поставив себе целью завоевать высшее из царств, он отсёк жажду обладания - главный из пороков.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцать первая глава.

Глава 32
Брахман сказал:
/. Здесь обычно рассказывают такое древнее предание о беседе некоего брахмана с (царём) Джанакой,148 о красавица!
2-4. Некогда Джанака в наказание одному брахману, оплошавшему в какой-то из наук, велел: "Не появляйся более в моих владениях!". Услышав это, брахман ответил достойнейшему из царей: "Очерти мне, о царь, ту область, на которую простирается твоя власть! И тогда я готов жить во владениях другого царя, о повелитель! Я хочу в точности исполнить твой приказ, согласно закону, о владыка земли!".
5-7. На эти слова многославного брахмана царь ничего не ответил, только тяжко вздыхал. Когда же тот необъятно-могучий царь сел и погрузился в созерцание, напало вдруг на него глубокое отчаяние, как демон (Раху нападает) на Солнце. Но вскоре смятение прошло, и царь, вздохнув, обратился к брахману с такой речью:
8-11. "Всю землю мыслью охватив, я не смог найти (нераздельно моего) владенья, хотя и есть (у меня) царство дедов и прадедов, наследственная джанапада.1*9 Не найдя (искомого) на всей земле, я подумал о Митхиле. Но и там (своего) не нашёл. Стал искать среди своего потомства - но и здесь никого не нашёл. Тогда и овладело мной отчаянье. Однако, смятенье прошло, и рассудительность вернулась ко мне. Я понял, что моего владенья нет вообще, и в то же время моё владенье - всё в мире. Даже это "Я" - не моё, но и вся Земля - моя. А потому живи здесь, сколько пожелаешь, и наслаждайся, сколько захочешь".
[Брахман сказал:]
12-13. Скажи мне, что за установка ума побудила тебя отвергнуть само понятие "владения", тогда как при тебе - царство отцов и дедов, наследственная джанапада? Что за мысль побудила тебя признать, что весь мир - твое владение? Ведь если ты не имеешь владений, как может весь мир быть твоим владением?
Джанака сказал:
14-16. В любом мирском деле мы знаем, что всё предпринятое - недолговечно. И потому я не вижу ничего, о чём мог бы сказать: "Это - моё!".150 Говорится в Ведах: "Чьё это?" и "Чья собственность?"; но я не нахожу мыслью ничего, о чем мог бы сказать: "Это - моё". Эта мысль побудила меня отвергнуть само понятие "владенья". А вот послушай, какая мысль внушила мне, что всё вокруг - моё владенье.
17-23. Я не ищу для себя (наслаждения) даже ароматами, проникающими в мой нос; вот почему побеждена мной (стихия) земли,151 в моей власти всегда пребывает. Я не ищу для себя (наслаждения) даже приятными вкусами, уже возникшими в моём рту; вот почему мне покорны воды,152 и всегда во власти моей пребывают. Я не ищу для себя (наслаждения) фор-мой и светом, кои глаз (воспринимает); вот почему свет153 мне покорен, в моей власти всегда пребывает. Я не ищу для себя (наслаждения) касаньями, даже уже осязаемыми кожей; вот почему ветер154 мне покорен, в моей власти всегда пребывает. Я не ищу для себя (наслаждения) звуками, даже уже проникшими в ухо; вот почему мне покорны звуки,155 в моей власти всегда пребывают. Я не ищу для себя (наслаждения) мыслью, хотя бы и присутствующей уже в моём манасе; и потому манас156 мне покорен, всегда в моей власти пребывает. Для богов, праотцев, природных стихий и для гостей - вот для кого воистину предпринимаются все мои действия!
24-25. И, улыбнувшись, брахман сказал тогда Джанаке: "Знай, что я - (бог) Дхарма, и явился сюда для того, чтобы лучше узнать тебя. Того колеса, назад не обратимого, чья ступица - Брахман, чьи спицы - буддхи, скреплённого ободом саттвы, ты - единственный вращатель!".157
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцать вторая глава.

Глава 33
Брахман сказал:
1. Нет, образ жизни моей в этом мире не таков, как ты, робкая, судишь в меру своего разумения. Я - брахман, я достиг освобождения, я - лесной отшельник. Я - брахмачарин, но несу при этом и обязанности домохозяина.
2-8. Я не таков, каким видит меня взор твой, о красавица! Мною пронизано всё, что только есть в мире. Для всех существ, какие есть на свете, движущиеся и недвижные, я есмь, знай это, их Губитель, как лесной пожар - для деревьев. Эта мысль деёт мне ощущение царской власти над землёй и даже над всей вселенной; поистине, мысль - моё сокровище! Есть лишь одна стезя брахманов, коей шествуют знающие истину, живут ли они в доме или в лесу, подвизаются в ученичестве или нищенствуют; во многих несхожих обликах, они лелеют одну и ту же мысль. У них, пребывающих в разных обликах и разных обителях, (рождается) мысль, исполненная умиротворённости; все они приходят к одному и тому же состоянию сознания, как (все) реки впадают в Океан. Этот путь проходят мысленно, а не в телесном облике; ведь деяния имеют начало и конец, а тело сковано деяниями. Поэтому, о счастливая, да не будет у

тебя страха перед посмертным бытием! Поскольку душа твоя всегда устремлена к моей, ты соединишься с моим Атманом!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцать третья глава.

Глава 34

Брахманка сказала:
1-2. Невозможно постичь это слабому духом, не воспитавшему себя. А моя мысль очень слаба, ограниченна, смущена. Назови же мне средство, коим ту (великую) мысль обретают; (хочу знать) ту главную причину, из коей это (знанье) произрастает.
Брахман сказал:
3. Знай же, что "брахманка" - это (дощечка) арани для того (знания),
а наставник - это верхняя арани. Подвижничество с ученьем трут их друг
о друга, отчего и рождается огонь знания.
Брахманка сказала:
4. А этот символ Брахмана, называемый "Познающим Поле", - в чём
его определяющая особенность, по которой он познан быть может?
Брахман сказал:
5-9. Он лишён признаков, не имеет свойств; нет у него причины. Но я сообщу тебе средство, коим ты его познаешь, если сможешь. Даже будучи верно указан, он познаётся лишь "по-пчелиному".158 Средство к этому - разумение в действиях.159 Лишённые же мудрости (пытаются познать его) так, как если бы он обладал признаками, (облегчающими) познание. В делах освобождения нет указаний "это делай", "это не делай"; в них у самого видящего и слышащего рождается правильное разумение (Атмана). Должно представлять себе столько (различных) частей160 (сущего), сколько только возможно: проявленные - и с непроявленной формой, сотни их и тысячи, все характеризующиеся бесконечным разнообразием, все познаваемые чувственным опытом. И тогда в непрестанной практике (йоги) откроется То, выше чего ничего (уже) нет.161
Васудева сказал:
10. После этого сознание той брахманки, исчерпав Познающего Поле, про
следовало далее, за пределы Познающего Поле, став Тем, что отлично от него.
Арджуна сказал:
11. Где же эта брахманка, о Кришна, и где тот бык среди брахманов, кои
ми столь великий успех достигнут? Скажи мне об этих двоих, неколебимый!
Васудева сказал:
12. Знай, брахманом был мой манас, а брахманкой - моя буддхи. Тот
же, кого зовут "Познающим Поле", это - Я Сам, о Завоеватель богатств!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцать четвертая глава.161

Глава 35

Арджуна сказал:
1. Соизволь рассказать мне о Брахмане - том, что есть высший объект познания. Ведь по милости Твоей мой ум теперь находит удовольствие в (вопросах столь) тонких.
Васудева сказал:
2-4. Здесь обычно рассказывают такое древнее предание о беседе наставника с учеником, ведущей к освобождению. У одного брахмана, твердого в обетах, когда он сидел, поучая, одаренный его ученик спросил нечто о благе, о губитель врагов! "Имея лишь одно благо своей целью, к тебе, господин, я прибегаю и со склоненной головой молю тебя: поведай мне об этом то, что должно, о брахман!".
5-6. На эти слова учитель так отвечал ученику, о Партха: "Скажи, в чем у тебя сомнение, дваждырожденный, и я всё разъясню тебе!". Ученик же, преданно любящий наставника, услышав это, почтительно сложил ладони и спросил его - слушай в точности о чём, о многомудрый!
Ученик сказал:
7-9. Откуда я? И откуда ты? Изъясни эту истину, что превыше всего! Откуда возникли все существа, подвижные и неподвижные? Чем все они живы? Что определяет сроки их жизни? Что есть истина? Что - подвижничество? Что такое гуны, о которых твердят праведные? Что такое счастье, и что - грех, о брахман? Да изволит господин мне на эти вопросы здесь ответить всё, как есть, доподлинно и в соответствии с истиной, о достой-нейший святой брахман!
Васудева сказал:
10-11. Тому простершемуся пред ним, по всем правилам вопрошающему ученику, обладателю многих достоинств, умиротворенному, держащемуся с достоинством, подобному тени (учителя), смиренному подвижнику-брахмачарину его умудрённый и твёрдый в обетах наставник подобающе ответил на все вопросы - о Партха, усмиритель недругов, достойнейший в роде Куру!
12-14. Вот ученье, возвещенное Брахмой, чтимое наилучшими из риши, вобравшее в себя всю мудрость Вед, раскрывающее истинную суть, определяющее прошлое, настоящее, будущее и прочее, а также закон, наслаждение и пользу (как мирские цели); признанное собранием совершенных, существовавшее в прежних кальпах,163 извечное. Я поведаю тебе сейчас, о многомудрый, о высшем состоянии, которое здесь познав, разумные уже в этой жизни становятся всесовершенными.
75-17. Некогда риши Брихаспати и Бхарадваджа, а также Гаутама - потомок Бхригу, Васиштха, Кашьяпа, Вишвамитра и Атри, обойдя все пути (во вселенной), утомившись своими деяниями, сошлись, чтобы порасспросить друг друга. Поставив во главе почтенного риши - потомка Ангираса,164 прибыли те дваждырожденные в (небесный) дворец Брахмы и там лицезрели того незапятнанно-чистого бога.
18-21. Склонились святые перед великим духом, удобно расположившимся на сиденьи Брахмой и спросили его, благовоспитанные, о наивысшем благе. "Как должен действовать благочестивый? Как избавляться от скверны? Какие пути будут для нас благими? Что есть истина, и что - грех? Как достигаются два пути деяния,165 как - величие? (Как приходят) всеразруше-ние и освобождение, а также рождение и смерть всех существ?". И вот послушай, ученик мой, сейчас я сообщу тебе, согласно Ведам, что ответил Праотец достойнейшим из подвижников!
Брахма сказал:
22-29. Все существа, подвижные и неподвижные, родились от Истины. Живут они благодаря подвижничеству - знайте это, о благообетные! Попав вновь в материнское лоно, они развиваются затем соответственно своему деянию. Ибо Истина сопряжена с гунами, она непреложна и описывается пятью способами: Истина есть Брахман, Истина - подвижни-чество,166 Истина - Праджапати; от Истины родились все существа; из Истины возникло это Великое.167 Поэтому брахманы, превзойдя гнев и печаль, самообузданные, служащие мостами к дхарме,168 всегда уповая на Истину, всецело предаются йоге. Я поведаю о них - носителях знания, пролагающих мосты дхармы, дисциплинирующих друг друга (своим примером), извечно поддерживающих (подвижничеством) существование миров; а также о четырех ветвях знания,169 о (четырех) сословиях и по отдельности - о каждой из четырех стадий жизни. Дхарма едина, но четы-рехчастна, как неустанно твердят мудрые. Я расскажу вам, дваждырож-денные, о благом и умиротворяющем пути, по которому, начиная с глубо-кой древности, уверенно шествуют мудрецы ради единения с Брахманом. Итак, услышьте, как я полностью вам здесь и сейчас поведаю о высшем труднообретаемом пути и о высшей обители - о причастные великой доле!
30-35. Первой ступенью называют стадию брахмачарина, потом идёт стадия домохозяина - грихастхи,110 за ней следует ванапрастха - стадия "ушедшего в лес", а над этой есть ещё наивысшая стадия, известная как адхьятма.11' Свет, Эфир, Солнце, Ветер, Индра, Праджапати - не открываются взору до тех пор, пока (человек) не вступил в (стадию) адхьятма. Я после расскажу - а вы внемлите - о средствах для достижения этого. Стадия ванапрастха, на которой подвижники живут в лесу, питаясь плодами, корнями и воздухом, предписана дваждырожденным, то есть трем высшим варнам. А стадия домохозяина назначена людям всех варн. Мудрые описывают благочестие - дхарму - как характеризующееся верой. Итак, я восславил вам пути, приводящие на "путь богов",172 мосты дхармы, по которым движутся посредством деяний своих благие и мудрые. Кто же из них, твердый в обетах, строго исполняет свой частный религиозный долг, тот на протяжении долгого времени наблюдает (на "пути предков") возникновение и гибель существ.173
36-39. А теперь, по правде и с должным основанием, я перечислю тат-твы*14 - сути, которые частями своими пребывают во всех

объектах. Великий Атман,175 а также Непроявленное и ахамкара, индрий - десять и одна, пять великих элементов и специфические (свойства каждого из этих) пяти элементов176 - вот (всё) ведийское знание. Итак, я перечислил вам двадцать четыре сути.177 Кто знает всех сутей возникновение и гибель - тот, из всех существ мудрейший, не впадает (более) в заблуждение.
40. Познавший досконально сути, все свойства их и всех богов, очищен от греха, от уз освободившись, блаженствует в сияющих мирах.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцать пятая глава.

Глава 36
Брахма сказал:
1-10. То непроявленное, неочевидное, всепроникающее, стойкое и неизменное178 да будет познано как девятивратный град,179 состоящий из трех гун и пяти природных начал,180 окруженный Одиннадцатью,181 обладающий присущей манасу способностью различения, подчиненный буддхи и образующий (в итоге сочетание) Одиннадцати высших.182 Три потока внутри этого (города)183 постоянно его питают, они действуют как три проводящих канала и природа их основана на гунах. Гуны суть тамас, раджас и саттва; они сочетаются друг с другом и живут за счет друг друга, зависят друг от друга, тянутся друг за другом, связаны друг с другом.184 Из трёх гун (образованы) пять природных начал. Тамас сочетается с саттвой, саттва с раджасом; также и раджас - с саттвой; саттва сочетается с тамасом.1*5 Когда подавлен тамас, начинает действовать раджас; когда подавлен раджас, начинает действовать саттва. Тамас, да будет известно, имеет ночную природу, и у него три свойства. Главная его характеристика - помраченность. Его признак - неблагочестие, и он неизменно связан с греховными деяниями. О раджасе говорят, что природа его - развертывание деятельности, он - причина (всего) круговорота (вещей). Он действует во всех существах и его признак - возникновение видимых (форм). Свет во всех существах, лёгкость и вера - вот из чего состоит природа саттвы; и лёгкость её соразмерна её благости.
11-20. А сейчас будет сказано, в соответствии с истиной,186 о сути каждой из этих гун, взятых в сочетании или по отдельности. Узнай же о них от меня всю правду. Помраченность, неведение, скупость, нерешительность в действиях, сон, отупение, страх, алчность, уныние, хуление добрых дел, беспамятность, незрелость, безверие, испорченность, неразборчивость, слепота, поведение худшего свойства, хвастовство содеянным - когда ничего не сделано, гордость знаниями - при полном невежестве; недружелюбие, извращенность сознания, непочтительность, ложное умствование, коварство, безрассудство, злодейство, безмыслие, тяжеловесность, упадок духа, необязательность, нравственное падение - все эти свойства, о брахманы, считаются принадлежащими гуне тамас. И прочие все врожденные состояния сознания, сопряженные с помрачением, какие только не обретаются где-либо в этом мире - все они относятся к (гуне) тамас. Постоянные выпады против богов, брахманов и ведийского (знания), привязанность к собственности, гордыня, невежество, гнев, отсутствие смирения, злобная зависть по отношению ко всем существам - вот поведение, указуемое для гуны тамас. Всякие тщетные начинания и неуместные дарения, а также обжорство - вот поведение, относимое на счет (гуны) тамас. Грубость, нетерпеливость, ревность, самомнение и безрелигиозность - вот поведение, определяемое (гуной) тамас.
21-25. И какие только подобного поведения люди, попирающие нормы грешники сущесвуют в этом мире - всё это люди тамаса. Я расскажу сейчас о том, какие лона уготованы этим грешникам. Чтобы испытать низшее из адских состояний, они направляются в ад животного бытия (и рождаются там) как: неподвижные существа, жертвенный и тягловый скот, хищники, ядовитые гады, черви, насекомые, птицы, яйцерожденные твари и всевозможные четвероногие, а также - безумцы, глухие, немые и все те, чья болезйь предопределена грехами (в прежних рождениях). Злодеи, несущие на себе клеймо своих деяний, погружаются во мрак, (увлекаемые) нисходящим потоком; так люди (гуны) тамас тонут в тамасе.
26-33. А теперь я поведаю об их вызволении (оттуда) и восхождении: как они, (став) вершителями благих деяний, обретают миры, уготованные людям добрых дел. Изменив направление (своего движения) на противоположное, они возрастают своими деяниями; благодаря же очистительным обрядам, совершаемым радеющими об исполнении своего долга и пекущимися о благе (мира) брахманами, и сами прилагая усилия, они поднимаются в одни (с теми брахманами) миры, достигают неба богов - так гласит ведийское шрути. Изменив направление (своего движения) на противоположное, возрастают они своими делами и, повинуясь закону перевоплощений, вновь становятся в этом мире людьми. Попадая (сначала) в грешные лона, (рождаются они) чандалами,187 немыми или заиками, а затем переходят, по закону круговорота, во все более и более высокие варны. Превзойдя шудрян-ское рождение и все иные свойства, присущие тамасу, достигнув середины (восходящего) потока, они всё же остаются (под влиянием) гуны тамас. "Пристрастие к удовольствиям есть "Великое помрачение"", - так гласит Предание. Желая счастья, помрачаются в этом (даже) риши, подвижники и боги. "Мрак", "Помрачение", "Великое помрачение", "Тьма" - называемая также "Гнев"; смерть - это "Кромешная тьма", а гнев называют (просто) "Тьмою".188
34-35. Итак, я подобающим образом описал вам, о брахманы, всю эту (гуну) тамас, в соответствии с её (преобладающими) свойствами, (характерными для нее) предрасположенностями сознания, (определяемыми ею) видами рождения - ив соответствии с реальностью. Но кто все это правильно осознает? Кто это истинно увидит? Ведь сама суть (гуны) тамас определяется тем, что человек видит нереальное - реальным.
36. Итак, описаны вам многосторонне свойства тамаса, рассказано, как подобает, о тамасе во всей полноте. Знайте, что муж, всегда сохраняющий знанье об этих свойствах, - от всех свойств тёмной гуны избавляется!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцать шестая глава.

Глава 37
Брахма сказал:
1. Достойнейшие, я расскажу вам (теперь) должным образом о раджасе. Внемлите, причастные великой доле: вот все о проявлениях этой гуны.
2-13. Насилие, красота, труд, счастье и горе, холод и зной, власть, война, мир, спор, беспокойство, терпение, сила, отвага, исступление, ярость, а также борьба и раздор, зависть и жажда обладания, коварство, вражда, жадность к собственности и защита ее от окружающих, убийство, заточение, напасти, купля-продажа; поражение врагов в уязвимые места с криком: "Режь, коли, руби!", жестокость, свирепость, грубость, интерес до чужого добра, мирские мысли и заботы, злобность, брань; лживые речи, дары недостойным, подозрительность, ругань; осуждение, хвала и превозношение, мощь и насыщение, послушание, повиновение, услужение, зависимость, жажда, рассудительность, политичность, безоглядность, тревога, стяжательность; все обряды, которые совершаются в этом мире соответственно для мужей или жён, (других) существ, для имущества, для домов; самоистязание, недоверчивость, обязанности и обеты, дарения с надеждой (на ответный дар) и постоянное (желание): "Пусть (это) будет моим", возглашения "Свадха!", выражения почтения, возгласы "Сваха!" и "Вашат!";189 совершение жертв и заучивание Вед, равно определяемые как "приобретение"; (капризы) "Хочу то, хочу это"; любовная привязанность, из (этой же) гуны возникающая; коварство, обман, вредность и заносчивость; воровство, вреждение, поношение, страдание, бессонница, препятствование, лицемерие, страсть, преданность, приязнь, весёлость, игра в кости, сплетни и женские интриги; танцы, музыка, пение и всякие, какие ни на есть, пристрастия - все эти свойства, о брахманы, описываются как относящиеся к (гуне) раджас.
14-16. Люди, размышляющие на этой земле о прошлых, нынешних и будущих состояниях (вещей), всегда пекущиеся о трёх житейских целях, то есть - законе, пользе и любви, действующие под влиянием желаний и ликующие, когда все их желания осуществляются - суть люди "нисходящего потока", страстные, обуянные раджасом. Рождаясь снова и снова в этот мир, они радуются, вожделея (плодов), которые проявятся как после смерти, так и здесь, в этом мире. Они даруют и приемлют дары, постоянно твердят мантры и возливают на огонь жертвенное масло.
17. Описаны вам многосторонне свойства раджаса, рассказано, как подобает, о раджасе во всей полноте. Знайте, что муж, всегда сохраняющий знанье об этих свойствах, - от всех свойств страстной гуны избавляется!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцать седьмая глава.

Глава 38
Брахма сказал:
1. А теперь я поведаю о третьей, высшей из гун - беспорочной, составляющей благо всех существ и закон для праведных. Блаженство, радость, подъем, просветленность и счастье; безмятежность, безгневность, удовлетворенность, вера; терпение, стойкость и невреждение; беспристрастность, правдивость, прямота; беззлобность и независтливость; чистота, умелость, доблесть (- вот проявления гуны саттва). Тот, кто идет стезей йоги, (для кого в этом мире) "Тщетно знанье, тщетна деятельность, тщетно служение,

тщетны труды", - тот в ином мире вкусит вечность. Отрешенность от собственности, отрешенность от самости, от всяческих ожиданий, беспристрастное отношение ко всему... "Не подверженная губительному воздействию вожделения" - вот какова эта вечная дхарма праведных! Доверие, стыдливость и долготерпение, самоотверженность, чистота, бдительность, доброта, неподверженность заблуждению, милосердие ко всем существам, незлословие; восторг, довольство, изумление; послушание и доброе поведение; деятельность для (достижения высшего) покоя; сверхчистота, благая установка сознания и освобождение; невозмутимость, соблюдение послушнического обета и воздержание во всем, искорененность собственничества, искорененность тщетных упований, верность своей природе... "Тщетно дарение, тщетна жертва, тщетно учение, тщетны обеты, тщетно всякое стяжание, тщетна дхарма, тщетна аскеза", - все, кто живут согласно этому в здешнем мире, - приверженны саттве. Брахманы, пребывающие в источнике Брахмана, мудрые, они видят (вещи) правильно. Отринув все грехи, беспечальные, не ведающие старости и смерти, те мудрецы достигают неба и затем сами создают себе тела.190 Они, великие духом, подобно богам-небожителям, (простым усилием) сознания придают себе владычность, полный самоконтроль или невесомость. "Несомые восходящим потоком" - так называют (их, ставших уже) богами, способными к преображению: достигнув неба, в силу природы своей они так и этак преображаются. И чего они только не пожелают, они обретают (это сами) или наделяют (этим других).
14. Так, рассказано вам, о величайшие из дваждырожденных, о проявлениях саттвы. Тот, кто это должным образом усвоил, обретет все, что пожелает.
15. Перечислены полностью все свойства саттвы; надлежаще рассказано о проявлениях этой гуны. Человек, постоянно хранящий знанье об этих (трех) гунах, от гун наслаждение вкушает, а не гуны самого его вкушают.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцать восьмая глава.

Глава 39
Брахма сказал:
1-4. Неполон будет рассказ о гунах, если брать их по отдельности: обычно в этом мире раджас, саттва и тамас являются вместе. Связанные друг с другом, они живут за счет друг друга, все друг от друга зависят, а также друг за другом следуют.191 Стоит саттве проявиться, тут и тамас является, нет в том сомнения! А где тамас или саттва в этом мире, - там и о рад-жасе речь заходит! Совместно они, неразлучные спутники, свой путь свершают; ибо (всегда) сообща действуют, с причиной или беспричинно.
5-16. Но в своем одновременном действии они разнятся по степени развития: всегда налицо превосходство (одного) и умаление (других). Если, (например), в животном состоянии преобладает тамас, то раджаса там обнаружится лишь немного, а саттвы - еще меньше. Если у достигших "срединного потока" на подъёме раджас, то тамаса там можно обнаружить лишь немного, а саттвы - и того меньше. Если же у поднятых "восходящим потоком" особенно развита саттва, то раджаса там окажется совсем немного, а тамаса - и того меньше. Саттва открывает возможность преображения, несет просвещение индриям; ведь выше саттвы нет иного состояния (духа)! Приверженные саттве устремляются вверх, приверженные раджасу остаются посередине, а обуянные низшей из гун, люди тамаса, направляются вниз.192 Тамас - в шудрах, раджас - в кшатре, а высшая из гун, cammea - в брахманах; так проявляются три гуны в трех варнах. Даже при беглом рассмотрении cammea, раджас и тамас всегда видны вместе, действующими совокупно; не слышали мы, чтобы (они действовали) по отдельности. Когда восходит солнце, воришки испытывают страх, а путники ощущают зной и томятся, несчастные, от жажды. Солнце (в этом примере) разъясняется как саттва, воры - как тамас, а зной, томящий путников, есть гуна раджас. В солнце его сияние - это саттва, его зной - это гуна раджас, а когда в положенные дни с ним случаются затмения, то должно видеть в этом проявление гуны тамас. Вот таким образом и во всех прочих светилах совершают свой оборот три гуны, проявляясь поочередно: то тут, то там, то так, то этак.
17-20. А у недвижных существ (преобладает) тамас, присущий животному состоянию. К раджасу относятся те (их свойства), которые подвержены изменениям; а свойство маслянистости у них саттвично.193 Как трёхгунный должно рассматривать день, и трёхгунной считается ночь; трёхприродны также месяцы, половины месяцев, годы, сезоны и стыки (сезонов). Тремя способами совершаются дарения, трояко приносится жертва. Тройственны миры и троичны Веды, трояко знание и трёхвидна посмертная участь. Прошлое, настоящее и будущее; дхарма, артха и кама; даже прана с апаной и удана - всё это суть те же три гуны.
21-23. Все, что есть в этом мире, состоит из этих трех (гун). Три гуны действуют, неизменно оставаясь при этом непроявленными. Саттва, раджас и тамас извечно творят сей мир. Тамас, Неявное, Благое, Постоянное, Нерожденное, Лоно, Вечное, Пракрити, Преображение, Светопреставление, Прадхана, Возникновение и Исчезновение, Недополняемое и Безущербное, Неколебимое, Ненарушимое, Неподвижное, Сущее и Не-сущее - всё это Непроявленное известно как состоящее из трёх гун. Люди, помышляющие о духовном, да запомнят эти наименования (Непроявленного).
24. Кто знает достоверно именования Непроявленного, (знает) о гунах и тонких их путях, кто постиг суть различий, тот, избавившись от тела, благополучно и от всех гун освободится!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" тридцать девятая глава.

Глава 40
Брахма сказал:
1-8. Сперва от Непроявленного произошёл Великий Атман, наделенный великим разумением; он считается началом всех свойств и первым из творений. Великий Атман (известен под именами): "Разум", "Вишну", "Всё", "Шамбху",194 "Мужественный", "Буддхи", "Мудрость" и "Восприятие", а также "Слава", "Стойкость" и "Память". Из этого ряда синонимов и познаётся, что есть "Великий Атман". Брахман, знающий это - мудр и никогда более не впадет в заблуждение. Тот, у кого повсюду руки и ноги, со всех сторон головы, глаза, рты, у кого всюду уши, - проникая собою всё в мире, пребывает сокрытым в сердце каждого (существа) источающий великое сиянье Пуруша: крошечный, как атом и наилегчайший, способный объять всё Владыка, непреходящий Свет. И в нём те люди из наделенных разумом, которые находят радость в отрешённости, погружены в созерцание, всегда предаются йоге, привержены истине, обуздали чувства, те, кто богаты знанием, нестяжательны, победили гнев, мудрые, с просветленным сознанием, чуждые собственности и самости - освободившись, все они достигают Величия. Кто знает чистый, высший путь Великого Атмана, тот - (величайший) мудрец во всех мирах, он не подвержен более заблуждению. В изначальных актах творения сам Вишну становится (этим) Самосущим Владыкой.195
9. Тот же муж, кто так знает196 Владыку, в пещере сокрытого,197 древнего Пурушу, Вселенскую форму,198 Золотого, Того, в ком заключена высшая цель наделенных разумом, - тот, разумный, разум199 превзойдя, (за пределами его) пребывает.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сороковая глава.

Глава 41
Брахма сказал:
1-4. Этот Великий, возникший первым, называется также "Основанием "Я"", ахамкарой.200 Сказав: "Я!", она возникла, и это называют вторым творением. Ахамкара есть "Начало первоэлементов", её именуют "Изменяющейся". Мысль (о "Я") есть также "Основа теджаса".201 {Ахамкара - это) творение существ, это - Праджапати.202 Это - бог, породитель (всех) богов, а также манаса; это - создатель тройственной вселенной. (Первым провозгласивший) "Я (есмь) все это!", он считается (всеобщим) наставником. Сей извечный мир принадлежит подвижникам, постоянно ищущим духовного знания, выявившим в себе Атман, изучающим Веды, достигшим совершенства.
5. Вот так посредством ахамкары Источник первоэлементов, их Создатель творит для Воспринимающего (все) эти (воспринимаемые) объекты. А "Изменяющаяся" приводит в движение мир, озаряя при этом своим огненным пылом всю вселенную.203
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сорок первая глава.

Глава 42
Брахма сказал:
1-5. От ахамкары рождены пять великих элементов: земля, ветер, пространство, воды и свет - пятый. Среди этих пяти великих элементов (пребывая), при воздействии (на органы восприятия) звука, касания, зримой формы, вкуса и запаха - живые существа впадают в заблуждение. Когда же великие элементы почти полностью разрушены и грядет мировая катастрофа, то всех, кому присуще дыхание, о мудрые, объемлет великий страх. От какой сути какая суть родилась, в той она теперь и растворяется; эта родилась от той, растворение же происходит в обратном порядке. И вот уже исчезли все живые существа, движущиеся и неподвижные; но люди

мудрые и памятливые204 никогда не исчезают!
6-11. Звук, касание, а также зримая форма, вкус и пятый - запах, обусловлены деятельностью и материальной причиной, (а потому) не могут быть постоянны, имя им - заблуждение. Они сопряжены с воспроизводством алчности, не имеют специфических отличий, лишены реальности, образованы из плоти и крови, питаются друг другом. Они считаются "внешними по отношению к "Я"", жалкими и убогими в своем действии. А вот прана и апана с уданой, а также самана и вьяна считаются "относящимися к "Я"", это - пять непременных ветров (в теле). Вместе с речью, манасом и буддхи они образуют восьмиричный мир. Кто обуздал кожу, нос, ухо и орган вкуса с речью, чей манас очищен, кто не даёт отклоняться буддхи, человек, чье сознание эти восемь огней никогда не опаляют, - идет к благому Брахману, выше которого нет уже ничего.
12-17. Теперь же, о дваждырожденные, я расскажу вам все о тех порожденных ахамкарой одиннадцати, которые называют индриями. Ухо, кожа, глаза, язык и нос как пятый; ноги, органы испражнения и размножения, руки и орган речи как десятый - такова группа индрий, а одиннадцатым в ней будет манас. Все это скопище человек должен преодолеть, прежде чем (в его душе) воссияет Брахман. Пять (первых) называют индриями восприятия, а пять (вторых) - индриями действия.205 Те пять, из коих первое - ухо, по природе своей связаны с восприятием. Другие же (пять) неспособны к различению и связаны с действием. О манасе следует знать, что он имеет двойную природу.206 А буддхи будет при них двенадцатым. Итак, мною перечислены по порядку эти одиннадцать индрий. Познав их, ученые мужи считают, что достигли полноты (знания).
18-23. У существ - три местообитания, четвертого не бывает. Это - земля, вода и воздушное пространство. А вот рождение бывает четырех видов. Рождающиеся из яйца, произрастающие (из земли), заводящиеся от сырости и выходящие из утробы - таково рождение четырех видов, какие можно указать для всего этого множества существ. Есть существа неподвижные и есть летающие по небу, которые все, вместе со змеями, относятся к (разряду) яйцерожденных. "Заводящимися от сырости" называются черви и другие такого рода твари; это - второй и, как считают, низший вид рождения. Тех же, которые в соответствии с круговым ходом времени (в должную пору) вырастают, пробиваясь сквозь землю, - достойнейшие из дваждырожденных называют "произрастающими". Знайте, что существа с двумя и более ногами, а также те, что ходят по-звериному,207 - рождаются из утробы и суть лучшие из существ.208
24-26. Следует знать, что извечное Лоно Брахмана209 в этом мире двояко: оно образуется подвижничеством и всякими благими деяниями; этим руководствуются мудрые. Следует знать, что обрядовое действие двояко: (оно состоит из) жертвоприношения и дарений при жертвоприношении. Старцы учат (также), что учение для (всякого) рожденного является благой заслугой. Кто это должным образом знает, тот достигает освобождения и избавляется от всех грехов - уразумейте, о быки среди брахманов!
27-31. Пространство - первый из (великих) элементов. В личностном это - слух, во внешнем - звук, в божественном - Стороны света.210 Второй из (великих) элементов - ветер; в личностном он известен как осязание, во внешнем - как то, что осязают, а там, в божественном - как Молния. Третьим называют свет. В личностном это - зренье, во внешнем - зримая форма, там же, в божественном - Солнце. Четвертым (элементом) должно знать воды. В личностном это - вкус, во внешнем - сок, там же, в божественном - Сома. Пятый элемент - земля. В личностном она определяется как обоняние,211 во внешнем - как запах, а в божественном это - Ваю.212
32-39. Таково установленное Преданием четырехчастное деление для каждого из пяти элементов. Теперь же я поведаю о троякости каждой из индрий. К личностному брахманы, прозревшие истину, относят ноги; во внешнем же это - хождение, а в божественном - Вишну.213 Вниз направленная апана в личностном определяется как анус, во внешнем это - испражнения, в божественном - Митра.214 Порождающий все существа пенис относится к личностному; во внешнем же это - семя, а (соответствующее) божество - Праджапати.215 Люди, сведущие в личностном, относят к личностному руки; во внешнем же это - деяния, а там, в божественном - Шакра.216 Считается относящейся к личностному первичная по от-ношению к манасу,211 всем богам сообща принадлежащая Речь; во внешнем же это - говоримое, а там, в божественном - Агни. Манас, за пятью элементами влекущийся, относят к личностному; во внешнем же это то, что мыслится, а в божественном - Месяц.218 Буддхи, исследующую (данные всех) шести индрий, относят к личностному; во внешнем это - познаваемое, а там, в божественном - Брахма.219
40-42. Вот и изложил я вам должным образом установление о том, что есть личностное. Добыть это знание в нашем мире удалось лишь людям, наделенным (в высшей степени) способностью познания. Собрав вместе индрий, предметы индрий и пять великих элементов, надлежит удерживать их манасом; когда же все (это) исчезнет в манасе, не кажутся более желанными (человеку) радости жизни. В том-то и состоит, по мнению мудрых, (истинное) счастье существ, наделенных знанием.
43-49. А теперь я расскажу о нивритти - (принципе) свертывания деятельности, который в мягкой или в резкой форме (проявляется) во всех существах, который делает их способными к восприятию тонких сущностей и является благим. Этот принцип, коему (особо) привержены брахманы, предполагает восприятие (своих) достоинств как недостатков, непривязанность, одиночество, игнорирование всех различий - и зовется источником безраздельного блаженства. Мудрец отрывает все свои влеченья (от их объек-тов), как черепаха убирает свои члены (под панцырь);220 он лишен страстей и от всего свободен, а потому всегда счастлив. Обуздав в себе желанья, избавившись от жажды, сосредоточенный, добрый друг всем существам - он приходит к единению с Брахманом.221 Подавив деятельность индрий, всегда стремящихся к своим объектам, покинув поселения людей, возжигает в себе подвижник внутреннее пламя. Как огонь, если питать его дровами, ярко сияет, так начинает ярко сиять и Великий Атман, когда подавлены индрий. Если человек, чей дух просветлен, в своем сердце видит всех существ, тогда он, самопорождающий,222 обретает Непревзойденное, То, что тоньше тонкого.
50-56. Достоверно известно, что в теле (человека) огонь представлен формой, вода - "потоком",223 ветер - осязанием, земля - гадкой и грязной слизью, а пространство - слухом. Объято тело страстью и скорбью, окружено пятью каналами (восприятия),224 образовано из пяти элементов, девятивратно,225 обитаемо двумя божествами,226 преисполнено чувственности, не должно быть открыто взору, состоит из трех гун и трех гуморов, наслаж-дается соитиями, помрачено заблуждением. Трудно управлять им в этом мире живых. Имея опорой саттву, оно представляет собой в этом мире вращающееся Колесо Времени. Это тело есть ужасный, бездонный Океан, имя которому - неведение. Весь мир вместе с богами должен оставить, отбросить и распознать его. Трудно избавиться от страсти и гнева, страха, неведения, злобы и нечестности; но человек может отрешиться от них (всех разом), подавив деятельность индрий. Кто сумел в этом мире победить три гуны и пять первоэлементов, тому уготованы высшая обитель в небесах и вечность.
57-61. Страсть и гнев разом одолеет тот, кто переправился через реку с непреодолимыми протоками, реку, чей обрывистый берег - страсть, чей устрашающий поток - (деятельность) манаса. Такой человек, избавившийся от всякой скверны, вслед за тем прозревает Высшее. Замкнув манас на нём самом, тот человек созерцает в себе Атман. Всеведущий, он видит внутри себя Атман пребывающим во всех существах, то как Единое, то претворенным во множество. Поистине, он созерцает все формы как сотни светильников, (зажженных) от (одного) Светильника. Он сам есть Вишну, и Митра, и Ва-руна, и Агни, и Праджапати, он - Дхата и Видхата,227 он - Владыка, чьи лики обращены на все стороны света.228 В нем ярко сияет Великий Атман - сердце всех существ!
62. Сонмы вдохновенных брахманов-певцов, боги и асуры, якши, пишачи, Праотцы и птицы, все орды ракшасов и бхутов, а также великие риши все неустанно хвалу его воспевают!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сорок вторая глава.

Глава 43
Брахма сказал:
/-13. Среднюю гуну из людей представляет царственный кшатрий, из ездовых животных - слон, а из обитателей леса - лев; из жертвенных животных - овца, из обитающих в норах - крот, из рогатого скота - бык, а на фоне женщин эту гуну представляет мужчина. В этом мире ньягродха, джамбу, пиппала и шалмали, а также шиншапа, мешашринга и бамбук ки-чака229 являются, вне всякого сомнения, царями деревьев. Химаван, Парият-ра, Сахья, Виндхья, Трёхвершинная, Швета, Нила, Бхаса и гора Каштха-ван, Шубхаскандха и Махендра, а также гора Мальяван230 - это цари среди гор. А Маруты - (царская) среди ган.2Ъ1 Солнце (Сурья) - владыка планет, а Месяц (Чандрамас) - царь накшатр; Яма - повелитель питаров, а Океан - всех потоков. Варуна есть царь вод, а Митра - всех одушевленных существ; Солнце (Арка) - царь всех горячих тел, а Месяц (Инду) - всех светящихся. Огонь есть владыка всех живых существ, а Брихаспати - (первый из) брахманов; Сома - царь растений, а Вишну - первый из наделенных мощью. Тваштри есть повелитель форм,232 а Шива - владыка жертвенного скота;233 жертвенный обряд есть высшее из дарений, а поэты-риши (представляют гуну раджас) в традиции Вед. Из сторон света главная - Север; царем всех брахманов является могущественный Сома; Кубера - (повелитель) всех якшей, а Пурандара - богов; творец же первоэлементов и прочего, а также всех живых созданий - Праджапати. Из всех сутей (превыше всего) - Я, Великий, сотворенный из Брахмана; нет никакой иной сути, что была бы выше Меня или Вишну. Вишну, Великий, сотворенный из Брахмана, есть царь над всеми царями; мы знаем Его как Ишвару; Он - Владыка, Он - Праджапати. Ибо он есть Господь для всех: и людей, и киннаров, и якшей, и гандхарвов, и змей, и ракшасов, и богов, и данавов, и

нагое.234
14-15. Великой владычицей всех боготворящих женское лоно является прекрасноокая Махадеви, именуемая также Парвати. Следует знать богиню Уму как высочайшую и святейшую из женщин. Земля да будет (известна как величайшее) из влагалищ; а из всех женщин (первые) - апсары.
15-18. Цари стремятся жить по дхарме, брахманы же суть носители дхармы; потому царь в этом мире должен усердствовать в защите брахманов. И если во владениях каких-либо царей святым людям приходится плохо - те цари лишаются всех своих достоинств и по смерти идут нисходящим путем. Те же цари, в чьих владениях святые люди живут под надежной защитой, - ив этом мире возрадуются, и по смерти обретут, великие духом, вечность, знайте это, о достойнейшие из дваждырожденных!
19-25. Теперь я расскажу о непременных характерных признаках различных дхарм. Признак дхармы есть ненасилие, насилием же отмечена ад-харма.235 Богам присуще сияние, а людям - (обрядовая) деятельность; пространству свойственен звук, а ветру - касание. Зримая форма есть признак светил; воды характеризуются вкусом. Несущая на себе все живое Земля характеризуется запахом. В совершенстве сочетающая гласные и согласные Речь характеризуется правдивостью. Манас характеризуется мыслью; то же, в силу их близости, говорят и о буддхи. Размышляет о предметах восприятия манас, а решение (о них) принимает буддхи, ибо именно буддхи, вне всякого сомнения, характеризуется решимостью! Характеристика Великого - йоги-ческое созерцание, Непроявленное характеризуется благостью.236 Йога отмечена активностью, а джняна - отказом от деятельности. Поэтому человек, обладающий (верно направленной) буддхи,231 поставив джняну превыше всего, да отрешится от мира. Отрешенный и обретший Знание, он удостоится высшей участи, по смерти своей придя туда, где превзойдены тьма, старость и смерть, где нет более никакой двойственности.
26-33. Как подобает, рассказал я вам обо всем, что относится к характеристикам дхарм. Теперь же сообщу о том, как воспринимаются свойства.238 Запах соотносится с элементом земли; воспринимают его носом. Но и ветер, пребывающий в носу, тоже содействует восприятию запаха. Вкус соотносится с элементом воды; воспринимают же его языком. Но и Сома-Месяц, пребывающий на языке, тоже содействует восприятию вкуса. Форма есть свойство света; воспринимают ее оком. Но и Адитья-Солнце, присутствуя в оке, тоже содействует восприятию формы. Касание связано с элементом ветра, а воспринимается оно кожей; но и (тот) ветер, что пребывает в коже, тоже содействует восприятию касания. Свойство пространства - звук; воспринимают его ухом. Но и пребывающие в ухе все стороны света тоже известны (своей ролью) в восприятии звука. Свойство манаса - мысль, воспринимают ее мудростью; но и пребывающий в сердце элемент сознания239 тоже содействует ментальному восприятию. Определив буддхи по решительности, а Великое - по йогическому созерцанию, Непроявленное непрестанно познает их - в том нет сомнения!
34-40. Вечный, по природе лишенный свойств Познающий Поле постигается без признаков. Потому не имеющий признаков Познающий Поле обладает лишь одной характеристикой - Знанием. Непроявленное определяют как Поле, в котором возникают и в котором исчезают гуны. Я постоянно вижу, слышу и познаю его, хотя оно и сокрыто. Его познает Пуруша, почему и зовется "Познающим Поле". Так же и всю деятельность гун Познающий Поле наблюдает. Сами гуны не сознают себя рождающимися снова и снова, обреченными на начало, середину, упадок и конец, лишенными сознанья. Никто не знает истины, лишь Познающий Поле постигает то, что выше гун со всем, что ими сотворено, и над Высшим Великое. Вот почему человек, наделенный знанием природы вещей, отринув и гуны, и свое знание, истребив в себе всю скверну и поднявшись над гунами,240 соединяется затем с Познающим Поле. Не зная более пар противоположностей, никому не кланяясь, не возглашая "Свадха!",241 недвижный, бездомный - он (сам становится) Познающим Поле, Высшим Владыкой.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сорок третья глава.

Глава 44
Брахма сказал:
1. Я правдиво поведаю все о том, что имеет начало, середину и завершенье, о средствах его постижения, а также об именах его и характеристиках.
2-3. Известно, что день идет сперва, а ночь - после; что месяцы начинаются со светлой половины; что лунные дома начинаются со Шравиштхи;242 и что зима есть первое среди времен года. Земля - источник запахов, а вода - вкусов; свет - источник форм, а ветер называют источником касаний. Также эфир есть источник звука. Так каждый первоэлемент предопределяет некое свойство.
4-13. Теперь я возвещу о высшем начале всех сущностей. Солнце-Адитья - начало всех светов, Огонь полагают началом первоэлементов. Са-витри243 - всех наук начало, Праджапати - (всех) богов; слог "Ом" - начало всех Вед, а Прана - начало всех речей. Все, что в этом мире установлено свыше, обозначают (именем) Савитри. Стихотворных размеров начало - Гаятри,244 из жертвенного скота первый - козел; коровы - начало всех четвероногих, дваждырожденные - (первые из) людей. Сокол - начало всех птиц; из жертв наивысшая - возлияние в огонь жертвенного масла, а из всех пресмыкающихся первая - змея, о достойнейшие из дваж-дырожденных! Крита - начало цикла юг, в этом нет сомнения; золото - начало всех ценностей, а ячмень - всех растений. Из вкушаемого и поглощаемого наивысшим считается рис; а из жидкостей, для питья предназначенных, лучше всего вода. Из всех без исключения неподвижных существ перворожденным считается (дерево) Плакша245 - вечное святое обиталище Брахмы. Всех Праджапати (начало) - это я, несомненно. Мой неохватыва-емый мыслью Атман есть Вишну; "Самосущим" он зовется. Из всех гор перворожденной считается великая Меру; а из основных и промежуточных направлений перворожденной считают вертикаль. Также перворожденной среди рек почитают текущую тремя путями Гангу; а из всех потоков и водоёмов перворожденный - это Океан.
14-21. Над всеми богами, данавами и бхутами, пишачами, змиями и рак-шасами, людьми, киннарами и якшами -- владыкой является Ишвара. Начало всей этой вселенной есть состоящий из Брахмана великий Вишну; выше, чем Он, нет существа во всей тройственной вселенной. Из всех стадий жизни - возраст домохозяина главный, это несомненно. Начало всех миров - Непроявленное, оно же есть и конец всего. Дни заканчиваются закатом солнца, а ночь - восходом; в конце счастья всегда ждет горе, в конце горя - всегда счастье. Все накопленное в конце иссякнет, всякий подъем кончится падением; всякий союз кончается разлукой, а жизнь - смертью. Все созданное в конце концов погибнет, всякий рожденный неизбежно умрет, ибо всё движущееся и неподвижное в этом мире - преходяще. Принесенное в жертву, дарованное, подвижничество, ученье, обеты и самоограничение - все это в конце концов исчезнет без следа.246 Одному лишь нет конца - Знанию. А потому человек с проясненным сознаньем, погруженный в сосредоточенное созерцание, лишенный чувства собственности и самости, посредством чистого Знания может избавиться от всякого зла.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сорок четвертая глава.

Глава 45
Брахма сказал:
1-12. Вращается Колесо Времени, оно насажено на шест манаса, его сердцевина - буддхи, его обод - совокупность индрий, его ступица - первоэлементы, его окружность состоит из миганий ока; обременено оно старостью и горем, сопутствуемо болезнью и бедою; оно размеряет время и пространство, скрипит от тяжких усилий и трудов. В его вращении чередуются ночь и день, сменяются по кругу жар и холод; стиснуто оно преходящими счастьем и горем, схвачено скрепами голода и жажды. Трещины в нем - от смены тени и зноя, сотрясенья его - от миганья и раскрытия век; несущее на себе чудовищные сонмы погрязших в заблуждении существ, вращается оно, лишенное сознания! Единицы меры его - месяцы и полуме-сячья; непостижимое, увлекает оно в своем вращении всю вселенную. Грязь на нем - скопленья тсшаса, раскручивает же его энергия раджаса, сияет оно нарядным убранством саттвы; круг его образован сочетанием гун. В его ступице - шум и раздоры; оно приводится в движение совокупностью скор-бей. Сопряжено оно с действием и его орудиями; огромно и ещё растёт вширь из-за страстных привязанностей, всецело обусловлено алчностью и жаждой обладания, порождается рассеянностью Знания. Обложено со всех сторон страхом и неведением, порождает оно помраченье во всех существах, несет в себе радость и блаженство, приобщает страсти и гневу. Оно начинается от Великого и простирается до специфических свойств первоэлементов,247 вечно пребывает в неотвратимом становлении, быстро, как мысль, не знает усталости. Это Колесо Времени лишено сознания, сопряжено с парами противоположностей; человек должен оставить и отбросить его, (чтобы) познать мир бессмертия!248 Человек, который всегда знает во всей достоверности как вращается Колесо Времени и как остановить его, - тот (единственный) среди живых существ не подвержен (более) заблуждению! Избавившись от всех помех, превзойдя все пары противоположностей, очистившись от всякого греха, тот подвижник приобщится наивысшей участи!
13-23. Домохозяин, послушник-брахмачарин, тот, кто ушел жить в лес и тот, кто нищенствует, - вот четыре стадии жизни; основа же им всем - стадия домохозяина. Какая ни есть в этом мире обязанность, предписываемая священными текстами, её надлежит исполнять до конца, дабы обрести благо; так провозглашено от века. Предварительно очистив себя обрядами, подобающе исполнив все свои

обеты, человек, рожденный в одном из благородных сословий, после того, как постиг ведийскую науку, пусть исполнит обряд "возвращения".249 Смиренный, любящий свою собственную супругу, подражающий поведению мудрых, укротивший чувства, исполненный веры пусть он совершает пять "великих жертвоприношений".250 Питающийся лишь тем, что осталось от (трапезы) богов или гостей, находящий удовольствие в исполнении ведийских обрядов, по мере сил своих и согласно установленьям постоянно занятый принесением жертв и дарениями - пусть подвижник не машет попусту руками или ногами, не шарит вокруг глазами, не мелет зря языком, не движет попусту телом, ибо все это не пристало мудрому. Пусть он не расстается с жертвенным шнуром и всегда носит чистые одежды; чисты да будут его обеты. Приверженный самоконтролю и щедрости, пусть он ищет общества мудрых людей, подчинив своей воле уд и брюхо, дружелюбный ко всем, сосредоточенно следующий образу жизни мудрых, пусть он носит бамбуковый посох и сосуд камандалу251 с водою. Выучившись сам, пусть он учит (Ведам) других; пусть совершает жертвоприношения для себя и исполняет их по заказу других; пусть совершает дарения и принимает дары; да будет его деятельность этих шести видов. Из них три вида деятельности обеспечивают в этом мире брахманам средства к существованию: совершение жертв по заказу и обучение других - вот два, а третий - принятие даров от человека чистого. Остальные три вида деятельности: дарение, изучение Вед и принесение жертв за себя - (не суть средства к существованию, но) сопряжены с исполнением долга.
24-25. Сознавая свой долг, подвижник пусть предается со всем тщанием этим трем видам деятельности, будучи при этом самообуздан, исполнен смирения, а также дружелюбен и беспристрастен ко всем существам. Чистый (душой) брахман, который в меру сил всему этому следует, домохозяин-гри-хастха, исполнивший все свои обеты, посредством этой религиозной практики завоевывает небо. Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сорок пятая глава.

Глава 46

Брахма сказал:
1-8. Если в меру сил своих и согласно предписаньям человек следует (лишь) одним из прежденазванных путей, а именно - изучает Веды, то это есть исполнение обета брахмачарья. Ревностный в исполнении своих обязанностей, укротивший все индрии, ученый подвижник радеет о благе своего наставника, чист, всецело предан истине и благочестию. Только с разрешения учителя и без ропота должен вкушать он пищу свою - остатки от приношений богам или полученное в милостыню, так же (по команде) стоя, сидя, или отдыхая. Дважды в день, очистившись и сосредоточившись, пусть возливает он масло на жертвенный огонь; и пусть всегда носит посох из дерева бильва или палаша.152 Одеяние (этого) дваждырожденного должно быть из шкуры антилопы, из льняной или хлопковой ткани, и обязательно красным. Да будет он препоясан кушаком из травы мунджа, пусть носит колтун из спутанных волос и всегда будет готов совершить возлияние воды. Пусть он носит жертвенный шнур, непрестанно твердит наизусть Веды, и да будут нерушимы его обеты! Чистыми приношениями постоянно насыщая предков, управляя своим сознанием - славен становится брахмачарин\ Так подвизаясь, поднимая вверх семя,253 погрузившись в созерцание, завоевывает он небо. Не переходит более по кругу из рожденья в рожденье, а высшей обители достигает.
9-16. Или же, соблюдая брахмачарью, всеми обрядами себя очистив, пусть он покинет деревню и, от всего отрешившись, уйдет подвижником в лес. Укрытый шкурой или древесным лыком, пусть он на рассвете совершает свои возлияния воды, и пусть всегда его миром будет лес: он не должен более входить в деревню. При случае пусть он воздает почести и предоставляет кров гостям, питаясь сам опавшими плодами и листьями, кореньями и просом. Ключевою водою, ветром и всем, что растет в лесу, вплоть до травы, пусть он питается, соблюдая должную последовательность, которой обучили его в обряде посвящения.254 Если гость придёт, пусть он поднесет ему немного кореньев, плодов и что-нибудь из собранного подаяния. Что сам имеет в пищу, то пусть всегда и сам усердно раздает другим в качестве милостыни. Обуздавший свою речь, пусть он ест только после того, как накормит богов и гостей, и пусть ест мало, не увлекаясь (едой), во всем полагаясь на богов. Смиренный, ко всем дружелюбный, всепрощающий, пусть отращивает волосы и бороду, приносит жертвы, пусть сделает правилом постоянное заучивание Вед и превыше всего ставит принцип правдивости. Отрешившись от нужд тела, всегда старательный, не выходящий из леса, сосредоточенный, обуздавший индрии лесной подвижник-ванапрастха посредством такой религиозной практики завоевывает небо.
17-25. Но если домохозяин-грихастха, послушник-брахмачарин или лесной отшельник-ванапрастха хочет достичь Освобождения, то он должен обратиться к высшему из видов (религиозного) поведения. Дав обет всем живым существам, что никогда им не будет от него вреда, пусть живет впредь бездеятельно,255 радея о благе всех существ, как ко всем дружелюбный, обуздавший все чувства подвижник. Пусть он всегда довольствуется пищей, которую сам не просил, которую для него не готовили и которая досталась случайно; а то, что попало в рот, пусть ест без желания. Пусть он ест в меру, ровно столько, сколько нужно для поддержания жизни, и только то, что ему подадут в силу обычая, без его просьбы. Кроме пищи и одежды он ничего другого принимать не должен; и пусть сколько (сейчас) съест, ровно столько и берет, а не больше. Пусть не принимает от других дарений и сам ничего не дарит (взамен);256 но поскольку живые существа пребывают в отчаянном положении, мудрый всегда должен попросту делиться с ними. Да не присвоит он чужого и да не возьмет чего без спросу; один раз чем-нибудь насладившись, к этому да не пристрастится. Пусть он сам пользуется только глиной, водой и камнями, а также листьями, цветами и плодами; они никому не принадлежат, а когда нужны - всегда под рукой. Он не должен кормиться никаким ремеслом, не должен искать второго источника пропитания;257 пусть ни с кем не враждует, никого не наставляет и пусть не владеет никакой собственностью. Пусть вкушает лишь то, что освящено с верой. Пусть отрешится (в жизни) от всяких целей. Пусть действует без всякого умысла, ни к чему не будучи привязан. Пусть разводит свой огонь скрытно от всех существ, а за подаянием пусть идет в деревню, когда нет дыма (над домами) и люди уже сыты. Ищущий Освобождения пусть просит милостыню в то время, когда (хозяева) уже убрали посуду. И пусть, получив, не радуется, а не получив - не отчаивается. Пусть он идет за милостыней духовно сосредоточенным, надеясь лишь на необходимую малость, выжидая своей очереди. Пусть не стремится получить подаяние вместе с др
угими и пусть не ест, если (хозяева вздумают) оказывать ему почести; ибо (настоящий) нищенствующий отшельник от подаяния, сопутствуемого почестями, отвращается. При еде он не должен разбирать вкуса: кислого, горького, соленого, острого или всевозможных оттенков сладкого; и пусть ест в меру, ровно столько, сколько нужно для поддержания жизни. Ищущий Освобождения пусть добывает себе средства для поддержания жизни так, чтобы не чинить помехи другим живым существам. Отправляясь за милостыней, он не должен идти следом за другим, тоже просящим подаяния. И пусть не выставляет благочестие свое напоказ; лучше пусть, бесстрастный, живет он в уединенном месте, в заброшенном доме или в лесу, при корнях дерева, на реке, или пусть использует как убежище пещеру в горах. Летом он может провести в деревне не более одной ночи; а в сезон дождей пусть места не меняет.258 Пусть он бродит по земле, как жук, и лишь Солнце указывает ему путь.259 Из сострадания к живым существам пусть он при ходьбе всегда смотрит на землю, (себе под ноги).260 Не надо делать припасов, и не следует останавливаться в домах у друзей. Ищущий освобождения пусть всегда использует в своих необходимых действиях лишь чистую воду; пусть сей муж всегда совершает возлияния водой, поднятой наверх (из реки или колодца).261 Пусть он, обуздавший чувства, блюдет такие восемь обетов: неврежденье (живому), брахмачарья, правдивость, честность, безгневность, независтливость, самоконтроль и незлословие. Да живет он всегда жизнью безгрешной, без коварства, без хитростей. Пусть и сам не совершает, и других не побуждает к совершению действий, сопряженных с надеждой (на плоды), или сопряженных с насилием, или диктуемых долгом перед сообществом людей.262 Поднявшись над всем мирским, с наименьшей мерой (потребностей) пусть он странствует, относясь вполне беспристрастно ко всем существам, движущимся и неподвижным. Да не страшится он сам никого и никому другому да не внушает страха. Тот, кому все живое доверяет, считается первым среди ищущих Освобождения. Не должен (санньясин) вн
утре
нним взором проникать в будущее, не должен он раздумывать о прошедшем; но пусть, погруженный в сосредоточение, незаинтересованно следит за ныне происходящим, ожидая своего (смертного) часа. Пусть он никогда ни взглядом, ни мыслью,263 ни словом никому не сделает дурного; и никому ни явно, ни тайно да не причинит он вреда. 42-44. Оторвав индрии (от объектов), как черепаха убирает разом все свои члены под панцирь, пусть он потом, когда прекратится деятельность индрий, манаса и буддхи, созерцает без помощи органов восприятия. Превзошедший двойственность, никому не кланяющийся, не произносящий более возгласа "Сваха!",264 чуждый понятию "моё", чуждый самости, чуждый при-обретению и сохранению, лишенный ожиданий, ни к кому из живых существ не привязанный, ни от кого не зависящий, всезнающий, от всего свободный - обретёт он Освобождение, несомненно!
45-51. Не знают смерти те, кто созерцают (в себе) не имеющего ни рук, ни ног, ни спины, ни головы, ни брюха, пребывающего вне сферы деятельности гун, обособленного, незапятнанного, стойкого, лишенного запаха, неосязаемого, не имеющего формы, беззвучного, лишенного кожи и костей, костного мозга и мяса, чуждого суетных мыслей, непреходящего, вечного, неотлучно в сердце каждого и во всех существах сразу пребывающего Атмана. Ни буддхи, ни индрии, ни боги, ни Веды, ни жертвы, ни люди, ни

подвижничество, ни доблесть не приводят туда, куда попадают лишь обладатели Знания; но об этом достижении нельзя узнать по признакам. Поэтому знаток дхармы пусть следует обету благочестия втайне, не выдавая себя внешними признаками; да живёт он, мудрый, жизнью незнаемой. Избавленный от заблуждения, пусть живёт он по видимости как заблудший, так, чтобы только не было при этом ущерба дхарме; посторонние же будут неизменно относиться к нему с презрением. Так живущий, пусть блюдет он свою дхарму, не нанося при этом вреда стезе благочестивых.265 Кто избирает этот образ жизни, того считают превосходнейшим из подвижников.266
52-55. Индрии и предметы индрий, пять великих элементов, манас, буддхи, Атман, Непроявленное и Пуруша - всё это перечислив и правильно осуществив отрешенье, незапятнанно-чистый подвижник обретает небо и освобождается от всех уз. Искатель истины в свой смертный час всё это (мысленно) перечислив, пусть предаётся внутреннему созерцанию, всецело сосредоточившись на одной точке, - и тогда (сам), без всякой опоры, он достигнет Освобождения! Свободный от всех привязанностей, как Ветер, гуляющий в мировом пространстве, он, износивший свою оболочку, приходит в Высшую Обитель.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сорок шестая глава.

Глава 47
Брахма сказал:
1-4. "Санньяса267 есть (подлинное) подвижничество", - так говорят старцы, коим ведома истина. Брахманы, пребывающие в Лоне Брахмана, постигли, что Высший Брахман заключен в Знании. Высший Брахман - здесь рядом, он покоится на ведийской мудрости; он выше двойственности, лишён гун, вечен, непредставим, являет собой великую тайну. Мудрые, очистившиеся, смывшие тамас, превзошедшие раджас, незапятнанные, благодаря знанию и подвижничеству ту обитель прозревают. Люди, сведущие в Ведах, всегда предаются санньясе; устремленные к высшему, они с помощью подвижничества вступают на благой путь.
5-11. "Подвижничество есть светильник", - так говорят. Благое поведение есть средство соблюдения дхармы. Знание превыше всего. А санньяса есть высшее подвижничество. Для кого определилась истина и кому открыто избавляющее от мучений Знание об Атмане, пребывающем во всех существах, - тот, как утверждают, способен проникать всюду. Мудрец, которому зримы и (Его) пребывание во (всех существах), и (Его от них) отдельность, а также (Его) единство и (Его) многообразие, - избавляется от (Мирового) Страдания. Кто ничего не желает и ничего не презирает, тот даже и не покинув еще этого мира, уже готов отождествиться с Брахманом. Кто знает Прадхану, гуны и (все) сути,268 кто постиг закон, установленный для всего живого, кто не знает собственности, лишен самости - тот, без сомнения, освобождается. Кто возвысился над противоположностями, никому не кланяется, не возглашает "Свадха!"269 - тот через умиротворение к Бескачественному, Вечному, Недвойственнному приходит. Отринув весь этот из качеств сотканный мир, а также действия благие и неблагие, отринув и правду, и ложь, тот человек, без сомнения, освобождается!
12-14. Рождающееся из семени Непроявленного, со стволом, образованным буддхи, Великое, (зеленеющее) ростками великой Самости, с дуплами индрий, с ветвями первоэлементов, с сучками объектов восприятия, всегда листвой, всегда цветами покрытое, равно благие и неблагие плоды приносящее - питает жизнь всех существ вечное Древо Брахмана. Срубив и расколов его превосходнейшим мечом Знания, отринув его, да уйдет человек от смерти и от рождения, и да обретет бессмертие!270 Не знающий чувства собственности, лишенный сознания самости - человек освобождается, в этом нет сомнения!
15. Вот две вечные птицы, два друга, оба "лишенные сознанья"; Тот же, Кто выше их, известен как "Обладающий сознаньем".271
16. Внутренний Атман, лишенный сознанья, предаваясь накоплению сат-твы, постигает затем То, что выше саттвы; и тогда Он, Познающий Поле, чей разум составляется одной лишь саттвой, превзошедший (все) гуны, - высвобождается из петли Смерти.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сорок седьмая глава.

Глава 48
Брахма сказал:
1-12. Одни полагают, что Древо Брахмана, другие - что состоящее из Брахмана Великое, иные - что Пуруша (есть) Непроявленное, иные - что это Высшее и Безущербное,272 и что весь этот мир в Непроявленном рождается и в нем гибнет. Кто в час смерти хоть на время единого вздоха полного беспристрастия достигнет и с Атманом соединится - тот готов для бессмертия. Кто на одно лишь даже мгновение ока в своем внутреннем мире своё "я" смирит - тот путем прояснения своего внутреннего мира придет к непреходящей заветной цели всех мудрецов. Тот, кто вновь и вновь задерживает праны посредством дыхательных упражнений пранаямы, сначала - на десять-двенадцать (матр), а затем выйдя за пределы двадцати четырех,273 - тот, добившись сперва таким путем ясности своего внутреннего мира, обретает все, чего не пожелает. Когда саттва начинает господствовать в Непроявленном - (уже все) готово для бессмертия. Сведущие люди ничто иное в этом мире не считают высшим по отношению к саттве. Мы можем умозаключить, что и Пуруша зависит от саттвы; ведь иначе, (как через саттву) невозможно достичь того Пуруши, о дваждырожденные! Ведь смирение, стойкость, неврежденье, полная беспристрастность, правдивость, прямота, знание, самоотверженность и уход от мира - все они считаются проявлениями саттвы. Исходя из этого, (некоторые) мудрецы полагают, что саттва и Пуруша, вне всякого сомнения - одно.274 Другие же ученые мужи, преуспевшие в Знании, говорят: "То, что Познающий Поле и саттва суть одно, - не соответствует действительности". "Одно от другого всегда отлично" - тоже необдуманно сказано. Надо очень тонко понимать их раздельность, хотя (в то же время) и соприродность. Сведущие держат за правило подходить к единству и многообразию таким образом: дерево удумбара и мошка, (на нем сидящая, образуют) единство, но видно и различие. Рыба отлична от вод, (в которых плавает), при том, что они связаны друг с другом;275 таково же отношение и капель воды к (приютившему их) листу красного лотоса.
Наставник сказал:
13. Выслушав это, жрецы, достойнейшие из брахманов, вновь ощутили некое сомнение и обратились с вопросами к Праотцу Вселенной.
Риши сказали:
14-24. Какую из обязанностей в этом мире прежде всего исполнять следует? Путь дхармы столь разветвлен, что и не знаешь, куда идти. Одни говорят о том, что (остается) после гибели (тела); другие (отвечают им): "Этого не существует!". Одни всё ставят под сомнение, другие не знают сомнений. Одни говорят: "Это - вечно", другие: "Не вечно", одни: "Существует", другие: "Не существует", одни: "Единоприродно", другие: "Двойственно", а кто-то еще: "Смешанной природы". Одни: "Едино", другие: "Раздельно", третьи: "Множественно". Так (по-разному) мыслят умудренные, постигшие суть вещей брахманы, из коих одни - носят копну спутанных волос и оленью шкуру, а другие - обриты и наги. Одни стараются никогда не мыться, другие же (регулярно) совершают омовения. Одни считают, что надо принимать пищу; другие привержены голоданию. Одни восхваляют деятельность, другие - полный покой. Для одних (главное - это правильно выбранные) место и время; для других ни того, ни другого не существует. Одни восхваляют Освобождение, а другие - всевозможные удовольствия. Одни стремятся разбогатеть, а другие - не иметь никакой собственности. Одни считают, что богопочитание есть путь (к спасению), другие это опровергают. Одним нравится принцип ненасилия, другие привержены насилию. Одни (озабочены) мирской славой или духовной заслугой; другие считают, что это - пустые слова. Одни охотно следуют добродетели, другие (вечно) пребывают в сомнении. Одни (бегут) от страдания, другие - от удовольствий; третьи же предаются созерцанию. Одни мудрецы превозносят жертвенный обряд, другие - дарение. Одни восхваляют Вселенную, другие (говорят): "Вселенной не существует!". Одни люди подвижничество превозносят, другие - изучение (Вед), третьи - Знание и мироотречение, а последователи учения об эле-ментах - "врожденную природу".276
25-28. И вот, из-за того, что дхарма столь разветвлена и противоречива, мы совсем помрачились умом; мы не в силах решить что-либо, о достойнейший из богов! Совершая действия, один человек говорит: "В этом - благо!", а другой: "В том - благо!". К какой дхарме кто привержен - ту он всегда и превозносит. От этого разуменье наше меркнет и рассеиваются мысли. Мы хотим, о достойнейший, чтобы ты нам поведал, что есть благо! Соблаговоли, о владыка, рассказать нам также, какая есть выше этого тайна и чем предопределено соотношение между саттвой и Познающим Поле.
29. В ответ на слова брахманов наделенный (высшим) разуменьем и праведной душою Владыка (Брахма), Творец Вселенной, по всей правде об этом им поведал.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сорок восьмая глава.

Глава 49
Брахма сказал:
1. Что ж, я расскажу вам, достойнейшие, то, о чем вы меня просили. Вы же, всё это выслушав, усвойте как можно лучше!

2-6. Считается, что прежде всего следует осуществлять невреждение живым существам.277 Оно есть желанная обитель, беспечальная, наилучшая, добродетелью отмеченная. Достоверно прозревшие истину старцы называют Знание наивысшим благом. Потому с помощью чистого Знания (люди) избавляются от всех грехов. Те, кто в этом мире привержены насилию, или те, кто ведут себя как неверующие - то есть, обуяны стяжанием и невежеством, - отправляются в ад. Кто, руководствуясь надеждой на плоды, неустанно совершают (благие) деяния, - те сперва в этом мире вкушают радость, а потом вновь и вновь перерождаются. Но те, кто, умудренные и исполненные веры, без надежды (на плод) совершают действие, осуществляя тем самым йогу (действия), - суть мудрецы, зрящие истинное благо.
7-13. А теперь я поведаю вам, что связывает и что разъединяет Познающего Поле с саттвой: внемлите, о достойнейшие! Эта связь определяется в этом мире как (связь между) объектом и субъективным началом. Пу-руша - всегда субъект, а саттва считается объектом. Как в приведенном ранее примере мошки на дереве удумбара саттва всегда является "вкушаемой" и, будучи безмысленной, не осознает того, кто осуществляет поз-нание, (то есть,) кто "вкушает", и что "вкушается". Саттву называют невечной, сопряженной с парами противоположностей и имеющей гунную природу; а Познающий Поле - вечен, свободен от пар противоположностей, неделим и по природе своей не имеет свойств. Он может являться всюду, двигаясь силой мысли, ко всему беспристрастен; и всегда он наслаждается саттвой, как лотосовый лист - водою. Мудрый, он, хоть и соприкасается постоянно со всеми гунами, ничем не пятнается. Как капля воды дрожит на лотосовом листе (и скатывается, не оставив следа), так же и Пуруша ни с чем не связан, - истинно так! Лишь как материал существует для Пуру-ши саттва. И отношение между ними - как между веществом и Творцом (вещей).
14-25. Чтобы видеть в темноте, надо взять с собой светильник; так и искатели высшей истины ходят со светильником саттвы. Пока есть в нем вещество и волокно, светильник светит; как иссякнут вещество и волокно, свет в нем угасает. Подобным же образом гуна саттва есть явленное, тогда как Пурушу называют непроявленным; знайте это, о брахманы! И вот что еще вам скажу: дурак и тысячу (усилий) приложив, не добьётся успеха. А умный, лишь в четверть (силы действуя), обретает счастье. И потому должно знать, что дхарма осуществима только при наличии подходящих средств. Кто искушен в средствах и смышлен, тот вкушает безграничное блаженство. Бывает, человек пускается в путь, не взяв дорожных припасов, сталкивается с большими лишениями и даже погибает в дороге. Точно так же, предпринимая действие, человек должен запастись знанием о том, будет у этого действия плод или нет, ясно сознавать, что для него самого обернется благом, а что злом, и в чем для его духа высшая польза. Или, скажем, человек, не способный прозревать истину, поспешно пускается пешком в дальний путь по неизведанной местности. А другой проделывает тот же путь, сообразно дороге, в стремительной, запряженной конями колеснице: таков способ передвижения у наделенных разумом. Но, поднимаясь на большую гору, надо забыть о том, как ездят по земле: глупого колесничего с его колесницей в горах ждет одно мучение. Колесница хороша до тех пор, пока есть проезжая дорога; а нет проезжей дороги - мудрый бросит колесницу и пешком пойдет дальше. Так человек смышленый, великим разумом наделенный, постигший установления истинной йоги, от уже достигнутой высоты восходит все выше и выше.
26-31. Кто пытается без лодки вплавь пересечь грозный океан, тот, несомненно, в помрачении ищет себе гибели. А мудрый, обретший способность различения, пускается по водам на надежной лодке и быстро переправляется, не ощутив даже усталости. Выйдя же на другой берег, он без сожаления расстается с лодкой, будучи чужд чувству собственности - так, как это было и в приведенном ранее примере с пешеходом и колесницей. Бывает, что из-за привязанности - как у рыбака к своей лодке - человек поддается помрачению; и тогда одержимость чувством "моего" ограничивает круг его действий. Ведь, сев в лодку, нельзя путешествовать по суше, так же, как взойдя на колесницу, не пристало плавать по водам. Итак, всякое действие совершается сообразно конкретному объекту. Как совершено действие в этом мире, таково и следствие его для деятеля (в ином существовании).
32-34. То, что не имеет запаха, вкуса, бесформенно, беззвучно, неосязаемо - подвижники, постигая посредством буддхи, именуют Основой - Прадханой. Далее, Прадхана есть Непроявленное. Производное от Непрояв-ленного - Великий. От Великого же как основы производным является Самость. От Самости как основы производное образовано совокупностью великих элементов, а от каждого из первоэлементов по отдельности производным является соответствующий объект восприятия.
35-53. Поскольку Непроявленное служит семенем, то природа его - порождающая. Великий Атман также служит семенем и порождает - так мы слышали. Самость также служит семенем, вновь и вновь порождая; служат семенем и порождают также пять великих элементов. А особые (свойства этих) пяти элементов, хотя их и называют "имеющими природу семени", ничего, тем не менее, не порождают. Особые свойства у них известны такие. Эфир обладает одним свойством, а ветер, как считают, двумя; свету присущи, говорят, три свойства, а воде - четыре. А богиня Земля, созидатель-ница всего живого, заполненная движущимися и недвижными существами, являющая примеры как благого, так и неблагого - обладает, следует знать, пятью свойствами. Звук, касание, образ, вкус и пятый - запах: вот что надлежит знать, как пять свойств земли, о достойнейший из дваждырож-денных! Свойством, присущим только земле, является запах. Известны многие разновидности запаха. Сейчас я подробно перечислю многообразные качества запаха. Есть запах приятный или неприятный, сладкий, кислый или пряный; всепроникающий, смешанный, нежный, грубый или чистый.
Таковыми следует знать десять разновидностей порождаемого землей запаха. Звук, касание, образ и вкус - вот (четыре) свойства воды. Сейчас я изложу учение о вкусе. Известны многие разновидности вкуса. Сладкий, кислый, острый, горький, пряный и соленый - такие известны шесть видов из воды состоящего вкуса. Свет, как считают, обладает тремя свойствами: звуком, касанием и образом. Из них свойство, присущее только свету, есть образ. У образа много разновидностей. Белый, черный и красный; синий, желтый и алый; короткий, длинный, толстый, квадратный и шарообразный - известны двенадцать разновидностей образа, формируемого сиянием; таковыми и должны всегда их знать правдоречивые, сведущие в делах религии брахманы.
Надо знать также пару "звук и касание"; двумя этими свойствами, как известно, обладает ветер. Из них свойство, присущее только ветру, есть касание. У касания много разновидностей. Теплое, холодное, приятное, неприятное, нежное, чистое, жесткое, скользкое, гладкое, липкое, грубое, мягкое - вот таких двенадцать разновидностей (касания), свойства, характерного для ветра, перечисляется в должном порядке совершенными, сведущими в делах религии, зрящими истину брахманами. Наконец, у эфира есть одно лишь свойство, и называется оно звуком. Я сейчас расскажу подробно о многих свойствах звука. Шадджа, ришабха, гандхара, мадхьяма и панчама, а кроме них еще нишада и дхайвата™ приятный или неприятный, и ещё аккорд, слияние отдельных звуков - таковые надо знать разновидности звука, порождаемого эфиром.
54-55. Эфир - высший из элементов, а выше его - Самость. Выше Самости - буддхи, а над ним - Атман. Выше Атмана - Непроявленное, и выше Непроявленного - Пуруша, достигнув которого способный различать высшие сущности от низших (человек) вкушает вечность.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" сорок девятая глава.

Глава 50
Брахма сказал:
/-6. Поскольку Владыкой этих пяти элементов, способным их подавлять или высвобождать, является манас, то именно манас есть "Атман элементов" (Бхутатман). Манас всегда - над великими элементами управитель. Разум-буддхи (над манасом) власть (свою) утверждает, (а) Познающий Поле - над всем (владыкой) считается. Манас запрягает индрии словно возничий - добрых коней; (а) Познающие Поле всегда запрягает (и) индрии, (и) манас, (и) буддхи. Взойдя на колесницу, коей управляет буддхи, запрягши в неё (как коней пять) великих элементов, Бхутатман разъезжает на ней в разных направлениях. У (той) великой, из Брахмана образованной колесницы конской упряжкой служит совокупность индрии, возничим - манас, и всегда контролирует её (бег) буддхи. Мудрый, кто так знает279 из Брахмана состоящую колесницу, того, стойкого, ничто во всей вселенной не ввергнет (более) в заблуждение.
7-9. Он вечен, этот лес Брахмана, начало его - в Непроявленном, конец его - в специфических свойствах (элементов), это - (наш) мир, переполненный подвижными и неподвижными существами, озаряемый Солнцем и Луной, украшенный планетами и зодиакальными созвездиями, весь покрытый сетью рек и горных хребтов, (мир), коему дивный вид придают всевозможные воды. В этом лесу Брахмана, обиталище всего живого, предоставляющем средства к жизни всем существам, странствует Знающий Поле.280
10-26. Какие только есть в этом мире существа, движущиеся и неподвижные, они исчезают (при гибели мира) первыми, затем - от элементов производные свойства, после свойств - (сами) пять элементов. Такова иерархия сутей. Боги, люди, гандхарвы, пишачи, асуры и ракшасы - все они созданы в силу "исконной природы", а не деяниями и не в силу (какой-либо) причины. Эти вдохновенные риши,281 творцы вселенной, рождаются вновь и вновь, и всё сотворенное ими в должный срок растворяется в этих пяти великих элементах, словно волны - в океане. Из всепо-рождающих элементов возникнув, (сущее вновь) приходит к (пяти) великим элементам. А человек, освободившийся от пяти великих элементов, пусть идёт к Праджапати. Владыка Праджапати сотворил этот мир посредством подвижничества; точно так же посредством подвижничества риши создали Веды. Соответственным образом подвижники, питающиеся

Кришна беседует с Арджуной. Традиционная иллюстрация к старинной книге — собранию сказаний о Кришне.

плодами и кореньями, совершенные, погруженные в йогу, благодаря тапасу способны созерцать отсюда всё Троемирье! Целебные растения и прочие снадобья, и все, какие ни на есть, науки через подвижничество постигаются, ибо в подвижничестве - корень всякого достижения. Всё, что трудно-достижимо, трудноусваиваемо, неприступно и неисполнимо, - через подвижничество достигается, ведь подвижничество сильнее всего! Пьяница, брахманоубийца, вор, погубитель зародыша, осквернитель ложа наставника - благодаря усердному подвижничеству могут после очиститься от греха! Люди, праотцы, боги, домашний скот, звери, птицы, и все какие есть существа подвижные и неподвижные, всецело предавшись подвижничеству, непременно с его помощью достигают своих целей. И только благодаря подвижничеству боги, причастные великой доле, попали на небо. Люди, которые неустанно, исполненные ожиданий, движимые личностным началом совершают деяния - (идут) к Праджапати. Те же великие духом, кто лишены чувства собственности и перестали сознавать себя отдельными личностями, путём чистой йоги созерцания попадают в великий, наивысший мир. Те, кто, с успокоенным навсегда сознаньем, преуспели в йоге созерцания
, - практикуя полное самообладание, проникают в Непро-явленное - средоточие высшего блаженства. Путем йоги созерцания те, кто лишены чувства собственности и перестали сознавать себя отдельны-ми личностями, (уже) здесь вступают в Непроявленное - великий, наивысший мир! Из Непроявленного (некогда) рожденный и в должное время (в него) вернувшийся,282 освободившийся от тамаса и раджаса, пребывающий только в саттве, очищенный от всех грехов, цельный (сознаньем) - (человек) выходит за пределы Вселенной. И его (тогда) должно считать "Познающим Поле". Кто его познал, тот и есть поистине "знающий Веду"!283
27-38. Пусть подвижник сидит (в созерцании), полностью обуздав себя и переходя от одной мысли к другой, на каждой мысли полностью сосредотачивая своё сознанье. В этом - извечная тайна. Всё, начиная с Непроявленного и кончая особыми свойствами (первоэлементов), отмечено, как принято считать, неведением: уясни, что всё это (также) отмечено гунами. Два слога - это смерть; три слога - извечный Брахман. "Моё" - это смерть, "не моё" - это вечность!284 Из людей самые скудоумные восхваляют деяние; люди же мудрые и великие духом деяния не восхваляют.285 Вследствие деяния рождается живое существо, в тело заключенное, чья природа состоит из шестнадцати (частей);286 а мудрость порождает Пурушу, непостижимого вкусителя амриты. Вот почему те, кто проникли взором в запредельное, не привержены действиям; ведь известно, что Пуруша из мудрости образован, а не из действий. Кто постигнет Его как Безначального, Бессмертного, Вечного, Неподвластного изменениям Атмана, непостижимого Вкусителя амриты, кто при всех этих воздействиях останется неколебимым,287 - тот (сам) становится Непостижимым и Бессмертным! Вытеснив все помыслы, самого себя в себе взнуздав, он познаёт благой Брахман, выше которого уже нет ничего. Культивируя ясность, он достигнет (высшей) ясности саттвы; а признаком (достижения) ясности служит то, что (всё вокруг) видится словно сон.288 Такова эта пролагаемая Знанием стезя достигших освобождения, которые видят, что все явления (в мире) есть результат превращений (Пракрити). Это - стезя избавившихся от привязанности, это - извечная дхарма. Это - конечная цель тех, кто идет путем Знания. Это - беспорочный образ жизни. Только люди, равно относящиеся ко всем существам, лишенные привязанностей, не лелеющие никаких ожиданий и на всё с одинаковым беспристрастием взирающие, способны шествовать этой стезёй.
39. Вот и поведал я вам все, (что хотел), о достойнейшие брахманы-мудрецы. Живите отныне соответственно этому - и достигнете высшего совершенства.
Наставник сказал:
40-41. Выслушав эти слова наставника своего Брахмы, великие духом подвижники затем осуществили желаемое и обрели (высшие) миры. Вот и ты, чистый духом, причастный великой доле, выполни должным образом всё, как сказал Брахма, - и достигнешь

высочайшей цели.
Васудева сказал:
42-43. Принял ученик от наставника эту высшую дхарму, всю ее в точности исполнил и обрел затем спасение, о Каунтея! Тот ученик осуществил свою цель, о продолжатель рода Куру, и достиг такого места, попав куда более уже не знают скорби.
Арджуна сказал:
44. Кто же был тот брахман, о Кришна? И кто - ученик, о Джанардана? Если я могу это услышать, открой мне тайну, о владыка!
Васудева сказал:
45-47. Знай, что наставником был я, о мощнодланный, а учеником был мой манас. Из любви к тебе, о Завоеватель богатств, я открыл тебе сию тайну. Если же и я тебе дорог, о продолжатель рода Куру, то ты, восприняв мое духовное (наставленье), всегда ему в точности следуй, о верный обетам! И тогда, эту дхарму примерно исполнив, ты очистишь дух свой от всех грехов и достигнешь полного освобождения.
48-49. Однажды я тебе уже поведал это - перед началом битвы, о мощнодланный, поэтому - усвой всё как следует! Я же давно не видался с отцом - о владыка, лучший из бхаратов, и поехал бы повидать его, если ты меня напутствуешь, о Пхальгуна!
Вайшампаяна сказал:
50-51. В ответ на эти слова Кришны молвил Завоеватель богатств: "Сегодня же, о Кришна, отправимся мы в Город, носящий имя слона289 и встретимся там с праведным царем Юдхиштхирой. У него испроси напутствия - и изволь затем ехать в свой неприступный град (Двараку)!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятидесятая глава.
ЗАКОНЧЕНА "АНУГИТА".

Глава 51

Арджуна следует за жертвенным конем. Индийская традиционная иллюстрация к изданию «Махабхараты». XIX век.

Вайшампаяна сказал:
1-4. Тогда Кришна повелел Даруке1: "Запрягай коней!", Дарука ответил мгновенно: "(Кони) запряжены!". Пандава2 также поторопил своих спутников: "Собирайтесь! Мы отправляемся в Город, носящий имя слона".3 Воины, когда так им было сказано, о владыка народов, собравшись, тотчас же объявили Партхе,4 безмерному пылом: "Мы готовы!" И вот те двое - Кришна и Пандава, стоя вместе на колеснице, тронулись в путь, дружелюбно беседуя меж собой, о владыка народов, на различные темы.
5-13. И вот Завоеватель богатств, великий пылом, вновь обратил к Ва-судеве, стоящему в колеснице, такие слова, о лучший из бхаратов:5 "Твоею милостью, хранитель рода Вришни,6 царем достигнута победа, повержены враги и возвращено царство,7 избавленное от препон. Под твоим, о Губитель Мадху, покровительством Пандавы с твоей помощью, точно на лодке, переправились через океан - повергли рати куру.8 Поклон тебе,9 о создатель всего, Атман всего, источник всего,10 каким я знаю тебя, каким храню тебя в сердце своем.11 Пылом твоим, о Губитель Мадху, порождается непрестанно сам Пожиратель жертв,12 страсть для тебя - в (божественной) игре, а майя13 твоя, о владыка, это земля и небо. В тебе весь этот мир со всем, что движется и что неподвижно, и ты же творишь разнообразие всей извечной совокупности существ,14 а также землю и поднебесье, движущееся и неподвижное. Улыбка твоя - чистый лунный свет, а времена года - череда индрий. Дыхание твое - пребывающий в вечном движении ветер, твой гнев - неизбежная смерть, в милости же твоей, о многомудрый, постоянно пребывает Падма-Шри.15 Страсть и удовлетворение, стойкость и смирение - в тебе, как и (весь) этот (мир) с движущимся и неподвижным. Это тебя провозглашают (несущим) погибель миру в конце каждой юги,16 о безупречный!
14-23. Поклон тебе, о лотосоокий! И самого долгого времени не хватило бы мне, чтобы поведать о твоих достоинствах, о высочайшем Атмане. Известно мне о тебе, о неодолимый, от Нарады и от Девалы,17 от Кришны Двайпаяны и прародителя куру (Бхишмы). Все соединено в тебе, ты - единый владыка людей! Всему, что ты поведал мне, о безупречный, в знак благосклонности, я буду неукоснительно следовать, о Джанардана! Беспримерное чудо содеял (ты) ради нашего блага - повержен в бою грешный Кауравья, сын Дхритараштры.18 Это тобой была спалена его рать, побежденная мною в сражении.19 Тобою, благодаря искушенности твоего ума, совершено то деяние, что принесло мне победу в бою над Дурьодханой. (Тобой) был подсказан мне способ, как надлежит сокрушить и Карну, и Сайндхаву грешного, и Бхуришраваса.20 И ныне я исполню все то, что поведал ты из расположения ко мне, о сын Деваки, нет у меня в том сомнений. Явившись к царю Юдхиштхире, верному дхарме, я сообщу (ему) о твоем уходе, о дхармы знаток безупречный! Мне по душе, что ты отправляешься в Двараку, о могучий! Вскоре ты свидишься с моим дядюшкой,21 о Погубитель Мадху, и с Баладевой22 неодолимым, а также с другими быками-вришниями".
24-30. Вот так беседуя, прибыли они в Город, носящий имя слона, что полон был радостных людей, и вступили (в его пределы). Явившись в покои Дхритараштры, подобные покоям (царя богов) Шакры, увидели они, о великий царь, владыку людей Дхритараштру и многомудрого Видуру, царя Юдхи-штхиру и неодолимого Бхимасену,23 обоих Пандавов - сыновей Мадри24 и непобедимого Ююцу,25 сидевшего подле Дхритараштры. Увидели они также многомудрую Гандхари, Притху, прекрасную Кришну, Субхадру26 и

всех остальных жен бхаратов, что собрались вокруг Гандхари. Затем, приблизившись к царю Дхритараштре, оба губителя недругов назвали свои имена27 и приникли к его стопам. Потом великие духом (герои) припали к стопам Гандхари, Притхи, Царя дхармы (Юдхиштхиры) и Бхимы.28 Выказав почтение Кшаттри29 и вопросив его о здоровье и благополучии, уселись оба (героя) вместе со всеми рядом со старым царем.
31-41. И вот с наступлением ночи, о великий царь, мудрый Дхритараштра отпустил по домам потомков Куру30 вместе с Джанарданой. С дозволения владыки людей разошлись они по своим жилищам, а Кришна отважный отправился в покои Завоевателя богатств.31 Приняв оказанные ему по достоинству почести, мудрый Кришна, все желания которого были исполнены, погрузился в сон, как и Завоеватель богатств. На исходе ночи, совершив первые утренние обряды, оба они, окруженные высочайшим почетом, направились в покои Царя дхармы,32 где пребывал многомудрый Царь дхармы вместе с советниками. Придя туда, они, многосильные, предстали перед сидящим Царем дхармы, точно двое Ашвинов перед Царем богов.33 Приблизившись к царю, Варшнея и бык среди куру (Арджуна) уселись, получив на то разрешение от обрадованного (встречей) Юдхиштхиры. Затем тот царь многомудрый, первый среди царей, лучший из тех, что умеют вести беседу, видя, что желают они обратиться к нему, произнес такие слова: "Я вижу, что вы, о герои, хранители куру и ядавов, намерены обратиться ко мне. Говорите, я все для вас сделаю, и не стоит долго раздумывать!" Когда так было сказано, Пхальгуна, искушенный в речах, смиренно приблизившись к Царю дхармы, произнес такие слова: "Пламенный Васудева, о царь, долго здесь пребывал, а (теперь) с твоего дозволения желает увидеть отца своего.34 Пусть с твоего разрешения, если ты согласишься, отправится этот герой в город анартов.35 Тебе надлежит отпустить его".
Юдхиштхира сказал:
42-56. "Благо тебе, о лотосоокий! Ступай же, Губитель Мадху, в город Дваравати,36 чтобы ныне увидеть сына Шуры37 могучего. Мне по душе, о мощ-норукий Кешава, что направляешься ты туда, ибо давно не виделся с мои дядюшкой и царицею Деваки.38 От имени моего, о Мадхава многомудрый, окажи по достоинству почести дяде моему Васудеве и Баладеве. Помни всегда обо мне и о Бхиме, сильнейшем среди сильных, а также о Пхальгуне, Накуле и Сахадеве, о Мадхава! Повидавшись с анартами, о мощнорукий, с отцом своим и вришнийцами, возвращайся, о безупречный, (дабы присутствовать) на моем жертвоприношении коня. Ступай, взяв с собой сокровища и богатства различные, бери и другое, что пожелаешь, о Сатвата!39 Твоею милостью, о герой Мадхава, досталась нам вся эта земля, и пали недруги". Когда сказал это Кауравья Юдхиштхира,40 Царь дхармы, лучший из мужей Васудева произнес такие слова: "Поистине твои теперь сокровища, богатства и земля, о мощнорукий! И другое имущество, какое ни есть у меня во владениях, отныне твое, о владыка, и только тебе им владеть постоянно". "Да будет так!" - ответил сын Дхармы старшему брату Гады41 отважному, оказав ему почести. А тот, приветствуя, как положено по обычаю, сестру своего отца,42 окруженный почетом, обошел ее по кругу прадакшины.43 Затем, приветствуемый, как подобает, (Притхой) и всеми (присутствующими), начиная с Видуры, Хари,44 старший брат Гады, на дивной колеснице, запряженной четверкой коней, вознамерился покинуть Город слона.45 Мощнорукий Джанардана помог прекрасной Субхадре подняться на колесницу и с согласия Юдхиштхиры, а также сестры своего отца, отправился в путь, окружаемый горожанами. Сопровождали Мадхаву Тот, на чьем стяге - лучшая из обезьян,46 вместе с Сатьяки,47 а также оба сына Мадравати,48 Видура глубокомудрый и сам Бхима, отвагой равный царю слонов. Герой Джанардана повелел затем возвращаться всем хранителям царства куру,49 Видуре и Сатьяки, а сам обратился к Даруке: "Гони побыстрее коней!". Пламенный Джанардана, погубитель вражеских полчищ, сопровождаемый героями из рода Шини,50
направился в город анартов, точно Шатакрату,51 одолевший полчища недругов, на небеса.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятьдесят первая глава.

Глава 52
Вайшампаяна сказал:
1-14. И вот губители недругов, быки-бхараты,52 вместе со своими спутниками, обняв Варшнею, направляющегося в Двараку, собрались в обратный путь. Снова и снова обнимал Варшнею Пхальгуна, а потом снова и снова бросал на него взгляды, пока тот не скрылся из вида. С трудом оторвал Партха взор, прикованный к Говинде, как и Кришна неодолимый (от Ард-жуны). Слушай же - я расскажу тебе о многих чудесных знамениях, которы сопровождали в пути великого духом. Мощным порывом ветра с пути колесницы смело гальку, песок и колючки, Васава ливнем излил на Владетеля (лука) Шарнга53 чистую ароматную воду и дивные цветы. Мощнорукий (герой), следуя по ровным пустынным местам, увидел безмерного пылом Уттанку,54 величайшего из отшельников. Почтив того отшельника и приняв от него почести, большеокий (Кришна), наделенный пылом, спросил, в добром ли тот здравии. Когда Погубитель Мадху справился о его благополучии, Уттанка, лучший из брахманов, вопросил Мадхаву: "О Шаури!55 Покинув места пребывания куру и Пандавов, установил ли ты нерушимые добрые братские отношения между ними? Ты должен поведать мне это. Возвращаешься ли ты, о Кешава, объединив тех героев? Ведь это родичи, а обычно они глубоко привязаны друг к другу, о бык среди вришниев! Будут ли бла-годенствовать в мирах вместе с тобой, о губитель врагов, пятеро сыновей Панду и сыновья Дхритараштры? Теперь, когда ты, властелин, усмирил ка-уравов,56 обретут ли благополучие цари в своих царствах, о Мадхава! Сбылись ли благодаря тебе, о Кришна, для бхаратов те надежды, которые я, дорогой, всегда возлагал на тебя?"
В асудева сказал:
15-22. "Я старался, о брахман, (установить) братские отношения каура-вов (с Пандавами), но и с моей помощью не смогли прийти к согласию (с ними) те, что склонны к противному дхарме.57 И потому все они вместе с сыновьями и родичами приняли смерть, ибо нельзя отвратить предначертанное судьбой ни силой, ни разумом.58 Поистине все это известно тебе, о безупречный великий мудрец! Преступили они волю мою, как и стремленье Видуры и Бхишмы, а потому, истребив друг друга (в бою), отправились в обиталище Ямы.59 Остались в живых лишь пятеро Пандавов, но пали друзья их, погибли их сыновья; убиты и все сыновья Дхритараштры вместе с их сыновьями и родичами!" Когда Кришна сказал так, Уттанка, обуянный великим гневом, так что глаза его стали огромны от ярости, ответил ему: "Оттого что ты, Кришна, мог (спасти), но не спас куру и Пандавов, любимых твоих родичей, я прокляну тебя без сомнения! Оттого, что ты силой не остановил их и не повернул вспять, я, исполненный гнева, прокляну тебя, о Погубитель Мадху! Из-за тебя, который мог спасти (их), но действовал неразумно, пришли к погибели лучшие среди куру, а ты равнодушно взи-раешь на это!"
Васудева сказал:
23-26. Выслушай же, о чем расскажу я тебе подробно, потомок Бхригу!60 Прими мое поклонение, ибо ты наделен мощью подвижничества, о Бхаргава!61 Услышь об Адхьятме62 и тогда можешь изречь проклятье. Не в силах меня одолеть человек малой силой подвижничества, но не желаю я уничтожить
(плоды) твоего покаяния, о лучший среди творящих молитвы, ибо подвижничество твое велико и пламенно, тобой довольны наставники. Знаю я, о лучший из дваждырожденных, что, как в юности, соблюдаешь ты брахмачарью,63 и потому не желаю ущерба твоей силе подвижничества, накопленной столькими тяготами.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятьдесят вторая глава.

Глава 53
Уттанка сказал:
1. Поведай, о Кешава, по истине об Адхьятме, не подверженном порицанию, а выслушав это, я и решу, будет ли благом проклясть тебя, о Джанардана!

Васудева сказал:
2-11. Знай, что тамас, раджас и саттава суть состояния,64 от меня исходящие. Знай, о дваждырожденный, что от меня происходят рудры и васу. Во мне - все сущее, и я пребываю во всем сущем. Знай это, и да не будет у тебя в том сомнения! Знай, о дваждырожденный, - от меня происходят сонмища дайтьев,65 все якши, ракшасы,66 наги, гандхарвы и апсары. То, что зовется сущим и не-сущим, проявленным и непроявленным, преходящим и непреходящим, - все это я. Знай, о отшельник, те дхармы, что установлены для четырех ашрам,67 так же, как и посвященные богам обряды, - все это я. И сущее, и (совокупность) сущего и не-сущего, что есть вселенная, и то, что над сущим и не-сущим, - все это я, и нет превыше извечного бога богов.68 Знай, о потомок Бхригу, что я - это Веды, начинающиеся произнесением ОМ,69 я - жертвенный столб и сома, приводящий Тридцать (богов) на жертвоприношение. Знай, о потомок Бхригу, что я - хотар и хавья, я же - адхварью,71 творящий тщательно подготовленное жертвоприношение огню. Удгатри72 славит меня песнопениями во время великого жертвенного обряда; меня, Вишвакармана,73 постоянно воспевают гимнами лучшие из дваждырожденных, о брахман, при совершении искупительных жертвоприношений, произнося умиротворяющие молитвы. Знай, о лучший из дваждырожденных, что Дхарма - старший сын мой; порождение духа, он мил мне, о брахман, ибо исполнен милосердия ко всему сущему.
12-22. О Бхаргава, лучший из дваждырожденных, во имя защиты дхармы, ради утверждения дхармы я вместе с теми людьми, которые действуют, и теми, что отвратились от мира, перемещаюсь из лона в лоно, принимая то одну, то другую форму и облик во (всех) трех мирах.74 Я - Вишну, я - Брахма и Шакра, исток и конец всего сущего, я - творец и я же - губитель всех тех, что склонны к нарушению дхармы.75 Из желания блага сущему я, проникая в каждое лоно, связываю мостом (берега) дхармы, когда истекает очередная юга.76 Когда я пребываю в божественном лоне, то и поступаю во всем как божество, о потомок Бхригу, - нет в том сомнения. Когда я пребываю в лоне гандхарвов, то в каждом действии являю себя подобно гандхарве, о Бхаргава, Бхригу потомок! Когда я (пребываю) в лоне нагов, то и действую как нага, а если в лоне якшей и ракшасов, то и проявляю себя соответственно. Пребывая в человеческом облике, я взывал к милосердию (кауравов), но, впав в ослепление, не вняли они моему благому совету. Привел я в трепет куру, наслав на них великий ужас, когда, словно бы разъярившись, вновь явил им свой истинный облик.77 И хотя в этом мире были они адхарме привержены, но, настигнутые дхармой Времени,78 в согласии с дхармой приняли смерть в бою и несомненно отправились на небеса.79 А Пандавы, о лучший из дваждырожденных, обрели славу в мирах. Этим тебе рассказано все, о чем ты спрашиваешь меня.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятьдесят третья глава.

Глава 54
Уттанка сказал:
1-3. Теперь ведомо мне, о Джанардана, что ты - создатель мира, и в этом твоя милость, нет у меня сомнения. Душа моя, исполнившись убла-готворенности, к тебе устремилась, о Ачьюта,80 и знай, о губитель недругов, - гнев оставил меня. Если же я, о Джанардана, сколько-нибудь достоин твоей благосклонности, то желаю узреть твой облик Ишвары,81 - яви мне его!
Вайшампаяна сказал:
4-5. И тогда, ублаготворенный, явил он ему тот вечный облик Вишну,
что раньше был явлен мудрому Завоевателю богатств.82 Исполнился удивления брахман, узрев тот облик Ишвары: увидел он мощнорукого, великого духом самого Вишварупу.83
Уттанка сказал:
6-8. Поклон тебе, о Всесозидатель,84 чей облик таков, что стопами твоими покрыта земля, а головою заполнено небо. То, что (находится) между землею и небом, заключено в утробу твою, а руками обеими объемлешь ты стороны света.85 Все это86 - ты, Ачьюта! Сокрой же, о бог, снова свой высочайший нетленный облик, ибо желаю я вновь узреть тебя в собственном вечном обличье.
Вайшампаяна сказал:
9-11. Сказал ему ублаготворенный Говинда, о Джанамеджая: "Выбирай себе дар!"87 Уттанка тогда так ответил ему: "Ныне получен уже от тебя, мощнопламенный, этот дар: я лицезрею, о Кришна, этот твой облик, в котором исток и конец (всего сущего)". Но снова сказал ему Кришна: "Не следует колебаться! Непременно нужно именно так поступить, чтоб не напрасной была твоя встреча со мной".
Уттанка сказал:
12. Если считаешь ты, о владыка, что непременно следует так поступить, то я желаю, чтобы вода появилась там, где захочется, - ведь в пустынях трудно добыть ее.
Вайшампаяна сказал:
13-20. Тогда, собрав воедино (мощь) своего пыла, ответил Уттанке Иш-вара: "Едва пожелаешь (воды), мысленно обратись ко мне". С этими словами отправился (Кришна) в Двараку. И вот однажды достойный Уттанка, мучимый жаждой, бродя по пустыне в поисках воды, обратился памятью к Ачью-те. И увидел мудрый (отшельник) в той пустыне страшного чандалу.88 Одетый в стороны света,89 измазанный грязью, был он препоясан мечом, держал лук и стрелы, и стая собак окружала его. Увидел лучший из дваждырожден-ных, что из нижней части его туловища (льется) мощный поток воды. Узнав его, чандала, словно бы насмехаясь, сказал: "Иди сюда, Уттанка! Прими от меня воду, потомок Бхригу! Величайшим сочувствием я проникся, видя, что ты умираешь от жажды". Но когда он сказал так отшельнику, мудрец не только не выказал радости (при виде) этой воды, но и осыпал страшными проклятьями Ачьюту. Вновь и вновь призывал его чандала: "Испей воды!", но тот в гневе отказывался, ибо все в нем противилось этому. И когда он, великий духом, наотрез отказался, тот вместе с собаками тотчас исчез,90 о великий царь!
21-35. Увидев такое, Уттанка устыдился: понял он, что это губитель недругов Кришна смущал его дух. И вот на том же пути повстречался ему мощнорукий Владетель чакры, раковины и палицы,91 и Уттанка сказал: "Не пристало тебе, о владыка, лучший среди мужей, предлагать первым из брахманов воду, что (истекает) из тела чандалы!" Многомудрый, умом великий Джанардана в ответ на слова Уттанки произнес, стараясь успокоить его ласковой речью: "В каком виде положено было дать тебе выбранное тобой, в таком виде я и даровал это, но ты не принял (моего дара). Ради тебя я обратился к могучему Сокрушителю крепостей, Держащему в руке ваджру:92 "Дай Уттанке амриту93 под видом воды!" Ответил мне Индра богов: "Смертный не может обрести бессмертие, поэтому дай ему другой дар". Не раз, о потомок Бхригу, (повторил) это (Индра), но я настаивал, обращаясь к Владыке Шачи:94 "Следует дать (ему) амриту!" И вот Индра богов," стараясь умилостивить меня, так сказал: "Если воистину необходимо даровать амриту великому духом Бхаргаве, о великий сиянием, то я сам поднесу ее, обернувшись чандалой. Если примет Бхаргава эту амриту, о владыка, то я теперь же сам пойду, чтобы отдать ее Бхаргаве, но если же он отвергнет меня, то не отдам". Таковы были слова (Индры). Поставив такое условие, и явился тебе Васава в том обличье, чтобы дать тебе амриту, но ты отверг его, достойного, когда принял он облик чандалы. (Совершил) ты величайший проступок! Лучшее, что я смогу для тебя сделать во исполнение твоего желания, так это удовлетворить твою жажду, о неодолимый! Всякий день, как только возникает у тебя желание (испить) воды, над пустыней появятся водоносные тучи, давая тебе вкусную воду, о потомок Бхригу! И станут они известны под названием "Тучи Уттанки"". Когда Кришна сказал так, о бхарата, тот брахман возрадовался, и с этих пор на пустыню изливаются ливнями тучи Уттанки.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятьдесят четвертая глава.

Глава 55
Джанамеджая сказал:
1. Какой же мощью подвижничества был наделен Уттанка, величайший подвижник, что вознамерился обрушить проклятие на самого

Вишну, великого властелина?96
Вайшампаяна сказал:
2-14. Великой мощью подвижничества был наделен Уттанка, о Джанамеджая! Пламенный духом, он был предан наставнику и не почитал никого иного. У всех сыновей риши, о бхарата, было одно желание: в следовании наставнику достичь того же, что и Уттанка. Среди многих учеников Гаутамы, о Джанамеджая, именно Уттанка пользовался наибольшей его любовью и благосклонностью. Доволен был Гаутама его смирением и чисто-той, знанием обрядов97 и должным ему услужением. Тысячи учеников отпустил от себя Гаутама,98 но, питая особое благорасположение к Уттанке, с ним расстаться не пожелал. Постепенно подошла старость к великому отшельнику, но отшельник, привязанный к своему наставнику, не сознавал этого.
И вот однажды, о Индра царей, отправился Уттанка принести поленьев и притащил огромную ношу дров. Усталый, голодный, обессилевший от (тяжелой) ноши, сбросил он вязанку поленьев прямо на землю, о царь, погубитель недругов! Прядь волос его серебряной белизны, зацепившись за полено, упала на землю вместе с дровами. Согнувшийся под тяжестью ноши, мучимый голодом, Бхаргава увидел в том знак (наступившей) старости и зарыдал в голос.
Тут прекраснобедрая большеокая дочь наставника, с глазами, подобными лепесткам лотоса, по повелению отца, зная свою дхарму, склонила перед (Уттанкой) голову и принялась рукой отирать его слезы. Едва попали ей на руки капли его слез, как их обожгло, ибо этих потоков слез не могла бы снести и сама земля. С радостным сердцем спросил Гаутама брахмана Уттанку: "Отчего же, сын мой, душа твоя исполнена печали? Скажи мне, если есть на то твоя воля, о риши-брахман!" Желаю услышать я твое слово".
Уттанка сказал:
15-17. Из-за того, что сердцем я был устремлен только к тебе, только тебе желал я делать приятное, только к тебе испытывал я любовь, исполнял лишь твою волю, я не заметил, как (подошла) старость, а я не познал счастья! Сотни лет прожил я здесь, но ты не отпускал меня. Сотням, тысячам своих учеников ты дозволил уйти, о лучший из дваждырожденных, а ведь они пришли позже меня.
Гаутама сказал:
18-19. Благодаря твоему (истовому) служению мне как наставнику, окруженный любовью твоей, я и не замечал, о бык-дваждырожденный,100 что прошло так много времени. Но если теперь ты стремишься уйти, о Бхаргава, то прими мое дозволение и немедля ступай восвояси.
Уттанка сказал:
20. Что мне дать (тебе) как наставнику101 - говори, о лучший из дваждырожденных! Я дарую это, владыка, и удалюсь с твоего дозволения.
Гаутама сказал:
21-23. Дар102 наставнику - это его ублаготворение, как говорят праведники. Я, без сомнения, доволен твоим услуженьем, о брахман! Узнай
же, потомок Бхригу, сколь сильно я ублаготворен: станешь ты ныне юношей шестнадцати лет. Отдам я тебе в жены юную дочь свою, о дваж-дырожденный, ибо кроме нее ни одна (женщина) не сможет выдержать твоей мощи.
24-26. И тогда, превратившись в юношу, принял он в жены славную (дочь Гаутамы) и с дозволенья наставника обратился к супруге гуру: "Что я должен дать тебе как наставнику, - повелевай мной! Я желаю доставить тебе удовольствие, будь то богатства и даже сама моя жизнь. Какое бы ни было в этом мире удивительнейшее сокровище и как бы ни было оно недоступно, силой подвижничества я добуду его, - нет у меня сомнения".
Ахалья103 сказала:
27. Ты постоянно, сын мой, ублажал меня вместе с супругом, и достаточно
этого, благо тебе! Ступай же, родной, куда пожелаешь.
Вайшампаяна сказал:
28. Но Уттанка, о великий царь, вновь произнес такие слова: "Повелевай
мною, матушка,104 ибо должен я сделать тебе приятное!".
Ахалья сказала:
29. Есть у жены Саудасы105 дивные жемчужные серьги. Принеси их -
благо тебе! И тем самым будет надлежаще исполнен твой долг пред на
ставником.
30-33. Ответив: "Да будет так!", отправился он, о Джанамеджая, добывать (эти серьги), чтобы доставить радость супруге наставника. Бык-брахман Уттанка поспешил к пожирателю людей Саудасе просить в дар106 жемчужные серьги. Меж тем Гаутама спросил супругу: "Что-то нынче не видно Уттанки", и в ответ она рассказала ему, что отправился тот за серьгами. Тогда он стал выговаривать своей супруге: "Неладно ты поступила: проклят тот царь,107 убьет он теперь того брахмана!"
Ахалья сказала:
34. Не зная о том, о достойный, я отправила брахмана (за серьгами), но благодаря твоей милости ему нечего страшиться.
35. В ответ на такие слова сказал Гаутама супруге: "Да будет так!" А тем временем Уттанка в безлюдном лесу увидел того царя.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятьдесят пятая глава.

Глава 56
Вайшампаяна сказал:
1-3. Увидев того царя, столь ужасного видом, - носил он длинную бороду, был окроплен человеческой кровью, - брахман не дрогнул. А царь мощнопламенный, сеющий ужас подобно Яме, поднявшись ему навстречу, сказал: "Самою судьбой, о праведник, лучший из дваждырожденных, ты послан мне на третий день поста,108 когда я ищу, чего бы поесть".
Уттанка сказал:
4. О царь, знай - я явился сюда во исполнение долга перед наставником.
И не годится причинять вред действующему во имя наставника - так говорят
мудрецы.
Царь сказал:
5. Мне положена пища один раз в три дня, о лучший из дваждырожденных,
и я, будучи голоден, никак не могу теперь отпустить тебя.
Уттанка сказал:
6-10. Пусть так и случится, великий царь, но да будет исполнено такое мое условие: я верну долг наставнику и вернусь в твое распоряжение. Слышал я, лучший из царей, будто то, что я должен отдать наставнику, находится у тебя во владении, о Индра царей! Это я и прошу у тебя, о владыка людей! Ты даруешь первым среди брахманов всяческие сокровища, ты - даритель, о муж-тигр, достойный почестей здесь, на земле.109 Знай, лучший из царей, я - именно тот, кто принимает дары. Исполню я долг перед наставником, о губитель врагов, тем, что ныне принадлежит тебе, и, согласно условию, о Индра царей, вернусь в твое распоряжение. Истинно я обещаю тебе, нет тут никакого подвоха. И прежде не говорил я неправды даже по незначительному поводу, так почему же теперь должно быть иначе!
Саудаса сказал:

11. Если тем, что от меня перейдет к тебе, будет исполнен твой долг перед наставником и если я тот, от кого надлежит принимать дары, то теперь же скажи мне, чего (желаешь).
Уттанка сказал:
12. Я всегда считал тебя тем, от кого надлежит принимать дары, о бык-муж, потому и пришел к тебе просить в дар жемчужные серьги.
Саудаса сказал:
13. Те сверкающие жемчужные серьги принадлежат супруге моей, о брахман-мудрец! Выбери же другую вещь, и я тебе ее дарую, о верный обету!
Уттанка сказал:
14. Довольно искать поводов (для отказа)! Если мы (брахманы) превыше всего для тебя, так отдай мне те серьги, будь верным слову, о царь!
Вайшампаяна сказал:
15-16. В ответ на такие слова Уттанки царь вновь обратился к нему: "Ступай, праведник, и от моего имени скажи царице, чтобы она отдала (тебе серьги). Когда ты передашь ей мои слова, она, светло улыбающаяся, несомненно отдаст тебе серьги, о лучший из дваждырож-денных!".
Уттанка сказал:
17. Где могу я увидеть супругу твою, о владыка людей, и почему ты сам не пойдешь к супруге?
Саудаса сказал:
18. Ты увидишь ее близ какого-нибудь водопада в лесу, я же не могу видеться с ней сейчас, на третий день поста.
19-28. Когда Уттанке было так сказано, о бык-бхарата, он отправился в путь и, встретив Мадаянти, поведал ей, с какой пришел целью. Выслушав, что сказал Саудаса, она, большеокая, отвечала многомудрому Уттанке, о Джанамеджая: "Все это так, о великий брахман, и не лживы твои слова, о безупречный, но соблаговоли принести мне какой-нибудь знак (от него). И боги, и якши, и великие ураги110 постоянно стремятся, прибегая к различным уловкам, улучить момент и похитить мои дивные жемчужные серьги. Стоит только положить это сокровище на землю, как тут же появятся наги и утащат его; если надеть, не совершив очищения после еды,111 то якши могут похитить его, а если заснуть - то боги. И даже если таких упущений не будет замечено богами, ракшасами и нага-ми, следует всегда бережно обращаться с ними, о бык-дваждырожденный! Источают они золото днем и ночью, о лучший из дваждырожденных, а в ночи затмевают сияние звезд и созвездий. Надевший их, о достойный, не боится ни жажды, ни голода, не ведает страха ни перед ядом, ни пред огнем, ни перед зверями. Наденет их низкорослый - они укорачиваются; кто ни наденет, тому они впору. Вот каковы мои серьги, чтимые высочайше, известные в трех мирах. Принеси же мне знак (что ты послан супругом)".
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятьдесят шестая глава.

Глава 57
Вайшампаяна сказал:
1. Явившись опять к Митрасахе, попросил его (Уттанка дать ему ка кой-либо) знак для жены, и лучший среди потомков Икшваку дал ему та кой знак.
Саудаса сказал:
2. Невыносима эта стезя, а иной стези нет (у меня). Узнав, что я думаю, отдай (брахману) жемчужные серьги.
Вайшампаяна сказал:
3-4. Вот что сказал он Уттанке, и тот передал (Мадаянти) слова супруга, а она, выслушав их, отдала (брахману) те жемчужные серьги. Получив серьги, он снова спросил царя (Саудасу): "О царь, желаю услышать я, что за тайный (смысл заключен) в тех словах?"
Саудаса сказал:
5-8. С тех пор, как сотворено живое, кшатрии почитают брахманов, но от брахманов же исходят для нас многие беды. Оттого-то и я, почтительный к дваждырожденным, из-за брахмана ввергся в беду. Не вижу я иной стези для себя вместе с Мадаянти, чтобы уйти к небесным вратам или же здесь пребывать, о лучший из дваждырожденных! Для царя, который безмерно враждебен дваждырожденным, невозможно ни оставаться в мире людей, ни обрести после ухода блаженство. Тем, что я отдал тебе те жемчужные серьги, которые ты пожелал, ныне выполнено твое условие, так сделай же так, чтобы это и мне принесло плоды.
Уттанка сказал:
9. О царь, так я сделаю - вернусь в твое распоряжение, однако я намерен задать тебе еще один вопрос, о губитель недругов!
Саудаса сказал:
10. Спрашивай, брахман, о чем желаешь, и я отвечу на твой вопрос. Я развею твои сомнения тотчас же, без колебаний.
Уттанка сказал:
11-13. Те, что провидят тонкости дхармы, говорят, что друг верен своему слову, и считают, что тот, кто предает друзей, вору подобен. Обрел ты ныне во мне друга, о царь, так надоумь меня надлежаще, о лучший из наделенных умом! Я выполнил свою задачу, но ты - пожиратель людей, так приход мой к тебе есть благо для меня или же нет?
Саудаса сказал:
14-15. Если я должен сказать, что будет на благо тебе, о первый среди лучших из дваждырожденных, то никогда, о наилучший из дваждырожденных, ты не должен ко мне возвращаться. Именно в этом я вижу для тебя благо, о продолжатель рода Бхригу! Если же ты вернешься, о брахман, ждет тебя верная смерть.
Вайшампаяна сказал:
16-29. После того, как тот мудрый царь поведал (Уттанке), в чем состоит для него благо, (отшельник), простившись с царем, отправился к Ахалье. Неся с собой дивные серьги, чтобы сделать приятное супруге наставника, спешил он к обители Гаутамы. Мадаянти наказала беречь эти серьги, так что он нес их привязанными к шкуре черной антилопы.112 Как-то почувствовал он голод и, увидев (дерево) билва, отягощенное плодами, побуждаемый голодом, полез на него. Шкуру, к которой были привязаны серьги, лучший из дваждырожденных прицепил к ветвям, о губитель врагов! Но узел на шкуре развязался, оказалась она на земле, и тут какой-то змей углядел те жемчужные серьги. Происходящий из рода Айраваты, (змей) быстро схватил пастью те серьги и нырнул в муравейник. Увидев, что змей утащил его серьги, (Уттанка) стремительно ринулся с дерева вниз, исполненный страшного гнева из-за этой напасти. Тот бык-дваждырожденный, тело которого пылало неистовой яростью, схватил посох и принялся разрывать муравейник. Пришла в движение земля, тяжко страдая под ударами его деревянного посоха, не в силах вынести его неодолимой мощи. Пока брахман-мудрец крушил поверхность земли, исполненный решимости проделать путь в мир змеев, в тот край на колеснице, запряженной рыжими конями, пожаловал мощнопламен-ный (Индра), Тот, в руке у которого - ваджра, и увидел лучшего из дваждырожденных. Обернувшийся брахманом, сострадающим его горю, обратился он к Уттанке: "Не по силам это тебе, дорогой! Мир

змеев отсюда за тысячу йод-жан, и, думаю я, не достичь тебе с помощью деревянного посоха своей цели".
Уттанка сказал:
30. Если я не смогу в мире змеев найти свои серьги, то испущу праны113 у тебя на глазах, о брахман, лучший из дваждырожденных!
31-40. Когда Тот, в руке у которого - ваджра, не смог воспрепятствовать решению (Уттанки), он наделил его посох мощью оружия-ваджры. И тут земля, дробимая ударами ваджры, открыла путь в мир нагов, о Джанамеджая! Тем путем проник (брахман) в мир змеев и увидел, что мир змеиный тянется на тысячи йоджан; возвышались (повсюду) дивные золотые стены, украшенные драгоценными камнями и жемчугом, о великий долей! Увидел он там пруды с хрустальными спусками, ясноводные реки и много деревьев, обильных стаями разных птиц. Увидел потомок Бхригу врата, (ведущие) в этот мир, - сто йоджан в высоту и пять в ширину. Оглядывая мир змеев, опечалился Уттанка: потерял он надежду вернуть свои серьги. И тут, о Кауравья, сказал ему конь с черно-белым хвостом, с медно-красными глазами и пастью, будто бы пламенеющий мощью: "Подуй мне туда, откуда исходит апана,114 и тогда ты получишь, о брахман, те серьги, что утащил сюда сын Айраваты. Да не почувствуешь ты при этом, о сын мой, ни малейшего отвращения - ведь тебе доводилось это делать тогда, в обители Гаутамы".
Уттанка сказал:
41. Откуда известно тебе, что делал я прежде в обители своего наставника? Желаю я слышать об этом.
Конь сказал:
42-43. Знай - я наставник (твоего) наставника, пылающий Джатаве-дас.115 Я всегда был почитаем тобою как гуру, о сын мой! Почитаем я постоянно тем, кто прошел очищенье, о брахман, потомок Бхригу, и поэтому
принесу тебе благо. Сделай немедля так, как (я говорю).
44-56. Едва Источающий сиянье промолвил эти слова, Уттанка исполнил (его волю), и, довольный, воспылал Лучащийся, опаляя (окрестности). Пока продолжал дуть тот (брахман), из оснований волосков на теле (коня), о бха-рата, повалил густой дым, повергая в ужас мир змеев. Из-за того внезапно усилившегося дыма, о великий царь-бхарата, ничего нельзя было различить в мире нагов. Отчаянными криками огласилось все обиталище Айраваты и змеев, первых среди потомков Васуки,116 о Джанамеджая! Стало не видно домов, окутанных дымом, о бхарата, будто туманом заволокло леса и горы. С глазами, красными от дыма, опаляемые огненным пламенем, устремились (змеи) к безмерно пламенному Бхаргаве, чтобы узнать о его намерении. Услышав о цели того великого мудреца, пламенеющего мощью, все они, исполненные душевной тревоги, оказали ему почести, как положено. Поставив впереди старых и малых, все змеи, сложив (молитвенно) ладони, склонили перед ним головы и воззвали к нему: "Смилуйся, о владыка!" Умилостивив того брахмана и поднеся ему воду для омовения ног и (напиток) аргхью,117 змеи отдали ему дивные, высочайше почитаемые серьги. Затем мощнопла-менный Уттанка, приняв от змеев почести, совершил вокруг Агни прадакшину и направился к дому наставника. Быстро достигнув пристанища Гаутамы, о царь безупречный, он отдал те дивные серьги супруге наставника. Так, о Джанамеджая, великий духом Уттанка, пройдя три мира, вернул себе те дивные жемчужные серьги. Вот какова была мощь отшельника Уттанки, наделенного величайшим пылом подвижничества, о бык-бхарата, о чем ты и спрашиваешь меня.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятьдесят седьмая глава.

Глава 58
Джанамеджая сказал:
1. Что делал многославный мощнорукий Говинда после того, как даровал Уттанке дар, о лучший из дваждырожденных?
Вайшампаяна сказал:
2-9. Даровав Уттанке дар, Говинда вместе с Сатьяки на мощных, стремительных конях отравился в Двараку. Миновав озера, реки и разные леса, достиг он прекрасного города Дваравати. Лотосоокий (Кришна) в сопровождении Ююдханы118 прибыл туда во время празднества Райватака, о великий царь! Эту гору, о бык-муж, украшали повсюду пестрые, разной формы золотые навесы.119 Великая эта гора всюду была постоянно расцвечена пре-красными золотыми венками, цветами, полотнищами, деревьями, исполняющими желания,120 и золотыми светильниками, так что и в местах пещерных водопадов стало (светло) как днем. (Гора, украшенная) яркими флагами с колокольцами, оглашаемая со всех сторон голосами мужчин и женщин, будто бы пела, бесконечно прекрасная, точно Меру, населенная сонмами отшельников. Звуки пения хмельных ликующих мужчин и женщин (неслись) с Индры гор и, казалось, достигали небес, о бхарата!
10-20. Прекрасная эта земля была наполнена шумным гомоном хмельных, возбужденных, ликующих (людей), радостными криками. (На горе) красиво (расположились) лотки и лавки, места развлечений (полнились) вкусными яствами, в изобилии было одежд и гирлянд, (звучали) вины, мриданги и вену.121 Торжество (проходившее) на той великой горе, явилось величайшим благом для обездоленных, слепых и убогих: до поздней ночи им раздавали вкусные угощения и смесь суры122 с хмельными напитками. В месте отдохновения героев-вришниев во время празднества Райватаки нашли благое пристанище те, что отмечены добродетелью, о герой, и гора, покрытая их покоями, подобна была миру богов. С прибытием же Кришны, о бык-бхарата, та царица гор стала похожа на дворец Шкары. И вот, принимая почести, вступил Говинда в прекрасные покои, Сатьяки же удалился в свое жилище. Вернулся (Кришна) с радостной душой после длительного отсутствия, совершив нелегкое деяние, - будто Васава, разгромивший данавов.123 Бходжи, вришнии, андхаки124 предстали перед явившимся Варшнеей, точно боги перед Шатакрату, великим духом. Выказав им почтение и вопросив, все ли они в добром здравии, мудрый (герой) радостно приветствовал отца своего и мать. Те ласково обняли его, мощнорукого, и он расположился рядом с ними в окружении всех вришниев. Отдохнув, мошнопламенный Кришна совершил омовение ног и в ответ на расспросы отца повел рассказ о той великой битве.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятьдесят восьмая глава.

Глава 59
Васудева125 сказал:
1-5. "Слышал я, о Варшнея, о той удивительнейшей битве, постоянно говорили о ней люди, встречаясь для беседы. Но ты, о мощнорукий, видел ее воочию и знаешь, как было дело, а поэтому расскажи мне все в точности о той битве, о безупречный! Как случился тот бой беспримерный между Пандавами, великими духом, и Бхишмой, Карной, Крипой, Дроной, Шальей126 и другими. Много было там и иных кшатриев, в совершенстве владевших оружием, разных видом и обликом, жителей разных краев". Когда так сказал отец лотосоокому (Кришне), тот в присутствии своей матери поведал, как приняли смерть в бою те герои из рода Куру.
Васудева127 сказал:
6-12. Удивительнейшие подвиги кшатриев столь многочисленны, что их нельзя перечислить и за сто лет. Но слушай - я расскажу тебе полностью и как должно о самых главных среди деяний этих царей, о сиянием равный бессмертному! Полководец Бхишма-кауравья имел у себя под началом одиннадцать ратей кауравеев,128 словно Васава - (рати) богов. Во главе семи ратей Пандавов стоял мудрый Шикхандин, охраняемый искусным (в бою) Савьясачином!129 На десятый день произошла величайшая, наводящая ужас битва между великими духом куру и Пандавами. Шикхандин вместе с Владетелем лука Гандивы130 множеством стрел поразил в великом бою Гангею, отвратившегося от битвы.131 Тот отшельник, пребывая на ложе из стрел, сам назначил себе время смерти - когда солнце, покинув путь южный, ступит на северный.132
13-24. Затем полководцем стал Дрона, лучший из знатоков оружия, герой из стана Индры кауравов,133 подобный Кавье при властителе дай-тьев.134 Прославившийся в битвах, лучший из дваждырожденных, он был окружен девятью ратями, охраняемый

Крипой и Вришей133 вместе с другими. Предводителем Пандавов был тогда мощнопламенный Дхриштадьюмна,136 великий знаток оружия, охраняемый Бхимой, как Варуна - Митрой.137 В окружении пяти ратей, помня о страданиях своего отца,138 он, многомудрый, рвался (сразиться) с Дроной, и совершил в бою тот великий подвиг. В схватке Дроны и Паршаты139 нашли погибель многие герои, владыки земли, пришедшие из разных краев. Пять дней длилась та ужасная битва, и тут, отвратившись (от боя), Дрона попал во власть к Дхриштадьюмне.140 Затем полководцем рати Дурьодханы стал Карна, окруженный в бою пятью уцелевшими ратями. У сыновей Панду оставалось тогда только три рати, охраняемые Бибхатсу,141 тогда как большинство героев погибло. Во второй страшный день Сын суты,142 сойдясь в бою с Партхой, принял смерть,143 как мотылек в огне. Когда был убит Карна, кауравьи, павшие духом, утратив свою мощь, передали (оставшиеся) три рати под начало владыки мад-ров.144 Пандавы, потеряв большую часть коней, тоже сникли и вместе с уцелевшим воинством сплотились вокруг Юдхиштхиры. Царь куру Юд-хиштхира в полдень того же дня сокрушил царя мадров, совершив тяжкий подвиг.
25-35. Когда был убит Шалья, многомудрый, безмерно отважный Саха-дева сразил Шакуни, который и привел (соперников) к той распре.145 После гибели Шакуни ничтожнейший помыслами царь (Дурьодхана), сын Дхрита-раштры, потерявший убитыми большую часть своих воинов, обратился в бегство, держа в руке палицу. Пламенный Бхимасена в ярости бросился следом и настиг его в озере Двайтавана погрузившимся в воду.146 Приблизились, торжествуя, пятеро Пандавов с остатками своей рати и окружили его, находящегося в озере. Тяжко израненный стрелами их слов, быстро вынырнул он из воды и встал, держа в руке палицу, изготовившись к бою. И тут царь, сын Дхритараштры, пал в великом бою на глазах у правителей земли от рук налетевшего Бхимасены. Затем рать Пандавов, спавшая ночью в своем лагере, была истреблена сыном Дроны, который не мог снести убийства своего отца.147 Вместе со мною, а также с Ююдханой остались в живых пятеро Пандавов, но убиты их сыновья, пали воины, погибли друзья. Вместе с Крипой и Бходжей148 Драуни уцелел после битвы, спасся и кауравья Ююцу благодаря покровительству Пандавов. Когда пал Суйодхана, Индра кауравов, вместе с родичами, Видура и Санджая149 пришли к Царю дхармы. Вот какой была, о владыка, восемнадцатидневная битва, во время которой павшие владыки земли нашли приют на небесах.
Вайшампаяна сказал:
36. Вришнии слушали этот страшный рассказ, о великий царь, страдая от горя и боли.150
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" пятьдесят девятая глава.

Глава 60
Вайшампаяна сказал:
1-14. Пламенный Васудева, многомудрый герой, рассказывая отцу о великой битве потомков Бхараты,151 в конце своего повествования обошел молчанием смерть Абхиманью,132 о бхарата, дабы не огорчать старого Ва-судеву. Великий умом, (решил) он: да не настигнет тяжкая беда Васудеву, ибо спалит его отчаяние от горя, если услышит он о гибели внука. А Суб-хадра, когда тот не упомянул о гибели ее сына в бою, (воскликнула): "Поведай же, Кришна, о гибели Саубхадры!"153 - и упала на землю. Васудева не видел, что пала она наземь, а, увидев это, тоже рухнул на землю, сраженный бедою. Васудева, охваченный горем и болью из-за гибели внука, обратился к Кришне с такими словами, о великий царь: "О лотосоокий, прав-доречивым слывешь ты на земле, но не поведал мне ныне о гибели внука, о сокрушитель врагов! Скажи мне правду, владыка, о гибели сына твоей сестры. Как же он, похожий на тебя глазами, сражен был недругами в битве? Увы, о Варшнея, не умереть человеку, если не пришло его время, потому и сердце мое не разорвалось ныне от горя на сотню частей! Что же он, быстроокий, дорогой для меня, просил тебя, о лотосоокий, в бою передать своей матери Субхадре и мне? Ведь не был же он повергнут врагами, когда отвратился от битвы! Не исказилось ли лицо его во время боя, о Говинда! По молодости своей, мощнопламенный и могучий, словно бы похваляясь предо мною, о Кришна, он рассказывал о своих победах. Не был ли искалечен Дроной, Карной, Крипой или другими (воинами) тот юноша, что, поверженный, лежал на земле, - скажи мне, о Кешава! Сын моей дочери постоянно соперничал в битве с Дроной, Бхишмой и Карной, лучшим из воинов".
15-23. Таким был горестный плач тяжко страдающего отца Говинды, и тот, еще более опечалившись, произнес такие слова: "Не исказилось лицо его в разгар битвы, и не отвратился он от жестокого боя. Уничтожив много сотен тысяч правителей земли, теснимый Дроной и Карной, попал он во власть сына Духшасаны.154 Если бы он, о владыка, как всегда сражался один на один (с недругом), его не смог бы повергнуть в бою даже Владетель ваджры. Когда Партха был вызван на бой саншаптаками,155 окружили его в битве разъяренные (воины) во главе с Дроной. Нанеся в бою жесточайший урон врагам своего отца, внук твой, Варшнея, оказался во власти сына Духшасаны. Ныне он удалился на небеса, так что отринь печаль, о многомудрый, ибо праведникам не пристало печалиться, даже попав в беду. Разве не суждено достичь небес тому, кто в битве противостоял Дроне, Карне и остальным (воинам), подобным Махендре! Поэтому превозмоги печаль, о неодолимый, и не впадай во гнев! Покоритель вражеских городов, он удалился стезею, очищенной оружием.156
24-35. Когда пал тот герой, Субхадра, сестра моя, терзаемая горем, явилась к Притхе, рыдая, точно курари.157 Приблизившись к Драупади,158 спросила она ее в горе: "О достойная, где же все жители Двараки? Я желаю их видеть". Услышав ее рассказ, все женщины (рода) Куру, обнимая ее, принялись причитать в глубоком отчаянии. Сказала Уттаре Бхадра:159 "Куда, о достойная, удалился супруг твой? Поскорей сообщи ему о моем приходе. О дочь Вираты!160 Прежде, едва заслышав мой голос, он тотчас спешил из своих покоев навстречу. Отчего не приходит супруг твой? О Абхи-манью! В добром здравии твои дяди со стороны матери, великоколесничные воины, и все они говорили Ююцу, явившемуся сюда, что и ты здоров и невредим. Расскажи мне теперь с самого начала о битве, о сокрушитель врагов! Почему ты ныне не отвечаешь мне, плачущей?!" Слушая те причитания Вришнийки, терзаемая тяжким горем, Притха161 тихо произнесла такие слова: "О Субхадра! Хранимый в бою Васудевой, Сатьяки и отцом своим, юный (сын твой) сражен дхармой Времени.162 Такова дхарма смертного - не печалься, о радость ядавов! Сын твой неодолимый ступил на высочайшую стезю! Рождена ты в великом роду кшатриев, великих душой, о лото-соокая, и потому не горюй о быстрооком (воине). Посмотри на Уттару, вынашивающую дитя, и не тоскуй, прекрасная! Вскоре красавица эта родит от него сына".
36-41. Так утешив ее, о продолжатель рода ядавов, Кунти, преодолев невыносимую тоску, повелела исполнить поминальный обряд. Отпустив царя (Юдхиштхиру), Бхиму и близнецов, подобных Яме,163 знающая дхарму, даровала она им многочисленные дары. Раздав брахманам множество коров, о продолжатель (рода) Яду, Вришнийка воспрянула духом и так сказала дочери Вираты: "О дочь Вираты! Не должна ты предаваться отчаянию, о славная! Ради супруга, прекраснобедрая, сохрани мне дитя в своем чреве!" Сказав это, Кунти замолкла, о великий сиянием, а я испросил у нее разрешения удалиться, взяв с собою Субхадру. Так принял смерть внук твой, о Мадхава!164 Превозмоги горе, неодолимый, не предавайся душою скорби".
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестидесятая глава.

Глава 61
Вайшампаяна сказал:
1-8. Выслушав речь своего сына, сын Шуры,165 верный душою дхарме, преодолел страдание и совершил высочайшее поминальное жертвоприношение. И Васудева (Кришна) также совершил поминальный обряд для племянника, что всегда был дорог его отцу. Мощнорукий (герой) по обычаю угостил шестьдесят сотен тысяч брахманов яствами, исполненными всевозможных достоинств. Мощнорукий Кришна, одарив одеждами брахманов, погасил тогда их жажду богатств, и было то потрясающе. И пока раздавал он золото, коров, ложа, одежды, брахманы возглашали здравицы в его честь.166 И вот Васудева - властитель дашархов, Баладева и Сатьяки, вместе с Сать-якой167 совершили поминовение Абхиманью, но, снедаемые глубоким отчаянием, не могли обрести покоя. И

герои Пандавы в Городе, носящем имя слона, тоже никак не могли успокоиться, лишившись Абхиманью. Много дней, о Индра царей, дочь Вираты не прикасалась к еде, терзаемая тоской по супругу, так что возникли серьезные опасения, как бы не погибло дитя в ее чреве.
9-19. Провидя это божественным оком,168 явился туда мудрый мощно-пламенный Вьяса и, появившись, сказал большеокой Прихте169 и Уттаре: "Отриньте печаль! Мощью Васудевы по моему слову родится у тебя, славная, мощнопламенный сын! Когда завершится (правление) Пандавов, будет он править землей". И, глядя на Завоевателя богатств, в присутствии Царя дхармы Вьяса, о бхарата, радостно произнес такие слова: "О мощнорукий! Родится у тебя внук многомудрый и станет он править землей вплоть до самого океана. И потому отринь печаль, о лучший из куру, сокрушитель врагов; нечего тут тебе сомневаться - воистину так то и будет. Как было сказано прежде Кришной, героем-вришнийцем, о радость куру, так то и будет, нечего тут тебе сомневаться. И ты, и другие из куру не должны, дорогой, горевать о том, кто удалился в нетленные миры премудрых, им завоеванные". Когда произнес это прародитель,170 Завоеватель богатств, верный душою дхарме, преодолев печаль, стал радостен видом, о великий царь! Твой отец, о многомудрый знаток дхармы,171 рос постепенно во чреве (Ут-тары), точно луна в светлую половину месяца. Вьяса повелел царю, сыну Дхармы, совершить ашвамедху и затем скрылся из вида.172 А мудрый царь дхармы, выслушав те слова Вьясы, задумал отправиться в путь, чтобы добыть богатства (для этого).
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестьдесят первая глава.

Глава 62
Джанамеджая сказал:
1-2. Выслушав произнесенные Вьясой, великим духом, слова об ашва-медхе, что предпринял тогда царь (Юдхиштхира), о брахман? Как Он добыл сокровища, сокрытые в земле Маруттой, - расскажи мне об этом, о лучший из дваждырожденных!
Вайшампаяна сказал:
3-15. Выслушав речь Двайпаяны,173 Царь дхармы Юдхиштхира в надлежащее время пригласил всех своих братьев - Арджуну, Бхимасену и близнецов, сыновей Мадри, и произнес такие слова: "Слышали вы, о герои, что сказал из расположения к нам мудрый Кришна,174 великий духом, желая блага для куру. Памятуя о том, (что было сказано) великим наставником Вьясой, состарившимся в подвижничестве праведником, чьи деяния удивительны, тем, что желает блага друзьям, а также (помня о том, что было сказано) Бхишмой, великим царем,175 и мудрым Говиндой, намерен я, Пан-давы, поступить, как положено. Те слова толкователей Вед - благо для всех нас и в настоящем, и в будущем, (они сулят) благоденствие, если им следовать. О цари, продолжатели (рода) Куру! Земля совсем оскудела сокровищами, Вьяса же много рассказывал о богатстве Марутты. Если считаете вы это правильным и если сокровищ достаточно, так давайте все вместе их доставим сюда. Как тебе кажется, Бхима?" Когда царь произнес эти слова, о продолжатель рода Куру, Бхимасена, сложив почтительно ладони, ответил лучшему из царей: "Мне по душе, о мощнорукий, сказанное тобою о том, чтобы доставить сюда богатства, о которых поведал Вьяса. Если мы добудем сокровища Авикшита,176 дело будет сделано, - вот мое мнение, о владыка, великий царь! Почтив Капардина, совершив поклонение Гирише,177 великому духом, мы обретем (богатство), благо тебе! Словом, мыслью и делом178 умилостивив могучего Ишу,179 бога богов, а также его спутников, мы получим богатство. И грозные обликом слуги его, что охраняют сокровища, станут покорными, если будет умилостивлен Тот, у кого бык на знамени".180
16-23. Услышав слова, произнесенные Бхимой, был безмерно доволен, о бхарата, царь, сын Дхармы; остальные же (братья) во главе с Арджуной радостно провозгласили: "Да будет так!" И вот, придя к единому решению - добыть сокровища, в день созвездия Дхрува181созвали они свою рать. Пожелав благополучия брахманам, а прежде почтив Махешвару,182 лучшего из богов, сыновья Панду тронулись в путь. Ублажив великого духом (Шиву) сладостями, молочным рисом и мясными лепешками, торжественно выступили они в поход. Первые среди дваждырожденных и горожане с радостью в сердце обращали благословения к собравшимся в путь (героям). Совершив прадак-шину вокруг брахманов, поддерживающих огонь,183 склонив (перед ними) головы, отправились в поход сыновья Панду. Простились они с царем Дхри-тараштрой, сраженным тоскою по сыновьям, с его супругой и с большеокой Притхой, и, оставив в столице кауравью Ююцу, сына Дхритараштры, (удалились), сопровождаемые почестями горожан и мудрых брахманов.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестьдесят вторая глава.

Глава 63
Вайшампаяна сказал:
1-7. Шли они радостно, наполняя землю мощным грохотом колесниц, и радостны были люди, ведущие их.184 Суты, магахи и вандины185 славили их гимнами, и в окружении своей рати были они подобны солнцу в ореоле лучей. Юдхиштхира, над головою которого несли белый зонт,186 походил на царя звезд в полнолуние. Бык-муж Пандава должным образом, как поло-жено, принимал в пути от ликующего народа благословения на победу. Громкие кличи воинов, что сопровождали царя, разносились, о царь, достигая небес, о царь. И вот тот великий царь, минуя озера, реки, леса, перелески, достиг горы. Следуя за брахманами, наделенными силой подвижничества, знанием и смирением, а также пурохитой, сведущим в Ведах и Ведангах,187 царь Пандава вместе с воинами, о Кауравья, Индра царей, лучший из бха-ратов, остановился в том месте, где были (сокрыты) прекрасные сокровища, в благодатном равнинном краю. Брахманы вместе с родовым жрецом совершили обряд отвращения от царя злых сил188 и, как положено, начиная с восточной стороны, обошли всюду (ту местность). Разместились дваждырожден-ные в девяти местах на пересечении шести путей,189 определив посредине, как полагается, места для царя и его советников. Индра среди царей, разместив, как положено, Индр среди слонов, истекающих малой,190 так сказал брахманам: "О лучшие из дваждырожденных! То, что надлежит совершить в день благоприятного созвездия, вы, как считаете, так и должны сделать. Не следует нам медлить, теряя время. О Индры брахманов! Как решили, так и действуйте тотчас же". Выслушав эти слова царя, брахманы вместе с царским жрецом, желая блага Царю дхармы, радостно отвечали ему: "Ныне (настал) день благоприятного созвездия, и мы постараемся наилучшим образом совершить (все) обряды. Будем мы жить теперь на одной лишь воде, о царь, и тебе отныне также надлежит придерживаться поста". Выслушав тех лучших из дваждырожденных, Индры царей, предавшись посту, провели эту ночь, расположившись на циновках из (травы) куша,191 подобные пылающим (огням) Уносителям жертв на жертвенных обрядах.192 Для них, великих ду
хом, та ночь прошла в слушании речей, что вели брахманы, а когда наступило раннее ясное утро, быки-дваждырожденные обратились к владыке людей, сыну Дхармы, с такими словами.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестьдесят третья глава.

Глава 64
Брахманы сказали:
/. Да будет ныне совершено подношение Треокому (Шиве), великому духом! Поднеся ему жертвенный дар, устремимся мы к своей цели, о царь!
Вайшампаяна сказал:
2-8. Выслушав речь брахманов, совершил Юдхиштхира, как полагается, жертвенное подношение Гирише. Ублаготворив Агни растопленным маслом, как должно очищенным, отправился тогда родовой жрец совершить (жертвоприношение) чару,193 освященное мантрами. Взял он очищенные мантрами цветы, о владыка людей, и совершил жертвенное подношение сладостями, молочным рисом

и мясом. Завершив, как должно, жертвоприношение (Агни) Свиштакриту194 яркими цветами и различным молотым зерном, знаток Вед принес затем несравненный жертвенный дар слугам (Шивы), а также Индре якшей - Кубере,195 Манибхадре196 и другим якшам, а также тем, что властвуют над бхутами.197 Благодаря возлияниям крисары198 с мясом, сдобренным сезамом, ярко блистало, о царь, то место Бога богов. Совершив поклонение Рудре и всем его ганам,199 царь вслед за Вьясой200 тронулся в путь по направлению к сокровищнице (Марутты).
9-20. Приветствуя в поклоне Владыку богатств,201 почтив его яркими цветами, лепешками и крисарой, выказав почтение всем вместилищам раковин и иных (ценностей), а также всем хранителям сокровищ, обратив бла-гопожелания к первым среди дваждырожденных и укрепившись в пламенности духа благодаря провозглашению ими благоприятного дня, отважный (Юдхиштхира), лучший из куру, повелел раскопать сокровищницу. И тогда извлек на поверхность Царь дхармы Юдхиштхира тысячи сосудов, кувшинов" изукрашенных ашмантакой,202 золотые вазы, котлы, маслобойки, кринки и множество разных (других) емкостей. По виду их было с огромный сундук, но в три раза больший сосуд вместил, о царь, владыка людей, лишь половину (сокровищ). Караван сына Панду, о владыка народов, великий царь, составляли шестьдесят тысяч верблюдов, вдвое больше сотен коней, столько же сотен тысяч слонов и такое же число повозок и колесниц с добычей; не счесть было также мулов и слуг. Таким было богатство, что добыл Юдхиштхира - шестнадцать, восемь и еще двадцать четыре тысячи бхаров.203 Погрузив свое достояние, Пандава снова почтил Махадеву и направился в Город, носящий имя слона. С дозволения Двайпаяны, следуя за родовым жрецом, бык-муж Юдхиштхира делал остановки каждую гавыоти204 пути. Огромное войско, о царь, с трудом продвигалось по направлению к городу, изнемогая под грузом сокровищ; несло оно радость продолжателям (рода) Куру.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестьдесят четвертая глава.

Глава 65
Вайшампаяна сказал:
1-10. В то самое время в Город, носящий имя слона, вместе с вришний-цами явился отважный Васудева, зная о сроке жертвоприношения коня: бык-муж был оповещен сыном Дхармы, когда возвращался в свой город. Вместе с сыном Рукмини, Ююдханой, Чарудешной, Самбой, Гадой, Критаварманом, героем Сараной, Нишатхой и Улмукой,205 следуя за Баладевой, вместе с Суб-хадрой, желал он увидеть Драупади и прекрасную Притху, утешить (других) кшатриек, потерявших (в битве) своих супругов. Увидев пришедших, Дхри-тараштра, владыка земли, и многомудрый Видура приняли их, как подобает. Мощнопламенный Кришна, бык-муж, зажил там, окруженный высочайшим почетом, который оказывали ему Видура и Юютсу. В то время как тут пребывали герои-вришнийцы, о царь Джанамеджая, родился на свет отец твой Парикшит, погубитель героев-недругов.20* Сраженный оружием Брахмы, царь тот был мертв207 и вызывал, недвижимый, вместо радости горе, великий царь! Львиные кличи возликовавших было людей, огласившие все стороны света, умолкли.
//-26. С великой поспешностью Кришна, сопровождаемый Ююдханой, в смятении чувств и разума ступил тогда во внутренние покои дворца.208 Увидел он спешащую (к нему) сестру отца - (Притха) вновь и вновь взывала к Васудеве: "Поторопись!" А позади нее, о царь, жалобно причитали Драупади, Субхадра славная и жены его сородичей. И тут, приблизившись к Кришне, царская дочь Кунти, о царь-тигр, произнесла голосом, дрожащим от слез: "О Васудева мощнорукий! Деваки209 счастлива в детях благодаря тебе, ты - наше прибежище, наша опора, на тебе зиждется род. О могучий Кешава, отважнейший среди ядавов! Верни к жизни дитя твоего племянника, умерщвленного Ашваттхаманом еще в утробе матери.210 Ведь ты, о потомок Яду могучий, когда (тот пустил в ход стрелу) айшика,211 пообещал: "Я оживлю мертвое дитя!" Посмотри, о муж-бык, - родился он мертвым. Ты должен спасти (нас) всех,212 о неодолимый Мадхава, - и Уттару, и Субхадру, и Драупади, и меня, и сына Дхармы, и Бхиму, и Пхальгуну, и Накулу, и Са-хадеву. От этого (дитя) зависит сама жизнь Пандавов и моя, это ему, о Да-шарха,213 (предстоит приносить) поминальные жертвы Панду, моему свекру.214 Соверши ныне доброе дело, Джанардана, - благо тебе! - ради павшего Абхиманью, что был дорог тебе и похож на тебя! О Кришна, губитель врагов! Уттара повторяет слова Абхиманью, произнесенные ее любимым (супругом) из привязанности к тебе, без сомнения. О Дашарха, сказал когда-то сын Арджуны дочери Вираты: "Твой сын, о достойная, войдет в семью моего дяди по линии матери.215 Войдя же в род вришниев и андхаков, получит он знание военной науки, оружие разное и (овладеет) наукой правления"".216 Вот что говорил ей с любовью сын Субхадры, неодолимый губитель героев-недругов, и нет в том сомнения: "Склоняя головы, за тех, (что потеряли своих младенцев),217 мы просим тебя, о Губитель Мадху, - соверши высочайшее благо на пользу его рода!"
27-29. С этими словами большеокая Притха, терзаемая горем, простерла руки к Варшнее и вместе с другими (женщинами) пала на землю. Все они, о владыка, великий царь, с глазами, полными слез, восклицали: "Племянник Васудевы родился мертвым!" Под эти возгласы Джанардана поднял, о бхарата, павшую наземь Кунти и принялся утешать ее.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестьдесят пятая глава.

Глава 66
Вайшампаяна сказал:
7-9. Когда поднялась Притха, зарыдала Субхадра, измученная горем, и, глядя на брата, произнесла такие слова: "Смотри, лотосоокий! Когда приблизился к концу (род) Куру, иссякла жизнь218 и внука мудрого Партхи - он мертв. Стрела, нацеленная сыном Дроны в Бхимасену, угодила в Виджаю, Уттару, да и в меня.219 Она пылает в моем сердце, Кешава, ибо не вижу я моего внука, о неодолимый владыка! Что же скажут Юдхиштхира - верный дхарме сын Дхармы, Бхимасена и Арджуна и оба сына Мадравати? Услышав, что родился мертвым сын Абхиманью, Пандавы, о Варшнея, (сочтут себя) обворованными сыном Дроны! Абхиманью, о Кришна, мил своим предкам, нет в том сомнения, так что же скажут они, услышав о том, что погубило их оружие сына Дроны? Я думаю, великое горе постигнет нас, ибо мертвым родился сын Абхиманью, о Кришна Джанардана, врагов погубитель! Посмотри - склонив голову, как и Притха, и Драупади, я взываю к твоему милосердию, о Кришна, из мужей высочайший!"
10-19. Когда сын Дроны вознамерился погубить потомство Пандавов в материнском чреве, ты в ярости, о Мадхава, губитель недругов, сказал Драуни: "Я не позволю, чтобы исполнилось твое желание, ничтожнейший из людей, брахман лишь по названию, - я верну к жизни внука Увенчанного тиарой".220 Слыша то, что сказал ты и зная силу твою, я взываю к твоему милосердию, о неодолимый, - да оживет сын Абхиманью! Если же, пообещав такое, ты не исполнишь своего благого обета, знай, о тигр среди вриш-ниев, - я умру. Если сын Абхиманью не оживет, тогда как ты жив, о неодолимый герой, какая же мне от тебя польза! Верни к жизни мертвого сына Абхиманью, его дитя, с такими же, как у него глазами, - так туча, изливаясь дождем на зерно, (пробуждает его к жизни), о неодолимый герой! Ты, о Кешава, верен дхарме, привержен истине, воистину отважен и потому, о губитель врагов, ты должен исполнить данное слово. Если ты пожелаешь, то сможешь возвратить жизнь трем мирам в случае их гибели,221 так что говорить о желанном сыне племянника твоего, родившемся мертвым! Мне ведома мощь твоя, Кришна, поэтому я говорю тебе: "Яви вы-сочайшую милость сыновьям Панду! Должен ты сострадать мне, о мощ-норукий, - ведь я сестра твоя, потерявшая сына, и обращаюсь к тебе за защитой".
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестьдесят шестая глава.

Глава 67
Вайшампаяна сказал:
1-10. На эти слова, о Индра царей, Погубитель Кешина222 в смятении от горя громко сказал: "Да будет так!" и тем словно бы вселил

радость в собравшихся там. Могучий муж-бык утешил их теми словами - словно водой (напоил) измученных зноем. Спешно вступил он в покои, где родился отец твой, о муж-тигр, украшенные, как положено, белыми гирляндами. Всюду лежало подвергнутое очищенью оружие, (горели) огни; были здесь, дабы прислуживать, достойные старые женщины и множество искусных умелых лекарей, о герой! Увидел тут мощнопламенный Ачьюта отвращающие ракшасов предметы, должным образом разложенные повсюду знающими людьми. Увидев, что покои, где родился отец твой, обустроены как положено, Хришикеша радостно произнес: "Хорошо! Хорошо!" Когда Вар-шнея с довольным лицом так сказал, Драупади поспешила к дочери Вираты и обратилась к ней: "Вот приближается к тебе, о достойная, твой свекор - Погубитель Мадху, древний риши223 неодолимый, чей дух непостижим!" Та перестала причитать, сдержала слезы и приоделась, ожидая Кришну, точно богиня - бога.
11-24. Завидев приближающегося Говинду, страдалица в сердечной муке жалобно запричитала: "Смотри, о Джанардана лотосоокий: утратившие сына, равно мертвы мы оба - и я, и Абхиманью! О герой-Варшнея, Губитель Мадху! С поклоном я взываю к твоей милости: верни к жизни мое дитя, погубленное оружием сына Дроны! Если бы Царь дхармы или Бхимасена, или же ты, о лотосоокий, сказали такие слова: "Да поразит та стрела ничего не подозревающую роженицу!" - я была бы погублена, но этого не случилось бы. Какие плоды пожинает теперь Драуни, низкий помыслами, совершив злодеяние - сразив оружием Брахмы дитя, пребывающее во чреве? С поклоном взывая к твоему милосердию, я умоляю тебя, о сокрушитель врагов, - не жить мне, о Говинда, если он не вернется к жизни! В нем, о достойный, были сосредоточены многие мои чаяния, но-погублены они сыном Дроны, - так к чему же мне жить, о Кешава! Была у меня надежда, о Кришна Джанардана, что я, выносив это дитя, буду приветствовать (тебя), благодаря судьбу, но все пошло прахом. Теперь, когда мертв сын быстроокого (Абхиманью), бесполезны, о Кришна, муж-бык, все желанья мои, (что я лелеяла) в сердце своем. Быстроокий (муж мой) был безмерно дорог тебе, о Погубитель Мадху, но посмотри - его сын сражен оружием Брахмы. Вероломен он, жесток, как и отец его, который, отринув славу Пандавов, удалился теперь в обиталище Ямы! Мною, о Кешава, в самый разгар боя, когда пал Абхиманью, был дан такой обет: "Вскоре последую я за тобой!" Но я, нечестивица, цепляясь за жизнь, не исполнила этого, Кришна! Что же скажет сын Пхальгуны, если теперь явлюсь я туда?!"
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестьдесят седьмая глава.

Глава 68
Вайшампаяна сказал:
/-13. Так причитая жалобно, будто безумная, страдалица Уттара, тоскуя о сыне, в отчаянии пала на землю. Увидев, что та, родные и близкие которой погибли, лежит (на земле), зарыдала измученная горем Кунти, а с ней и все жены бхаратов. И в мгновенье, о царь, стало мрачным жилище Пан-давов, оглашаемое горьким плачем. Внезапно, о герой, Индра царей, дочь Вираты, подавленную тоской о сыне, сковало оцепенением. Едва к ней вер-нулось сознание, о бык-бхарата, Уттара прижала к груди своего сына и сказала (ему) такие слова: "Сын знатока дхармы, ты знаешь: противоречит дхарме то, что ты не приветствуешь героя вришниев. Уходя отсюда, о сын мой, передай своему отцу такие мои слова: "Живущий, о герой, ни за что не умрет, пока не настанет его время. Вот и я, лишившись тебя, моего супруга, а также и сына, должна бы теперь умереть, но живу, утратив свое благоденствие, ничего не имея. О мощнорукий! Лучше я, попрощавшись с Царем дхармы, приму жгучий яд или войду в (огонь) - Пожиратель жертв".224 Но, видно, не умереть мне, сынок, если сердце мое не разорвалось на тысячу частей, когда потеряла я и мужа, и сына. Вставай, сын мой, взгляни на свою прабабушку225 - она горюет, страдает, тоскует, несчастная, утопая в океане скорби. Посмотри на достойную Панчали226 и страдалицу Сатвати,227 посмотри на меня - истерзанная тяжким горем, похожа я на лань, сраженную болезнью. Вставай же, взгляни в лицо Владыке мира228 мудрому, глаза которого подобны лепесткам лотоса, подвижные, как у отца твоего".229
14-24. Видя, что Уттара, так причитая, снова упала (на землю), все женщины бросились ее поднимать. Поднявшись же, дочь царя матсьев,230 смиренно сложив ладони, земным поклоном приветствовала лотосоокого (Кришну). Выслушав ее горькие стенания, Кришна, муж-бык, совершил очищенье водой231 и отвратил действие оружия Брахмы, ибо ранее обещал Дашарха Неколебимый вернуть к жизни это (дитя). И сказал он, чистый душою, так, чтобы слышал весь мир: "Не изрекаю я лжи, о Уттара, воистину так и будет: я оживлю его на глазах у всего сущего. Никогда прежде не говорил я неправды даже шутя, равно как не отступал с поля брани.232 Если привержен я дхарме и брахманам - в особенности, пусть оживет родившийся мертвым сын Абхиманью! Если истинно то, что не ведаю я никаких разногласий с Виджаей,233 то пусть оживет мертвый младенец! Если на мне покоятся постоянно дхарма и истина, то пусть оживет этот мертвый младенец, сын Абхиманью! Если истинно то, что мною во имя дхармы были убиты Камса и Кешин,234 то пусть вновь будет живо это дитя!" Едва так сказал Васудева, о бык-бхарата, великий царь, тот мальчик ожил и потихоньку задвигался.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестьдесят восьмая глава.

Глава 69
Вайшампаяна сказал:
1-10. И вот, когда Кришна отвратил (действие) оружия Брахмы, озарились покои пламенем мощи отца твоего. И тут исчезли все ракшасы, покинув тот дом, а с небес послышался голос: "Прекрасно! Прекрасно, Кешава!" То пламенеющее оружие вернулось тогда к Прародителю,235 а отец твой, о владыка людей, снова обрел жизнь, и мальчик тот двигался решительно и мощно. Возрадовались тогда, о царь, женщины бхаратов и по повелению Говинды воззвали к брахманам. Радостно восславили Джанардану все жены львов-бхаратов - словно лодку (обрели) стремящиеся пересечь (океан)."е Кунти и дочь Друпады, Субхадра и Уттара, а также другие жены мужей-львов исполнились в душе радости. Борцы, актеры, фехтовальщики, астрологи и те, что должны охранять сон царевича, сонмы магадхов и сутов пели хвалу Джанардане, благословляя его во славу рода Куру. И Уттара, когда наступило время, поднялась и вместе с сыном радостно приветствовала, о бхарата, (Кришну) потомка Яду, а тот, довольный, даровал ей несметные богатства, как и другие вришнийцы-тигры. Могучий Джанардана, средоточие истины, нарек твоему отцу имя, великий царь! "Сын Абхиманью появился на свет, когда иссяк его род, поэтому пусть зовется Парикшитом!"237 - так сказал он тогда.
11-20. Со временем рос твой отец, о владыка людей, и был он усладой души всему миру, о бхарата! Отцу твоему, герой-бхарата, было от роду месяц, когда возвратились Пандавы, добыв огромные богатства. Услышав, что они приближаются, вышли навстречу им быки-вришнии, а слуги тем временем украсили Город, носящий имя слона, морем цветочных гирлянд. Горожане разукрасили жилища яркими флагами и различными знаменами. Ви-дура, желая выразить сыновьям Панду свое расположение, повелел оказать всевозможные почести святилищам богов.238 Главные улицы были убраны цветами, и город тот сиял, словно бы оглашаемый шумом океанских валов. Благодаря танцовщикам-актерам и звукам песнопений тот город был подобен обиталищу Вайшраваны.239 Сопровождаемые женщинами ван-дины блистали повсюду, о царь, в уединенных местах. Развеваясь под порывами ветра, знамена словно бы указывали куру с юга на север.240 Царский слуга-глашатай возвестил гуляние на всю ночь в знак обретения Панда-вами сокровищ.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" шестьдесят девятая глава.

Глава 70
Вайшампаяна сказал:
1-14. Услышав, что приближаются Пандавы, Васудева, губитель врагов, желая увидеться с ними, вместе с советниками выступил им навстречу. Встретив вришнийцев как подобает, Пандавы вместе, о царь, вошли в Город, носящий имя слона. Топот копыт и стук

колесных ободов того великого войска громом заполнил землю, небо и поднебесье. Пандавы вместе с советниками и множеством друзей с радостью в сердце вступили в свой город, поместив пред собою сокровищницу. Встретившись как положено с Дхритараштрой, владыкой людей, возгласили они свои имена и припали к его стопам. Вслед за Дхритараштрой лучшие из бхаратов (выказали почтение) Гандхари, дочери Субалы, и Кунти, о царь-тигр! Почтив Видуру и встретившись с сыном вайшьи,241 воссияли герои, принимая (ответные) почести, о владыка народов! И тут те герои, о бхарата, услыхали об удивительнейшем великом необычайном чуде - рождении твоего отца, о владыка народов! Выслушав о том деянии мудрого Васудевы, выказали они почтение сыну Деваки - достойному почестей Кришне. Затем, спустя несколько дней в Город, носящий имя слона, пришел сын Сатьявати242 - мощнопламенный Вьяса. Все продолжатели рода Куру вместе с тиграми средь вришнийцев и андхаков оказали ему подобающие почести и уселись вокруг него. Воздав хвалу (его) разнообразным рассказам, сын Дхармы Юдхиштхира сказал, обращаясь к Вьясе, такие слова: "Те сокровища, что добыты благодаря твоей милости, о владыка, я намерен употребить на великий обряд жертвоприношения коня. Я желаю получить от тебя согласие, о лучший среди отшельников! Все мы и Кришна, великий душою, покорны тебе".
Вьяса сказал:
15-16. Я разрешаю тебе, о царь, тотчас это исполнить. Соверши, как положено, жертвоприношение коня, сопровождаемое дарами брахманам, ибо ашвамедха, о Индра царей, очищает от всех грехов. Совершив это жертвоприношение, ты станешь безгрешен243 - нет в том сомнения.
Вайшампаяна сказал:
17-21. Когда так ему было сказано, верный дхарме Юдхиштхира, царь куру, о Кауравья,244 направил свои помыслы на приготовления к ашвамедхе. Испросив разрешения у Кришны Двайпаяны, царь, владеющий Словом,245 пригласил Васудеву и так обратился к нему: "Царица Деваки, о лучший из мужей, счастлива в детях благодаря тебе. Исполни же, о мощнорукий Ачьюта, то, что я скажу ныне. Да будем вкушать мы плоды того, что добыто мощью твоей, о радость (рода) Яду, ибо отвагой своей и умом покорил ты (всю) землю. Прими посвящение как наш высочайший гуру!246 Если тобой, о могучий знаток дхармы, будет вершиться то жертвоприношение, я стану безгрешен, ибо ты - вся жертва нетленная, ты - дхарма, ты же - Праджапати.247
Васудева сказал:
22-25. Именно ты вправе сказать такое, о мощнорукий губитель недругов! Ты - прибежище всего сущего, таково мое твердое мнение. Меж героями куру блистаешь ты ныне своей добродетелью, покорны они тебе, ибо ты, о царь, наш признанный гуру. С моего дозволения совершай жертвоприношение, - я прибыл на жертвенный обряд. Располагай нами в том, что надлежит делать, как пожелаешь, о бхарата! Истинно я обещаю тебе - сделаю все для тебя, о безупречный! Бхимасена, Арджуна и оба сына Мадри примут участие в жертвоприношении, когда ты, о бхарата, будешь вершить этот жертвенный обряд.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семидесятая глава.

Глава 71
Вайшампаяна сказал:
1-2. Когда так ему было сказано Кришной, мудрый Юдхиштхира, сын Дхармы, пригласил Вьясу и произнес такие слова: "Воистину только тебе ведомо время, когда надлежит (отправлять обряд) жертвоприношения коня, поэтому соверши мое посвящение, ибо от тебя зависит мой жертвенный обряд".
Вьяса сказал:
3-6. И я, и Пайла, и Яджнявалкья,248 о Каунтея, предпринимаем свои начинания лишь в надлежащее время - нет в том сомнения, и потому состоится твое посвящение в полнолуние (месяца) чайтра.249 Да будут совершены приготовления к твоему жертвенному обряду, о муж-бык! Пусть колесничие, сведущие в коневодстве, и брахманы, знающие его, выберут жертвенного коня250 для достижения цели жертвоприношения. Выпущенный на волю согласно шастрам,251 пусть следует он по земле, океаном одетой, взращивая твою славу, о царь!
Вайшампаяна сказал:
7-11. Пандава, владыка земли, когда так ему было сказано, ответил: "Да будет так!" и сделал все, как сказал тот знаток Вед, о Индра царей!
Было собрано полностью то, что необходимо, о Индра царей! Завершив приготовления, царь, сын Дхармы, безмерный душою, поведал о том Кришне Двайпаяне. Тогда сказал царю, сыну Дхармы, мощнопламенный Вьяса: "Мы, как должно, готовы к твоему посвящению в назначенный час. Да будут из золота сделаны, о Каурава, спхья и курча,252 да будет из золота и другое, что там необходимо. Пусть будет ныне же выпущен конь, как подобает, и пусть странствует он под охраною по земле, как предписано шастрами, о Юдхиштхира!"
Юдхиштхира сказал:
12-13. Выпущенный мною на волю, о брахман, станет свободно странствовать этот конь по земле, да будет так постановлено! Ты должен сказать, о отшельник, кому надлежит охранять коня, когда будет следовать он по земле, куда пожелает.
Вайшампаяна сказал:
14-21. Когда так ему было сказано, о Индра царей, Кришна Двайпаяна произнес: "Тот, кто рожден следом за Бхимасеной, лучший из всех лучников, Джишну выносливый и отважный,253 - вот кто будет (коня) охранять. Явившись Смертным часом для ниватакавачей,254 именно он способен покорить землю: при нем его небесное оружие, небесная воинская мощь, небесный лук и два колчана255 - вот кто будет сопровождать его. Искушенный в дхарме и артхе,256 сведущий во всех науках, в согласии с шастрами будет он направлять твоего коня, о лучший из царей! Сын царя мощнорукий, темнокожий,257 лотосоокий герой, отец Абхиманью - вот кто будет сопровождать (коня). Пламенный Бхимасена Каунтея, безмерно отважный, способен (в то время) охранять (твое) царство, равно как и Накула, о владыка народов! А мудрый многославный Сахадева, о Кауравья, будет, как должно, устраивать (прибывающих) родичей". Исполнил все сказанное ему в точности (царь), продолжатель рода Куру, и дал затем наставление Арджуне насчет коня.
Юдхиштхира сказал:
22-24. "Ступай, Арджуна! Да будет храним тобою, герой, этот конь! Ты, как никто другой из людей, достоин его охранять. Должен ты сделать так, о безупречный, чтобы не возникло вражды с теми царями, что решатся тебе противостоять, о мощнорукий! Надлежит тебе, о мощнорукий, повсюду приглашать царей на это мое жертвоприношение, так что следует прийти к согласию (с ними)".
25-26. Сказав так брату своему Савьясачину, верный дхарме Юдхиштхира поставил Бхиму и Накулу хранителями города, а Сахадеву, главного среди воинов, с дозволения владыки земли Дхритараштры, назначил (устраивать) родичей.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семьдесят первая глава.

Глава 72
Вайшампаяна сказал:
1-15. Когда настало время посвящения, величайшие жрецы как должно посвятили царя на (проведение) ашвамедхи. Совершив жертвоприношение скота, сын Панду, мощнопламенный Царь дхармы, принявший посвящение, воссиял вместе с жрецами. Сам безмерно пламенный Вьяса, знаток Вед, выпустил на волю по правилам шастр коня для жертвенного обряда. Принявший посвящение царь, сын Дхармы, с золотою гирляндой и ожерельем из золота блистал, о царь, будто пылающий огонь. Облаченный в черную оленью

шкуру, с жезлом в руке, в льняной одежде, исполненный сияния, ярко блистал он, подобный Праджапати на жертвоприношении. И все его жрецы были в соответствующих одеяниях, о владыка народов, а Арджуна блистал, точно огонь. Белоконный Завоеватель богатств по повелению Царя дхармы отправился, как подобает, за тем черным конем,258 о хранитель земли! Шел он, охваченный радостью, за тем конем, о царь, хранитель земли, натянув (лук) Гандиву и подвязав защитные ремни на руку и наконечники на пальцы.259 Город, о царь-владыка, вплоть до малых детей вышел, желая увидеть, как лучший из куру, Завоеватель богатств, отправляется в путь. Жаждущие увидеть коня и того, кто его сопровождает, так теснили друг друга, словно бы начался пожар. Крики людей, собравшихся посмотреть на сына Кунти, Завоевателя богатств, заполнили собой, о великий царь, десять сторон света.260 "Вон идет Каунтея и сверкающий конь, которого сопровождает мощ-норукий (герой), держащий прекрасный лук", - вот какие слова кричали они, и слышал их Джишну, высокий помыслами, о бхарата! - "Да будет благо тебе, возвращайся назад невредимым!" Другие же люди, о Индра людей, произносили такие слова: "Не разглядеть нам его в такой тесноте, виден лишь его лук. Грозно звенит этот лук - славный Гандива. Благо (Арджуне)! Пусть невредимый следует он безопасным путем! Мы снова увидим его, когда он возвратится", - так говорили они.
16-27. Снова и снова слышались подобные этим слова одобрения, слетавшие с уст и мужчин, и женщин, о бык-бхарата! Ученик Яджнявалкьи, искусный в отправлении жертвоприношений, шел вместе с Партхой, чтобы, будучи искушенным в Ведах, отвращать злые силы. Множество брахманов, знатоков Вед, а также кшатрии и вайшьи, о хранитель земли, сопровождали великого духом (Арджуну). Тот конь, о великий царь, шел по земле, покоренной Пандавами силою их оружия,261 (минуя) край за краем, о достойный! Я расскажу тебе, о герой, о разных великих битвах, что случились у Пандавы. Тот конь, о царь, сокрушитель врагов, шел по земле кругом прадакшины, с севера на восток,262 - слушай об этом, владыка земли! Лучший из коней и Белоконный, великоколесничный воин, медленно двигались, подчиняя владения (разных) царей. Не счесть царей-кшатриев, чьи родичи пали (на Курукшетре), десятками тысяч сражались они (с Арджуной), о великий царь! Множество недругов-киратов,263 вооруженных мечами и луками, и другие разнообразные млеччхи264 были прежде, о царь, повержены в битве. Множество царей-ариев,265 опьяненных боем, сошлись с сыном Панду, и кони их несли на себе ликующих людей. То там, то тут возникали у Арджуны битвы с царями, живущими в разных краях, о владыка земли! Я расскажу тебе, о царь безупречный, о тех боях Каунтени, великих и яростных с обеих сторон.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семьдесят вторая глава.

Глава 73
Вайшампаяна сказал:
1-11. У Того, кто увенчал тиарой,266 случилась битва с враждебными ему тригартами,267 известными как великоколесничные воины, сыновьями и внуками (ранее) павших. Узнав, что отборный жертвенный конь прибыл на окраину их владений, те герои во всеоружии окружили его. Колесничные воины на добрых разукрашенных конях, о царь, окружив того коня, вознамерились его захватить. Увенчанный тиарой сокрушитель недругов, поняв намерение тех царей, попытался сначала миром остановить героев. Не вняв ему, все они принялись разить его стрелами, но Увенчанный тиарой остановил их, окутанных тамасом и раджасом.268 Сказал тогда Джишну с улыбкой, о бхарата: "Остановитесь, несведущие в дхарме, если жизнь дорога вам!" Когда тот герой отправлялся в путь, ему дал наказ Царь дхар-мы: "Не следует, Партха, убивать тех царей, чьи родичи пали (на Курукшетре)". Помня те слова мудрого Царя дхармы, он сказал им: "Остановитесь!", но те не послушались. Тогда рассмеялся Завоеватель богатств, покрыв в битве сетью стрел Сурьявармана, царя тригартов. И тут, заполнив все стороны света грохотом колесниц, топотом копыт и стуком колесных ободов, ринулись (тригарты) на Завоевателя богатств. Тогда Сурьяварман, о Индра царей, стал метать в Партху сотнями гладкие стрелы, являя (мощь) своего легкого оружия.
12-23. Другие великолучные воины, те, что шли вслед за ним, также обрушивали ливнями стрелы, стремясь погубить Завоевателя богатств, но Пандава многими стрелами, отталкивающимися основанием от тетивы, рассек великое множество тех стрел, о царь, и рухнули они наземь. Тут юный Кетуварман, младший брат того (царя), пламенеющий мощью, ради брата вступил в бой с великим душою Пандавой, но Бибхатсу, губитель вражеских героев, заметив нападающего Кетувармана, поразил его в битве острыми стрелами. Когда пал Кетуварман, великоколесничный воин Дхритаварман, стремительно обойдя Джишну на колеснице, осыпал его стрелами. Видя стремительность Дхритавармана, отважный мощнопламенный Гудакеша был крайне доволен юношей. Сын Пакашасаны269 не мог уследить, ни как тот прицеливается, ни как берет (стрелу) - видел он лишь, как сыплет тот стрелами. И выказал он почтение Дхритаварману в битве, на мгновение мысленно обрадовавшись схватке. Движимый приязнью, герой (из рода) Куру, о великий царь, улыбаясь ему, не пытался лишить жизни (воина), яростного как змей. Пощадил Дхритавармана безмерно пламенный Партха, но тот метнул тогда в Виджаю жгучую стрелу. Тяжко раненный ею в руку, Виджая от боли тотчас выпустил (лук) Гандиву, и тот упал наземь. Падая из рук Савьясачина, тот лук, о владыка, лучший из бхаратов, видом своим напоминал оружие Индры.270
24-34. Когда рухнул (на землю) тот дивный великий лук, громким смехом рассмеялся, о царь, Дхритаварман в великом бою. Тогда обуянный яростью Джишну, отирая с руки кровь, взял тот дивный лук и излил ливнем потоки стрел. Радостные кличи различных существ, громко возвестивших о том деянии (Арджуны), коснулись тогда небес. Видя, что Джишну в ярости подобен Калантаке-Яме,271 воины-тригарты спешно окружили его. Придя на подмогу Дхритаварману, окружили они Гудакешу, и тут разъярился Завоеватель богатств. Быстро сразил он десять и еще восемь воинов острыми стрелами из железа, подобными ваджре Махендры.272 Глядя на павших, Завоеватель богатств, громко смеясь, принялся быстро разить (нападавших) стрелами, подобными ядовитым змеям. Все великоколесничные воины три-гартов, дух которых был сломлен, пустились бежать в разные стороны, страдая от стрел Завоевателя богатств. Говорили они мужу-тигру, погубителю саншаптаков:273 "Все мы - слуги твои, все мы в твоей власти! Повелевай нами, Партха, как слугами, стоящими (пред тобою) в поклоне. Все сделаем мы, что ты желаешь, о радость кауравов!" Выслушав те слова, сказал он им всем: "Да сохраните вы жизнь, о цари, и да будет признана (вами) власть (Юдхиштхиры)"!274
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махаб.хараты" семьдесят третья глава.

Глава 74
Вайшампаяна сказал:
1-11. Тот конь отборный шел, обходя Прагджьотишу,275 и тут появился стойкий в боях сын Бхагадатты.276 Царь Ваджрадатта, о лучший из бха-ратов, попытался воспрепятствовать коню сына Панду, приблизившемуся к пределам (царства). Но из города вышел царь, сын Бхагадатты, отогнал пришедшего коня и направился было опять в город. Увидев его, мощно-рукий бык среди куру спешно натянул Гандиву и тотчас ринулся вперед. В смятении от стрел, выпущенных из Гандивы, царь-герой отпустил коня и ринулся затем на Партху. Потом, вернувшись в город, тот лучший из царей во всеоружии поднялся на отборного слона и появился, горя жаждой боя. Над головой великоколесничного воина был водружен белый зонт, его овевало белое опахало.277 И вот, приблизившись к Партхе, великоколеснич-ному воину Пандавов, по молодости, в ослеплении вызвал он Кауравью на бой. В ярости направил он на Белоконного своего гороподобного слона с лопнувшими висками.278 Способный противостоять слонам врага, истекая влагой, как облако, он был снаряжен для битвы в соответствии с ша-страми и, хмелея от боя, мог бы выдержать (натиск) и трех (слонов). Тот мощный слон, понукаемый стрекалом царя, готов был, казалось, взмыть в небеса.
12-20. Увидев, что он приближается, разгневанный Завоеватель богатств, о царь-бхарата, стоя на земле, вступил в бой с (воином) на слоне.279 Ваджрадатта в ярости стремительно метал в Завоевателя богатств огнеподобные стрелы, быстрые, как саранча. Арджуна же, едва они приближались, летящими по воздуху стрелами, посланными Гандивой, рассекал их прямо в воздухе надвое и натрое. Увидев,

что стрелы его расколоты, сын Бхагадатты стал быстро разить Пандаву меткими стрелами. Тогда Арджуна в ярости еще стремительней послал в сына Бхагадатты прямо летящие в цель (стрелы) с золотым оперением. Был пронзен ими в великом бою мощнопламенный Ваджрадатта. Тяжко раненный, пал он наземь, но сознание его не покинуло. Вновь поднявшись на лучшего из слонов, он направил его в бою прямо на Виджаю, стремясь одолеть его. Джишну же, разъяpившись, послал в него тогда стрелы, подобные змеям, изрыгающим яд, схожие с пылающими огнями. Израненный ими, могучий слон, истекая кровью, подобен был Химавану, Индре гор, (орошаемому) множеством потоков.280
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семьдесят четвертая глава.

Глава 75
Вайшампаяна сказал:
/-13. Длилась три дня, о бык-бхарата, битва Арджуны с Индрой людей, точно у Шатакрату с Вритрой.281 И вот на четвертый день многосильный Ваджрадатта рассмеялся громким смехом и произнес такие слова: "Стой, Арджуна! Ты, о Арджуна, не уйдешь от меня живым, я же, убив тебя, совершу, как положено, возлияние воды в честь моего отца.282 Тобой был убит мой старый отец Бхагадатта, друг (твоего) отца, так что из уважения к его старости сразись ныне со мной, его сыном!" Сказав так, владыка людей Ваджрадатта в ярости направил слона на Пандаву, о Кауравья! Индра слонов, направляемый мудрым Ваджрадаттой, будто бы взмыв в воздух, ринулся на Пандаву. Словно темносиняя туча, исторг он на Пхальгуну, о великий царь, фонтан брызг, выпущенный из кончика хобота. Погоняемый тем царем, издавая трубные звуки подобно грохочущей туче, несся он прямо на Пхальгуну. Словно бы пританцовывая, Индра слонов, понукаемый Ваджрадаттой, стреми-тельно приближался, о царь, к великоколесничному воину кауравов.283 Увидев, что приближается слон Ваджрадатты, могучий (Арджуна), губитель врагов, не дрогнув, взялся за Гандиву. Сильно разгневался Пандава на того царя, который, памятуя о давней вражде, воспрепятствовал достижению его цели, о бхарата! И вот Пандава в ярости сетью стрел остановил этого слона, точно берег - (океан), обиталище Макаров.284 Лучший из слонов, силою остановленный Арджуной, замер на месте, и тело его, унизанное стрелами, было словно у дикобраза, ощетинившегося иголками.
14-26. Увидев, что слон остановился, царь, сын Бхагадатты, снедаемый гневом, принялся метать в Арджуну острые стрелы, но Арджуна, о великий царь, стрелами, разящими стрелы (недруга), остановил каждую, и было это подобно чуду. Тогда царь, властелин Прагджьотиши, в величайшей ярости вновь погнал вперед Индру слонов, подобного мощному ветру. Видя, что тот приближается, могучий сын Пакашасаны направил в слона огнеподобную стрелу. Тяжко раненный ею в самое средоточие жизни, слон внезапно рухнул на землю, точно гора, снесенная ваджрой Индры.285 Сраженный стрелою Завоевателя богатств, слон в падении казался сбитой (ударом) ваджры огромной горой, летящей на землю.286 Когда пал тот слон Ваджрадатты, Пандава сказал царю, оказавшемуся на земле: "Не бойся (меня)! Когда я отправлялся в поход, мощнопламенный Юдхиштхира сказал: "Ни за что ты не должен убивать тех царей, о Завоеватель богатств! Все это, о муж-тигр, пусть будет сделано так, чтобы тебе не пришлось губить в бою воинов, о Завоеватель богатств! Ты должен сказать царям со всеми их родичами: "Соблаговолите прибыть на ашвамедху Юдхиштхиры!"" Вняв словам брата, я не собираюсь тебя убивать, о владыка людей! Вставай, тебе нечего страшиться, ступай с миром, о царь! Приходи, о великий царь, когда настанет великая ночь полнолуния в (месяце) чайтра.287 Тогда состоится ашвамедха мудрого Царя дхармы". Когда так ему было сказано, тот царь, сын Бхагадатты, поверженный Пандавой, ответил: "Пусть так и будет".
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семьдесят пятая глава.

Глава 76
Вайшампаяна сказал:
1-10. Затем у Того, кто увенчан тиарой, случилась битва с сайндхавами,288 теми, что уцелели после гибели остальных, о великий царь, и с сыновьями павших. Заслышав о том, что Белоконный пришел289 в их владения, те цари в нетерпении поднялись против быка-Пандавы. (Смертоносные) будто яд, ринулись они на коня, (явившегося) в пределы (их царства), не ведая страха пред Партхой, (рожденным) вслед за Бхимасеной. Подошли они совсем близко к жертвенному коню, и предстал перед ними Бибхатсу - пеший, с луком в руках. Те цари, отважнейшие мужи-тигры, прежде поверженные в бою,290 окружили (Арджуну), стремясь одолеть (его). Провозглашая свои имена, названия родов291 и разные деяния, обрушили они на Партху ливни стрел. Меча жгучие стрелы, способные остановить самого Индру слонов, окружили они Каунтею, стремясь к победе в бою. Не ведая того, сколь грозные деяния способен вершить в битве герой (Арджуна), все те герои, стоя на колесницах, принялись биться с ним, пешим. Бились они с тем героем - погубителем ниватакавачей, сокрушителем саншаптаков, убийцей Сайндхавы,292 сражались, окружив исполненного торжества Каунтею тысячей колесниц и десятью тысячами коней.
11-20. Памятуя о гибели в битве от рук Савьясачина Джаядратхи, мудрого царя синдху, о Кауравья, все герои разом обрушили ливень стрел, точно Парджанья293 - (дождь), и, осыпанный ими, Партха блистал, точно солнце меж туч. Покрытый стрелами, бык-Пандава казался, о бхарата, птицей, попавшей в клетку. Когда Каунтея был покрыт стрелами, огласилось криками ужаса все троемирие, и солнце, о царь, стало темно-багровым.294 Подул, о великий царь, ужасающий ветер, и Раху одновременно поглотил и луну, и солнце.295 На солнце обрушились метеоры, рассыпаясь повсюду, о царь, пронизала дрожь великую гору Кайласу.296 Охваченные горем, тоскою, горячие слезы пролили Семь святых мудрецов297 и даже мудрецы-боги, пришедшие в ужас. Быстро пробив диск (луны), носящей (знак) зайца,298 рухнул вниз заяц - то было дурное (знамение), о царь, одна из примет стихийных бедствий. Подобные коричнево-красным цветом окрасу осла, тучи с луками (радуг) и молниями заволокли небосвод, исторгая мясо и кровь. Вот каким стал этот мир, когда героя накрыл ливень стрел, о лучший из бхаратов, и было это подобно чуду.
21-32. Со всех сторон окутала его сеть стрел, так что в замешательстве он (уронил) Гандиву, с руки его спал браслет. Пока великоколесничный воин пребывал в смятении, теряя сознание, сайндхавы спешно выпустили в него еще более мощную сеть стрел. Узнав, что Партха охвачен смятением, все небожители с тревогой в душе лишились покоя. Тогда божественные риши, все Семь святых мудрецов и брахманы-риши сотворили молитву во имя победы мудрого Партхи. И вот, когда боги разожгли пламя воинской мощи Партхи, о царь, тот мудрый знаток совершенного оружия встал на поле брани, точно утес. Радость кауравов,299 натянул он тогда свой дивный лук, и мощным был звук, (издаваемый) им то и дело, точно (шум некоего) механизма.300 И тут могучий Партха своим луком излил на недругов потоки стрел, точно владыка богов301 - ливни, и тогда все воины-сайндхавы вместе с царями сделались не видны, покрытые стрелами, точно огни - саранчой. Звон того (лука) поверг в трепет сайндхавов, и они разбежались, терзаемые ужасом. Охваченные горем, роняли они слезы и засыпали (смертным) сном. Появляясь повсюду, лучший из мужей настигал их всех сетями стрел, о царь, подобно огненному колесу. Точно Махендра, Держатель ваджры, во все стороны света посылал сокрушитель недругов сеть своих стрел, подобную сети (стрел) Индры. Истребляя воинство, подобное завесе облаков, солнцеподобный (Арджуна), лучший среди кауравов, блистал, будто Творец дня осенней порой.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семьдесят шестая глава.

Глава 77
Вайшампаяна сказал:
/-П. Владетель Гандивы, неодолимый герой, готовый к бою, блистал на поле брани, точно неколебимый Химаван. И тут воины-сайндхавы, снова собравшись с силами, в ярости обрушили (на него), о бхарата, ливни стрел. Но доблестный Каунтея устоял против них, вновь рвущихся (к бой), и спокойно сказал им, готовым к погибели: "Бейтесь же изо всех своих сил, стараясь меня погубить!

Совершите все, что необходимо исполнить, ибо ждет вас великий ужас. Я буду сражаться с вами со всеми, останавливая сеть (ваших) стрел. Стойте, устремившие помыслы к бою, я усмирю вашу гордыню". Вот что сказал тогда в гневе Кауравья, Держатель Гандивы, о бхарата, но тут вспомнил он слова старшего брата: "Не следует, брат мой, убивать в бою кшатриев, стремящихся одолеть (тебя), надо их покорить", - вот что сказал великий духом Царь дхармы. Задумался тогда муж-бык Пхальгуна: "Как сказал мне Индра людей, не должен я убивать царей. Так пусть не станут напрасными благие слова Царя дхармы. Не буду я убивать (этих) царей и да будет исполнена воля царя (Юдхиштхиры)". Поразмыслив, тот знаток дхармы, приверженный тому, что на благо его брату, обратился к сайндхавам, опьяненным боем, с такой речью: "Не стану я губить ни женщин, ни детей, ни тех из вас, готовых (к бою), что скажут: "Я побежден тобою в битве". Выслушав это, скажите мне (так) и это будет благом для вас, а иначе попадете в беду, разбитые мной".
12-21. Сказав так, бык-куру, неспешный, безгневный, вступил в бой с теми яростными героями, решившими одолеть его. Сайндхавы, о царь, метнули во Владетеля Гандивы сотни тысяч гладких стрел,302 но Завоеватель богатств своими острыми стрелами рассек на лету эти грозные стрелы, подобные жгучестью ядовитой змее. После того как рассек он те быстрые стрелы, снабженные журавлиными перьями, заточенные на камне, в бою он пронзил одного за другим (воинов) десятью стрелами. Памятуя об убитом (Арджуной) Джаядратхе, цари-сайндхавы снова принялись метать в Завоевателя богатств копья и пики, но многомудрый Пандава, Увенчанный тиарой, нарушил планы (недругов) - разбил почти все их (стрелы) и радостно вскричал. Стрелами, гладкими в сочленениях, он отсекал головы нападавшим воинам, стремившимся его одолеть. Те отступали, вновь нападали и отходили снова с шумом, подобным (рокоту) полноводного океана, но, истребляемые Партхой, чей пыл безмерен, они всей своей мощью, сколько хватало сил, бились с Арджуной. Большинство утомленных боем воинов на конях лишилось сознания (под ударами) прямых стрел Пхальгуны.
22-38. Узнав, что все (воины) утомились, к безгрешному герою на колеснице прибыла дочь Дхритараштры Духшала с маленьким внуком, сыном Суратхи.303 Дабы примирить всех сражающихся, явилась она к Пандаве. Приблизившись к Завоевателю богатств, издала она горестный крик, а могучий Завоеватель богатств, завидев ее, опустил свой лук. С опущенным луком Партха, как подобает, обратился к сестре:304 "Что я должен для тебя сделать?" Она же произнесла такие слова: "О герой, лучший из бхаратов, посмотри - это дитя, сын от сына сестры твоей, приветствует тебя, о бык-муж!" Когда она так сказала ему, Арджуна спросил, где же отец его, и Духшала, о царь, отвечала: "Услышь от меня, о герой, как пришел к поги-бели303 истерзанный тоской отец его, сгоревший от горя по своему отцу. Услышав, что тобой, о безупречный, в сражении был прежде погублен его отец, прознав, что ты вслед за конем явился на битву, он, страдая из-за гибели отца, расстался с жизнью,306 о Завоеватель богатств! Услышав, что пришел Бибхатсу, о безупречный, сын мой, сломленный отчаянием, замертво пал на землю. Увидев, что он упал, я взяла его сына и явилась ныне к тебе, о могучий, в поисках покровительства".307 С этими словами несчастная дочь Дхритараштры испустила горестный крик и воззвала к Партхе, печально стоящему с опущенным вниз лицом: "Обрати свой взор на меня, сестру твою, и на сына от сына сестры твоей! О продолжатель (рода) Куру, знаток дхармы, ты должен сжалиться надо мной, памятуя о царе куру308 и несчастном Джа-ядратхе. Парикшит, погубитель вражеских героев, рожден от Абхиманью, а мой внук, о мощнорукий, рожден от Суратхи. Вместе с ним, о муж-тигр, пришла я к тебе, дабы примирить всех сражающихся. Выслушай эти мои слова! Это прибыл, о мощнорукий, внук несчастного (Джаядратхи), поэтому должен ты явить милость ребенку. Вместе со мной, о губитель врагов, склонив голову, он взывает к тебе - ступай с миром, о мощнорукий Завоеватель богатств! О Партха, знаток дхармы, смилуйся над ничего не ведающим ре-бенком, потерявшим родных, не поддавайся гневу. Ты должен яви
ть ему милость, невзирая на недостойного и бесчестного его деда, безмерно жестокого в своих деяниях".
39-46. Завоеватель богатств, вспомнив о царице Гандхари и царе Дхри-тараштре, страдая от горя и бед, ответил на жалобные причитания Духшалы, сетуя на кшатрийскую дхарму: "Позор низкому Дурьодхане, в своей гордыне возжелавшему царства, из-за чего все родичи были отправлены мной в обиталище Ямы!"309 С этими словами явил Джая милость (царице), принявшись горячо утешать ее и, довольный, обнимая, отпустил (сестру) восвояси. Пре-красноликая Духшала, удержав воинов от великого боя, почтила Партху и удалилась к себе в покои. Тогда тот муж-бык, покоривший воинов-сайндха-вов, снова отправился вслед за конем, идущим куда захочется. Тот герой, о владыка народов, следовал, как должно, за жертвенным (конем), точно Бог богов - Держатель Пинаки по небу за звездной антилопой.310 А тот конь вольно ступал, благополучно (минуя) согласно обряду разные края, взращивая (славу) деяния Партхи. Двигаясь так, о бык-бхарата, тот конь вместе с Пан-давой постепенно дошел до владений царя Манипуры.311
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семьдесят седьмая глава.

Глава 78

Вайшампаяна сказал:
1-12. Заслышав о (прибытии) отца-героя, благородный царь Бабхруваха-на вышел ему навстречу, неся пред собой аргхью для брахманов,312 однако мудрый Завоеватель богатств, памятуя о дхарме кшатрия, не стал приветствовать появившегося перед ним властителя Манипуры.313 Сказал ему в гневе Пхальгуна, верный дхарме: "Не пристало тебе так поступать, нарушая дхарму кшатрия. Я явился в (твои) владения, охраняя жертвенного коня Юдхишт-хиры, так почему же ты, сын мой, не хочешь со мной сразиться? Позор тебе, неразумнейшему, не сведущему в дхарме кшатрия, раз ты приветливо встретил меня, явившегося на битву.314 Нет для тебя, человека, живущего в этом мире, никакой ценности,315 раз ты приветливо, точно женщина, встречаешь меня, явившегося на бой! Если бы я безоружным явился к тебе, неразумнейший, тогда тебе подобало бы так поступать, ничтожнейший из людей!" Прознав о таких словах своего супруга, не стерпела этого дочь змея Улупи и, продырявив землю, явилась к нему.316 Увидела она своего сына,317 который (стоял), в задумчивости опустив голову, а супруг ее, о владыка, жаждущий битвы, на все лады поносил его. Чарующая всем своим телом, Улупи, дочь змея, искушенная в дхарме кшатрия,318 приблизилась к (сыну) и сказала ему такие слова: "Знай, что я, Улупи, дочь змея, - твоя мать. Исполни, сынок, что я скажу, то будет твоей наивысшей дхармой. Сразись, о губитель врагов, с Завоевателем богатств, лучшим среди куру, и тогда он будет доволен тобой, без сомнения".
13-23. Получив наставленье от матери, мощнопламенный царь Бабхру-вахана, о бык-бхарата, устремил свои помыслы к битве. Надев золотые доспехи и сверкающий шлем, поднялся он, мудрый, на мощную колесницу, снаряженную сотней колчанов. Была она снабжена всеми приспособлениями, запряжена быстрыми как мысль конями, устройство колес ее было надежным и украшали ее золотые поводья. Водрузив высокочтимый стяг - золотого льва, царь Бабхрувахана двинулся навстречу Партхе. Приблизившись к жертвенному коню, охраняемому Партхой, герой повелел своим слугам, искушенным в науке о конях, схватить его. Увидев, что конь схвачен, возрадовался в душе Завоеватель богатств и, стоя на земле, вызвал на бой своего сына, находящегося на колеснице.319 Тогда царь обрушил на героя тысячи потоков острых стрел, подобных жгучестью ядовитым змеям. И разгорелся меж любящими (друг друга) отцом и сыном небывалый бой, подобный битве богов и асуров.320 Муж-тигр Бабхрувахана стрелой, сглаженной в сочленениях, смеясь поразил Увенчанного тиарой в область плеча. С оперением вместе вошла она в Каунтею, точно змея в муравейник, и, пронзив его (тело) насквозь, воткнулась в землю. В тяжкой муке приник мудрый (Арджуна) к своему превосходному луку, чтобы обрести чудесную силу, - казалось, что он уже мертв.
24-39. Но вот сознание возвратилось к нему, и бык-муж, сын Шакры, прославляя своего сына, сказал ему, о владыка земли, такие слова: "Прекрасно, прекрасно, о мощнорукий! Видя подобный твой подвиг, о сын мой, рожденный Читрангадой,321 я доволен тобой, дорогой! Теперь я буду метать в тебя стрелы - будь стоек в бою, о сын мой!" С этими словами (Арджуна), губитель врагов, излил дождем стрелы, но царь своими стрелами рассек натрое каждую из выпущенных Гандивой (стрел), блеском подобных ашани-ваджре.322 Тогда Партха чудесными стрелами с заостренными наконечниками снес с колесницы отделанное золотом знамя, подобное золотой пальме. Бык-Пандава, смеясь, лишил затем жизни мощнотелых, стремительно мчавшихся царских коней. В страшном гневе

царь быстро сошел с колесницы и пешим принялся яростно биться со своим отцом Пандавой. Довольный отвагой сына, сын Держателя ваджры,323 бык средь потомков Панду, не слишком теснил Бабхрувахану, тогда как тот могучий (воин) в пылу сражения вновь осыпал своего отца, отвратившего было лицо, стрелами, подобными ядовитым змеям. И вот Бабхрувахана, в силу молодости - мощно, поразил отца в грудь острой стрелой с красивым оперением. Та стрела, горящая пламенем, точно пылающий (огонь) Пожиратель жертв,324 неся с собой великую беду, вонзилась, о царь, в Пандаву, пробив ему грудь. Тяжко раненный своим сыном, Завоеватель богатств, радость куру, в беспамятстве рухнул на землю, о царь! Когда был повержен герой, опора кауравов, сын Читрангады тоже мгновенно впал в беспамятство, отдав все силы битве и видя павшим отца своего, тем более, что ранее он был жестоко изранен потоками стрел Арджуны. Увидев, что супруг ее повержен и сын пал наземь, Читрангада в тревоге явилась на поле брани. Рыдая, с сердцем, пылающим от боли, смотрела красавица, мать властелина Манипуры, на своего поверженного супруга.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семьдесят восьмая глава.

Глава 79

Вайшампаяна сказал:

1-8. И тут лотосоокая (Читрангада), в ужасе стеная на все лады, от горя лишилась чувств и пала, недвижимая, на землю. Когда же сознание к ней возвратилось, царица, дивная обликом, увидела Улупи, дочь змея, и сказала ей такие слова: "Посмотри, Улупи, - вот лежит супруг (твой), победоносный в сражениях, из-за тебя пал он в битве от рук моего юного сына. Знаешь ли ты свою дхарму, достойная, верно ли служишь супругу, если из-за тебя пал, поверженный в битве, супруг твой! Даже если Завоеватель богатств всячески виноват пред тобой, я прошу: прости и верни к жизни Завоевателя богатств. Знаешь ли ты свою дхарму, достойная красавица, известная в трех мирах, если, позволив сыну моему погубить супруга, не выказываешь страдания. Печалюсь я не о павшем сыне, о дочь змея, а о супруге печалюсь я, которому было оказано такое гостеприимство".325 Сказав так царице Улупи, дочери змея, славная (Читрангада) приблизилась к своему супругу и произнесла такие слова:

9-18. "Восстань, мой любимый, желая блага первому среди куру, ибо конь твой, о мощнорукий, освобожден мною. Не тебе ли, герой, суждено сопровождать жертвенного коня Царя дхармы, так что же ты лежишь на земле?! В тебе сосредоточена жизнь куру, о радость куру, так почему, даруя жизнь другим, сам ты расстался с жизнью?! Взгляни же, достойная Улупи, на павшего в битве супруга и (моего) сына, которого ты вдохновила на смертоубийство и даже не выказываешь печали. Да будет мирно покоиться на земле сын мой, уходя путем претов,326 но Гудакеша Виджая с красными (от гнева) очами пусть благополучно живет! Многоженство не порок для мужчины, красавица, это (грех) лишь для женщины - (иметь не одного мужа), так что не допускай и мыслей таких! Этот союз, созданный Дхатри,327 незыблем и вечен, так что помни об (этом) союзе, и да будет истинным родство твое (с Арджуной). Если теперь же ты мне не явишь живым своего супруга, допустив, чтобы он был убит собственным сыном, я немедля расстанусь с жизнью. Лишившись и мужа, и сына, настигнутая бедой, я здесь же, у тебя на глазах, о робкая, объявлю смертный пост328 - нет сомнения". Так сказав дочери змея, что тоже была супругою (Арджуны), Чайтравахини,329 о владыка людей, замолкла, обрекши себя на смертный пост.

Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" семьдесят девятая глава.

Глава 80

Вайшампаяна сказал:

/-75. Перестала проливать слезы царица, приникла к стопам супруга и сидела, вздыхая, устремив взор на сына. И вот, снова придя в себя, царь Бабхрувахана, увидев на поле брани свою мать, произнес: "Что может быть горше того, что моя мать, взращенная в довольстве, припала ныне к земле подле мертвого супруга, погибшего героем! Взирает она на того, кто губил в бою недругов, на лучшего среди тех, кто владеет любым оружием, - мною повержен он в битве, приняв жестокую смерть. Видно, крепкое сердце у этой царицы, если не разорвалось оно на части при виде павшего супруга, широкогрудого, мощнорукого (воина). Я считаю, не настигнет смерть человека, если он еще не прошел своего пути, потому-то ни я, ни моя мать не расстались с жизнью. Смотрите: о ужас! - (лежит) на земле пробитый золотой доспех героя-куру, поверженного мною, его сыном! Смотрите же, брахманы: отец мой, герой, покоится на земле - ложе героя, погубленный мной, его сыном! Пусть ныне же совершат брахманы, сопровождающие первого среди куру, следующего за конем, обряд отвращения злых сил, раз он повержен мною в сражении. И пусть укажут мне брахманы, чем я могу искупить величайшее злодеяние - грех отцеубийства на поле брани. После того, как погубил я отца, двенадцать лет проведу я, величайший злодей, в тяжких скитаниях, облаченный лишь в шкуру. И пищу вкушать суждено мне теперь только из черепа моего отца, ибо нет для меня иного пути искупления, раз стал я отцеубийцей. Смотри, дочь величайшего из змеев: тем, что мною повержен супруг твой, я доставил тебе удовольствие, погубил в бою Арджуну. Поэтому я ступлю теперь на тот путь, на который встал мой отец. Я не могу, о прекрасная, оставаться в живых. Когда будем мертвы и я, и Владетель лука Гандивы, радуйся, мать-царица; истиной я заклинаю себя!"330

16-22. С этими словами царь, сраженный горькою бедою, совершил очищенье водой, о великий царь, и горестно произнес: "Да услышит все сущее, и движущееся, и неподвижное, и ты, моя мать, - истинно я говорю, о лучшая среди змеев! Если теперь не восстанет Джая, отец мой, бык-бхарата, то здесь же, на поле брани, я иссушу (постом) свое тело. Нет мне прощения, раз я убил своего отца, и, терзаясь из-за убийства гуру, я непременно низринусь в Нараку.331 Убивший героя-кшатрия освобождается (от греха), даруя сто коров, но мне, убившему своего отца, не достичь искупления. Такой, как Завоеватель богатств, мощнопламенный сын Панду, единственный (на земле), и это верный дхарме отец мой. Как обрести мне прощение!" Сказав так, многомудрый царь, сын Завоевателя богатств, совершил очищенье водой, о владыка людей, и погрузился в молчание, предавшись посту.

Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восьмидесятая глава.

Глава 81

Вайшампаяна сказал:

1-10. Когда царь, властелин Манипуры, предался посту вместе с матерью, обуянный тоской по своему отцу, Улупи, о губитель врагов, обратилась мыслью к жемчужине, что оживляет (мертвого), и та, достояние змеев,332 явилась ей. Взяв ее, дочь владыки змеиных царей произнесла такие слова, радующие сердца воинов: "Встань, о сын мой, и не предавайся печали, ибо не тобой был Повержен Джишну, которого не в силах одолеть не только люди, но даже боги вместе с Васавой. Это я наслала такие чары, имя которым - Мохини,333 и это ныне на благо Индре мужей, славному твоему отцу. Губитель героев-недругов Каурава явился, чтобы в бою испытать твою воинскую мощь,334 о царь, и поэтому я побуждала тебя, о сын мой, к сражению. Не сомневайся, владыка, сын мой, нет на тебе ни малейшего греха. Он - мощнопламенный риши, Пуруша335 вечный, непреходящий, и сам Шакра не может, сынок, одолеть его в битве. Явилась мне, о владыка народов, эта чудесная жемчужина, что всегда оживляет любого из мертвых Индр среди змеев.336 Помести же ее на грудь своего отца, о владыка, и ты увидишь, сын мой, что оживет Пандава".

11-21. Когда так ему было сказано, царь, не совершивший никакого греха, любовно возложил ту жемчужину на грудь Партхи, отца своего, безмерного пылом. Едва возложил он эту жемчужину, о герой, ожил могучий Джишну. Поднялся он, словно бы пробудившись ото сна,337 протирая покрасневшие глаза, и Бабхрувахана, увидев, что отец его, великий духом, мудрый, восстал в добром здравии, приветствовал его, пришедшего в себя. Когда муж-тигр поднялся, вновь осененный Лакшми,338 о владыка, Пакашасана ливнем излил чудесные благодатные цветы.339 Зазвучали сами собой барабаны, грохоча будто тучи, с небес послышались громкие возгласы:

"Прекрасно! Прекрасно!" А мощнорукий Завоеватель бо-гатств спокойно стоял и, обняв Бабхрувахану, вдыхал запах его головы.340 Он увидел неподалеку его мать, измученную страданием, - стояла она рядом с Улупи - и спросил тогда Завоеватель богатств: "Почему, о губитель врагов, на этом поле брани все кажется внушающим и горе, и радость, и изумление - если знаешь, скажи мне. Зачем пришла на поле битвы твоя мать? Зачем явилась сюда Улупи, дочь Индры змеев? Я знаю, что по моей воле вступил ты в битву, но желаю понять причину появления здесь этих женщин". Ответил ему на этот вопрос мудрый властелин Манипуры, с поклоном взывая к его милосердию: "Да будет спрошена Улупи!"
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восемьдесят первая глава.

Глава 82
Арджуна сказал:
1-15. "Что привело тебя, а также мать владыки Манипуры на поле брани, о радость рода кауравьев? Желаешь ты, верно, блага тому царю, о дочь змея, или же хочешь добра мне, о быстроокая! Не сделали ли тебе по неведению я или Бабхрувахана (что-либо) неприятное, о прекрасная обликом дева широкобедрая! Уж не провинилась ли в чем царская дочь из рода Читраваханы - Читрангада прекраснобедрая, что, как и ты, приходится мне супругой?" Отвечала ему с улыбкой дочь властителя змеев: "Не провинились передо мною ни ты, ни царь Бабхрувахана, ни его мать, что ухаживает за мной как прислужница. Услышь же, как все это было мною совершено. Не следует тебе гневаться на меня, с поклоном взываю я к твоей милости, ибо на благо тебе сделано это мною, о Кауравья безупречный! Услышь же подробно о том, о мощнорукий Завоеватель богатств! В великой битве потомков Бхараты тобой в нарушение дхармы сражен был, о Партха, царь, сын Шантану,341 а теперь совершилось искупление того (твоего греха). Бхишма был повержен тобою не в (честном) бою: столкнулся он с Шак-хандином и лишь поэтому был погублен тобой.342 Если бы ты расстался с жизнью, не освободившись (от прегрешения), то из-за своего грешного деяния непременно низринулся бы в ад. Это Васу и Гангой,343 о хранитель земли многомудрый, был установлен (путь) искупления, на который ступил ты благодаря своему сыну. Прежде об этом прослышали Васу, когда пришла я на берег Ганга и рассказала, что погиб царь, сын Шантану. Боги Васу, погрузившись в воды, при встрече с великой рекой с дозволения самой Бхагиратхи344 произнесли такую грозную речь: "Бхишма, Шантану сын, был убит Савьясачином, сражаясь не с ним в битве, а встретившись с другим (воином), о прекрасная! Потому за прегрешение это мы обрушим проклятье на Арджуну, о красавица!" И (Ганга) сказала: "Пусть так и будет".
16-32. Поведав о том своему отцу, пребывала я в сильном смятении, а он, услыхав об этом, погрузился в великую скорбь. И вот отец мой отправился к Васу просить за тебя. Снова и снова взывал он к их милости, и они сказали ему: "Юный (сын) его, властелин Манипуры, одержав над ним верх в бою, о великий долей, стрелами повергнет его наземь. Когда так случится, о Индра змеев, он будет свободен от проклятия. Ступай!" (Отец) мне поведал о том, что было сказано Васу. Выслушав это, я освободила тебя от проклятия, а ведь сам царь богов345 не может одолеть тебя в битвах. Считается, что сын - это (ты) сам, потому и смог он тебя победить. Не вижу я здесь для себя ничего предосудительного, а как ты считаешь, владыка?" Когда (Улупи) так сказала, Виджая с радостью в душе произнес: "Все, что ты сделала, о царица, - высшее для меня благо". Сказав так, обратился Джая к своему сыну, властителю Манипуры, так, чтобы слышала это Чит-рангада, дочь змея Кауравьи: "В ночь полнолуния грядущего (месяца) Чайтра состоится ашвамедха Юдхиштхиры. Приходи же туда, о царь, вместе с советниками и обеими матерями". Когда так было сказано Партхой, мудрый царь Бабхрувахана с полными слез глазами промолвил: "Я приду по твоему повелению на великое жертвоприношение ашвамедху, чтобы прислуживать дваждырожденным, о знаток дхармы! Ты же, губитель недругов, дабы выказать мне приязнь свою, ступай вместе с обеими женами в принадлежащий тебе город, и да не будет у тебя в том сомнения! После того, как ты, исцелившийся, счастливо поживешь здесь в своих покоях, владыка, ты снова отправишься вслед за конем, о лучший из победоносных (воителей)!" Когда так было сказано его сыном, Каунтея, Тот, на чьем знамени - обезьяна, улыбаясь, ответил сыну Читрангады: "Известно тебе, о мощнорукий, что принял я посвящение, так что ныне я не могу войти в этот твой город, о болыиеокий! Жертвенный конь движется по своей воле, и я буду идти (вслед за ним), - благо тебе! - ибо мне нельзя останавливаться". Сын Пакашасаны, лучший из бхаратов, после того как (Бабхрувахана) оказал ему подо
бающие почести, попрощавшись со своими обеими женами, тронулся в путь.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восемьдесят вторая глава.

Глава 83
Вайшампаяна сказал:
1-9. И вот этот конь, обойдя окаймленную океаном землю, повернул вместе с воином в сторону Города, носящего имя слона. Исполненный пыла, Носитель тиары346 шел вслед за ним и на обратном пути постепенно достиг города Раджагрихи.347 Царь, что приходится сыном сыну (царя) Джарасанд-хи,348 герой, блюдущий кшатрийскую дхарму, едва тот приблизился, совершил в честь битвы возлияние в жертвенный огонь.349 Выйдя из города, Мегхасанд-хи на колеснице, с луком и стрелами, подвязав кожаные щитки, налетел на пешего Завоевателя богатств. Мощнопламенный Мегхасандхи, настигнув Завоевателя богатств, по молодости и неискушенности так обратился к нему, о великий царь: "Что это за конь, которого ведут словно бы посреди женщин, о бхарата! Я захвачу его, а ты попытайся освободить. Если ты не снискал почтения моих предков в бою, то я окажу тебе гостеприимство.350 Сразись же (со мной), я вызываю (тебя) на битву!" Когда так ему было сказано, Пандава, словно бы улыбаясь, ответил: "Я должен остановить того, кто стоит на пути (у меня), - таков мой обет, установленный для меня старшим братом, о царь, и конечно известный тебе. Сражайся же, сколько достанет сил, нет у меня гнева".
10-23. Когда так ему было сказано, властитель магадхов351 первым напал на Пандаву, меча тысячи стрел, - точно (излил) ливни Тысячеокий.332 Тогда герой, Владетель Гандивы, стрелами, посланными Гандивой, без усилий, о бык-бхарата, сделал так, что стрелы (царя) не достигли цели. Отвратив поток его стрел, Тот, у кого обезьяна на знамени, принялся метать горящие стрелы, подобные змеям с пылающими пастями, (целясь) в его знамя, древка флагов, колесничные поводья, в коней и в другие части колесницы, но не в тело его и не в колесничего. А Магадха, которого пощадил Партха, гордый отвагой, направил свои стрелы прямо в тело Пхальгуны. И тут герой, Владетель Гандивы, под ударами (стрел) Магадхи стал подобен огромному (дереву) палаша, цветущему по весне. Сам оставаясь невредим, Магадха наносил удары быку-Пандаве, стоя, о кауравья, на самом виду у героя миров. Но тут Савьясачин, разгневавшись, мощно натянул лук (Гандиву) и, сразив коней (недруга), отсек голову его колесничему. Стрелою-бритвой расколол он его огромный сверкающий лук, щитки на руках и флаги, обрушил его знамя. А тот царь в смятении, лишившись коней, утратив лук и потеряв убитым своего колесничего, схватил палицу и стремглав бросился на Каунтею. Но тот множеством стрел с перьями грифа на много частей расколол эту изукра-шенную золотом палицу быстро наступавшего (воина). Разбитая на тысячи осколков, его палица, жемчуг на рукояти которой раскрошился, рухнула, будто скользнувшая змея. Но мудрый Арджуна, одержавший верх в битве, не пожелал преследовать того (царя), раз он лишился колесницы, остался без лука и утратил свою палицу.353
24-32. Тот, у кого обезьяна на знамени, сказал ему, безрассудно упорствующему в (соблюдении) дхармы кшатрия, такие успокаивающие слова: "Довольно, о сын мой, являть (верность) кшатрийской дхарме. Ступай! Хотя ты и юн, о царь, однако велик твой подвиг в этом бою. Наказом Юдхиштхиры было - не убивать царей, и потому ты остался жив, о царь, хотя и нанес мне урон в битве". Признав себя побежденным словами: "Воистину так!", Магадха приблизился к (Арджуне) со сложенными ладонями и оказал ему почести. Арджуна же, успокаивая его, снова сказал: "Пожалуй в ночь полнолуния грядущего (месяца) Чайтра на ашвамедху нашего царя". Когда так ему было сказано, сын Сахадевы354 ответил: "Да будет так!" и выказал почтение, как положено по обычаю, тому

коню и Пхалыгуне, лучшему среди воинов. Затем снова отправился в путь этот конь, свободно (ступая) берегом океана (по землям) вангов, пундров и кералов.355 Бесчисленные рати млеч-чхов356 во множестве там и тут одолел, о царь, Завоеватель богатств с помощью лука Гандивы.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восемьдесят третья глава.

Глава 84

Вайшампаяна сказал:
1-9. Приняв почести от Магадхи, о царь, Пандава Белоконный направил того коня357 в южную сторону. И вот тот могучий конь, движущийся по своему усмотрению, вновь повернув, достиг прекрасного города чеди под названием Шукти.358 Там многосильному (Арджуне) оказал уважение и почет Шарабха, сын Шишупалы, прежде чем (вступить) в битву.359 Осыпанный там почестями, о царь, направился тогда тот лучший из коней к (владениям) каши, андхров, косалов, киратов и танганов.360 Приняв и тут почести, как положено, Пандава Каунтея, вновь повернув, пришел тогда к дашарнам.361 Был там владыка земли могучий по имени Читрангада, и с ним у Виджаи случилась жесточайшая битва. Подчинив его своей власти, Увенчанный тиарой бык-муж пришел во владения Экалавьи, царя ниша-дов.362 Сын Экалавьи встретил его нападением, и тогда (Арджуна) учинил нишадам страшное избиение. Неодолимый в боях, герой Каунтея одолел в битве того (царя), который вознамерился препятствовать жертвоприношению.363
10-19. Одолев владыку нишадов, сын Пакашасаны, о великий царь, принял (от него) почести и снова двинулся южным (берегом) океана. И там у Увенчанного тиарой были бои с дравидами, андхрами, грозными махи-шаками и коллагиреями.364 Следуя воле коня, достиг он сураштров, а дойдя до Гокарны, направился к Прабхасе.365 И вот славный жертвенный конь царя куру достиг прекрасной Дваравати, хранимой героями-вришниями.366 Юные ядавы бросились на того лучшего из коней, оттесняя его, но Уграсена остановил их, о царь! Тут из города вышел владыка вришнийцев и андхаков (Кришна) с (отцом своим) Васудевой, дядей Увенчанного тиарой по линии матери. Встретившись с лучшим из куру радостно, как подобает, оба они оказали высочайшие почести первому среди бхаратов, и потом с их до-зволения отправился он (тем путем), каким следовал конь. Двигаясь постепенно западным берегом океана, конь прибыл затем в цветущую Панча-наду.367 После того, о Кауравья, конь, сопровождаемый Каунтеей, вольно (ступая), двинулся к пределам Гандхары.368 Там у великого духом (Арджу-ны) случилась суровая битва с царем Гандхары, сыном Шакуни, помнящим о былой вражде.369
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восемьдесят четвертая глава.

Глава 85

Вайшампаяна сказал:
1-10. Сын Шакуни, мощноколесничный герой-гандхарец, налетел на Гу-дакешу, окруженный могучим войском, обильным слонами, конями и колесницами, (овеваемым) гирляндами знамен и флагов. Взяв колчаны, воины, горевшие нетерпением (отомстить) за смерть царя Шакуни, все вместе ринулись на Партху. Верный дхарме, неодолимый Бибхатсу передал им волю Юдхиштхиры, но те не восприняли ее как благо. Миром пытался остановить их Партха, однако неистовые (воины) шли, окружая коня, и тогда разъярился Пандава. Словно бы без особых усилий принялся Пандава Арджуна отсекать им головы летящими из Гандивы стрелами-бритвами с горящими наконечниками. Истребляемые Партхой, тяжко страдая под ливнем его стрел, о великий царь, в замешательстве они оставили коня и повернули вспять. Но пламенный Пандава-бык, преследуемый гандхарцами, постоянно прицеливаясь, разил их в головы. Когда повсюду на поле брани гандхарцы были истребляемы (Арджуной), путь Пандаве преградил сам царь, сын Шакуни. Сказал Партха вступившему в битву царю, блюдущему дхарму кшатрия: "По воле царя (Юдхиштхиры) не должен я убивать царей. Довольно тебе сражаться, герой, и да не потерпишь ты поражения ныне!" Но он, когда так ему было сказано, не внял тем словам и, ослепленный невежеством, осыпал стрелами того, кто в деяниях равен Шакре.370
11-17. Партха, не дрогнув, оперенной (стрелой)-полумесяцем сбил с него шлем, точно голову - Джаядратхе.371 При виде этого все гандхарцы пришли в изумление, понимая: (Арджуна) не пожелал убивать царя. И тут сын царя Гандхары бросился бежать вместе с (воинами), подобно перепуганным маленьким антилопам. Партха бхаллами с загнутыми наконечниками отсекал им головы на бегу. Иные даже не ощущали, что воздетые руки их срезаны стрелами, теми широкими стрелами, что посылал Партха, выпуская их из Ганди вы. Беспорядочно металось бежавшее войско, в котором, теряя убитыми большую часть, смешались пехота, слоны и конница. Среди истребляемых недругов перед героем, непревзойденным в своих деяниях, не было никого, кто бы выстоял под его мощными стрелами.
18-23. Тут появилась вслед за советниками-старцами испуганная мать царя Гандхары, неся перед собой прекрасный (напиток) аргхью.372 Бестрепетно остановила она сына, опьяненного боем, и принялась умилостивлять Джишну, неутомимого в подвигах. Выказав ей почтение, Каунтея явил милость и, утешая сына Шакуни, произнес: "Не по душе мне, о мощнорукий губитель недругов, что задумал ты биться против меня, ибо ты - брат мой,373 о безупречный! Памятуя о матушке Гандхари, ради Дхритараштры, о царь, (я) оставил тебя в живых, но убиты твои сподвижники. Да не будет такого (более)! Пусть стихнет (былая) вражда, и да не помыслишь ты о подобном! Пожалуй в ночь полнолуния грядущего (месяца) чайтра на ашвамедху нашего царя".
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восемьдесят пятая глава.

Глава 86

Вайшампаяна сказал:
/-11. С этими словами отправился Партха вслед за тем вольно идущим конем, и повернул тогда конь к Городу, носящему имя слона. Юд-хиштхира услышал от вестников о его возвращении и, узнав, что Арджуна жив-здоров, от всего сердца обрадовался. Услышав о подвигах Виджаи в краю гандхарцев и в других местах, царь был очень доволен. В то самое время Царь дхармы Юдхиштхира, мощнопламенный, многомудрый Каурава, выбрав двенадцатый день половины (месяца) Магха,374 при благоприятном положении созвездия созвал всех своих братьев - Бхиму, Сахадеву и Накулу. В надлежащее время лучший из вершителей дхармы, первый из владеющих Словом, подозвал грозноотважного Бхиму и произнес такие слова: "Приближается, о Бхимасена, твой младший брат вместе с конем, как сказали мне те мужи, что сопровождали Завоевателя богатств. Пришел тот час, когда конь возвращается. Ныне ночь полнолуния (месяца) Магха, так что всего месяц остается (до ашвамедхи), Врикодара! Поэтому да будут приглашены ученые брахманы, знающие Веды, и пусть они присмотрят место для жертвенного обряда, чтобы достигло цели это жертвоприношение коня". Когда так ему было сказано, Бхима, с радостью услыхав от владыки людей, что приближается Савьясачин, исполнил волю царя. Затем вместе с искусными мастерами Бхимасена удалился вслед за брахманами, знающими толк в отправлении жертвенных обрядов.
12-26. Повелел Кауравья промерить, как должно, жертвенную площадку - поселение с рядами жилищ, с башней на главной дороге. Повелел он соорудить, как положено, покои, где пребывали бы жены (царей), а также другое (место) - для жреца жертвенного огня, украшенное жемчугом и золотом, (установить) позолоченные столбы и огромные ворота, раздавая при этом чистое золото в тех местах, что предназначены для жертвенного обряда. Там и тут, верный дхарме, повелел он построить, как должно, покои для женщин (из окружения) тех царей, что живут в разных краях. Повелел также Бхима соорудить во множестве разнообразные жилища для стекающихся из разных стран брахманов. Затем, о великий царь, по распоряжению владыки людей Бхимасена направил гонцов к царям, неутомимым в подвигах. Явились те лучшие из царей, чтобы порадовать властителя куру, взяв с собой множество драгоценностей, женщин, коней и оружия.375 Когда они тысячами вступали в свои покои, стоял такой шум, словно (рокотал) океан, и звуки эти будто бы касались небес. Тот царь лотосоокий раздавал прибывшим еду, питье и ложа, не доступные (обычным) людям. Царь дхармы, о муж-тигр, предоставил для упряжных животных различные стойла, полные риса, сахарного тростника и коровьего молока. На то великое жертвоприношение мудрого Царя дхармы собрались многие сонмы отшельников, толкователей Вед. Тех лучших из дважды-рожденных, что были там, о владыка земли, приветливо встретил Каурава, когда явились они вместе с учениками.

Отринув гордыню, мощнопламенный Юдхиштхира сам проводил их всех до покоев. И вот мастера и другие строители сообщили, о царь, Царю дхармы, что все приготовления к жертвенному обряду завершены. Услышав, что все безупречно исполнено, неколебимый царь, Царь дхармы, вместе с братьями выказал радость всем своим видом.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восемьдесят шестая глава.

Глава 87

Вайшампаяна сказал:
7-16. Когда началось это жертвоприношение, речистые диспутанты принялись вести многие споры, стараясь взять верх друг над другом.376 Цари увидели прекрасно подготовленный Бхимой, точно для Индры богов, жертвенный обряд, о потомок Куру! Увидели они там сделанные из золота ворота и великое множество украшенных драгоценностями мест для отдыха с ложами и сидениями. Среди кувшинов, сосудов для воды, котлов, мешалок, блюд не увидели там цари ни одного предмета, который не был бы золотым. Деревянные жертвенные столбы, о которых говорится в шастрах, были украшены золотом, сооруженные вовремя, как положено, и источали они яркое сияние. Увидели те цари, что там были собраны всяческие животные, о могучий, - и те, что рождены на земле, и те, что появляются из воды. Видели они коров, буйволиц и (рядом) - старых женщин, водных животных, зверей и птиц, тех, что родились из чрева, произошли из яйца, появились из пота и проросли (из земли),377 тех существ, что обитают в горах, в воде и в лесах. Исполни-лись величайшего изумления цари при виде места жертвоприношения, радующего обилием жертвенного скота и коровьих стад; в изобилии было там тщательно очищенной пищи как для брахманов, так и для простолюдинов. Когда набиралась сотня тысяч брахманов, вкушающих там пищу, постоянно звучал барабан, грохочущий точно облако, и гремел он не раз каждый день. Так вершилось то жертвоприношение мудрого Царя дхармы. Видели люди потоки сквашенного молока, пруды топленого масла, о царь, обильные подношения пищи (лежали) подобно горам.378 Вся Джамбудвипа379 с ее различными народами, казалось, собралась, о царь, в одном месте - на том великом царском жертвоприношении (коня). Явилось туда, о бык-бхарата, много людей из тысяч родов, принеся с собою богатства. Сотнями, тысячами лучших из дваждырожденных ублажали цари в венках, с серьгами из шлифованного жемчуга. Люди, что их сопровождали, раздавали брахманам разную еду и напитки, достойные вкушения самими царями.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восемьдесят седьмая глава.

Глава 88

Вайшампаяна сказал:
1-10. Видя, что собрались знатоки Вед и цари, владыки земли, царь Юдхиштхира так сказал Бхимасене: "Явились мужи-тигры, властители мира. Да будет оказано им почтение, ибо владыки людей заслуживают почестей". Мощнопламенный Бхимасена, о бхарата, вместе с близнецами380 сделал так, как было сказано славным Индрой среди людей. Тут к сыну Дхармы пришел вместе с вришниями, возглавляемыми Баладевой, Говинда, лучший из всех живущих. Вместе с ним были Ююдхана, Прадьюмна, Гада, Нишатха, Самба и Критаварман. Мощнорукий Бхима оказал им величайшие почести, и вступили те мужи-быки в украшенные драгоценными камнями покои. В конце беседы у Юдхиштхиры Губитель Мадху сказал, что Арджуна измучен многими битвами. Вновь и вновь вопрошал Каунтея губителя недругов о брате своем Джишну, и владыка мира поведал Царю дхармы: "Пришел, о царь, верный слуга мой, живущий в Двараке; видел он лучшего из Пандавов, изнуренного многими битвами. Он рассказал мне, что теперь уже близко тот мощнорукий (герой), о владыка, так что сделай, о Каунтея, то, что необходимо сделать для достижения цели, ради которой и (совершается) жертвоприношение коня".
11-21. Когда так было сказано, Юдхиштхира, Царь дхармы, ответил: "Благо, о Мадхава, что приближается Джишну целый и невредимый! Желаю услышать я от тебя, о потомок Яду, что поведал тебе (твой слуга) о том предводителе воинства Пандавов". В ответ на эти слова, о царь-тигр, властитель вришни и андхаков, знающий толк в беседе, ответил Юдхиштхире, верному дхарме: "Тот человек, о великий царь, передал мне такие слова Партхи: "О Кришна, в назначенный час сообщи Юдхиштхире эти мои слова: "Все цари явятся к кауравам, и каждому из них надлежит оказать почести, именно в этом благо для нас. С моих слов передай царю, о даритель гордости: да не будет тогда промедления при поднесении аргхьи. Царь должен так сделать, - и да согласишься ты с этим, - чтобы из-за вражды меж царями не пострадали бы подданные". Тот слуга, о Каунтея, передал мне и другие слова Завоевателя богатств. Слушай, о царь, я передам их тебе: "Явится к нам на жертвоприношение царь, властелин Манипуры, мощнопламенный Бабхрувахана, любимый сын мой. Окажи ему почести ради меня, как положено, ибо он, о могучий, постоянно почтителен и предан мне"". Выслушав эту речь, Царь дхармы Юдхиштхира выказал почтение сказанному (Кришной) и произнес такие слова.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхйраты" восемьдесят восьмая глава.

Глава 89

Юдхиштхира сказал:
1-8. "Услышал я, о Кришна, приятную весть от тебя, такую, что и должен был ты принести; точно вкус амриты, радует она мою душу, о владыка! Слышал я, о Хришикеша, - снова много сражений было в разных местах у Виджаи с царями. Из-за меня мудрый Партха Виджая вечно лишен покоя, и это терзает мне сердце. Втайне, о Кришна Варшнея, я постоянно размышляю о сыне Кунти: что за дурной знак имеется на его теле, наделенном всеми благими признаками,381 из-за чего он претерпевает невзгоды. Безмерно суровый удел выпадает всегда сыну Кунти, но я не усматриваю на теле Бибхатсу ничего, что вызывало бы осуждение. Если я должен услышать об этом, то соблаговоли мне рассказать". После таких слов (Юдхиштхиры) Вишну Хришикеша, взрастивший воинство бходжей,382 надолго задумался и затем так отвечал царю: "Я тоже, о царь, не нахожу в нем ничего предосудительного, кроме огромной величины пиндик383 у того мужа-льва: они постоянно сдерживают в пути того мужа-тигра. Другой же (причины) я не усматриваю, из-за чего бы Джая претерпевал невзгоды".
9-20. Когда мудрый Кришна высказал эту истину, лучший из куру, о владыка, отвечал тигру вришнийцев: "Да, это так". Но Кришна Драупади рассерженно, исподлобья поглядела на Кришну, и Погубитель Кешина понял, что этим она (являет) свою любовь к (Арджуне): ведь Хришикеша, друг ее мужа, воочию сам Завоеватель богатств.384 Бхима и остальные (находящиеся там) куру вместе с ядавами наслаждались, слушая разнообразные истории о Завоевателе богатств,385 о могучий! И вот, пока они рассказывали истории об Арджуне, прибыл с наказом посланец Виджаи, великого духом. Приблизившись к первому среди куру и оказав ему почести, мудрый (вестник) поведал, что приближается муж-тигр Арджуна. Услышав об этом, царь (Юдхиштхира), с глазами, полными слез радости, одарил тогда (посланца) за благую весть обильным богатством. И вот на следующий день послышался сильный шум: то приближался муж-тигр, опора Пандавов.386 Вздымалась пыль, поднятая его конем, по мере того как тот приближался, похожий на Уччайхшра-васа.387 Слышал Арджуна ликующие возгласы людей: "Слава судьбе, о Партха, что ты жив-здоров и что благополучен Юдхиштхира! Кто же еще, если не Арджуна, смог бы покорить всю землю с ее царями, пустив на волю лучшего из коней, и потом вернуться назад! Не слышали мы, чтобы цари прошлого, великие духом, - такие, как Сагара388 и другие, - совершили деяние,389 подобное этому. И никому из будущих правителей земли не совершить столь трудного деяния, что ты содеял, о лучший в роду Куру!"
21-26. Слыша такие речи людей, ласкающие слух, устремился Пхальгуна, верный дхарме, на место жертвоприношения. Царь вместе с советниками и Кришна, потомок Яду, вслед за Дхритараштрой вышли ему навстречу. Припав к стопам отца и мудрого Царя дхармы, почтив Бхиму и остальных, обнял (Арджуна) Кешаву. Встреченный ими с почетом, воздав, как подобает, ответные почести, верный дхарме, решил (Арджуна) отдохнуть, подобный тому, кто пересек (океан) и добрался до берега.390 В то самое время явился к куру мудрый царь Бабхрувахана вместе с обеими матерями.391 Встретившись со всеми куру, приняв от них почести, вступил он в прекрасные покои Кунти, матери его отца (Арджуны).
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" восемьдесят девятая глава.

Глава 90

Вайшампаяна сказал:

1-10. Вступив, как подобает, во владения Пандавов, ласковым словом приветствовал (Бабхрувахана) мать своего отца. И царица Читрангада, и дочь (змея) Кауравьи (Улупи) вместе почтительно приблизились к Притхе и Кришне (Драупади), а затем, как велит обычай, к Субхадре и другим женщинам куру. Кунти одарила тогда обеих разными драгоценностями, а Драупади, Субхадра и другие женщины тоже поднесли им дары. Обе царицы располо-жились на богатом ложе, и сама Кунти, желая сделать приятное Партхе (Арджуне), оказала обеим высочайшие почести. А многодоблестный царь Бабхрувахана, окруженный почетом, предстал, как положено, пред владыкой земли Дхритараштрой. Могучий пылом, подошел он затем к царю Юдхишт-хире, Бхиме и остальным Пандавам, со смирением их приветствуя. Мощ-ноколесничные (воины), ласково обнимая его, по обычаю выказали ему почтение и, довольные, одарили его обильным богатством. Затем тот хранитель земли смиренно предстал перед Кришной, Владетелем диска и палицы, точно Прадьюмна пред Говиндой.392 Даровал Кришна тому царю великолепную многоценную почетную колесницу, отделанную золотом, запряженную дивными конями. И Царь дхармы, и Бхима, и оба близнеца, и Пхаль-гуна каждый в отдельности оказали ему, достойному почестей, высочайший почет.

11-19. И вот на третий день пришел к Юдхиштхире отшельник, сын Сатьявати,393 и произнес он, владеющий Словом, такие слова: "Начиная с этого дня, о Каунтея, верши жертвоприношение, ибо пришло для тебя время; жрецы торопят - настал час жертвенного обряда. Пусть без изъяна свершится, о Индра царей, то жертвоприношение, которое из-за обилия золота зовется златообильным. Утрой дакшину,394 великий царь! Да возрастет она втрое, о царь, ибо брахманы тут - источник (успеха).395 Совершив тройную ашвамедху, обильную дарами, ты, о владыка людей, избавишься от греха, что пал на тебя из-за убийства родичей.396 Очищение,397 которое ты, о потомок Куру, обретешь благодаря ашвамедхе, - высочайшей чистоты, это (лучшее) очищение из (всех) очищений". После того, как это сказал Вьяса, безмерный пылом, (Юдхиштхира), наделенный пламенем духа, верный дхарме, прошел посвящение,398 дабы совершить жертвоприношение коня, и затем приступил владыка людей к великому обряду ваджимедха.399 Хорошо обученные жрецы, знатоки Вед, искушенные в шастрах, вершили, как должно, о царь, последовательные обрядовые действия. Не было там ни ошибок, ни упущений, действовали быки среди дваждырожденных в должном порядке и точно.

20-31. Совершив как должно праваргью,400 дваждырожденные, лучшие среди дваждырожденных, приступили, о царь, как полагается, к абхиша-ве.401 После выжимания сомы, о царь, достойнейшие из вкушающих сому (жрецы),402 следуя шастрам, совершили один за другим (обряды) савана.403 Не было там ни одного обездоленного, неимущего, голодного, огорченного или же не прошедшего очищение человека. Мощнопламенный Бхимасена по приказу царя постоянно повелевал всякий раз давать пищу нуждающимся в еде. В ходе жертвоприношения искусные жрецы день ото дня вершили все обряды, прозрев (их) смысл согласно шастрам. Среди садасьев404 мудрого (Юдхиштхиры) не было такого, который не обладал бы знанием шести (Вед)анг, не было ни одного дваждырожденного, который не соблюдал бы обетов, не следовал бы наставнику, не был бы искусен в споре.405 Когда началось воздвижение жертвенных столбов, о бык-бхарата, жрецы повелели соорудить во время жертвенного обряда царя куру шесть (столбов) из билвы, столько же из кхадиры, такое же количество из сарваварнина, два столба - из девадару и один из шлешматаки.406 По повелению Царя дхармы Бхима, о муж-бык, распорядился установить для красоты и другие столбы - из золота. Блистали они, о царь-мудрец,407 точно Семь мудрецов на небесах, украшенные (присутствием) Васу, явившихся к богам вслед за Индрой людей.408 Изготовлены были золотые бруски для жертвенника, и он сверкал, точно алтарь Дакши Праджапати.409 Был этот (алтарь) крытым, четырехслой-ным, размером в восемнадцать кара,410 видом подобный Гаруде,411 с золотыми крыльями на три стороны.

32-38. Затем мудрыми (брахманами) были подготовлены в соответствии с шастрами жертвенные животные - птицы и скот, предназначенные для каждого из богов. Во время обряда возжигания жертвенного огня (жрецы) собрали быков и обитателей вод - всех тех, о которых сказано в шастрах. Было привязано к жертвенным столбам триста голов скота, а также тот конь - величайшее из сокровищ великого духом царя Каунтеи. То жертво-приношение было прекрасно, полное (явившихся) воочию божественных мудрецов, обильное сонмами гандхарвов, сияющее толпами апсар. Полнилось оно отовсюду песнопениями кимпурушей, украшенное киннарами и покоями мудрецов-сиддхов.412 Были постоянно в собрании том ученики Вьясы - лучшие из дваждырожденных, провозвестники всех шастр, искушенные в жертвенных обрядах, а также Нарада и великий сиянием Тумбуру, Вишвавасу, Читрасена413 и другие искусные в песнопениях (небожители). Гандхарвы, знающие толк в пении и умелые в танцах, услаждали брахманов в перерывах жертвенного обряда.414

Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" девяностая глава.

Глава 91

Юдхиштхира в окружении братьев и жрецов участвует в заключительной части обряда ашвамедхи. Индийская традиционная иллюстрация к изданию «Махабхараты». XIX век.

Вайшампаяна сказал:

1-9. Умертвив, как предписано, других животных, дваждырожденные, лучшие среди дваждырожденных, приблизились в соответствии с шастрами к тому коню. Затем, испросив у коня согласия,415 как положено, жрецы-быки416 подвели к нему, о царь, соответственно

предписанию, мудрую дочь Друпады вместе с тремя составляющими жертвенного подношения.417 Быки-дваждырожденные, о бык-бхарата, извлекли, как предписано, (конский) сальник и тщательно, в соответствии с шастрами, его проварили. Царь дхармы (Юдхиштхира) вместе с младшими братьями вдохнул, как положено, запах дыма от сальника - тот, что уносит прочь все грехи. Остальные же части тела, что оставались от того коня, шестнадцать мудрых жрецов все вместе принесли в жертву огню,418 о владыка людей! Совершив таким образом жертвенный обряд для царя, мощью подобного Шакре, Вьяса достойный вместе с учениками восславил владыку людей. Тогда Юдхиштхира даровал, как подобает, садасьям тысячу коти419 золотых монет, а Вьясе - землю. Но сын Сатьявати Вьяса, о царь, возвратил землю верному дхарме Юдхиштхире, лучшему из бхаратов, и произнес: "Эта земля принадлежит тебе, о лучший из царей, мне же даруй что-либо равноценное, ибо цель брахманов - имущество (а не земля)".
10-19. Юдхиштхира, многоумный мудрец, (стоя) вместе с братьями среди великих духом царей, отвечал тем брахманам: "В этом великом жертвоприношении ашвамедха дакшиной считается земля, покоренная Арджуной, и обретена она мной для жрецов. Я же отправлюсь в лес, о Индры среди брахманов! Владейте этой землей, поделив ее на четыре части, соответственно четырем (главным) жрецам жертвоприношения.420 Я не желаю, о лучшие из отшельников, брать себе то, что принадлежит брахманам, об этом всегда мои помыслы и братьев моих, о безупречные!" Когда он сказал это, братья его и Драупади произнесли: "Так и есть!", что прозвучало грозно. Тут, о бхарата, раздался с небес голос: "Правильно! Правильно!" и шум поднялся среди сонмов разом заговоривших дваждырожденных. Отшельник Двайпаяна, когда так ему было сказано, снова почтительно обратился к Юдхиштхире в присутствии брахманов: "Ты подарил мне эту (землю), но я возвращаю ее тебе. Да будет даровано золото дваждырожденным, земля же да будет твоя!" Затем Васудева сказал Царю дхармы Юдхиштхире: "Как повелел Вьяса достойный, так и должен ты сделать". После таких его слов лучший из куру, довольный, вместе с братьями даровал (брахманам) в качестве тройной дакшины за жертвоприношение многие коти (золота).
20-29. Не совершит в мире никто иной средь людских владык того, что совершил лев-куру, следуя путем Маругты.421 Приняв такое богатство, мудрый владыка Кришна Двайпаяна разделил его на четыре доли и раздал жрецам. Юдхиштхира же, одарив (брахманов) золотом взамен земли, возликовал вместе с братьями, очистившись от греха и завоевав небо.422 Жрецы поделили тогда эти безмерные груды золота между дваждырож-денными сообразно величию каждого, в соответствии с его мощью. С до-зволения Юдхиштхиры дваждырожденные поделили между собой все, что было на месте жертвоприношения: кое-какое золотое убранство, врата, жертвенные столбы, кувшины и жертвенные сосуды. Вслед за брахманами получили богатство кшатрии, и долгое время спустя принимали там золото толпы вайшьев и шудр, а также некоторые рода млеччхов. И вот все те брахманы, радостные, разошлись по своим обителям, ублаготворенные богатством, (полученным) от Царя дхармы, великого духом. Достойный, великий сиянием Вьяса даровал свою долю того обилия золота Кун-ти, когда та склонилась к его стопам. Приняв такое изъявление благосклонности от своего свекра, Притха с довольной душой обрела величай-шую в мире заслугу. Пройдя очистительное омовение, безгрешный царь, окруженный почетом, блистал вместе с братьями, точно Махендра вместе с богами.
30-41. Пандавы в окружении собравшихся там царей сияли, о великий царь, будто планеты со звездами. Даровал затем (Юдхиштхира) царям разные драгоценности, слонов, коней, украшения, женщин, одежды и золото.423 Раздавая в кругу царей эти безмерные груды богатств, царь Партха блистал, точно Вайшравана.424 Призвав к себе царя-героя Бабхрувахану, он одарил его несметными богатствами и разрешил возвращаться домой. Из благосклонности к Духшале, о царь-бык, он повелел посвятить на царство в своей стране, хранимой предками, ее малолетнего внука. Царь куру Юдхиштхира, смиривший свои чувства, отпустил всех царей, богато одаренных и окруженных высокими почестями. Вот каким было то жертвоприношение мудрого Царя дхармы, (обильное) потоками многих яств, богатства и драгоценностей, морями суры и других хмельных напитков. Там были, о бык-бхарата, озера с илом из очищенного масла, многие горы пищи, пруды с ряской из творога с сахаром и специями. Не было видно конца умерщвляемым там животным, изготовляемым и поедаемым вкусным сладостям. Пленительным было сборище радостно возбужденных, хмельных юных дев, поющих под звуки мри-дангов и раковин. "Соблаговолите подать!" и "Угощайтесь!" - такие слова (раздавались) без перерыва денно и нощно в скоплении оживленных людей, точно во время великого празднества, как говорили люди, живущие в разных краях. Излив дождем потоки желанного богатства - драгоценности и сокровища, лучший из бхаратов, достигший цели - освободившийся от греха, возвратился в свой город.425
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" девяносто первая глава.

Глава 92

Джанамеджая сказал:
1. Ты должен рассказать мне о том, какое чудо произошло на жертвоприношении, (устроенном) моим предком, мудрым сыном Дхармы.
Вайшампаяна сказал:
2-11. Услышь, о владыка, царь-тигр, какое великое, несравненное чудо случилось по окончании великого жертвоприношения ашвамедха. Когда были ублаготворены первые среди дваждырожденных, родичи, близкие и приближенные, бедняки, незрячие и увечные, о лучший из бхаратов, когда молва о великих дарах (Юдхиштхиры) разнеслась по всем сторонам света, о бха-рата, когда на главу Царя дхармы пали (с небес) цветочные ливни, из норы появился, о безупречный владыка народов, мангуста с золотым боком и испустил клич, подобный грому ашани-ваджры. Исторгнув единожды этот клич, заставивший трепетать зверей и птиц, огромный обитатель норы дерзко сказал человеческим голосом: "Это ваше жертвоприношение, о владыки людей, не стоит и горстки муки щедрого жителя Курукшетры, живущего сбором колосьев, оставшихся после жатвы".426 Услышав эти слова мангусты, о вла-дыка народов, исполнились величайшего изумления все те быки-брахманы. Затем, приблизившись к мангусте, дваждырожденные вопросили: "Откуда явился ты на жертвоприношение, где собрались праведники? Что за мощь у тебя величайшая? Чему ты обучен?427 Кто покровитель твой? Можем ли мы узнать, кто ты такой, что подвергаешь хуле наше жертвоприношение? Исполнено все жрецами, сведущими в установлениях, без малейшего небрежения к правилам,428 соответственно предписаниям, как положено; так и надлежит делать, как было сделано.
12-17. Достойных почестей почтил по обычаю тот, кто прозрел (сущность) шастр; очищена была мантрами (жертва) и совершилось жертвенное возлияние в огонь; неукоснительно раздавалось то, что должно было быть роздано. Быки-брахманы были довольны многообразными подношениями, кшатрии - честным боем, а праотцы - поминальными жертвами. Вайшьи были удовлетворены (оказанным им) покровительством, прекрасные женщины - исполнением их желаний, шудры - состраданием к ним, а отдельные люди - тем, что оставалось от подношений. Родственники и приближенные нашего царя были довольны его чистотой, боги - жертвенными дарами и его благими заслугами, а те, кто обратились к нему за покровительством, - защитой. В чем же тут дело - расскажи, о средоточие истины среди дваждырожденных, из расположения к брахманам, что спрашивают тебя, сообразно услышанному, соответственно виденному. Словам твоим следует верить, ибо ты мудр и облик твой удивителен. Встретившись с брахманами, должен ты говорить правдиво".
18-22. Спрошенный так теми дваждырожденными, мангуста сказал с улыбкой: "Не лживы мои слова, о дваждырожденные, и сказаны не из гордыни. Вот что я произнес, а вы выслушали: "Это ваше жертвоприношение, о владыки людей, не стоит и горстки муки щедрого жителя Курукшетры, живущего сбором колосьев, оставшихся после жатвы". Об этом я непременно должен вам рассказать, о быки-дваждырожденные! Выслушайте же со вниманием то, что я расскажу, о быки-дваждырожденные! Величайшее чудо видел я и ощутил на себе - то, что случилось с жителем Курукшетры, живущим сбором колосьев, из-за чего вместе с супругой, невесткой и сыном этот дваждырож-денный достиг небес, а половина моего тела сделалась золотой".
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" девяносто вторая глава.

Глава 93

Мангуста сказал:
1-8. Я поведаю вам, о дваждырожденные, о высочайшем плоде даже самого малого дара, добытого праведно и поднесенного брахманом (гостю). Некогда жил на Курукшетре - Поле дхармы, в окружении множества знатоков дхармы, некий дваждырожденный, кормившийся сбором колосьев, подобный голубю.429 Вместе с супругой, невесткой и сыном вершил подвижничество тот праведник, смиривший свои чувства, и был он чист нравом.430 Верный обету, брахман принимал вместе с ними пищу лишь вечером третьего дня,431 но иногда и на третий день нечего было есть, и тогда лучший из дваждырожденных ел еще три дня спустя. И вот случилась страшная засуха, а у него, блюдущего дхарму голубя, не оказалось припасов. Услышьте о том, о брахманы! Растения сплошь погибли, так что лишился он пропитания. Всякий раз, как наступало время еды, ее не оказывалось, и тогда уходили они все, одолеваемые голодом. Когда солнце палило в середине светлой половины месяца, страдая от жары, терзаемый голодом, предавался брахман

подвижничеству вместе с родными, но как ни искал он зерна, не находил ни колоса. Снедаемый голодом, окропляя себя водой, как положено, лучший из дваждырожденных прожил то время едва живой.
9-17. И вот однажды, по прошествии вечера третьего дня, собрал он горстку зерна, и подвижники превратили в муку эту малую толику ячменя. Сотворив молитву, исполнив ежедневный обряд и совершив, как должно, жертвенное возлияние огню, подвижники разделили (еду) на мелкие порции.432 И вот, едва они приступили к еде, появился гость - некий дваждырожденный,433 и, увидев того гостя, они возрадовались сердцем. Чистые помыслами, смиренные, исполненные покорности и веры, незлобивые, победившие гнев праведники, лучшие из дваждырожденных, не ведающие гордыни, отринувшие самодовольство и одолевшие злобу знатоки дхармы,434 они приветствовали гостя, спросив его, в добром ли он здравии, и в ответ назвали свой род, соблюдающий брахмачарью, а затем провели страдающего от голода гостя в жилище. "Вот аргхья и вода для омовения ног, а вот - циновка для тебя, о безупречный! Вот - чистая пища, добытая праведно, о могучий! Благо тебе - прими поднесенное мною, о лучший из дваждырожденных!" После таких слов (хозяина) дваждырожденный принял его долю еды, съел ее, о Индра царей, но не выказал удовлетворения. (Брахман), живущий сбором колосьев, оставшихся после жатвы, глядя на терзаемого голодом дваждырож-денного, задумался: какой же едой был бы тот удовлетворен?
18-29. Сказала ему супруга, о царь: "Отдай ему мою долю и пусть тогда лучший из дваждырожденных идет довольный, куда пожелает". Однако зная, что праведница, так говоря, сама страдает от голода, тот бык-дваждырож-денный, верный дхарме, не согласился (отдать) ее долю. Понимая, что старая подвижница, измученная голодом, ослабла и так истощена, что от нее остались только кожа да кости, что качает ее (от слабости), он отвечал супруге: "Даже черви, насекомые и звери, о прекрасная,435 должны беречь и лелеять своих жен, поэтому ты не должна так говорить. Тот человек, которого, сострадая ему, женщина бережет и лелеет, может лишиться своей славы и не достичь сияющих миров!" В ответ на эти слова та сказала: "И дхарма, и артха едины у нас с тобой, о дваждырожденный, так что сделай милость, возьми мою долю - четвертую часть той горстки муки. Истина и любовь, дхарма и небеса, что завоевываются добродетелью, - (все это) зиждется для женщины на супруге, от него она этого ждет, о лучший из дваждырожденных! Если от матери (зависит) время, благоприятное для зачатия, то от отца - семя, так что супруг - высочайшее божество, ибо милостью супруга у женщины есть и любовь, и плоды ее - сыновья. Именно потому, что ты оберегаешь меня, ты - супруг мой, оттого что поддерживаешь меня, ты - супруг мой,436 оттого что даруешь сыновей, ты - податель даров. Поэтому возьми мою долю. Ты ведь состарился, одряхлел, измученный голодом, совсем остался без сил, исхудал, изнуренный постом". Когда она так сказала, взял он ее долю еды и обратился (к гостю): "О достойнейший дваждырожденный, прими эту еду". Тот дваждырожденный принял ее и съел, но и тогда не выказал удовлетворения. Заметив это, (брахман), живущий сбором колосьев, вновь погрузился в раздумья.
Сын сказал:
30-33. Возьми теперь мою долю еды и отдай брахману, о достойнейший! Думаю, это доброе дело, оттого так и поступаю. Должен я всеми силами заботиться о тебе, о лучший из дваждырожденных, ибо праведникам угодна такая забота о престарелом отце. Такой удел назначен сыну - беречь отца в старости, истина437 эта, о брахман-мудрец, известна во всех трех мирах. Ты сможешь вершить подвижничество, только если сохранишь себе жизнь, ибо дыхание жизни и есть высшая дхарма, присутствующая в телах живущих.
Отец сказал:
34-36. Даже тысячелетний ты останешься для меня ребенком; только породив сына, отец достигает своей цели. Знаю я, о могучий, дети чувствуют голод сильнее; я старый, сынок, и продержусь, а ты должен быть сильным. Из-за преклонного возраста, сын мой, голод не тяготит меня. Долгое время я предавался подвижничеству, так что нет у меня страха смерти.
Сын сказал:
37. Я - продолжатель твоего рода. Известно, что сын оттого и (зовется) сыном, что спасает отца (от ада).438 Считается, что сын - это сам (отец), поэтому спасая (отца, спасаешь) себя.
Отец сказал:
38-45. "Ты подобен мне обликом, добродетелью и смирением, много раз подвергался ты испытаниям и теперь я беру твою долю еды". С этими словами лучший из дваждырожденных, радостный душою, взял эту еду и, улыбаясь, поднес ее тому брахману. Но съев и это, он не выказал удовлетворения, и тут устыдился лучший из дваждырожденных, живущий сбором колосьев. Тогда, желая ублаготворить брахмана, невестка его, праведница, поднялась, взяла свою долю еды и радостно обратилась к своему наставнику:439 "От твоего потомка будет потомство и у меня, так возьми мою долю еды и поднеси гостю. Если будет благополучен твой сын, моими (станут) миры нетленные, и благодаря твоему внуку он достигнет этих (миров), удалившись куда, не знают печали. Как (существует) триада (целей), первая из которых - дхарма,440 как (существует) совокупность трех огней,441 точно так же (существует) на небесах нерушимое триединство - отец, сыновья и внуки.442 Знаем мы, что сын спасает предков (от ада), и оттого, что он (их) спасает, (он и зовется сыном).443 Благодаря сыновьям и внукам (предки) постоянно наслаждаются благими мирами".
Свекор сказал:
46-49. Глядя на то, как тело твое иссушено ветром и зноем, как ты бледна, исхудала, соблюдая строгий обет, как разум твой мутится от голода, как я могу взять твою долю еды, оказавшись губителем дхармы! Ты не должна так говорить, о праведница, ведущая благую жизнь! Разве смогу я смотреть, как ты, верная обету, приверженная добродетели и чистоте, претерпеваешь невзгоды, оставшись без еды на третий день поста.444 Я должен тебя постоянно беречь - юную женщину, страдающую от голода, ведь ты, приносящая радость родным, и так измучена постом.
Невестка сказала:
50-52. Ты - наставник наставника моего445 и поэтому - бог из богов, божество, что превыше других божеств, поэтому возьми мою долю еды, о владыка! И тело мое, и сама моя жизнь, и соблюдение дхармы - смысл всего этого в служении гуру. Твоею, о брахман, милостью обрету я желанные миры. Пусть ты считаешь: следует о (невестке) заботиться, ибо крепка ее преданность, но с мыслью: "Это мое" - должен ты взять мою долю еды.
Свекор сказал:
53-63. "Постоянно сияешь ты, праведница, своим благонравием и, соблюдая обет дхармы, следуешь образу жизни наставника. Поэтому я возьму твою долю еды. Ты, невестка моя, не заслуживаешь небрежения, принимая в расчет, о великая долей, что ты - лучшая из вершителей дхармы". С этими словами он взял ее долю еды и поднес дваждырожденному. И тогда брахман выказал удовлетворение тому праведнику, великому духом. С радостью в душе тот лучший из дваждырожденных, владеющий Словом, сам Дхарма в человеческом облике,446 сказал быку среди дваждырожденных такие слова: "О лучший из дваждырожденных! Я доволен поднесенным тобой чистым даром, добытым праведно, с усердием и по мере сил. Воистину об этом даре твоем слышат на небесах обитатели неба. Видишь: на землю падает с неба цветочный ливень! Божественные мудрецы, боги, гандхарвы и те, что сопровождают богов, и посланцы богов в изумлении от твоего дара прославляют тебя. Риши-брахманы, стоя в небесных колесницах,447 как и те, что удалились в мир Брахмы,448 жаждут увидеть тебя, - так ступай же на небо, о бык-дважды-рожденный! Тобой спасены все твои праотцы, ушедшие в мир предков, равно как и многие будущие (потомки) и многочисленные поколения. Благодаря брахмачарье, совершению жертвенного обряда, принесению даров, подвижничеству и неотступному следованию дхарме ступай на небеса, о дважды-рожденный! Боги довольны тобою, о высочайший средь лучших дваждырожденных, верный обету, - тем, как ты предаешься подвижничеству с величайшею верою.
64-75. Своим поступком - тем, что ты с чистой душой ныне, в трудный для тебя час, отказался от всего своего достояния, ты покорил небеса. Голод лишает (людей) мудрости, мешает разумению, сообразному с дхармой, и тот, чей разум подавлен голодом, утрачивает стойкость. Тот, кто побеждает голод, непременно завоевывает небеса; пока дар источает сияние, не погибнет дхарма. Невзирая на любовь к сыну и привязанность к супруге, зная свою тяжкую дхарму, не посчитался ты с собственной жаждой еды. Накопление имущества - вещь ничтожная, превыше этого - одаривание заслуживающего почестей, еще выше - (поднесение дара) вовремя, но вера превыше самого дара. Крайне узки небесные врата и люди не видят их в ослеплении; неодолимы запоры небес - страсти, а сердцевина (такого замка) - стяжательство. Но видны эти (врата) мужам, одолевшим гнев, подчинившим себе свои чув-ства, брахманам, наделенным пылом подвижничества, дарующим по мере сил. Считается, что тот, кто (может дать) тысячу даров, но дает сотню, и тот, кто может (дать) сотню, но дает десять, и тот, кто в силах даровать лишь воды, - все они обретают равный плод. Царь Рантидева449 подал просителю малую толику воды, но от чистого сердца, и за это, о брахман, он отправился на небеса. Дхарме, о сын мой, не по душе дары, поднесенные ради обильных плодов: доволен он и самым малым (подношением), но того, что добыто праведно и очищено верою. Так, царь Нрига даровал в дар дваж-дырожденным тысячи коров, но когда он отдал всего одну чужую, то угодил в Нараку.450 Зато царь Шиби, сын Ушинары,451 верный обету, пожертвовав собственной плотью, достиг блаженных миров и наслаждается на

небесах.
76-82. Не в богатстве заслуга людей праведных, даже если оно собрано их собственными силами; не (обретается) она, о брахман, и различными жертвоприношениями, что как должно готовятся. Гнев уничтожает заслугу дарения, из-за алчности невозможно достичь небес, но тот, кто живет праведно, зная, что такое дарение, подвижничеством обретает небо. Совершив многочисленные жертвоприношения раджасуя, обильные дарами брахманам, и многие ашвамедхи, не (обретешь) плода, подобного этому.452 Тобою, о безупречный, благодаря горстке муки завоеван мир Брахмы - ступай же, о брахман, если желаешь, в беспыльное обиталище Брахмы. Всех вас, о лучший из дваждырожденных, ждет небесная колесница, так поднимайтесь в нее, если угодно. Я - Дхарма, узри меня, о дваждырожденный! Совершено тобой очищение тела, стойка в мире слава твоя, так ступай же на небо вместе с супругой, вместе с сыном и вместе с невесткой!" Когда Дхарма произнес такие слова, дваждырожденный вместе с женою, невесткой и сыном поднялся на колесницу и отправился на небеса.
83-89. Когда удалился на небо тот брахман, знаток дхармы, вместе с невесткой и сыном, а четвертой была супруга, вышел я из своей норы. И тут от запаха той муки, капель воды, прикосновения небесных цветов и частичек (того, что поднес гостю) в дар этот праведник, (силой) подвижничества того брахмана стала золотой моя голова. Благодаря столь малому дару того (брахмана), средоточия истины, половина моего тела, о брахманы, сделалась зо-лотой. Смотрите, сколь велико (содеянное) подвижничеством того мудреца! О дваждырожденные! Снова и снова, радостный, обхожу я леса подвижников и места жертвоприношений, чтоб и другой бок у меня стал таким же. Прослышав об этом жертвоприношении мудрого царя куру, явился я с величайшей надеждой, но не сделался золотым. Поэтому мною в насмешку и были сказаны, о лучшие из дваждырожденных, такие слова: "Не стоит жертвоприношение это и горстки муки". Благодаря частичкам малой толики этой еды сделался я золотым, так что кажется мне, что не стоит их это великое жертвоприношение.
Вайшампаяна сказал:
90-93. Сказав так всем тем лучшим из дваждырожденных, (что присутствовали) на жертвоприношении, мангуста, о царь, скрылся из вида, а брахманы те разошлись по домам. Этим мною рассказано тебе все, о покоритель вражеских городов, о том, какое чудо случилось во время великого жертвенного обряда - жертвоприношения коня. Не стоит тебе, о царь, испытывать удивление (при виде богатства) какого-либо жертвоприношения; тысячи коти святых мудрецов только благодаря подвижничеству отправились на небеса. Невреждение всем живым существам, удовлетворенность, доброе поведение, праведность, подвижничество, смирение, приверженность истине и раздача даров - вот что считается равноценным.
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" девяносто третья глава.

Глава 94

Джанамеджая сказал:
1-6. Цари вершат жертвоприношение, великие святые мудрецы - подвижничество, брахманы же стремятся к умиротворенности, ибо в ней - покой и смирение, о владыка! Поэтому здесь (на земле) нет ничего, что сравнилось бы с плодами жертвоприношения, - вот что я думаю, и нет в том сомнения. Совершая жертвоприношения, многие цари, о лучший из дважды-рожденных, обрели великую славу и после смерти отправились отсюда на небеса. Могучий мощнопламенный Царь богов - Тысячеокий, благодаря жертвоприношениям с обильными дарами брахманам, обрел, великий пылом, безраздельную власть над богами.453 А царь Юдхиштхира, рядом с которым - Бхима и Арджуна, величием и отвагой подобен Царю богов. Так отчего же мангуста посмел подвергнуть хуле ашвамедху, великое жертвоприношение, (совершенное) царем, великим духом?
Вайшампаяна сказал:
7-16. Слушай же, о муж-бык, царь-бхарата, я расскажу тебе, как положено, о первейшем правиле жертвоприношения и о плоде его. Некогда великие святые мудрецы поведали об этом Шакре, вершащему жертвоприношение. Когда начался жертвенный обряд и жрецы приступили к действию, когда принесли жертву огню, исполненную многих достоинств, когда призваны были боги и предстали там высочайшие риши, когда, о царь, прославленные брахманы, громко выкликавшие заклинания, и быстрые, неутомимые быки-адхварью связали скот для умерщвления, великие риши исполнились сострадания, о могучий царь! При виде несчастных животных святые мудрецы, богатые пылом подвижничества, явились к Шакре и сказали ему: "Не благой это способ жертвоприношения! Это твое заблуждение, хотя ты взыс-куешь великой дхармы, ибо не следует из предписаний, о Сокрушитель твердынь, чтобы для принесения жертвы (требовалось бы) столь много скота. Для дхармы губительна эта твоя затея, могучий; это не есть дхарма, хотя (все) делается во имя дхармы: не может считаться дхармой вред, наносимый живому.454 Пусть вершат для тебя жертвоприношение сообразно предписанному, если ты пожелаешь, и да будет великой твоя дхарма благодаря жертвоприношению, соответствующему предписаниям. Приноси жертву семенами, о Тысячеокий, что три года пролежали в укрытии, - вот какая великая дхарма, о Шакра, постигается размышлением".
17-34. Но не внял Шатакрату этим словам, сказанным риши, прозревшими истину, поддался он власти гордыни и заблуждения. Между Шакрой и теми великими мудрецами возник спор величайший о том, что следует приносить в жертву - живое или же неживое. Те риши, прозревшие истину, были повержены в споре, и тогда, чтобы прийти к согласию с Шакрой, спросили они царя Васу: "О великий участью царь! Какой существует обычай насчет жертвоприношений: что надлежит приносить в жертву - жертвенный скот или же непроросшие семена?" Выслушав их слова, царь, не раздумывая над тем, кто сильней, а кто слабей (в этом споре), ответил: "Совершать жертвоприношение следует тем, что есть под рукой". Сказав так, этот царь низринулся в ад: неверно ответил, о царь, могучий властитель чеди. Невежда, взыскующий дхармы, приносит в жертву богатство хотя и обильное, но не-праведно обретенное, и потому не пожинает плода дхармы. Ловит дхарму как птицу тот человек грешный, что дарует брахманам такой дар, хотя и внушающий миру доверие. Грешным деянием обретя богатство, брахман, одолеваемый безудержно страстью и наваждением, ступает в конце концов на неправедную стезю. Дары, поднесенные таким грешником, утратившим разум, не принося ему блага, пропадают втуне, даже если они огромны. Дар такого злодушного, вредоносного и злоумного нечестивца не приносит ему славы ни здесь, ни в мире ином. Направив свой ум на накопительство, оказавшись во власти ослепления алчностью, он, грешный помыслами, приводит в трепет (все) сущее своей вредоносностью. Тот, кто обретает богатства, движимый алчностью, даже если он совершает жертвоприношения и приносит дары, все равно не достигает успеха теми деяниями из-за дурного пути (обогащения). Но люди благочестивые, богатые пылом подвижничества, поднося в дар сколько есть зерна, кореньев, плодов, овощей или сосуд воды, отправляются на небеса. Такова великая дхарма, а самоотречение, щедрость, милосердие к сущему, целомудрие, верность истине, сострадание, стойкость, смирение - таков корень извечной дхармы. Известны издревле цари-брахман
ы - Виш-вамитра453 и другие. Вишвамитра, Асита, великий царь Джанака, Какша-сена, Арштишена и царь Синдхудвипа456 - эти и многие другие цари, богатые пылом подвижничества, достигли высочайшего совершенства верностью истине и дарением праведно обретенного. Брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры, предающиеся подвижничеству, очистившись огнем дхармы дарения, достигают небес, о бхарата!
Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" девяносто четвертая глава.

Глава 95

Джанамеджая сказал:
1-3. Если все существует благодаря отречению от того, что получено в соответствии с дхармой, то поведай мне, о достойный, об этом все полностью, ибо ты искушен в рассказывании. Велик тот плод, что явлен был живущему по обету собирателю зерен за то, что даровал он (гостю немного) муки, велик и (смысл) поведанного мне тобою, о брахман, - истина то несомненная. Каков же высший итог всех жертвоприношений - ты должен рассказать мне об этом подробно, о бык-дваждырожденный!
Вайшампаяна сказал:
4-10. Приводят тут такую древнюю быль,457 о губитель врагов, о том, что случилось когда-то на великом жертвоприношении Агастьи.458 Мощнопла-менный Агастья, приверженный благу всего сущего, принял некогда посвящение на двенадцать лет, о великий царь! Были там на жертвоприношении великого духом (риши) огнеподобные жрецы с камнями для размалывания зерен, те, что питались кореньями или же обходились вовсе без пищи и пили лунные лучи. Были там яти,459 те, что живут подаянием, довольствуясь остатками жертвенной пищи и подвергая себя очищению, пришли и (иные) просители. Все они (являли собой) воплощенную дхарму, победившие гнев, подчинившие чувства, все были стойки в смирении, свободны от гордыни и заблуждений. Ведущие постоянно жизнь праведников, неподвластные зову чувств, собрались там великие мудрецы, дабы вкусить (плодов) жертвоприношения. Сколь было сил собрал достойный (праведник) еды на этом жерт-вопринощении и не было там ничего неподходящего. Множество отшельников вершило великие жертвенные обряды.
11-25. Однако пока продолжалось столь великое жертвоприношение Агастьи, не пролил дождя Тысячеокий, о лучший из бхаратов! И

тогда, о царь, во время отправления обряда Агастьи, великого духом, среди отшельников, смиривших души, пошли разговоры: "Безгневный Агастья-жертвова-тель раздает еду, но Парджанья не проливает дождя, так откуда же взяться пище? Это великое жертвоприношение отшельника, о брахманы, длится двенадцать лет, и все двенадцать лет бог не проливает дождя. Поразмыслив над этим, надлежит вам выказать свою благосклонность мудрому великому риши Агастье, превзошедшему (всех) силой подвижничества". Едва прозвучали эти слова, пламенный Агастья, владеющий Словом, склонив голову перед отшельниками, произнес: "Если Васава двенадцать лет не проливает дождя, принесу я умственную жертву,460 - таков извечный закон. Если Васава двенадцать лет не проливает дождя, с усердием обращусь я к иным жертво-приношениям, требующим суровых обетов. Это мое жертвоприношение семенами готовилось много лет, и я довершу его собранным зерном - тут не будет препон. Никак не может быть совершенным напрасно это мое жертвоприношение, прольет бог дождь или же не прольет. Если Индра не исполнит моей просьбы по доброй воле, я сам стану Индрой и верну к жизни сущее. Кто какую еду имел от рождения, та самая у него и будет; стану я создавать ее еще больше, снова и снова (все) обильно. Да появится здесь ныне золото и иное богатство труднодоступное; и то, что есть в трех мирах, пусть само прибудет сюда! Дивные сонмы апсар вместе с гандхарвами и киннарами,461 Вишвавасу462 и другие пусть всегда почитают вас. Какое ни есть богатство у северных куру, пусть оно все само прибудет сюда, на мое жертвоприношение, как и небо, и пребывающие на небесах, и даже сам Дхарма".

26-32. Когда мудрый (Агастья) сказал так, все это свершилось. Узрев мощь подвижничества того отшельника, все подвижники в изумлении произнесли такие слова, исполненные великого смысла: "Довольны мы твоей речью, но не желаем урона подвижничеству. Мы удовлетворены жертвоприношениями и желаем (действовать по обычаю). Мы стремимся (участвовать) в жертвоприношениях, посвящении, жертвах огню и иных. Да не будут то жертвоприношения, что совершаются самостоятельно, мы не ищем иного. Приверженные своему делу, мы питаемся тем, что накоплено праведно, и жаждем праведного (постижения) Вед путем брахмачарьи. По обычаю, покидая дома на время от полнолуния до новолуния, (следуя) вратами предписанного, теми, что прозреваются путем дхармы, станем мы предаваться подвижничеству. Умом ты, как должно, отрицаешь нанесение вреда сущему. И да будешь ты постоянно, могучий, высказываться на жертвоприношениях только о неврежденьи живому. Тогда мы будем довольны, о лучший из лучших дваждырожденных, и по завершении жертвенного обряда, отпущенные тобой, удалимся отсюда".

Вайшампаяна сказал:

33-36. Когда они так сказали, Царь богов, Сокрушитель твердынь463 мощ-нопламенный, пролил дождь, узрев силу подвижничества (Агастьи). Хотя жертвоприношение не было завершено, Индра богов, безмерно отважный, возжелал пролить дождь, о Джанамеджая! Владыка Тридцати (богов), о царь-мудрец, выказал милость Агастье - сам явился к нему, следуя за Брихас-пати.464 Затем, по завершении жертвенного обряда, Агастья, чрезвычайно довольный, отпустил тех великих отшельников, почтив их, как подобает.

Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" девяносто пятая глава.

Глава 96

Джанамеджая сказал:

1. Кто же в обличье мангусты с золотой головой говорил человеческим голосом, - ответь мне на этот вопрос.

Вайшампаяна сказал:

2-8. Ты не спрашивал меня прежде, потому я и не говорил тебе этого. Слушай же, кто такой этот мангуста с человеческим голосом. Некогда Джа-мадагни465 решил принести поминальную жертву. Жертвенная корова сама явилась к нему, и он подоил ее. Поместил он то молоко в новый крепкий чистый кувшин, но Кродха - (Гнев) во плоти перевернул этот сосуд. Возжелав испытать лучшего из святых мудрецов, подумал злоумный: "Что станет он делать, если случилась такая напасть?" Ведь (Кродха) осквернил молоко. Но отшельник, понимая, что это Кродха, не разгневался на него, и тогда Кродха во плоти, стоя со сложенными ладонями, так сказал ему: "Я побежден, о лучший из рода Бхригу! Лжива молва, (что ходит) в мире, будто страшно гневливы Бхаргавы, если я повержен тобой. Ныне стою я здесь пред тобою, великим духом, смиренным, страшась твоего подвижничества, о праведник! Смилуйся надо мной, о могучий!"

Джамадагни сказал:

9-15. "Воочию я увидел тебя, о Кродха! Ступай же бестрепетно, ибо нет на тебе отныне греха предо мной, не гневаюсь я на тебя. Да будет тебе известно, что те, которым я предназначил то молоко, - это праотцы,466 великие участью. Ступай!" После таких его слов Кродха тут же исчез, охваченный трепетом, и из-за проклятия праотцев превратился в мангусту. Пытался он их умилостивить: "Да будет положен конец проклятию!" И те сказали: "Когда ты подвергнешь хуле Дхарму, тогда и освободишься". Когда они так сказали, (мангуста) стал тайком обходить места жертвоприношений, леса дхармы467 и наконец пришел на жертвоприношение (Юдхиштхиры). Подвергнув хуле сына Дхармы из-за той пригоршни муки, освободился Крод-ха от проклятия, ибо Юдхиштхира и есть Дхарма. Вот что случилось тогда на жертвоприношении великого духом (царя). Затем у нас на глазах мангуста исчез.

Такова в "Книге о жертвоприношении коня" великой "Махабхараты" девяносто шестая глава.

ОКОНЧЕНА "КНИГА О ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ КОНЯ".

ПРИЛОЖЕНИЯ

Я. В. Васильков

«АНУГИТА» И «БХАГАВАДГИТА»: О ПРИРОДЕ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ТЕКСТАМИ

Значительная часть «Ашвамедхикапарвы» — главы 16—50 — занята текстом, традиционно носящим имя «Анугита», буквально: «То, что следует за Гитой», или «Последующая Гита». Этим названием данный текст ставится в неразрывную связь с величайшим памятником религиозной поэзии индийцев — «Бхагавадгитой» — «Песнью Господа», или, если переводить более точно: «Пропетой Владыкой / Господом [*упанишадой*]» («Махабхарата» [далее — Мбх] VI. 23—40). Поэтому специфика «Анугиты» (далее — АГ) может быть определена только в ходе сопоставления ее с Гитой («Бхагавадгитой», далее — БхГ) как древнейшим и эталонным памятником одноименного жанра.[1]

Напомним читателю, уже знакомому с основами индийской традиционной культуры, что БхГ представляет собой вдохновенную религиозную проповедь, с которой перед самым началом великой всеиндийской битвы на Поле Куру обращается к главному воителю из числа братьев-Пандавов Арджуне его друг и родич Кришна, царь племени ядавов, принявший на себя обязанности его *суты* — одновременно и колесничего (возницы), и советчика, знатока воинских преданий и правил чести. Кришна при этом является (о чем сказитель и его аудитория, а также герои эпоса то помнят, то «забывают», по правилам поэтической игры)[2] воплощением на земле верховного бога Вишну, отчего его проповедь и называется «Песнью Господа». В истории развития индуизма (как системы религиозных идей) БхГ занимает исключительно важное место.

Во-первых, древняя, восходящая к ранним упанишадам идея Санкхья-йоги о необходимости рассматривать каждый свой поступок как жертвенный акт, преломляется здесь в свете традиционных кшатрийских представлений о воинском долге и героико-фаталистической этики,[3] в результате чего воинская, царская, государственная, вообще мирская деятельность получает оправдание и высшую религиозную санкцию, а тем самым достигается примирение между требованиями прирожденного социального долга (*свадхарма*) и этическими принципами аскетизма.[4]

Во-вторых, адресатом воинского и иного служения как жертвенного акта в Гите выступает единый Бог, и не просто космическое божество, Творец и Хранитель мира, каким являлся, например, Нараяна и в некоторых до-эпических текстах, а Бог, воплотившийся на земле, в человеке по имени Кришна, что впервые в истории индийской культуры открывало верующим возможность эмоционального отношения к Богу, окрашенного прежде всего чувством самоотверженной, преданной любви (*бхакти*). Кришна-повествователь неожиданно являет Арджуне ви́дение своей «Вселенской формы» (*вишварупа*), предстает перед ним как грандиозное космическое Божество. Начиная с БхГ в индуизме всегда уже присутствует теистическая линия религиозного развития, достигшая кульминации в средние века, когда движение *бхакти* приобрело массовый и всеиндийский характер.

Однако в ходе самого повествования «Махабхараты» проповедь Гиты и явление Кришны-Вишварупы быстро «предаются забвению». По окончании великой битвы победители-Пандавы не радуются победе, которая досталась им дорогой ценой — едва ли не всемирной катастрофы, гибели цвета воинского сословия, включая почти всех близких... По логике вещей, чтобы снова обрести смысл существования в опустошенном и оскверненном мире, героям необходимо еще раз приобщиться к высшей, божественной мудрости. Потому что даже Арджуна, как он сам признается Кришне, когда они впервые после описанного в БхГ их диалога вновь сходятся для философской беседы, уже не помнит проповеди Гиты: полученное перед битвой знание вытеснено из его души психической травмой (см. в настоящем томе гл. 16, *5—7*).

Но удивительное дело: оказывается, что и сам Кришна уже не может воспроизвести прежде сказанное! «Ибо тогда я повествовал о высочайшем Брахмане, будучи погружен в йогу, — поясняет он. — А сейчас только могу поведать тебе одно древнее сказание (*itihāsaṁ... purātanam*), чтобы ты, обретя должное состояние сознания, пошел высшим путем» (гл. 16, *12—13*).

Эти приписываемые Кришне слова позволяют сделать ряд важных выводов. Прежде всего отсюда ясно, что в период, когда была создана АГ (а нет никаких сомнений, что она как единый текст в составе Мбх моложе Гиты на несколько столетий), вполне осознавалось существенное различие между этими двумя текстами. И природу этого различия древний автор определил совершенно точно.

«Бхагавадгита» — это действительно текст, связанный с традицией йоги. Она, наверное, потому и воздействует столь сильно на читателя, принадлежащего к любой культуре, потому и обладает такой властью над людьми, что ее религиозное содержание и образность непосредственно основываются на йогическом опыте, отражают интуитивное проникновение в глубинные области «коллективного бессознательного», отчего этот текст «резонирует», находит отклик во многих душах.

«Бхагавадгите» как «йогическому» тексту автор «введения» к АГ с полным основанием противопоставляет «старинное сказание», а лучше сказать — *предание*, традицию передачи уже *опосредованного* знания. Такое опосредованное знание, которое в БхГ и ряде текстов «Мокшадхармы» (далее — МД) противостоит непосредственному опыту йоги, имеет свое имя: оно называется *санкхьей*. Изначально оно было неотрывно от йоги, составляя как бы «теоретическую» фиксацию ее результатов. Привожу здесь стих из МД, прекрасно показывающий, как соотносились йога и санкхья в том древнейшем течении индийской религиозной мысли и практики, из которого выросли и БхГ, и АГ, — в неразделимой первичной *санкхья-йоге*.

> «Что прозревают йогины, тому следуют санкхьяики.
> Санкхья и йога — одно! Кто это видит, у того (правильная) буддхи».[5]
> (Мбх XII. 293.30)

Другой стих в той же «Мокшадхарме» гласит: «Йогины основываются на непосредственном восприятии, а санкхьяики — на утверждениях шастр» — *pratyakṣahetavo yogāḥ saṁkhyāḥ śāstraviniścayāḥ* (Мбх XII. 289.7ab).

Итак, неизвестные нам «редакторы» XIV книги Мбх, время деятельности которых можно предположительно отнести к концу гуптского периода,[6] хорошо сознавали, что по содержанию между «Бхагавадгитой» и «Последующей Гитой» налицо существенное различие. Это различие они формулировали как различие между текстом, отражающим непосредственный йогический опыт, и «древним преданием», причем фактически это «предание» (что очевидно каждому читателю АГ) составлялось текстами в традиции *санкхьи*.

Как ни странно, но при первом знакомстве ученых нового времени с АГ ее отличия от Гиты не привлекли внимания. Первый исследователь и автор первого перевода АГ на европейский (английский) язык, индийский ученый К. Т. Теланг, уделив много внимания датировке АГ относительно других санскритских текстов, о содержании ее заметил только, что она представляет собой «резюме» (recapitulation) БхГ и ставит целью преподать Арджуне «то же наставление другими словами».[7] Зато исследователи новейшего времени при рассмотрении АГ акцентируют именно исторические отличия ее содержания от содержания Гиты. Беда только в том, что процесс формирования этих различий они описывают диаметрально противоположными способами.

Мадхав Дешпанде в своей статье «Эпический контекст Бхагавадгиты» (***Deshpande*** 1991) формулирует отличие АГ от БхГ по содержанию следующим образом: в Гите Кришна — Бог, а в АГ — нет. По мнению М. Дешпанде, АГ отражает более раннее состояние Гиты, чем то, в котором она нам известна; АГ отталкивается от первых трех, «эпических» глав Гиты, в которых Кришна еще не воспринимался как божественный персонаж. То есть, БхГ в ее современной форме — теистический памятник, а в АГ, как и в более ранней форме Гиты, представлена не-теистическая *санкхья*. Историческая последовательность развития древнеиндийской религиозно-философской мысли в данном случае: от нетеистической санкхьи к теизму.

Совершенно иначе видит историческое соотношение Гиты и Анугиты другой современный индолог, Арвинд Шарма.[8] По его мнению, исходным для Гиты является пласт содержания, характеризуемый концепциями теизма и бхакти; что же касается АГ, то она открывает собою период не-теистической интерпретации Гиты, кульминацией которого явится позже знаменитый комментарий Шанкары (788—820) «Гита-бхашья».

Работая над переводом АГ и комментарием к нему, я пришел к убеждению, что обе точки зрения (и Дешпанде, и Шармы) имеют определенные основания, но обе несколько упрощают реальное положение дел. Соотношение между Гитой и АГ в действительности оказывается гораздо более сложным. Я попытаюсь раскрыть перед читателем это соотношение, наглядно сопоставляя содержание БхГ и содержание АГ по нескольким параметрам.

Начнем наши сопоставления с того расхождения между двумя текстами, которое всем наиболее очевидно. Гита — теистический текст, АГ — по преимуществу не-теистический. Приведу пример, с помощью которого ранее уже противопоставлялись АГ и БхГ.[9] В этих текстах использованы два варианта одного и того же формульного выражения; различаются в них лишь отдельные слова, но эти различия очень знаменательны.

В Гите (Мбх VI. 31.32—33a = БхГ 9.32—33a) читаем: «Ведь даже те, кто зачаты в грешных лонах, женщины, вайшьи и шудры, если только *они ко Мне прибегнут*, обретают высший удел; что же говорить о чистых брахманах и *бхактах — царственных риши*!».[10]

---

[1] После создания и включения в Мбх великой «Бхагавадгиты» по ее образцу были созданы и другие тексты, определяемые в жанровом отношении как *гиты* и вошедшие в поздние дидактические разделы Мбх, а также в некоторые *Пураны*. Наибольшей по объему из всех *гит* является АГ (см.: *Nilakantan* 1989. P. 6).

[2] См.: *Васильков, Невелева* 1988. С. 173, 175; *Vassilkov* 2001.

[3] См.:*Vassilkov* 1999a. С. 31.

[4] См., напр.: Sutton 2000. P. 327—328.

[5] *yad eva yogāḥ paśyanti sāṁkhyais tad anugamyate /*
ekaṁ sāṁkhyaṁ ca yogaṁ ca yaḥ paśyati sa buddhimān //

[6] В пользу такой датировки говорят некоторые исторически значимые моменты в «обрамляющих» главах «Ашвамедхикапарвы». Глава 6 (сказание о Самварте) переносит действие в Варанаси, выступающий как всеиндийский центр паломничества и, по-видимому, идеальное место для кремации умерших; всего этого не было еще в первых веках н. э. Если мое чтение стиха 29 в гл. 9 верно, то в объекте сравнения здесь фигурирует грозная богиня Чандика, проникновение которой в классический индуизм происходит никак не раньше VI—VII веков н. э. Наконец, в стихе 7 гл. 8 неестественное, искусственное сравнение Куберы с юным (утренним) солнцем (*баладитья*) содержит, возможно, льстивый намек на прозвище царя Нарасинхагупты Баладитьи, отражавшего нашествие гуннов в VI веке.

[7] *Telang* 1882. P. 197—198.

[8] *Sharma* 1978; *Sharma* 1986. P. 1—11.

[9] *Sharma* 1978. P. 265—266; *Sharma* 1986. P. 6—7.

[10] *māṁ hi pārtha vyapāśritya ye 'pi syuḥ pāpayonayaḥ*
striyo vaiśyās tathā śūdrās te 'pi yānti parāṁ gatim
kiṁ punar brāhmaṇāḥ punyā bhaktā rājarṣayas tathā

Ср. в Анугите (Мбх XIV. 19, *56—57*): «Ведь даже те, кто зачаты в грешных лонах, женщины, вайшьи и шудры, *если только следуют указанным образом дхарме* — даже они обретают высший удел; что говорить о брахманах, о Партха и о *многознающих* кшатриях, *всегда своей дхарме преданных, устремленных к миру Брахмана!*»

В Гите — «если ко Мне прибегнут», в АГ «если будут вот так следовать дхарме», причем по контексту здесь «дхарма» — это устремленность к миру безличного Брахмана и продвижение именно по пути Знания; не случайно в АГ, по сравнению с Гитой, исчезли «бхакты», а появился именно термин *бахушрута*, «многонаслышанные», то есть знатоки Предания, традиции священного Знания. Это очень показательный пример, говорящий о не-теистических предпочтениях АГ. Вообще, во всей АГ (в отличие от Гиты) нигде ни разу не упомянут Кришна, и сам Кришна-Васудева, который в конечном счете пересказывает Арджуне всю эту последовательность «вложенных» одно в другое сказаний, нигде ни разу не говорит о себе как о Боге (в таком, скажем, контексте, как вышеприведенный пример из Гиты — «если ко Мне прибегнут»).

Было бы, однако, преувеличением сказать, что АГ полностью не-теистична, что в различных приводимых здесь космогонически-космологических схемах *санкхьи* нет места Богу как таковому. В некоторых вариантах этих схем в АГ высшее начало — Великий Атман, или Пуруша, — может отождествляться с космическим Божеством: в гл. 25 — «Атман вселенной есть Нараяна»; в гл. 44 — «Начало всей этой вселенной есть состоящий из Брахмана Вишну», в гл. 40 происшедший от Непроявленного Великий Атман (по контексту также отождествляемый с Пурушей и с *буддхи*), Атман, пронизывающий собою весь мир и пребывающий в сердце каждого, — определяется именами «Вишну», «Вишварупа» и «Шамбху» (Шива). Но, конечно, одно дело, когда верховная или значительная роль в мировом процессе отводится какому-то космическому божеству (это возможно и в текстах *санкхья-йоги*, это есть уже и в *упанишадах*), и совсем другое — отождествлять высшее начало вселенной с Кришной, с Божественной Личностью, воплотившейся на земле. Вот это последнее и составляет исключительное своеобразие Гиты, а в АГ отсутствует полностью. То же, что мы находим в АГ, — «Атман вселенной есть Нараяна» — это как бы предшествовавшее Гите состояние в развитии индийского теизма.

Поскольку речь уже зашла о космологических схемах в *санкхье* АГ, или перечнях *таттв* (элементов психокосма), я должен здесь сказать, что при близком знакомстве с текстом АГ выясняется ошибочность общепринятой точки зрения, согласно которой в религиозно-философском содержании этого памятника все безусловно является по отношению к БхГ намного более поздним. АГ, так же как и сама Гита, — многослойный текст.[11] Как и целый ряд других многослойных текстов в древнеиндийской традиции, он рос от начала к концу, но имеющиеся в нем перечни таттв расположены не по хронологии (сначала — древние, потом — более поздние). Эти перечни, с одной стороны, представляли, по-видимому, разные традиции в *санкхье*, а с другой — даже в рамках одной традиции оставались в период формирования АГ еще текучими, вариативными. Если пытаться их датировать, то некоторые придется считать очень древними. Таков, например, перечень таттв в стихах 37—38 главы 35: здесь схема *санкхьи* состоит из 24 таттв. Это — Великий Атман, *авьякта* («Непроявленное»), *ахамкара, 10 индрий*, пять первоэлементов, пять *вишеш*, или тонких свойств этих первоэлементов (=*танматры*), и это, как сказано, «все ведийское знание». Пуруша тут не упомянут; либо он «вынесен за скобки», либо его вообще в этом варианте *санкхьи* нет, и тогда перед нами — не-дуалистический вариант *санкхьи*. Сходные схемы находим у Панчашикхи (в МД), Чараки и у Арада Каламы по Ашвагхоше — датировать все это можно первыми веками н. э. Есть в другой главе АГ (46, *52*) перечень таттв, в котором еще отсутствует *ахамкара*, — и это уже следует датировать временем *до* Ашвагхоши, то есть до I века н. э. В то же время чем дальше к концу АГ, тем больше в санкхьических текстах элементов, уже напоминающих классическую санкхью Ишваракришны (между 350 и 450 годами н. э.).

Возвращаясь к противопоставлению Гиты и АГ, отмечу, что наиболее резко различаются два засвидетельствованных в них мировоззрения в том, как относятся они к *деятельности* в разных видах: считают ли, что она может способствовать освобождению, или же всякая деятельность безоговорочно осуждается? В Гите, как мы знаем, господствует принцип незаинтересованного действия, совершаемого без тени заинтересованности, только ради сословного или общественного, или религиозного долга, только как жертвоприношение Богу. Такое действие Гита считает не сковывающим, не приносящим кармического плода. В АГ, хотя вопрос решается и и неоднозначно, преобладает все же принцип полного отказа от деятельности.

Второй из крупных текстов, на которые распадается АГ, это — «Беседа брахмана и брахманки» (гл. 20—34). Она начинается прямо с обсуждения проблемы деятельности. Брахманка в претензии к мужу за то, что он «сидит (неподвижно), перестал совершать обрядовые действия» (*nyastakarmāṇam āśramam*). Он ей на это отвечает, что всякое действие приносит кармический плод и что человек не может существовать, не действуя (стихи 6, 8). Это вроде бы, как в Гите (Мбх VI. 25.*8*-БхГ 5.*8*),[12] но вывод совсем иной: «Люди, лишенные *джняны*, посредством действия лишь взращивают свое заблуждение; в этом мире для воплощенных невозможно состояние бездеятельности/бескармности (*naiṣkarmyaṃ*)».[13] И потому единственный выход — уйти от этого мира внутрь себя, в озаряемое светом Атмана «обиталище, где пребывает Брахман» (по-видимому, известная «пещера сердца»), где боги и святые почитают Непреходящее / Безущербное (*tad akṣaraṃ* — см.: АГ, гл. 20, *11*). И в конце всего этого большого текста, в гл. 34, брахман говорит жене, что он бездействует, потому что деяния приковывают к этому миру, действовать нельзя, а вот путем мысли, путем Знания он сам уже достиг такого состояния, что он пронизывает собой все, что есть в мире, он сам — Царь вселенной, и брахманка может не беспокоиться — по смерти она, как его супруга, соединится с его Атманом и достигнет того, «выше чего ничего уже нет».

Итак, в АГ утверждается, что, с точки зрения джнянинов, всякое действие гибельно, и, оставаясь в теле, невозможно достичь «бездеятельности / бескармности». Единственный путь к достижению «бездеятельности» — это *санньяса*, полная отрешенность от мира, сопряженная с прекращением всяких действий. *В Гите* утверждается прямо противоположное: «От непредпринятия действий не пожинает человек бездейственности/бескармности; и не *санньясаной* (отрешенностью) вовсе совершенства (он) достигает» (Мбх VI. 25.*4*-БхГ 3.*4*). Весь контекст, в котором заключен этот стих, позволяет видеть тут полемику с требованием бездеятельности, выдвигавшимся в санкхье (джняна-йоге, см. предыдущий стих Гиты: Мбх VI. 25, *3*).

Вообще, когда читаешь в Гите пассажи, осуждающие концепцию отказа от действия (на фоне АГ), это производит такое впечатление, будто Гита ведет прямую полемику с текстом, выдающим себя за ее продолжение и написанным на несколько веков позже, чем она сама.

Вот еще один пример утверждения в АГ принципа полной бездеятельности:

> Кто привержен 'узкому пути' (*ekayāna*), кто достиг удовлетворенности, избавился от всяких мыслей и шаг за шагом отрешается от всего прежнего, — тот (поистине) становится 'бездеятельным' ⟨...⟩ Кто не совершает более действий и избавился от желаний, кто видит, что этот мир преходящ, подобен (перевернутой) ашваттхе и рождениями в круговороте сансары постоянно ввергается в заблуждение; чей разум проникнут отрешенностью (от мира), кто неусыпно оберегает себя от скверны всякого беспокойства, — тому не требуется много времени, чтобы избавить Атман от оков!
>
> (Мбх XIV. 19.*1, 8—9*).

С точки зрения Гиты, ее основного мировоззрения, такой радикальный отказ от действий представлялся бы крайне предосудительным.

Справедливости ради надо оговорить, что не всегда АГ столь категорична. Иногда в ней осуждаются лишь некоторые виды действий. Вот, например, стих (Мбх XIV. 46.*37*), который явно осуждает деятельность, определяемую термином *lokasaṃgraha*:[14]

> Пусть и сам не совершает, и других не побуждает к совершению действий, сопряженных с надеждой (на плоды), или сопряженных с насилием, или диктуемых долгом перед сообществом людей (*локасанграха*).[15]

Поразительным контрастом к этому звучат стихи из Гиты:

> Ведь именно деянием полного совершенства достигли Джанака и другие; именно поддержание-вселенной-и-общества (*локасанграху*) имея перед взором, действовать ты должен!
>
> (Мбх VI. 25.*20*-БхГ 3.*20*).

> Если не-мудрые совершают действия, будучи привязанными, о Бхарата, — то мудрый пусть действует, будучи непривязанным, желая действовать на благо человечества / вселенной (букв.: осуществлять *локасанграху*).
>
> (Мбх VI. 25.*25*-БхГ 3.*25*).

Стих АГ, от которого мы в данном случае отталкиваемся (Мбх XIV. 46.*37*), свидетельствует, что в АГ все же присутствует в определенной форме учение о незаинтересованном действии. Это можно вывести из слов *āśīryuktāni karmāṇi*; ведь если осуждаются «действия, совершаемые с надеждой (на плод)», то благими должны считаться действия, предпринимаемые без такой надежды. Конечно, какая-то форма учения о незаинтересованном деянии должна была существовать в *санкхья-йоге* задолго до Гиты. Достаточно вспомнить тот отрывок в Чхандогья упанишаде, от которого иногда ведут (как В. С. Семенцов)[16] родословную текста Гиты: уже там, в тексте VII—VI веков до н. э., мы встречаем учение Гхоры Ангирасы, учителя Кришны, о необходимости совершать каждое действие в повседневной жизни, осознавая его как акт жертвоприношения. (Там же, кстати, и учение о необходимости держать в уме правильное Знание [определенные мантры] в момент смерти, но об этом скажем дальше). То есть учение о незаинтересованном, бескармном действии очень древнее. Но, по-видимому, только в эпосе оно подверглось влиянию героического мировоззрения,[17] откуда утверждения Гиты о том, что бескармным становится деяние, совершаемое в силу героического долга, сословых воинских обязанностей, и — ради космоса или человеческого социума (*локасанграха* — Мбх VI. 25.*20*-БхГ 3.*20*). В АГ, напротив, действие, совершаемое для *локасанграхи*, подчеркнуто осуждается, как обременяющее, не ведущее к спасению. Вместе с тем термин *локасанграха* появляется в данном контексте, конечно, с оглядкой на Гиту. Здесь АГ полемизирует с Гитой, отрицая ее новшество, делая шаг назад, к традиционной концепции санкхьи.

Приведем еще один пример того, как проявляется в АГ концепция «незаинтересованного действия»:

> Кто, руководствуясь надеждой на плоды, неустанно совершает (благие) деяния, — те сперва в этом мире вкушают радость, а потом вновь и вновь перерождаются. Но те, кто, умудренные

---

[11] Еще Э. Джонстон писал в свое время (1937) о том, что АГ, хотя и является в целом текстом «поздним», в ряде случаев доносит до нас «более ранние» образцы древнеиндийской мысли (Johnston 1974. P. 6).

[12] В этих стихах БхГ говорится о том, что все живое, побуждаемое *гунами* Пракрити, непрестанно предается деятельности, которая необходима даже для элементарного поддержания жизни.

[13] *moham eva niyacchanti karmaṇa jñānavarjitāḥ /*
naiṣkarmyaṃ na ca loke 'smin maurtam ity upalabhyate // Мбх XIV. 20.7.

[14] Корень *grah-* с приставкой *sam-* (*saṃ-grah*) означает «соединять, скреплять вместе», «поддерживать», «защищать». *lokasaṃgraha* — поддержание единства и порядка: 1) в социуме, 2) в мирах (космосе). Термин изначально многозначен.

[15] *āśīryuktāni karmāṇi hiṃsāyuktāni yāni ca / lokasaṃgrahadharmaṃ ca naiva kuryān na kārayet.*

[16] См.: *Семенцов* 1986. С. 15—17.

[17] См.: Vassilkov 1999. C. 31.

и исполненные веры, без надежды (на плод) действуют, осуществляя тем самым йогу (действия), суть мудрецы, зрящие истинное благо.

(Мбх XIV. 49.*5—6*).

Это — «умеренный» вариант учения о «незаинтересованном действии», который, как мы видели, встречается в АГ, но уживается в ней с призывами к полному отказу от деятельности. Отличие учения о «незаинтересованном действии» в АГ от учения Гиты состоит в том, что *санкхья* признает бескармным просто «действие без надежды (на плод)», т. е. сопровождающееся отрешением от *личной выгоды*, тогда как Гита объявляет бескармным и спасительным действие не просто бескорыстное, но альтруистическое, направленное на исполнение долга или на благо всего мира.

В заключительной (50-й) главе АГ мы видим вновь гностическую концепцию полного отказа от действий:

Из людей самые скудоумные восхваляют деяние; люди же мудрые и великие духом деяния не восхваляют. Вследствие деяния рождается живое существо, в тело заключенное, чья природа состоит из шестнадцати (частей); а мудрость порождает Пурушу, непостижимого вкусителя *амриты*. Вот почему те, кто проникли взором в запредельное, не привержены действиям; ведь известно, что Пуруша из мудрости образован, а не из действий.

(Мбх XIV. 50.*30—32*).

Здесь, как мы видим, решительно осуждаются люди, восхваляющие деяния. Но о Гите в ее основе как раз и можно сказать, что она восхваляет (незаинтересованное) деяние. Кроме того, Гита сама решительно осуждает людей, надеющихся обрести спасение путем отказа от деяний. Из АГ мы теперь знаем, кого Гита имела в виду. Инвективы Кришны в Гите относились как раз к носителям традиции гностической *санкхьи*.

В свете всего сказанного оба подхода к АГ — и М. Дешпанде, и А. Шармы — выглядят несколько упрощающими реальную ситуацию. Дешпанде полагает, что сама Гита прежде была санкхьической, и АГ отразила это ее предшествующее, не знакомое нам состояние. Это не согласуется с той наиболее убедительной реконструкцией этапов развития Гиты, которую предлагает, опираясь на предшествующую традицию изучения памятника, М. Йежич.[18] Он полагает, в частности, что в эпическое повествование прежде всего был внедрен гимн в размере триштубх, содержавший эпизод явления Вселенской формы Вишну, т. е. теистический по содержанию. У нас нет оснований полагать, что в основе Гиты лежит текст гностической *санкхьи*, который был перелицован йогинами-теистами до неопознаваемости. Наоборот, можно с основанием говорить о том, что Гита росла как текст от первых глав — к последним, а последние главы, за исключением самого конца, — чисто санкхьические. Таким образом, искать первоначальный санкхьический текст на месте Гиты — бесперспективно. А вот то, что Гита вырастает из традиции *санкхья-йоги*[19] и что она отталкивается, полемизирует с обособляющейся традицией *санкхьи*-гносиса, — это, по-видимому, неоспоримый факт.

[18] Ježić 1979; Ježić 1986.

Арвинд Шарма (в отличие от М. Дешпанде) понимает Гиту как текст изначально теистический (бхактический), который в АГ подвергается впервые реинтерпретации, ориентированной на «знание» (*джняну*). Он видит в АГ начало той традиции *джнянинской*, не-теистической интерпретации Гиты, которая впоследствии нашла свое законченное выражение в комментарии на Гиту («Гита-бхашье») Шанкары. Но А. Шарма упускает из виду тот факт, что борьба двух традиций начинается не с АГ, а еще с самой Гиты, поскольку в ней ее специфическое учение (теизм, карма-йога и бхакти) утверждается в явном противостоянии носителям гностической *санкхьи* — т. е. прямым идейным предшественникам авторов АГ.

К сожалению, почти все исследователи АГ (да и БхГ тоже) не принимают во внимание той гипотетической картины возникновения и раннего развития *санкхьи*, которая к настоящему времени более или менее определилась в трудах историков индийской религиозно-философской мысли. Картина эта восстанавливается следующим образом. Начиная уже с периода ведийских самхит, если не ранее, в Индии существовала традиция внутренней религиозной практики, известная нам как *йога*. Точнее, следует говорить о большом многообразии исходных йогических традиций, из которых в период ранних и средних упанишад выделяется несколько основных: *дхьяна-йога* (с упором на медитативное сосредоточение, которое, впрочем, составляло практическую основу всех традиций йоги), *карма-йога* («йога действия») и среди других — *санкхья-йога*, «йога с перечислением», то есть такая йога, в которой мистическое самопогружение сочеталось со знанием (*джняна*) космологических схем, «калькуляции» (*saṃkhya* в первичном значении: «перечисление») или классификации элементов психокосма, иерархии терминологически обозначенных этапов космической эволюции, которые отчасти совпадают с этапами инволюции, возможного и желаемого восхождения человеческого духа к своему первоисточнику (с описания этих этапов, или особых состояний сознания, открываемых йогой, возможно, и началась некогда *санкхья*).[20]

[19] Уже в наиболее древних, исходных разделах Гиты встречаются упоминаемые вскользь понятия и положения, которые могут быть поняты и интерпретированы только в контексте *санкхьи* как «теоретического» аспекта древней *санкхья-йоги*. В некоторых случаях материал для интерпретации этих понятий приходится черпать из много более поздней АГ. Например, чтобы понять стих БхГ (2.*55* — «Когда оставляет желания ⟨...⟩ проникшие в сознание»), нужно знать содержание 32-й главы АГ. Как отметил в свое время Джонстон, «ядро» Гиты свидетельствует знакомство с идеями, представленными в наиболее ранних разделах «Мокшадхармы» (*Johnston* 1974. P. 85), и, добавим от себя, в ранних разделах АГ.

[20] *Hauer* 1958. P. 208—209; *Larson* 1979. P. 59.

В период, предшествовавший созданию санкхьических текстов Мбх и отчасти отраженный в них, *санкхья-йога* еще оставалась единой традицией: санкхья, индийский *гносис*, по-прежнему была неразрывно связана с йогой — *праксисом*, мистической практикой. Из йоги учение (*санкхья*, *джняна*) рождалось, йогой подкреплялось, но и сама практика йоги могла впоследствии направляться принципами учения. Как сказано в Гите: «К тому, что прозревают санкхьяики, следуют йогины. Кто видит, что санкхья и йога — одно, тот (истинно) видит» (Мбх VI. 27.*5*, по тексту комментатора Бхаскары).[21] Связь санкхьи и йоги в едином комплексе *санкхья-йоги* настолько тесна, что, как сказано в предшествующем (Там же. 27.*4cd*) стихе Гиты, «кто утвердится хотя бы в одной, обретает плод сразу обеих».

По мнению многих исследователей, изначальная *санкхья-йога* была теистическим учением[22] или, по крайней мере, допускала описание высшего принципа мироздания и конечной цели йоги как в теистических, так и в нетеистических терминах.[23] В этом нет ничего исключительного, всеобщая история религий свидетельствует, что в рамках одной традиции мистический опыт может передаваться и в теистических, и в не-теистических понятиях в зависимости, возможно, от психического склада конкретных адептов. Более того: бывает, что один и тот же мистик имеет опыт и того, и иного рода, чему в индийской традиции нового времени примером может служить Рамакришна,[24] а в христианской — Игнатий Лойола.[25]

Затем, в некий период, предшествовавший Гите (и, по-видимому, также Мокшадхарме), началось обособление *санкхьи*. Все известные контексты «Мокшадхармы» и Гиты, в которых утверждается, что *санкхья* и *йога*, различаясь как гносис и праксис, образуют тем не менее единство («*Санкхья* и *йога* — одно!»), направлены, по-видимому, на то, чтобы преодолеть это обособление. Иногда высказывается прямое осуждение тех, кто считает *санкхью* отличной от *йоги* (естественно предположить, что таковой была позиция именно санкхьяиков): «*Санкхью* и *йогу* раздельными провозглашают глупцы, а не ученые!» (Мбх VI. 27.*4ab*-БхГ 5.*4ab*).

[21] Ср. это со стихом 12, 293.30, который мы цитировали в начале данной статьи: «Что прозревают йогины, к тому следуют санкхьяики» ... Сопоставление двух вариантов одной формулы еще раз подтверждает теснейшую связь и взаимообратимость йоги и санкхьи в рамках единой *санкхья-йоги*.

[22] *Dasgupta* 1922. P. 219—221; *Edgerton* 1924. P. 11—12; *Buitenen* van 1957. P. 19.

[23] *Larson*, *Bhattacharya* 1987. P. 6.

[24] Рамакришна, согласно его биографам, имел опыт и того и другого рода. Однажды, смутив ученика вопросом, верит ли он «в Бога, который обладает формой, или в Бога, у которого формы нет», и получив ответ «Я предпочитаю верить, что Бог не обладает формой», Рамакришна прокомментировал это следующим образом: «Это хорошо. Достаточно верить в один аспект Бога ⟨...⟩ Но никогда не внушай себе, что только твоя вера истинна, а все другие ложны. Можешь не сомневаться: Бог без формы реален, и Бог, имеющий форму, тоже реален. И, поняв это, не отступайся от той веры, которая тебе ближе» (*Ишервуд* 1997. С. 291).

[25] В единственной сохранившейся (все остальные были сожжены) тетрадке личных записей, где Лойола описывал свои переживания в опытах мистического транса, засвидетельствованы случаи созерцания им Бога как безóбразной божественной «Сущности» (l'Essence divine); от этого Лойола стремился перейти к созерцанию Бога-Отца и лиц Святой Троицы (см.: *Эйзенштейн* 1964. С. 205—207).

В чем же конкретно заключалось это обособление *санкхьи* от *йоги*, вызвавшее у продолжателей древней традиции тревогу, столь явную и в Гите, и в Мокшадхарме? Здесь уже недостаточно сказать, что в *санкхье* делался акцент на знание, а в *йоге* — на практику: ведь так обстояло дело уже в древнейшей *санкхья-йоге*, остававшейся при этом единым сотериологическим комплексом. Теперь же санкхьяики (или некоторые из них), по-видимому, довели эту тенденцию до логического предела, то есть — до полного разрыва с *йогой*. Иначе говоря, путь Знания был провозглашен ими отличным от йогического и самодостаточным путем спасения.

Прежде, в единой *санкхья-йоге*, предполагалось, что адепт-йогин, сочетая самопогружение с «незапятнанным знанием», достигает момента, начиная с которого он может «когда пожелает» (т.е. уже в этой жизни, не дожидаясь смертного часа) обрести освобождение (*yadīcchati vimucyate* — Мбх XII. 289.*41*). Тексты обособившейся *санкхьи*, и в том числе — некоторые тексты, сохраненные для нас «Анугитой», описывают процесс достижения освобождения совершенно иначе:

Йога характеризуется активностью, а *джняна* — отрешенностью (*санньясой*). Поэтому человек, обладающий (правильной) *буддхи*, поставив *джняну* превыше всего, да отрешится от мира. Отрешенный и обретший Знание, он удостоится высшей участи, по смерти своей придя туда, где превзойдены тьма, старость и смерть, где нет более никакой двойственности.

(Мбх XIV. 43.24—25).

Здесь особенно следует отметить слово *atīta* — «по смерти», свидетельствующее, что речь идет о специальном *санкхьическом*, *джнянинском* методе спасения — о спасении благодаря правильному знанию в момент смерти. Противопоставить этому можно уже цитированный стих Гиты (Мбх VI. 25.*20*—БхГ 3.*20*), который, как мы видели, направлен прямо против точки зрения, представляемой АГ: в нем, со ссылкой на пример царя Джанаки и других древних мудрецов, отрицается как раз возможность достижения совершенства путем *джняны* и *санньясы*.

Еще один пример из АГ:

***Индрии и предметы индрий, пять великих элементов, манас, буддхи*, Атман, Непроявленное и Пуруша — все это перечислив и правильно осуществив отрешенье,** незапятнанно-чистый подвижник обретает небо и освобождается от всех уз. Искатель истины, **в свой смертный час все это (мысленно) перечислив,** пусть предастся внутреннему созерцанию, всецело сосредоточившись на одной точке, — и тогда (сам), **без всякой опоры,** он достигнет Освобождения! Свободный от всех привязанностей, как Ветер, гуляющий в мировом пространстве, он, износивший свою оболочку, приходит в Высшую Обитель.

(Мбх XIV. 46.*52—55*).

В этих стихах описан путь к освобождению, предлагаемый *джняной*, путь, отличный от пути собственно йоги (пути самопогружения и созерцания Ат-

мана в «пещере сердца»). Здесь утверждается самодостаточный «путь Знания», на котором самое главное: «интериоризировать», ввести в сознание «счисления» *санкхьи*, перечни *таттв* настолько прочно, чтобы это знание **в момент смерти** автоматически срабатывало и магической силой обожествляемого Знания приводило к Освобождению. Это — достаточно древняя идея в *санкхье* (в ЧхУп учитель Кришны Гхора Ангираса уже настаивает на том, что надо в момент смерти держать в уме определенные понятия). Но в йоге Гиты — акцент не на Знании, получаемом из традиции, а на индивидуальном опыте внутреннего созерцания. Для обособившейся *санкхьи* (гносиса) роль йоги сводится к «психотехнике», техническим моментам внедрения в психику нужного Знания.

Другим примером могут служить стихи из «Мокшадхармы» (Мбх XII. 289.*4—5*), где санкхьический путь спасения описан следующим образом: если еще при жизни, в этом мире «изучив все пути» (*vijñāye 'ha gatīḥ sarvān*), отрешиться от объектов восприятия, то *в момент смерти* (*ūrdhvaṃ ... dehāt*) достигается Освобождение.

В цитированном стихе АГ (Мбх XIV. 46.54) примечательны слова: «тогда ... **без всякой опоры,** он достигнет Освобождения» (*mucyate 'tha nirāśrayaḥ*). Какая опора имеется в виду? Речь идет, скорее всего, о помощи Ишвары (Бога). Процесс йогического самопогружения в *санкхья-йоге* мыслился делом чрезвычайно опасным. В йогическом тексте «Мокшадхармы» описываются великие трудности на пути йоги, пребывание на нем сравнимо с хождением по лезвию бритвы (Мбх XII. 289.43—54). Путеводной нитью должно было служить Знание, удержание в памяти всего набора *таттв* (санкхьический аспект *санкхья-йоги*), но было и нечто не менее важное. Успех на пути йоги считался возможным лишь при обращении к помощи Ишвары, особенно в той отчаянной ситуации, когда необходимо было совершить прорыв из тупика телесности и посюсторонности — в запредельное; причем хорошо осознаваемой и реальной альтернативой являлась смерть или безумие. Здесь психологически требовалось обрести поддержку высшей силы, чтобы осуществить практически невозможное. В первом же тексте философской йоги — «Йога-сутрах» (далее — ЙС) Патанджали (датируется между II веком до н. э. и IV веком н. э.) говорится о том, что Бог может ввести йогина в высшую ступень созерцания — *самадхи*, если только йогин осуществит акт полного вручения себя воле Ишвары (*īśvarapraṇidhāna*, ЙС I, 23; II, 45).

Такая роль Ишвары не очень вписывалась в общую систему философии *йога*, во многом воспроизводившую построения не-теистической философской *санкхьи*, но, как проницательно указал М. Элиаде, Патанджали в данном случае отталкивался от «опытной данности»: йогины и в самом деле постоянно призывали Ишвару.[26]

[26] *Eliade* 1990. P. 75—76.

С Ишварой некоторым образом соотносились *мантры*, использовавшиеся йогинами, а главная из них, священный слог *Ом*, считалась Его обозначением.[27] Связь йогической практики и использования в ней мантр с почитанием личного и личностного бога, коим чаще всего выступал Рудра-Шива, или Нараяна, может быть прослежена вплоть до духовной практики протойогинов-ватьев ранневедийского периода.[28] При этом какое бы личное имя ни носил бог, поддерживающий, направляющий йогина и дарующий ему спасение, он определялся термином *Īśvara*-«Владетель», «Тот, кто владеет (счастливой долей)» (от корня *iś* — 'владеть', 'обладать', 'располагать', 'повелевать')[29] и, соответственно, тот, кто может оказать милость, послать удачу, бог индивидуальной судьбы. Слово *Īśvara* и стало со временем обозначать в индуизме Бога в монотеистическом понимании, т. е. прошло тот же путь семантического развития, что и его синоним: слово *Bhagavat* 'Обладатель / Ниспосылатель (счастливой) доли' (*Васильков* 1996).

В недавней статье, посвященной историческим взаимоотношениям между *санкхьей* и *йогой*, Петер Шрайнер высказал предположение, что ранние санкхьяики, а конкретно: авторы санкхьических текстов в Мбх, были, несомненно, людьми, причастными к йогической практике, но не преуспевшими в ней, теми, кого Кришна в Гите (Мбх VI. 28.*41*-БхГ 6.*41*) именует *yogabhraṣṭa* — сорвавшимися вниз с крутой тропы йогического восхождения, не достигнув того желанного уровня, «откуда более не возвращаются». Это — «не (прирожденные) подвижники» (*ayatiḥ*, Мбх VI. 28.*37*-БхГ 6.*37*), люди, оказавшиеся не в силах вынести напряжение сверхчеловеческого сосредоточения и позволившие своему *манасу* отклониться от цели, вообще склонные не к мистической практике, а к интеллектуальной деятельности.[30] Гита вполне сознает, насколько нереально для большинства людей достижение освобождения уже в этой жизни, как труден путь йоги, преуспеть на котором могут лишь единицы из многих тысяч. Поэтому Кришна утешает йогинов-неудачников, обещая им, что достигнутое на пути йоги не пропадает, в новом рождении они начнут не с нуля, а с того уровня, которого достигли в этой жизни, а в награду за проявленное рвение и благочестие новые условия могут оказаться много более благоприятными, чем нынешние (Мбх VI. 28.*40—45*-БхГ 6.*40—45*).

Однако в реальности интеллектуальные йогины-неудачники не были, по-видимому, склонны дожидаться новых рождений, чтобы снова вступить в них на страшную стезю, требующую каждодневной отдачи всех духовных сил и чреватую для них, возможно в силу несоответствия их психического склада поставленной задаче, новым поражением. Интеллектуальная гордыня и ощущение себя обладателями драгоценного Знания, которое недоступно «примитивным» йогинам-практикам, побуждали их найти какой-то обходной путь к цели.

И они, как уже говорилось выше, по-видимому, нашли для себя такой путь, на котором главным средством для достижения цели было как раз то, чем они превосходно владели, — знание санкхьических перечней таттв. Это был путь, где йога служила лишь средством «интериоризации» Знания, которое должно было затем автоматически сработать в психике в момент естественной смерти; путь, на котором, как в медитации раннего буддизма, все решал «знаниевый» элемент — гносис.[31]

Но если в деле спасения все могут решить Знание и воля его ученого обладателя, то зачем нужен Ишвара? И это, видимо, основная причина, или, по меньшей мере, одна из причин, почему представители древнейшей *санкхьи*, оторвавшейся от *санкхья-йоги*, не находили место Богу в своей системе. Если санкхьяики считали возможным достичь Освобождения в момент смерти только за счет Знания, «без всякой опоры» на Ишвару, то в полемике с ними йогины восклицали: «Безбожник может ли достичь освобождения!» (*anīśvaraḥ kathaṃ mucyed*, Мбх XII. 289.*3*).

Учение «Бхагавадгиты» — это великое реформаторское учение, в том смысле, что оно ставило целью вернуться на новом уровне к первоосновам традиции. Гита, как говорилось выше, призывает отпавших санкхьяиков к возвращению на изначально единый путь *санкхья-йоги*, к признанию спасительности действий (как духовного труда йоги, так и незаинтересованной деятельности в миру), к восстановлению почитания Ишвары. Для тех, кто не способен к сверхчеловеческим усилиям йоги, Гита предлагает собственные варианты «обходного» пути: это и незаинтересованное деяние, и путь *бхакти*. А неудачников на пути йоги Кришна, как отмечалось выше, утешает, что затраченные ими усилия не будут напрасны.

Традиционная индийская культура обладает одной важнейшей особенностью, которой предопределялась судьба любого реформаторского учения. Новое в индийской культуре никогда не отменяет и не искореняет старого, а лишь «наслаивается» на него, начинает жить параллельно с ним.[32]

Со временем старое облекает новое своими смысловыми оболочками, традиционными реинтерпретациями. Так случилось в древности с буддизмом, а в Новое время — с учениями великих индуистских реформаторов XIX века.[33]

Сходной была и участь учения БхГ. Санкхьическая реинтерпретация Гиты очевидна уже в ее последних шести главах (кроме самого конца): они близки некоторым текстам АГ и наиболее позднему слою содержания «Мокшадхармы».[34]

[31] См.: *Лысенко* 1994. С. 183—193.
[32] См., напр.: *Vassilkov* 1995. P. 255.
[33] Об этом см.: *Рыбаков* 1996. С. 374—375.
[34] *Johnston* 1974. P. 85.

[27] *Rukmani* 1999. P. 737.
[28] *Hauer* 1932. P. 1—13; *Hauer* 1958. P. 48—94; *Larson* 1979. P. 57—59.
[29] *Minor* 1991. P. 149; *Васильков* 1996a.
[30] *Schreiner* 1999. P. 776.

АГ знаменует собой кульминацию санкхьического реванша в отношении БхГ. Она свидетельствует, что несколько веков спустя после создания Гиты некие индийские мыслители, достаточно авторитетные для того, чтобы их текст оказался включенным в ставшую уже священной книгой индуизма «Махабхарату», совершенно игнорировали специфику учения Гиты, особенно ее антисанкхьические выпады, и воспринимали ее в целом как санкхьический текст, «продолжение» которого они видели в АГ.

Но осталась ли *санкхья* после БхГ такой, какова она была в момент создания этого реформаторского текста? Прошла ли проповедь Гиты мимо ушей санкхьяиков? Априорно мы могли бы сказать, что столь влиятельный текст, идеи которого с момента его создания неизменно присутствовали в поле индийской мысли, а в средневековье стали основой для мощнейшего, уже теистического реванша, нельзя было проигнорировать.

И действительно, после БхГ обособленная *санкхья*, по-видимому, отказалась от некоторых крайностей своей начальной фазы. Если, например, в поздней, «санкхьической» части Гиты мы встречаем учение об освобождении через гносис («Кто так знает Пурушу и Пракрити вместе с ее гунами, даже где угодно пребывая — более не рождается» БхГ 3.*23*), то далее говорится, что познать Атман можно также путем созерцательной йоги и йоги действия. Кроме того, вышеприведенную фразу («даже где угодно пребывая — более не рождается») можно понять так, что она предполагает идею достижения освобождения не в момент смерти, как у первых санкхьяиков, а уже в этой жизни, йогическую концепцию «прижизненно освобожденного» (*дживанмукта*). Эта концепция проявляется, пока еще без употребления самого термина, и в первом тексте классической философской *санкхьи* — «Санкхья-карике».[35]

Сходным образом изменяется, по-видимому, после Гиты и отношение *санкхьи* к теизму. Выше говорилось о присутствии определенных теистических элементов в тексте АГ. Упоминалось и о роли Ишвары в «Йога-сутрах», первом трактате философии *йога* (которую иногда традиция определяла как «санкхью с Ишварой» — *seśvarasāṃkhya*). Но недавними исследованиями выявлено, что существование Ишвары и определенная его роль в деле Освобождения признавались некоторыми течениями даже внутри самой *санкхьи*.[36]

Вернемся теперь к исходной проблеме исторического соотношения между БхГ и АГ. В концепции М. Дешпанде (*Deshpande* 1991) есть зерно истины: древнейшее «ядро» Гиты действительно содержит некоторые идеи, общие с АГ, только они представляют собой не остаток древнейшего «санкхьического» текста Гиты, а общее для Гиты и Санкхьи наследие древней Санкхьяйоги, в целом же первооснова Гиты имеет, скорее, антисанкхьическую

[35] СК 67. См. также: *Larson, Bhattacharya* 1987. P. 163; *Rukmani* 1999. P. 743.
[36] *Bronkhorst* 1983; *Hattori* 1999. P. 612.

направленность. Противоположная концепция А. Шармы,[37] верно намечая основную тенденцию в столетия, последовавшие за созданием Гиты: нарастание не-теистического, гностического миропонимания, упускает из виду то обстоятельство, что история взаимоотношений Гиты и *санкхьи* не началась с теистической проповеди Гиты: эта проповедь очевидно явилась реакцией на не-теистический гностицизм как новооткрытый путь спасения, характерный для обособившейся *санкхьи*. Короче говоря, взаимоотношение Гиты и Анугиты — этих двух сложных, многослойных текстов — при ближайшем рассмотрении оказывается очень непростым и отражающим многовековую историю взаимодействия и противостояния, диалога и взаимоотторжения между двумя индийскими духовными традициями: практикующих мистиков-йогинов и гностиков-санкхьяиков — быть может, первых «чистых интеллектуалов» в истории древнеиндийской культуры.

[37] *Sharma* 1978; *Sharma* 1986. P. 1—11.

ра,[4] устраивая своего рода «собирание земель» после победы Пандавов в великой всеиндийской битве.

Обстоятельность описания царского обряда жертвоприношения коня позволяет сделать некоторые выводы относительно его роли в системе эпического мировосприятия. Развернутость изображения любого объекта в «Махабхарате» прямо пропорциональна его значению для идейного содержания текста в его наиболее существенных составляющих, и в этом сказывается определенная зависимость между стилистикой (в данном случае — подробностью описания) и идейной средой памятника. Недаром перипетии восемнадцатидневной битвы занимают большой объем эпического текста — четыре книги, тогда как 15-летний период благополучного правления Юдхиштхиры после битвы почти не затронут описанием как «свёрнутое» время.

При описании обрядовых действий эпический текст постоянно ссылается на традицию — vidhi,[5] фиксирующую основные черты классической *ашвамедхи*, которая воспроизводит ряд черт весьма древнего мировоззрения, сочетая в себе характеристики жертвоприношения сомы и животного жертвоприношения с приметами, свойственными культу плодородия. Самое древнее упоминание практики *ашвамедхи* можно обнаружить в гимнах «Ригведы» (I. 162, 163),[6] а более подробные сведения — в «Шатапатхабрахмане», «Ваджасанейи-самхите» и шраута-сутрах.[7]

Жертвоприношение коня, сложный обрядовый комплекс, требующий, согласно свидетельствам ведийских текстов, огромных материальных затрат, совершается могущественными царями, претендующими на суверенную верховную власть. Отметим, что в эпосе и Рама, и Кришна, и Юдхиштхира обращаются к этому жертвоприношению *после* победы над соперником, подтверждая тем самым свой статус победителя.

Суть ритуала состоит в том, что после тщательной подготовки специально отобранный конь выпускается на волю, сопровождаемый вооруженным отрядом во главе с царем (или его сыном), и, куда бы конь ни пришел, властитель той страны должен либо подчиниться царю-жертвователю, либо же вступить с ним в бой. По прошествии года, в торжественной обстановке, в присутствии всех покоренных царей совершается обряд заклания коня, и затем царь, устроитель жертвоприношения, щедро одаривает прибывших на жертвенный обряд и, в первую очередь — жрецов-брахманов.

[4] Торжественное и богатое жертвоприношение Марутты служит образцом для Юдхиштхиры (о Марутте см. в данной книге гл. 4—10).

[5] Я. Гонда толкует часто используемое в данном контексте наречие yathāvidhi как в более узком смысле — «сообразно предписаниям грихья-сутр», так и в более широком — «в соответствии с правилами, обрядами или обычаями», т. е. в свете норм традиционного поведения (см.: *Gonda* 1977. P. 555, 624).

[6] Русский перевод Т. Я. Елизаренковой см.: Ригведа 1989. С. 196—200. Римская цифра означает здесь номер мандалы, книги «Ригведы», арабские (после точки) — номера гимнов.

[7] Данные о классической *ашвамедхе* см.: *Эрман* 1980. С. 134; *Васильков* 1996. С. 70—71; *Dumont* 1927.

С. Л. Невелева

ЭПИЧЕСКАЯ АШВАМЕДХА

Описание ритуального комплекса *ашвамедха* в книге «О жертвоприношении коня» занимает сравнительно небольшую ее часть — главы 70—93, однако значение этого фрагмента повествования, давшего название всей книге XIV «Махабхараты»,[1] чрезвычайно высоко. Именно здесь содержится немаловажная историко-культурная информация, необходимая для изучения сложной сферы древнеиндийской обрядности и ее изображения в эпическом памятнике с присущей ему уникальной прозрачностью мифо-ритуальных связей.

Подробное описание *ашвамедхи* в ведийских текстах дополняют более или менее подробные эпические и пуранические данные. Так, в «Рамаяне» отец Рамы — бездетный царь Дашаратха совершает жертвоприношение коня с целью обретения сыновей (I. 11—15), а герой Рама — по возвращении с Ланки, после победы над ракшасом Раваной, дабы упрочить свою власть (VII. 82—89). Более поздняя версия *ашвамедхи* Рамы получает отражение в «Падмапуране»,[2] материал которой интерпретируется в свою очередь с идейных позиций *бхакти* в «Джайминибхарате» (≈ XI—XIII века).[3] В «Махабхарате» тот же обряд совершает Кришна после победы над демоном Наракой, а также цари Наль, Джанака, Панду и др. Сокрытые в Гималаях богатства царя Марутты, оставшиеся после его *ашвамедхи*, использует по совету мудреца-риши Вьясы для собственного жертвенного обряда царь Юдхиштхи-

Что касается места *ашвамедхи* в композиции эпоса, то тут примечательны обстоятельства, при которых возникает идея — совершить жертвоприношение коня. Надо сказать, что весь основной сюжет «Махабхараты», почти все значимые события в биографии ее героев умещаются в промежутке между двумя важнейшими царскими ритуалами — посвятительным (*раджасуя*) и «послепобедным», финальным для рода (*ашвамедха*).[8] Юдхиштхира испытывает глубокое горе после прощания с павшим родичем Бхишмой (конец кн. XIII): ушел в иной мир последний герой старшего поколения, общий предок Пандавов и кауравов, ввергшихся в братоубийственную распрю из-за престола.[9] Победа не радует Юдхиштхиру, и тогда риши Вьяса указывает царю средства, как избавиться от греха братоубийства, а среди них, наряду с жертвоприношением (kratu) и подвижничеством (tapas), немаловажное место занимает dāna — ритуальное поднесение даров (3, *3—10*).

Таким образом, цель «тройной *ашвамедхи*» Юдхиштхиры — искупительная и состоит в том, чтобы снять грех убиения родичей (90, *14—15*).[10] И хотя обращение к ритуалу *ашвамедха* мотивируется в данном случае чисто эпическими причинами, его значение вполне соотносится с заявленным рядом более поздних, нежели ведийские, текстов: *ашвамедха* есть таинство искупления.[11]

По утверждению А. Хильтебейтеля, в «Махабхарате» *ашвамедха* в основном ассоциируется с освобождением от греха. Так, в «Шантипарве» говорится о том, что Пандавам за их грехи угрожает падение в Нараку (индуистский вариант ада) и в качестве средства искупления также называется *ашвамедха* (XII. 33, *11*).[12] При этом образцом для Юдхиштхиры, на который указывает риши Вьяса, служит жертвоприношение коня, совершённое богами по совету Вишну для Индры после его победы над демонами Вритрой и Вишварупой и возвращения царства, отнятого царем Нахушей (ср. время отправления этого ритуала в эпосе — после победы над противником). По совершении этого обряда Индра — pūtapāpmā, т. е. «очистившийся от греха»,[13] и, таким образом, здесь также очевидно искупительное назначение *ашвамедхи*.

[1] Названия книг (parvan) «Махабхараты» полностью лишены метафоричности, отражая важнейшие, с точки зрения эпической традиции, моменты содержания: так, книга I, «Адипарва» — «Книга Начала», включающая мифологическую предысторию событий; книга II, «Сабхапарва» — «Книга о Собрании», где завязывается узел дальнейших событий; книга III, «Араньякапарва» — «Книга Лесная», повествующая о лесном изгнании Пандавов, героев эпоса, и т. д. Не составляют исключения и батальные книги эпоса («Бхишма-», «Дрона-», «Карна-» и «Шальяпарва»), названные по именам полководцев: центральные эпизоды этих книг — гибель героев-воинов из стана кауравов, соперников Пандавов.

Полные выходные данные приведенных здесь и далее литературных источников см. на с. 283—292. Здесь, в этой статье, при цитировании «Махабхараты» римская цифра означает номер книги, первая арабская — номер главы, далее, после запятой и курсивом — номера стихов. При ссылке на данное издание, т. е. кн. XIV, в скобках указываются только номера глав и стихов.

[2] *Koskikallio* 1999. P. 227—244.

[3] *Karmakar* 1960. P. XXIII—XLVI; *Koskikallio* 1993. P. 111—119.

[8] Жертвоприношение коня в книге XIV совершается в пограничное время — между Двапарой и Калиюгой. Поскольку в последнюю югу *ашвамедха* невозможна (см.: *Koskikallio* 1994. P. 257—258), для эпоса это «прощальный» также и в космическом плане обряд. О роли этого ведийского жертвоприношения для эпической космологии говорит и тот факт, что Калкин Вишнуяшас восстанавливает Критаюгу, Золотой век, в процессе совершения *ашвамедхи* (III. 189, *1—2*).

[9] Ср. в плане «утешительной» функции обряда паломничество Пандавов к тиртхам в книге «Лесной», когда они предаются тоске по удалившемуся на небеса за оружием Арджуне (Махабхарата 1987. С. 170—312).

[10] Примирительная функция этого обряда вполне укладывается в логику эпических событий: с помощью *ашвамедхи* царю покоряются в том числе и потомки поверженных соперников-кауравов.

[11] Ср. *Gonda* 1969. P. 100.

[12] См.: *Hiltebeitel* 1976. P. 291—293.

[13] Эпический сюжет следует здесь версиям «Тайттирия-самхиты» и «Шатапатха-брахманы» (см.: *Hiltebeitel* 1976). Я. Гонда также ссылается в этой связи на текст «Шантипарвы» — XII. 65, *2* (см.: *Gonda* 1969. P. 100). См. также: Махабхарата 1976. С. 28.

Обращаясь к «Рамаяне», Р. П. Голдман[14] подчеркивает, что в *ашвамедхе* Дашаратхи смешаны по крайней мере два типа обрядов: во-первых, царское жертвоприношение коня под руководством жреца и, во-вторых, обряд putrakāmeṣṭi, связанный с желанием обрести сыновей и осуществляемый под наблюдением риши Ришьяшринги. А. Хильтебейтель, в частности, отмечает, что ведийская *ашвамедха* в качестве одной из своих целей имеет воплощение идеи плодородия, что ясно прослеживается в ритуально-символическом соитии царицы с принесённым в жертву конем.[15] Так что и в этом отношении богатая ведийскими деталями *ашвамедха* в одной из начальных книг «Рамаяны» не противоречит классическому образцу, отличаясь, однако, по своим задачам от обряда, который вершит Рама, сын Дашаратхи, в конце эпической поэмы. Совершаемое Рамой жертвоприношение, во-первых, по специфичному (как выясняется, не только для эпоса) местоположению в сюжете — после победы в битве с недругом, во-вторых, по своей основной цели — укрепить суверенную власть царя и, в-третьих, по искупительной направленности — Рама считает себя виновным в грехе брахманоубийства[16] — обнаруживает явное сходство с *ашвамедхой* Юдхиштхиры в «Махабхарате», выявляя, таким образом, типовые черты этого ритуала, включённого в сюжет эпического памятника.

К числу главных действующих лиц обрядовой церемонии принадлежит Юдхиштхира — царь-яджамана (жертвователь), на чьи средства и по заказу которого совершается ритуал. Он — dīkṣita, т. е. тот, кто принимает предварительное посвящение для отправления «классического» *шраута* (т. е. ведийского) ритуала.[17] Как в «Махабхарате», так и в «Рамаяне» подчеркнуто строгое разграничение функций между царем и жрецом, отмеченное, в частности, Я. Гондой.[18] Юдхиштхира совершает ритуальное очищение (avabhṛtha),[19] надевая, как и положено по обряду, новые одежды; на нем — золотая гирлянда, золотое ожерелье, нарядное одеяние, черная оленья шкура, в руке его — жезл (72, *4—5*), и сам он подобен Праджапати на жертвенном обряде (... prajāpatir ivādhvare).[20] Иными словами, начальная позиция Юдхиштхиры — перед отправлением ритуала соответствует «классическому» канону.

Даже столь краткая характеристика главных действующих лиц, причастных к отправлению жертвенного обряда *ашвамедха*, ясно указывает на наличие сложного комплекса идей: здесь и «доклассический» ритуальный обмен, и ассоциации с «классическим» *шраута*-ритуалом, а также сравнительно поздние индуистские представления, связанные с понятием дхармы и личностью наставника-гуру.

Структура сюжета эпической *ашвамедхи* представляет собой соположение двух содержательных блоков: это, во-первых, годичный поход Арджуны, младшего брата царя-яджаманы, вслед за конем и, во-вторых, собственно жертвоприношение, включающее обустройство жертвенной площадки, заклание жертвы, вручение царём даров устроителям обряда — жрецам-брахманам (*дакшина*) и щедрое одаривание всех присутствующих (*дана*).

Назначенный Вьясой сопровождать и охранять коня, Арджуна предстаёт воином-лучником во всеоружии, готовым к бою (72, *8*), его сопровождают представители трех высших варн (72, *18*; очевидно, эта картина несет следы проводов воинского отряда в «классической» *ашвамедхе*). Арджуна принимает посвящение (*дикша* — 82, *30*), и этот фрагмент сюжета о воинском походе Пандавы подчеркивает ритуальное значение его битв с противником. Однако в «Махабхарате» обрядовый смысл воинского похода оказывается затемнённым, тогда как на первый план выходит батальный аспект его содержания.[25] Это подтверждается и включением в композицию данного фрагмента таких жанров, как панегирик и плач. Не останавливаясь на столь характерном для воинского эпоса с самых начал его существования жанре, как плач (см., например, в данной книге плач Читрангады после якобы-смерти Арджуны — гл. 79 и царевича Бахруваханы по нему же, своему отцу, — гл. 80), обратимся к панегирику, разделяющему с плачем некоторые черты (такие, как прославление героя), но, естественно, имеющему принципиально иную тональность и назначение. Панегирик Вьясы, адресованный Арджуне (71, *14—18*) и содержащий перечисление достоинств воина, сохраняет элементы воинской магии, долженствующей способствовать наращиванию мощи того, кому уготована битва с противником (ср. 72, *9—16*: панегирик, вложенный в уста горожан во время проводов Арджуны в поход).

В прославлении героя Вьясой особый интерес представляет сравнение Пандавы с Антакой, богом смертного часа, тождественным иногда богу смерти Яме. Вьяса упоминает о прошлом деянии Арджуны, когда тот явился Антакой для демонов-ниватакавачей («в непробиваемых панцирях»), и в этом сопоставлении, имеющем суггестивно-эвокативное значение — побудить воина вновь осуществить такой же геройский подвиг, просматривается намёк на демонскую природу его противника.[26] (Напомним, что кауравы и, следовательно, их союзники, в эпосе ассоциируются с демонами, тогда как Пандавы — с богами). И эта ассоциация, связанная с демоноборчеством Арджуны, позволяет также усмотреть в нем проекцию образа его отца — царя богов, бога-воителя Индры. Эту мысль эксплицитно подтверждают другие сравнения — например, битвы Арджуны с соперником и боя Индры с Вритрой (*75, 1*), лука Гандивы — с оружием бога (73, *23*), стрел Арджуны — с ваджрой (73, *29*; 78, *27*), их ливня — с дождем, посылаемым владыкой богов (76, *27*).

Без сомнения, Арджуна во время своего военного похода берет на себя функции царя. Он — dhurāṁdhara (89, *15*), «держащий бразды (власти)», его называют Джая, Виджая, именами, образованными от корня «побеждать» (ср. замечание Я. Гонды о том, что древнеиндийский царь должен быть vijigīṣu, т. е. «стремящимся к победе»).[27] Однако если в «Рамаяне» царь Рама — это авата́ра Вишну, то в «Махабхарате» идеальный царь Арджуна и авата́ра этого бога Кришна разделены.[28] И тем не менее образ эпического героя Арджуны оказывается усложнённым благодаря его тесной мифологической связи как с Кришной, так и с Индрой.

Коня, которого сопровождает Арджуна (ни о каком «отряде» далее не говорится), выбирают по повелению того же Вьясы колесничие-*суты* и брахманы, знающие науку о конях (71, *5*); это конь особого окраса — kṛṣṇasāra, «преимущественно чёрный» (72, *7*). Постоянное определение его — «ступающий вольно», «по своему желанию» (yathākāmam — 71, *12*; 77, *45*; 82, *31*; kāmacara, kāmacārin — 71, *13*; 77, *43*; 84, *2*; 86, *1*; yatheṣṭam, yatheṣṭena — 77, *45*; 83, *29*), однако в тексте сразу же отмечено, что конь движется по кругу *прадакшины* (72, *21*), что означает ритуальное обхождение объекта по движению солнца, слева направо. Можно заключить, что «вольность» движения жертвенного коня здесь — лишь дань традиции описания «классической» *ашвамедхи*, традиции, закрепленной в постоянном эпитете, важнейшем средстве изобразительности в древнеиндийском эпосе. Тот факт, что этот эпитет используется вне логики контекста,[29] только подчеркивает его постоянный, «вневременный», внеситуативный характер.

Направление движения коня — с севера на восток (72, *21*),[30] также возвращает ассоциации эпической традиции к «классической» *ашвамедхе*. Подробная география похода-*прадакшины* Арджуны, развёртываемая в рамках

Риши Вьяса, брахман, которому традиция приписывает, наряду с разделением на четыре части некогда единой Веды, создание «Махабхараты», в «Книге о жертвоприношении коня» выступает как главный жрец *ашвамедхи*. Пандавы, отправившиеся по его совету за богатствами в Гималаи, по возвращении в Хастинапуру получают от Вьясы разрешение на *ашвамедху* (70, *15*).

Вьяса же устанавливает время для посвящения-*дикши* царя Юдхиштхиры — полнолуние месяца Чайтра[21] (71, *4*), назначает Арджуну сопровождать коня (71, *14—17*), самолично выпускает его на волю «согласно шастрам» (śastravidhinā — 72, *3*), и далее под наблюдением Вьясы совершается весь обряд. Общий предок Пандавов и кауравов, Кришна Двайпаяна Вьяса является эпической параллелью Брахмы-Праджапати (ср. именование и того, и другого: pitāmaha — прародитель).[22]

Совершенно особая роль при отправлении жертвенного обряда *ашвамедха* принадлежит Кришне, родственнику и союзнику Пандавов. (Именно на значение этого образа делает упор «Джайминибхарата», созданная по мотивам данного фрагмента книги «О жертвоприношении коня» под влиянием идей *бхакти*). К Кришне обращается Юдхиштхира: «Прими посвящение как наш высочайший гуру! Если тобой... будет вершиться то жертвоприношение, я стану безгрешен, ибо ты — вся жертва нетленная, ты — дхарма, ты же — Праджапати» (70, *21*). Это богатое разного рода смыслами высказывание, сравнимое по прославительной тональности с кратким гимном, указывает, во-первых, на прямую идентификацию Кришны с Праджапати как божеством «классической» *ашвамедхи*; при этом Кришна в известном смысле разделяет функцию главного жреца-брахмана с Вьясой. Во-вторых, продолжающаяся линия отождествлений позволяет усмотреть в словах яджаманы — «ты — ...жертва» апелляцию к образу Вишну, авата́рой которого является Кришна: уже в Брахманах начинается идентификация Вишну с жертвоприношением.[23]

После восхваления Юдхиштхирой Кришны тот дает разрешение на обряд (ещё один штрих, сближающий Кришну с Вьясой в функции главного жреца жертвоприношения) и заявляет: «Всё сделаю я для тебя» (sarvam kartāsmi te — 70, *24*). Налицо, таким образом, «ситуация обмена» в её эпическом осмыслении: бог воздает герою за то, что тот восславил его.[24]

---

[14] См.: *Hiltebeitel* 1993. P. 32—33.

[15] Там же.

[16] *Koskikallio* 1999. P. 228.

[17] Статьи Й. С. Хистермана, который, реконструируя «доклассическую» систему общественных ритуалов, ввёл эту терминологию, см.: *Heesterman.* 1985. О термине dīkṣita в связи с посвятительными обрядами см.: *Семенцов* 1981: С. 59, 90, 122. Ср.: *Gonda* 1969. P. 56.

[18] См.: *Gonda* 1969. P. 71.

[19] О специальной ритуальной терминологии, которой изобилует текст, касающийся собственно жертвоприношения коня, см.: *Sen* 1982.

[20] Последнее сравнение очень важно с точки зрения ведийских аллюзий в описании эпосом комплекса *ашвамедхи*. Консерватизм содержания эпических сравнений, которые воспроизводят весьма древние мифо-ритуальные идеи (см. об этом: *Невелева* 1991. С. 114), позволяет усмотреть здесь ассоциацию с важнейшей чертой ведийского ритуала *ашвамедхи* — его связью в космическом плане с фигурой Праджапати, Бога-Творца (см.: *Семенцов* 1981. С. 54, 55).

[21] Месяц Чайтра соответствует марту-апрелю, началу древнего календарного года, на которое в древности приходились главные общественные торжества. Таким образом, и в календарном плане *ашвамедха* в «Махабхарате» занимает рубежное, пограничное положение.

[22] См.: *Sullivan* 1991. P. 208—211.

[23] В «Шатапатха-брахмане», по одной версии, Вишну, совершая искупительный обряд, восстанавливает Индру на троне, по другой — за *ашвамедхой* наблюдает и оберегает её авата́ра этого бога (см. *Hiltebeitel* 1976. P. 293).

[24] В «Махабхарате» складывается довольно устойчивое положение, когда к «старым», т. е. ведийским, богам (например, к Агни) обращаются риши, тогда как к «новым» (таким как Дурга) апеллируют герои (подробнее см.: *Невелева* 1995. С. 235—256).

[25] О драматизации эпосом ритуального конфликта см., в частности: *Путилов* 1988. С. 127—136. И тем не менее героический поход Арджуны осознается как ритуальная деятельность, определяемая словом karman (XIV. 89, *19*), одно из значений которого — «обряд», равного которому, согласно тексту, не могли совершить цари прошлого — Сагара и др.

[26] О мифологических сравнениях «Махабхараты», граничащих иногда с отождествляющими, см.: *Васильков, Невелева* 1988. С. 152—175.

[27] *Gonda.* Ancient Indian Kingship... P. 101.

[28] См.: *Hiltebeitel* 1994. P. 47.

[29] Подробно о постоянном эпитете, используемом «вне логики», см.: *Невелева* 1979. С. 35—36.

[30] Согласно «Айтарея-брахмане», коня выпускают в северо-восточном направлении — в направлении победы, в тот край, где находятся Врата небес (см.: *Gonda* 1969. P. 110).

эпической мифологемы «битва-ритуал», имеет формальную аналогию с маршрутом также всеиндийской *прадакшины*, осуществляемой четырьмя братьями Пандавами (без Арджуны) в «Лесной» книге «Махабхараты». Однако если там описывается религиозное паломничество под началом риши к святым местам (тиртхам) и рассказывается попутно мифологическая «история» этих святынь, то здесь сказитель повествует о последовательности поединков Арджуны с царями по ходу движения коня. Таким образом, ритуальная процедура — *прадакшина* имеет в эпосе несходное сюжетное наполнение (ср. *прадакшину* в числе компонентов прощания иерархически или в возрастном отношении «младшего» персонажа со «старшим»);[31] т. е. ритуальная модель используется в эпической сюжетике с различными целями.

Не все сражения Арджуны описываются с достаточной подробностью: наиболее развернуто подаются те, в которых фигурируют потомки царей, с особой яростью противостоявших Пандавам, в первую очередь Арджуне, в великой битве; теперь они сражаются с ним в память о былой вражде. Скороговоркой же упоминается о покорении Арджуной царей-млеччхов, в представлении эпоса — варваров, локализующихся на периферии субконтинента. Краткость рассказа здесь вполне объяснима: согласно древнеиндийской военной концепции, зафиксированной уже в «Гаутама-дхармасутре», поединок должен вестись исключительно между равными как по роду войск и оружия, так и по возрасту и опыту, иными словами — достойными противниками.[32]

Первое крупное сражение происходит у Арджуны с *тригартами* (верхний Пенджаб), с сыновьями и внуками тех, что пали в великой битве (гл. 73); воины-*саншаптаки*, давшие клятву (отсюда название) — либо убить Арджуну, либо погибнуть в бою, — возглавляли тогда объединение народностей Пенджаба. Недаром здесь Арджуна назван «погубителем *саншаптаков*» (73, *32*). Обходя Прагджьотишу (территория Северо-Восточной Индии в долине Брахмапутры, приблизительно соврем. Ассам), жертвенный конь подвергается нападению, и Арджуна вынужден вступить в бой с сыном Бхагататты, царя, убитого героем в битве на Курукшетре (гл. 74, 75). Не менее яростно сражение героя с *сайндхавами* (гл. 76, 77) — жителями варварской, согласно брахманским источникам, страны в долине Инда; царь *синдху-саувиров* Джаядратха Вардхакшаттри пал ранее от руки Арджуны.

В силу своей важности наиболее подробно (гл. 78—82) описана батальная встреча Арджуны и его сына Бабхруваханы, царя Манипуры (локализуется на Коромандельском побережье как город *калингов*, считающихся в эпосе варварской народностью). Это совершенно особый эпизод военного похода Арджуны в цепи других: очевидно его соответствие фольклорному испытательному мотиву «боя отца с сыном», осмысливаемому эпосом как искупление Арджуной якобы-смертью его тяжкого греха — убийства старого воина Бхишмы (82, *1—15*).

Предпоследним детально описывается сражение героя с внуком Джарасандхи, владыки страны Магадха, близ ее столицы Раджагрихи на Северо-Востоке субконтинента (гл. 83) и в заключение — бой с сыном Шакуни (гл. 85), обыгравшего Пандавов в роковой игре в кости и тем обрекшего их на двенадцатилетнее изгнание.

Если суммировать все наблюдения над подробно описанными сражениями Арджуны с потомками тех, кто выступал против Пандавов на стороне кауравов в великой битве на Курукшетре, то можно сказать, что этот материал в целом подтверждает вывод об исторической основе сюжета «Махабхараты» как этнокультурном противостоянии родины эпоса — Мадхьядеши, «Срединной земли» в Ямуно-Гангском междуречье, с одной стороны — Северо-Западу и, с другой — Юго-Востоку.[33] К тому же заключению приводят данные сражений Арджуны в тех краях, народы которых упоминаются краткими перечнями (локализацию этих народностей и племен, в «Махабхарате» причисляемых в большинстве своем к варварам-млеччхам, см. в соответствующих статьях комментария):[34] это ванги, пундры и кералы (83, *32*), чеди (84, *1*), каши, андхры, косалы, кираты и тангганы (84, *4*), дашарны (84, *5*), нишады (84, *6—10*), дравиды и коллагириеи (84, *11*).[35]

Что касается композиционных особенностей рассказа о военном походе Арджуны, то здесь обращает на себя внимание сходство построения батальных сцен, единая структура эпизодов, составляющих последовательность эпического действия. Арджуна вслед за конем попадает на территорию того или иного царства, затем конь подвергается нападению и герой, призванный оберегать жертвенного коня, принимается мирно увещевать посягающих на него, ссылаясь на наказ Юдхиштхиры — не причинять особого вреда царям, которые решатся противостать воину, вершащему жертвенный обряд (71, *22—24*). Смысл этого наказа — попытаться решить дело миром, дабы не возникло вражды между Панадавами и теми правителями, которые не захотят подчиниться царю-жертвователю. Следующий этап сюжета — нападение на Арджуну, вопреки его уговорам, царей — хозяев соответствующей территории и затем — суровый бой достойных соперников. На временное поражение героя (Арджуна роняет лук), его едва-не-смерть (в эпизоде с Бабхруваханой) следует обычная для эпоса реакция небес — крики ужаса небожителей, иногда — появление так называемых «образов *пралаи*», конца света (76, *11—20*). Затем с еще большей яростью Арджуна возвращается к битве и в гневе разит противника, который бежит с поля брани. Дабы примирить сражающихся, появляются женщины: это Духшала, дочь царя кауравов Дхритараштры, супруга убитого Арджуной Джаядратхи, царя синдху и саувиров (77), или же Улупи и Читрангада, жёны Арджуны, пришедшие в разгар его боя с сыном (78—82), а также супруга павшего царя Гандхары — Шакуни во время сражения Арджуны с его сыном (85). Венчает каждый батальный эпизод ритуального похода формульно выраженное приглашение царей, признавших победу героя Пандавы, на *ашвамедху* Юдхиштхиры, которая должна состояться в полнолуние месяца Чайтра.

Таким образом, можно отметить однотипность построения завершённых по своей структуре отдельных сюжетов этого «мини-эпоса», главным героем которого является Арджуна, а совокупным его антагонистом — потомки поверженных на Курукшетре царей, сражавшихся на стороне кауравов. Военный поход Арджуны закрепляет итоги великой битвы.

Для эпической стилистики в плане выбора образных средств характерна определенная их зависимость от содержания излагаемого, иначе говоря — от типа повествования. Так, самостоятельные, чаще всего композиционно инкорпорированные сюжеты (к их числу принадлежит, например, большинство излагаемых от лица мудрецов-риши в книге «Лесной» мифов, преданий, притч и т. п.) включают в себя минимум формульных компаративных приёмов — традиционных сравнений и метафор мифологического содержания. Такие сюжеты обращаются преимущественно к постоянным эпитетам в качестве основного средства художественной выразительности. Другой тип эпического текста — батальный, содержащий изображение воинских поединков, напротив, отличается широким использованием закрепленных за определённым объектом и занимающих формульную позицию сравнений с характерным мифологическим содержанием.[36] Обратимся к примерам, взятым из тех глав (73—85), которые посвящены поединкам Арджуны с царями, противостоящими воину. Сам поединок героя с антагонистом, как и в любом батальном фрагменте эпопеи, сравнивается с битвой богов и асуров (78, *20*) или же Индры и Вритры (75, *1*). Воин, яростный, как змей (73, *20*), в гневе подобный Яме-Калантаке, богу смерти (73, *27*), блистает на поле брани, точно неколебимый Химаван (77, *1*), или как солнце меж туч (76, *12*), или же будто Творец дня осенней порой (76, *32*), обрушивая на противника ливни, потоки стрел (73, *12*; 73, *25*; 76, *6*, *12*, *27*; 77, *2*), точно Индра (или Парджанья — древнее божество грозовой тучи, слившееся в эпосе с Индрой) — струи дождя (76, *12*, *27*; 83, *10*).

Огнеподобные стрелы, жгучие, как ядовитые змеи (73, *30*; 74, *13*, *19*; 75, *17*; 77, *14*; 78, *19*; 83, *12*), быстрые как саранча (74, *13*), уподобляются иногда ваджре, оружию Индры-воителя, царя богов (73, *30*; 78, *27*).

Герой возвышается на поле брани, точно утёс (76, *25*); покрытый стрелами, он — будто птица в клетке (76, *13*) или огонь, покрытый саранчой (76, *28*). Истекающий кровью, раненный воин подобен дереву палаша, цветущему по весне (83, *15*). Боевые кони быстры, как мысль (78, *15*); слон противника, подобный Химавану, Индре гор (74, *20*), издавая трубные звуки, словно грохочущая туча (75, *8*), падает, израненный, наземь, словно утёс, пробитый ваджрой Индры (75, *18*).

Как можно видеть, образная система «мини-эпоса» об Арджуне в том, что касается субъекта сравнения (битва, воин, стрелы, боевые кони и слоны) и его объекта (Индра, его атрибут — ваджра, его древняя мифологическая функция подателя дождя), полностью отвечает общеэпической, создающей целостную картину воинского поединка.

За описанным на эпический лад военным походом Арджуны, входящим в состав ритуала *ашвамедхи*, при том, что ритуальный конфликт оказывается резко обостренным, помимо ассоциаций с «классическим» обрядовым комплексом, стоят более ранние, «доклассические» связи. Сами по себе ритуальные поединки, входящие в состав таких царских обрядов, как *ашвамедха*, *раджасуя* и *ваджапея*, представляют собой наследие «доклассическое», принадлежащее дуалистической системе организации социума, в рамках которой понятие «антагонист» отнюдь не равнозначно понятию «враг». Цари — «хозяева» тех стран, где появляется конь, в сражении с «гостем»-кшатрием Арджуной замещают собой вторую, впоследствии упраздненную сторону «доклассического» ритуального агона в потлаче, внеэкономическом «обмене престижем».[37]

По данным Р. Хазры,[38] который основывается на материале «Шатапатха-брахманы», «Ашвалаяна-» и «Шанкхаяна-сутры», а также других поздневедийских источников, *хотар*, в присутствии других жрецов, царя и его приближенных, рассказывает *париплава-акхьяны*, представляющие собой 10 рассказов на 10 различных тем, повторяя их каждые 10 дней в той же последовательности, под сопровождение *вины*, струнного инструмента, поддерживающего ритм эпического сказа. Я. Гонда, рассматривая свидетельства «Шатапатха-брахманы», вносит в эту картину следующие пояснения: во-первых, задача этих revolving tales состояла в возвеличивании царя-жертвователя; во-вторых, эти 10 рассказов содержали стереотипные описания царей, их народов, их Веды и т. д.; в-третьих, словесное оформление каждого описания было более или менее идентичным, и в-четвертых, источником для этих

---

[31] См.: *Невелева* 1999. С. 171. Прощальные ноты звучат и в *прадакшине* Арджуны: это последний его героический поход, фактическое завершение его воинской биографии.

[32] См.: *Hara* 1997. P. 1—65.

[33] *Васильков* 1982. С. 50—60.

[34] В средневековой «Джаймининбхарате» центральное место в рассказе об *ашвамедхе* занимает, как и в древнеиндийском эпосе, военный поход, но там рисуются сказочные страны (и волшебные превращения коня), тогда как «Махабхарата» сохраняет верность географической реальности, в чем и состоит одна из уникальных черт эпопеи.

[35] «Харивамша», рассматриваемая традицией как приложение к «Махабхарате», а также древнейшие пураны — «Матсья» и «Ваю» в контексте бедствий Калиюги также причисляют ряд упомянутых народностей к «чужакам».

[36] О содержании таких сравнений см.: *Васильков*, *Невелева* 1988.

[37] «Если ты не снискал почтения моих предков в бою, то я окажу тебе гостеприимство», — говорит Арджуне правитель Магадхи (XIV. 83, 7). Об агонистическом приеме гостя-кшатрия, выливающемся в поединок его с хозяином (в случае, если обе стороны — брахманы, поединок замещается диспутом), см.: *Васильков* 1979. С. 73—82.

[38] См.: *Hazra* 1956. P. 190—203.

рассказов была традиционная, в основе своей — устно-фольклорная словесность (пураны, итихасы и т. д.).[39]

Исследователи единодушно отмечают, что, при всей точности изображения, эпическая *ашвамедха* полностью исключает упоминание о *париплава-акхьянах*.[40] Однако, учитывая сказанное выше о походе Арджуны как составной части *ашвамедхи*, можно (хотя и с большой долей осторожности) предположить, что эпическая традиция этим «мини-эпосом» откликается на такой способ обращения ритуала к древнейшей словесности. В качестве главного действующего лица Арджуна проявляет себя как царь-воин, сражающийся с равными ему соперниками-царями. Кроме того, *прадакшину* Арджуны сближает с *париплавами* не только героический, прославительный пафос повествования, а также близкое к идентичности композиционное и стилистическое оформление эпизодов, но и символика круга — временнáя (полный годовой цикл) и пространственная (движение «по солнцу»).[41]

Само жертвоприношение коня — кульминационный момент ритуала — описывается подробно и этнографично во всем, что касается последовательности действий и, соответственно, ритуальной терминологии. Обустраивая жертвенную площадку (yajñavāṭa — 86, *12*), расположенную, как и полагается, вне городского поселения, знающие мастера под надзором брахманов, искушенных в отправлении жертвоприношений (86, *11*), сооружают жилища для брахманов из разных краев, покои для царских жён и для жрецов огня (86, *13*, *14*). Являются цари из покоренных Арджуной стран, взяв с собой обильные дары — множество драгоценностей, женщин, коней и оружия; Юдхиштхира же в ответ раздаёт гостям еду, питье, ложа, недоступные иным людям, предоставляет коням стойла, обильные пищей (86, *16—21*), — таков зримый рисунок архаического обмена, «доклассический» штрих в картине «классической» *ашвамедхи*.

Те же самые ассоциации вызывает само невероятное богатство жертвоприношения — сделанные из золота аксессуары (87, *3*, *4*), золотые жертвенные столбы (87, *5*), огромное количество жертвенных животных (87, *7*, *8*). Повторяющийся мотив изобилия еды и питья («горы пищи» — 87, *12*; ср. 90, *22*), которое *яджамана* Юдхиштхира жалует гостям, его тройная *дакшина* — воздаяние брахманам за совершение обряда, «тройной *ашвамедхи*» (87, *14*, *15*), заставляет вспомнить утверждение М. Мосса о том, что сама по себе щедрость может быть предметом состязания в архаическом обмене.

Состязательный характер происходящего подчеркнут также упоминанием словесного агона (87, *1*): речистые диспутанты (hetuvādinaḥ) ведут споры (hetuvādān), стремясь одолеть друг друга (parasparajigīṣavaḥ). Последний фрагмент описания эпической *ашвамедхи* можно расценивать как реминисценцию ведийской *брахмодьи* — диалогического обмена загадками на космологические темы, происходившего между жрецами при отправлении царского жертвенного обряда и, в частности — жертвоприношения коня.[42] (Ср. 90, *25*: среди жрецов-*садасья*, обслуживавших ашвамедху Юдхиштхиры, не было такого, который не был бы искусен в диалоге).

О комплексном характере эпической *ашвамедхи* свидетельствуют первые же её процедуры: обряд открывается ведийским жертвоприношением сомы, включающим, согласно тексту, три этапа: 1) *праваргья*, когда молоко вливают в подогретый сосуд или же в кипящее масло; 2) *абхишава* — выжимание сомы и 3) *савана* — особый, связанный с предыдущим, обряд, совершавшийся трижды в день — утром, днём и вечером (90, *20*, *21*). Далее следуют: воздвижение жертвенных столбов (yūpa) из особых пород деревьев — билва, кхадира, девадару и др., а также золотых — для красоты (90, *26—28*), изготовление золотых кирпичей для алтаря и сооружение жертвенника, формой подобного Гаруде, ездовой птице Вишну (90, *30*, *31*). Немифологичность описания этого обряда находит свое подтверждение и в данной книге: присутствие на жертвоприношении мифологических персонажей-небожителей обозначается эпическим каталогом-перечнем (90, *35—37*). Примечательна такая деталь: небесные музыканты-гандхарвы, искушённые в танцах и пении, услаждают брахманов в перерывах жертвенного обряда (90, *38*), и это подтверждает тот факт, что древние обряды сопровождались обычно театральным действом.[43]

За ритуальным закланием множества животных наступает черед жертвенного коня, причем в минимальном текстовом пространстве — одной шлоки (91, *2*) умещаются три знаковых момента ритуала *ашвамедхи*.

Во-первых, эвфемистически — saṃjñāpya, «сделав (жертву) согласной», описывается обрядовое умерщвление коня (более архаические действия, такие, как убиение мечом или ножом, согласно «Ригведе», а также удушение, согласно Брахманам, эпосу неизвестны). Во-вторых, здесь не упоминается ритуального соития царицы с конем после его заклания, — этап жертвоприношения, отсылающий к глубоко архаической семантике плодородия; говорится об «укладывании» (upasaṁveśayan) жрецами супруги Юдхиштхиры — Драупади подле коня, причем эротические подробности, засвидетельствованные в ритуалистических текстах, в эпосе полностью отсутствуют.[44] И третий смысловой пласт этой семантически насыщенной шлоки связан с упоминанием «трёх *кала*» (kalā), составляющих жертвоприношение. Согласно традиционному комментарию Нилакантхи, это *мантры* (заклинания), *дравья* (материальная часть ритуала) и *шраддха* (вера) — триединство, согласующееся с тремя уровнями ритуальной культуры (В. С. Семенцов), а в данном случае — с полным составом жертвоприношения.[45] Один из завершающих пунктов жертвенного обряда — извлечение сальника коня (91, *3*) предшествует другому — вдыханию братьями Пандавами при его варении «дыма, все грехи уносящего» (91, *4*). Итак, путём скрупулезного исполнения ведийского обряда, сочетающего в себе в надлежащей последовательности жертвоприношение сомы и жертвоприношение животных, достигнута заявленная вначале цель *ашвамедхи* Юдхиштхиры — избавиться от греха убиения родичей.

Совершенно очевидные черты архаического обмена («память потлача») обнаруживаются при описании последнего этапа жертвоприношения, как его итоговое осмысление в духе агона, сопровождаемого «эксцессами расточительности». По словам Юдхиштхиры (91, *11*), земля, завоеванная Арджуной, — это *дакшина*, вознаградительное дарение жрецу-брахману, и царь готов передать землю Вьясе как главному жрецу *ашвамедхи*. Однако, тот просит даровать жрецам не землю, а что-либо равноценное, «ибо цель брахманов — имущество (а не земля)». В последнем утверждении: brāhmanā hi dhanārthinaḥ (91, *9*) нередко усматривают обличительный пафос: брахманы-де алчут богатства, тогда как смысл этой фразы иной. Вместо символической власти над всей землей, принадлежащей Юдхиштхире, брахманы предпочитают положенное им за совершение обряда вознаграждение имуществом.[46]

Знаменательна лексика всего этого контекста (91, *7—33*), построенная на чередовании глаголов со значением «давать» («даровать») и «получать» («принимать»). Юдхиштхира дарует жрецам несметное количество золотых монет *нишка*; Вьяса предлагает заменить этот дар положенным по обычаю, но царь не желает брать себе то, что принадлежит брахманам; Вьяса возвращает дарованную ему землю, а Юдхиштхира с братьями дарует брахманам тройную *дакшину*; тогда Вьяса, приняв это имущество (dravyam) и разделив его на четыре части, раздает все главным жрецам жертвоприношения; жрецы жалуют груды золота брахманам, которые делят между собой то, что было на жертвенной площадке сделано из золота; вслед за брахманами получают полагающееся им — остальные варны и даже варвары-млеччхи; Вьяса отдает свою долю золота матери Пандавов — Кунти; Юдхиштхира дарует прибывшим на жертвоприношение гостям — царям покоренных краев драгоценности, слонов, коней, украшения, женщин, одежды и золото.

Завершается эта сцена, во время которой «хозяева» Пандавы щедро одаривают «гостей» — брахманов и царей-чужеземцев, а те принимают дары, описанием жертвенной пищи (91, *36—40*) с характерными, преимущественно «водными» ассоциациями: здесь и «потоки яств», и «моря суры и других хмельных напитков», и «озёра с илом из очищенного масла», а также «пруды с ряской из творога» и «многие горы пищи». В финале, «излив дождём (varṣayitvā) потоки... богатства — драгоценности и сокровища», Юдхиштхира, «достигший цели — освободившийся от греха», возвращается в город. «Водная» метафорика последнего фрагмента ощутимо связывает царя-жертвователя, «завоевавшего небо» (jitasvarga — 91, *22*), с царем богов Индрой в его древнейшей функции — подателя дождя, обеспечивающего плодородие.[47] В этой же главе используются и другие компаративные приемы, консерватизм которых прямо способствует сохранению в их содержании древнейших представлений: таковы, например, определение Юдхиштхиры — «мощью пыла равный Шакре» (т. е. Индре — 91, *6*) или сравнение царя, окруженного братьями, с Махендрой среди богов (91, *29*).

В целом же этот фрагмент текста опосредованно подтверждает мысль Й. Хистермана относительно того, что уже в ведийском жертвоприношении брахманы представляют вторую, отсутствующую сторону архаического «доклассического» ритуала, построенного по дуалистическому принципу. Однако описанный в гл. 91 «агон дарения» с его лексикой обмена допускает и более прямые ассоциации с архаикой. Побежденные в битвах Арджуной, который представляет собой одну из ипостасей царя-жертвователя, властители разных краев тоже являются на жертвенный обряд с обильными подношениями, но Юдхиштхира, благодаря предоставленным этим царям дарам, и теперь, в состязании богатствами, ритуально одерживает верх над противостоящей стороной. Так сквозь четкие контуры эпической *ашвамедхи* в её «классических» формах с очевидностью проступают черты более древнего дуалистического ритуала.

Агонистическое столкновение ведийских ценностей, основанных на ритуале жертвоприношения, с одной стороны, и индуистских — с другой, выводится в самый конец «Ашвамедхикапарвы», венчая книгу. После цветистого описания «великого дарения» (mahādāna — 92, *4*) Юдхиштхиры следуют композиционно инкорпорированные, т. е. не связанные с основным действием сюжеты, в которых яростно опровергается значение его пышной, соответствующей всем канонам *ашвамедхи*. По словам мангусты (в котором воплотился Гнев-Кродха), это жертвоприношение «не стоит и горстки муки щед-

---

39 См.: *Gonda* 1975. P. 409, 415, 416.

40 Р. Хазра связывает генезис отдельных мотивов в «Махабхарате», и, в частности, историю матери Вьясы — рыбачки Сатьявати, с рассказом 8-го дня о царе рыбаков (см.: *Hazra* 1956. P. 203).

41 Косвенное указание на использование героической словесности в ритуале *ашвамедха* можно усмотреть и в той сцене, которая имеет место в отсутствие Арджуны: куру и ядавы наслаждаются слушанием разных историй о Завоевателе богатств (XIV. 89, *11*).

42 О жреческом диалоге *брахмодья* как обязательном элементе некоторых крупных царских обрядов и в том числе *ашвамедхи* см.: *Gonda* 1975. P. 382; *Hiltebeitel* 1976. P. 249; *Семенцов* 1981. С. 54; *Koskikallio* 1999. P. 236 (со ссылкой на мнение П. Э. Дюмона). Обобщающие данные см.: *Елизаренкова*, *Топоров* 1984. С. 14—46.

43 См., в частности, *Gonda* 1969. P. 73. Об использовании музыки как черте доклассического ритуала вратьев см.: *Koskikallio* 1993. P. 115.

44 Согласно ведийским источникам и, в частности, «Апастамба-шраутасутре», главная царица, которой предстоит символическое соитие с удушенным конем, трижды выражает свое несогласие, а затем другие жены царя произносят хулительные выражения, — этих подробностей не знают ни «Махабхарата», ни «Рамаяна» (см.: *Gonda* 1977. P. 625; *Hiltebeitel* 1994. P. 47).

45 По поводу одного из фрагментов ведийской *ашвамедхи* В. С. Семенцов замечает, что полная парадигма его совершения «состоит, таким образом, в точном временнóм соотнесении трех действий — физического... речевого... и ментального...» (*Семенцов* 1981. С. 50—51).

46 Мысль о том, что обряд, при котором *дакшиной* служит земля, имеет наибольшую значимость, тем самым уже обеспечивая брахманам символическую власть над миром, встречается в тексте ранее (см.: 3, *17*, а также примеч. 13 к началу перевода).

47 О мифе «торжествующего Индры» в связи с дуалистическим ритуалом см.: *Васильков* 1979. С. 78.

рого жителя Курукшетры, живущего сбором колосьев, оставшихся после жатвы» (92, *7*). Идеи, передаваемые этим «вводным» сюжетом, тем важнее, что инкорпорированный сюжет в «Махабхарате» не столько иллюстрирует, сколько дополняет и углубляет излагаемое, устанавливая своего рода парадигму происходящего в эпосе, задавая его событиям идеальный образец.

Рассказ мангусты о жертвенности семьи некого брахмана, живущего по особому обету — сбором упавших на землю колосьев (гл. 93), рядом особенностей своего сюжета сходен со «Сказанием о дроне риса» в книге III «Махабхараты» (гл. 245—247). Это, во-первых, общность обрядового контекста — прием «гостя»-испытателя, явившегося под чужой личиной во время сурового поста; во-вторых, сходство поведенческого рисунка принимающей стороны — «хозяев», проявляющих полное самоотречение; в-третьих, тождественность награды за пройденное испытание — в первом случае (кн. III) риши Дурвасас, а во втором (кн. XIV) бог Дхарма даруют самоотверженным брахманам высший дар — небеса. Однако Мудгала (кн. III) избирает «великий покой» и, равнодушный к хуле и славе, черпая силу в йогической медитации (dhyāna-yoga), приходит к высшему совершенству — признаку *нирваны*[48] (247, *41—43*). По словам испытателя — Дхармы (кн. XIV), плод, обретаемый благодаря пусть самому малому, но поднесённому от чистого сердца дару, выше множества обрядов *раджасуя* и *ашвамедха* с обильной *дакшиной*,[49] и плод этот — мир Брахмы (brahmaloka, brahmabhavana), куда и отправляется брахман-подвижник вместе со своей семьей (93, *78—82*).

Можно заключить, что при всех конкретных различиях в оформлении однотипных сюжетов из III и XIV книг «Махабхараты», противопоставляющих царскому ритуалу *ашвамедха* идею самоотречения, речь в них идет в конечном итоге о судьбе отдельного индивидуума, перед которым открываются различные пути обретения высокой праведности, что и представляет собой одно из важнейших положений индуизма. Поучителен в свете многогранности понимания религиозных заслуг тот вывод, который делает сказитель — риши Вайшампаяна из сюжета о мангусте: adrohaḥ sarvabhūteṣu santoṣaḥ śīlam ārjavam | tapo damaś ca satyam ca dānam ceti samam matam || (93, *93*).

«Невреждение всем живым существам, удовлетворенность, доброе поведение, праведность, подвижничество, смирение, приверженность истине и раздача даров — это считается равноценным». Агонистическое противостояние ведийского ритуала индуистской этике, таким образом, несколько смягчается.

Финал «Книги о жертвоприношении коня» проникнут идеей торжества принципа *ахимсы* в противовес жертвоприношениям животных. Явившись на

[48] *Нирвана* здесь равнозначна *мокше* — религиозному освобождению.

[49] «Не обретается заслуга (puṇya) различными жертвоприношениями» (XIV. 93, *76*) — эти слова вложены в уста бога, персонифицирующего индуистскую дхарму как религиозно-этический закон бытия.

ломом, который сохраняет в последней крупной книге «Махабхараты» роль второй (первая — *раджасуя*), столь же значительной композиционной вехи уже завершившегося по существу эпического сюжета и близящейся к концу земной биографии героев. Далее идет «свёрнутое» время: за весьма кратким описанием долгого благополучного царствования Юдхиштхиры следует уход героев в леса и, наконец, их «великий исход» на небо. Статус *ашвамедхи* в «Махабхарате» — статус последнего «переходного» (по Ван Геннепу) обряда как для эпических героев при их жизни, так и для всего их рода, понесшего непоправимый урон в битве на Курукшетре. Эпическая вселенная тоже переживает своего рода «переход»: события эпоса происходят в пограничное время — между Двапара- и Калиюгой, последним из четырех веков индийской космогонии, в который не должны отправляться обряды, подобные *ашвамедхе*.

Анализ той части сюжета «Книги о жертвоприношении коня», которая связана с совершением ритуала *ашвамедхи*, позволяет сделать вывод о типологической разнослойности эпического содержания, в котором соединяются черты глубокой архаики («агон потлача») и детальный сценарий ведийского жертвоприношения — ритуальная «классика», вступающая в конфликт с новой идеологией набирающего силу индуизма и в то же время, освящённая присутствием идей раннего *бхакти*, связанного с образом Кришны.[52] Этот анализ еще раз подтверждает на конкретном материале правильность концепции, предложенной Я. В. Васильковым.[53] Согласно этой концепции, уникальность «Махабхараты» состоит именно в том, что эта грандиозная героическая поэма, отчасти уже трансформировавшаяся в религиозно-дидактическую эпопею (поздний эпос), в то же время парадоксальным образом сохраняет некоторые особенности, присущие эпосу на стадии архаики, тем самым сочетая в себе черты всех трёх — архаической, героической и постклассической стадий в историко-типологическом развитии народного героического эпоса.[54]

[52] Эта линия сюжета, её идеи будут впоследствии развиты «Джайминибхаратой», пронизанной идеями кришнаитского *бхакти*. П. Коскикаллио, прослеживающий на материале эпоса и пуран изменения в древнеиндийской ритуальной мысли, подчеркивает значение сюжета *ашвамедхи*, используемого в древней и средневековой литературе Индии, для распространения идей *бхакти* (см.: *Koskikallio* 1993, 1994 и 1999).

[53] *Vassilkov* 1995a.

[54] Противоречивость отношения древнеиндийского эпоса к ритуальной идеологии отмечена уже Э. У. Хопкинсом (см.: *Hopkins* 1901a. P. 377—378).

жертвоприношение царя богов, при виде уготованных в жертву животных, святые мудрецы изрекают: «Не может считаться дхармой вред, наносимый живому (hiṃsā)» (94, *14*), и советуют использовать в качестве жертвенного подношения семена. Сказитель развивает эту мысль: «Люди благочестивые (dharminaḥ) ... поднося в дар сколько есть зерна, кореньев, плодов, овощей или сосуд воды, отправляются на небеса» (94, *30*).

Опровержению абсолютной ценности «классической» *ашвамедхи* служит и быль-итихаса о «мысленном» жертвоприношении (cintāyajña) риши-подвижника Агастьи, в результате которого Индра проливает дождь (гл. 94). Причем в определенной степени, если так можно сказать — иерархически, «умственная» жертва стоит выше, нежели «растительная», упомянутая ранее: в течение двенадцати лет во время обильного пищей жертвенного обряда использовалось не что иное, как зерно (95, *19*), однако Индра не посылал не землю дождя.

«Ниспровержение» *ашвамедхи*[50] зафиксировано в «Махабхарате» и ранее — в книге III, «Лесной» (см. «Сказание о паломничестве к тиртхам» — гл. 80—153), и способ этого «ниспровержения» тоже чисто индуистский, можно сказать — идеологический: посещение святых мест равноценно, с точки зрения религиозных заслуг, плоду (иногда — десятикратному, а то и стократному) *ашвамедхи*, пышного царского жертвоприношения. Так, омовение в Пушкаре по своему результату приравнивается к десятикратному плоду *ашвамедхи* (80, *48*); посещение Джамбумарги сопоставимо с обретением плода *ашвамедхи* и мира Вишну (80, *60*); омывшись в тиртхе Коти, паломник обретает плод жертвоприношения коня (80, *68*; 81, *14*); ср. то же о тиртхах Дрими (80, *90*) и Поток Васу (80, *92*). Подношение риса Семиязыкому (Агни) превосходит сто *ашвамедх* (80, *107*); только приблизившись к Махадеве (Шиве), паломник может обрести плод *ашвамедхи* (80, *108*; ср. 80, *86*); почитая Вишну, человек получает плод *ашвамедхи* и доступ в мир этого бога (81, *9*). Посещением одной из тиртх можно получить разом плоды *раджасуи* и *ашвамедхи* (80, *117*; ср. 81, *6* — о посещении Курукшетры, священного Поля Куру).

Простой перечень ссылок[51] на формульно выраженную мысль о тождестве поклонения богу, которому посвящена данная тиртха, и религиозной заслуги, получаемой в результате совершения *ашвамедхи*, позволяет утверждать следующее. Для сложившейся в русле индуизма эпической традиции вполне очевидно преимущество индивидуальных ритуальных отправлений, не требующих особых затрат, над отошедшим в ведийское прошлое царским ритуа-

[50] Как симптом некоторого умаления значимости этого ведийского ритуала можно, по-видимому, расценивать размывание самого термина *ашвамедха*, что выражается в синонимическом варьировании первой его части: вместо aśva (конь) может стоять haya.

[51] Помимо уже упомянутых примеров, см. также: 80, *52*, *86*, *167*, *173*; 82, *19*, *27*, *34*, *38*, *42*, *45*, *50*, *66*, *71*, *85—88*, *103*, *107*, *119*, *122*, *124*, *126*, *132*, *133*; 83, *4*, *14*, *25*, *33*, *78*, *82*. См. ранее, в «Ашвамедхикапарве» (4, 22) о царе Авикшите, который совершил сто жертвоприношений коня.

КОММЕНТАРИЙ

(СОСТАВИТЕЛИ *Я. В. ВАСИЛЬКОВ* И *С. Л. НЕВЕЛЕВА*)

Ашвамедхикапарва
Книга о жертвоприношении коня
Главы 1—15

[1] *Дхритараштра* — имя слепого царя племени Куру, дяди героев эпоса — братьев Пандавов, заменившего им отца, и родного отца ста братьев-кауравов — соперников Пандавов, побежденных ими в великой битве.

[2] *...возлияния воды (для покойного Бхишмы)* — Тринадцатая книга эпопеи, «Анушасана-парва», заканчивается эпизодом заупокойного обряда — возлияний воды для души усопшего. Обряд совершают на мелководье Ганги герои-Пандавы, проводив в «мир предков» своего погибшего старшего родича Бхишму.

[3] *Юдхиштхира* — старший из братьев Пандавов, прежде бывший царем половины страны Куру, со столицей в Индрапрастхе, которую выделил Пандавам Дхритараштра, а после великой битвы сменивший Дхритараштру на престоле объединенного царства Куру со столицей в Хастинапуре.

[4] *Кришна* — царь племени ядавов (свойственник Пандавов, брат Субхадры, жены одного из Пандавов — Арджуны), участвовавший в великой битве на их стороне как колесничий Арджуны. Перед началом битвы открыл Арджуне, что является воплощением Бога на земле и произнес знаменитую проповедь «Бхагавадгиты» (кн. VI Мбх).

[5] *Бхима* — «Грозный», один из братьев Пандавов, отличающийся огромной физической силой, а также, подобно своему «небесному отцу» Ваю (Ветру), стремительностью и буйством.

[6] *Род Куру* — правящий род племени (царства) Куру, названный по легендарному родоначальнику.

[7] *...кшатрийский...* — Т. е. воинский, по названию сословия царей и воинов: кшатриев (кшатры).

[8] *Дхарма* — универсальный религиозный закон индуизма, определяющий одновременно и порядок в мироздании, и нормы общественной жизни, и деятельность индивида (дхарма как сословный и религиозный долг).

[9] *Гандхари* — супруга царя Дхритараштры, мать ста братьев-кауравов. Родом из страны Гандхары на территории Северного Пенджаба, в месте впадения реки Кабул в Инд.

[10] *Не послушал я благих советов... Видуры...* — Видура, герой старшего поколения, дядя Пандавов и кауравов, мудрец-риши, не раз предостерегал царя Дхритараштру от распрей его сыновей с Пандавами, предсказывая поражение кауравов.

[11] *Благочестивый провидец* — divyadarśanaḥ, букв.: «обладатель чудесного/божественного ви́дения». Имеется в виду Видура.

[12] *Суйодхана* — «Легко одолимый», прозвище Дурьодханы, употребляемое обычно его противниками; представляет собой намеренное искажение смысла его имени («Трудноодолимый»).

[13] *Карна* — брат Пандавов, тайно рожденный их матерью Кунти от бога Сурьи (Солнца) до брака с Панду и усыновленный колесничим (слугой) Адхиратхой. Обида Карны на Пандавов, не знающих о своем родстве с ним, приводит его во враждебный им лагерь. В великой битве Карна гибнет от руки Арджуны (см. кн. VIII Мбх: Карнапарву, или Книгу о Карне).

[14] *Шакуни* — брат Гандхари и дядя ста братьев-кауравов, один из наиболее непримиримых противников Пандавов.

[15] *Царь Праведности* — Дхармараджа, «Царь дхармы (закона)», имя-эпитет Юдхиштхиры, подчеркивающее благочестие (как основную отличительную черту его характера) и ассоциативно указывающее на его родство с богом Дхармой (его «небесным отцом»).

[16] *Как самодержец...* — В подлиннике *medhībhūtaḥ svayaṃ* — букв.: «Став сам центральной опорой (всему)» — идиома, практически непереводимая.

[17] *Престарелые родители...* — Отца Юдхиштхиры с братьями — царя Панду — давно нет в живых, но его заменяет братьям-Пандавам их дядя и брат Панду — Дхритараштра. Он и имеет в виду здесь именно себя, а также свою супругу — царицу Гандхари.

[18] *Кешава* — «Пышноволосый» (или «Длинноволосый») — одно из имен Кришны.

[19] *Брахманы* — члены высшей из четырех варн (сословий или социальных рангов) древнеиндийского общества. По роду занятий — жрецы (исполнители всех важнейших обрядов) и ученые.

[20] *Сома* — ритуальный напиток, изготовлявшийся из сока одноименного растения. Приношение сомы в жертву богам являлось важнейшим элементом ведийского ритуала.

[21] *Свадха* — «собственная доля» жертвы, приносимая при обряде тому или иному из богов. Здесь в более узком значении: пища или питье, приносимое при заупокойных обрядах в жертву усопшим предкам.

[22] *Питары* — «Отцы», усопшие предки как единая группа, к которой присоединялся всякий покойник после совершения для него индивидуальных заупокойных обрядов.

[23] *«Царская дхарма»* — rājadharma — т. е. закон, долг, правила поведения царя. Так озаглавлен большой раздел кн. XII Мбх — «Шантипарвы», в которой мудрый старец Бхишма, старший родич Пандавов и Кауравов, наставляет Юдхиштхиру.

[24] *Бхагиратхи* — здесь bhāgīrathī, патроним (имя по отцу) Ганги, богини священной реки, которая согласно мифу была удочерена праведным царем Бхагиратхой — bhagīratha (Мбх III. 108. См. также: Махабхарата 1987. С. 237).

[25] *Кришна Двайпаяна* (букв.: «Черный» и «Островитянин») — имена святого мудреца Вьясы, рожденного до брака от брахмана-мудреца Парашары дочерью рыбака Сатьявати, которая затем бросила его на острове. Фактический отец Дхритараштры, Панду и Видуры, породивший их по обычаю ниёга от жен бездетного царя Вичитравирьи. Является родным дедом кауравов и Пандавов. Позднеэпическая традиция считает его автором Мбх.

[26] *Нарада* — «божественный мудрец» (*девариши*) шаманского типа, посредник между миром богов и миром людей, часто выступает как мудрый советчик, передающий людям волю богов.

[27] *Носитель палицы и диска* — cakragadādhara — эпитет, общий для Вишну в его космической форме — и для Кришны, его земного воплощения. Так же, как и употребленный в предыдущем стихе эпитет Вишну-Кришны *Говинда*, встречается в Мбх лишь в местах, предположительно достаточно поздних по происхождению.

[28] *Ядавы* — племя, к которому принадлежал Кришна.

[29] *Дед* — *pitāmaha* — обычное у Пандавов именование их общего с кауравами наставника Бхишмы, героя и мудреца старшего поколения, брата номинального деда Пандавов и кауравов, царя Вичитравирьи, и их фактического деда, мудреца Кришны Двайпаяны Вьясы.

[30] *Учение об освобождении* — mokṣadharma — один из больших разделов кн. XII Мбх «Шантипарвы» и соответственно одна из главных тем наставлений, которые дает Юдхиштхире лежащий в ожидании своей смерти на Поле Куру Бхишма (ср. примеч. 22).

[31] *Смрити* — (букв. «память») — т. е. «передаваемое по памяти», Священное предание индуизма, в отличие от Откровения (*шрути*), т. е. Вед.

[32] *Писания...* — В подлиннике: *агамы*, что означает в данном случае традиционные тексты вообще, от Вед и до шастр.

[33] *Ишвара* — «Господь», «Владыка», имя или термин, обозначающий в индуизме Божественную Личность, создателя Вселенной, ведающего также и каждой индивидуальной человеческой судьбой (см. подробнее: Индуизм 1995. С. 216—217).

[34] *Бхарата* (*bhārata*) — «потомок Бхараты» — имя по предку (царю Bhārata Лунной династии), общее для всех кауравов и Пандавов, и вообще для большинства эпических персонажей как членов правящей династии племени Куру. Здесь относится к царю Юдхиштхире.

[35] *Асуры* — своего рода индийские «титаны», соперники и противники светлых богов (*дэва*); изначально — старшие братья богов (боги старшего поколения), они в ходе развития мифологии индуизма все более демонизируются.

[36] *Данавы* — «детища Дану», часто, как здесь, — синоним *асуров*, или же один из двух асурских родов (второй — *дайтьи* — «детища Дити», по имени второй из двух жен патриарха Кашьяпы).

[37] Здесь перечислены некоторые царские обряды: *раджасуя* — «рождение царя», обряд царского посвящения, знаменовавший утверждение суверенной власти правителя над другими царями, совершавшийся (вместе с сопутствующими ритуалами) на протяжении двух лет (см.: *Heesterman* 1957); об *ашвамедхе* — «жертвоприношении коня» — см. в сопроводительной статье С. Л. Невелевой; *сарвамедха* — «вселенское жертвоприношение», десятидневный обряд жертвоприношения сомы; *нарамедха* — то же, что *пурушамедха* «жертвоприношение человека», пятидневный обряд жертвоприношения сомы.

[38] Сравнение содержит отсылку к образам и сюжетам, хорошо знакомым эпической аудитории.

Рама, сын Дашаратхи — царь Айодхьи, герой «Сказания о Раме» (*Rāmopākhyāna*), вошедшего в кн. III Мбх (с. 258—275. См. также: Махабхарата 1987. С. 518—553, 699—703). Близкая версия сюжета легла в основу второй великой эпопеи древней Индии — «Рамаяны» Вальмики.

Бхарата, сын Духшанты и Шакунталы, — также герой известного лирико-эпического сюжета, сохраненного в Мбх (I. 62—69) и нашедшего свое всемирно известное воплощение в пьесе Калидасы «Шакунтала»; в рус. переводе К. Бальмонта — «Сакунтала» (см.: Калидаса 1956. 81—184).

[39] *Такой обряд, когда вся земля служит дакшиной.* — Т. е. когда вместо *дакшины* (полагающегося за исполнение обряда вознаграждения богатствами) брахманам символически вручается власть над всей землей.

[40] Эпос здесь, как и во многих других местах, использует прием, характерный для поэтики ведийских гимнов: эпитет, обращенный к адресату, указывает на характер действия, которого от него ожидают и к которому его побуждают (см., напр.: *Елизаренкова* 1988. С. 295). Обращенный к Вьясе эпитет отшельника *tapodhana* (тот, кто владеет богатством *tapasa* — пыла подвижничества); намекает на то, что Юдхиштхира ждет от него помощи вполне конкретного характера: предоставления богатств, необходимых для жертвоприношения.

[41] *Партха* — матронимик (имя по матери) Арджуны: «Сан Притхи» (Притха — другое имя Кунти).

[42] *Химаван* («Снежный») — Гималайский хребет, понимаемый как единая многоглавая гора.

[43] Буквально: «достойнейший из наделенных речью». Обращение к адресату этого эпитета указывает на то, что от него ждут искусного рассказа (см. предыд. примеч.).

[44] *Риши* (ṛṣi) — древние святые мудрецы, легендарные авторы ведийских гимнов, провидцы и подвижники, обладающие сверхъестественными способностями; чаще — брахманы, но иногда и «царственные риши» (*rājarṣi*), как в данном случае царь Марутта.

[45] *Критаюга* — первая из 4 *юг*, периодов, образующих в совокупности «Великую югу» (*махаюгу*), т. е. цикл существования вселенной между двумя светопреставлениями. Критаюга отмечена всеми признаками райского «золотого века»; в последующие периоды природа и человечество все более деградируют.

[46] В подлиннике: *daṇḍadharaḥ* (держащий жезл). — Упомянутый атрибут символизировал карательную функцию царской власти, проявившуюся уже в правление Ману — прародителя и первого (после потопа) царя человечества. *Жезл данда* является также атрибутом Ямы — брата Ману, первого умершего, ставшего царем мертвых. Возможно, в эпоху индоиранской общности именно Яма мыслился первочеловеком и первоцарем (см.: *Vassilkov* 1999).

[47] *Индра* — бог-громовержец, военный предводитель и царь богов, в силу этого вообще идеальный царь и небесный патрон земного царя. Распространенное выражение «Индра царей» означает приблизительно: «верховный царь над царями».

[48] Словосочетание *kośavāhana* отражает, по-видимому, реальность архаического периода, когда богатства царя (вождя) арийского племени возили на специальных повозках.

[49] В отличие от имени отца *karaṃdhama* здесь перед нами уже патроним, имя по отцу, образованное путем повышения степени первого гласного — *kāraṃdhama*, с долгим первым *а* — *ā*.

[50] *Третаюга* — 2-я из 4 *юг* в мифологической хронологии. В этот период благочестие людей уменьшается на 1/4 по сравнению с Критаюгой, *дхарма*, представляемая в виде священной коровы, «стоит на трех ногах». Люди уже не обретают все желаемое ими немедля, им приходится теперь для этого приносить жертвы богам.

[51] *...Верховным царем...* — В подлиннике — титул *samrāj*.

[52] *Брихаспати* — ведийское божество, персонифицирующее идеального брахмана-жреца; мифический создатель науки политики для царей, наставник богов.

[53] *Ангирас* — в мифологии индуизма: один из семи великих риши или один из десяти Праджапати, прародителей человечества. Идеальный жрец, в этой функции совпадает иногда с Брихаспати, пурохитой богов и правителем одноименной планеты (Брихаспати — Юпитер). В других случаях выступает как отец Брихаспати (см. далее — гл. 5).

[54] *Царь-миродержец* — в подлиннике титул *cakravartin* (о значении его см.: Индуизм 1996. С. 449).

[55] Сравнение героя по признаку победоносности и мощи с Вишну (а не с Индрой) является в Мбх типологически поздним (см.: *Васильков, Невелева* 1988. С. 158), что соответствует в целом позднему («пуранического») характеру легенды о Марутте.

[56] *Меру* — мифическая гора в центре вселенной.

[57] *...золотых горшков, ковшей, мисок* — *kuṇḍāni pātriś ca piṭharāṇi* — данные обозначения жертвенной утвари не входят в терминологию ведийской ашвамедхи; это термины, принадлежащие эпохе развитого («пуранического») индуизма.

[58] *...О достойнейший из владеющих речью.* — По тексту Критич. издания это — эпитет царя Марутты, согласуемый с его именем в именительном падеже (*rājā vadatāṃ varaḥ*). Мы реконструируем здесь форму звательного падежа, обращение Юдхиштхиры к Вьясе; в таком случае, эпитет заключает в себе намек, указание на то, чего Юдхиштхира ожидает от собеседника (ср. примеч. 40 и 42).

[59] *... о владыка, чье богатство — пыл подвижничества — bhagavan...tapodhana* — здесь снова в обращении Юдхиштхиры к Вьясе используются «эпитеты-апеллятивы», которые «имплицируют ожидаемые соответствующие действия» со стороны адресата коммуникации (*Елизаренкова* 1988. С. 304). Обращение *bhagavan* (*владыка*, букв. — владеющий долей) уже в Ригведе несет в себе побуждение адресата (божества) к наделению автора гимна счастливой долей, а эпитет *tapodhana* в нашем тексте явно содержит намек, что Вьяса должен использовать свою накопленную в подвижничестве энергию (*tapas*) для того, чтобы Пандавы обрели необходимое богатство (см. примеч. 40, 42, 56).

[60] *Асуры и боги* — являются потомками (внуками) древнего божества Дакши Праджапати, поскольку родились от дочерей Дакши, отданных им в жены божественному мудрецу Кашьяпе.

[61] *Tapas* — то же, что иногда мы переводим как «пыл подвижничества»: особая духовная энергия, накапливаемая путем аскезы.

[62] *Одетый одним лишь пространством,* — т. е. нагой (обычный эпитет наиболее ревностных подвижников).

[63] *Васава... добился... статуса Индры.* — В индуизме *Индра* — не столько имя, сколько «переходящий» титул царя вселенной. Нынешний Индра, чье личное имя *Шакра*, а имя-эпитет *Васава* — *Vāsava* («вождь [клана богов] Васу») — сменил на престоле небес «прежнего Индру», праведного асуру Бали.

[64] *Совершитель сотни жертвоприношений* — Индра, который, согласно индуистским представлениям, стал царем богов благодаря своей активной жертвенной деятельности.

[65] *Яяти* — царь Лунной династии, предок Пандавов и кауравов, прославившийся своей праведностью.

[66] *Шакра* — он же «Царь богов», «Васава» — Индра.

[67] *Каунтея* — «сын Кунти», матроним троих из братьев Пандавов: Юдхиштхиры, Бхимы и Арджуны. В данном случае Вьяса называет так Юдхиштхиру.

[68] Борьба с врагами богов — асурами (в числе которых фигурируют *Namuci*, *Viśvarūpa* и *Bala*) является основной мифологической характеристикой ведийского громовержца Индры.

[69] *О владыка — щедрый податель.* — В оригинале одно слово — *bhagavan*; переводим так, учитывая специфику семантики данного обращения в ситуации просьбы (см. примеч. 57).

[70] О значении обращения *tapodhana* в ситуации просьбы см. примеч. 40, 57.

[71] *...словно бы по принуждению — saṃtapta iva* — можно понять это и как «притворно демонстрируя скорбь» (так как надо убедить Самварту, что Нарада уже мертв).

[72] Подобная угроза встречается и в текстах упанишад, но в иной ситуации — при задавании сопернику вопроса-загадки в ходе ритуальных диалогических прений.

[73] *Сатра* (*sattra*, *satra*) — особый вид жертвоприношений сомы, совершавшихся жрецами-брахманами для самих себя, без стороннего заказчика (*яджаманы*).

[74] *Вритра* — предводитель асуров в борьбе с богами, побежденный Индрой.

[75] *Пурандара* — «Разрушитель (вражеских) крепостей», постоянный эпитет Индры-асуроборца.

[76] *Ясное разумение — śubhabuddhitva. — Правильное постижение истины — satyajñāna. Всевозможные объекты восприятия — vaiśaya.* В речь царя здесь довольно неожиданно вторгается философская терминология.

[77] *Гандхарвы* — мифическое полубожественные существа, небесные музыканты.

[78] *Владетель — bhagavat.* Исходное значение эпитета: «обладающий (счастливой, богатой) долей» и соответственно — «способный наделить, одарить, дать (богатство)» (см. примеч. 13, 14, 23, 24.) Здесь этот эпитет применен к Шиве, несколько ниже — к «Владыке богатств» Кубере, и применен не случайно, так как именно эти два бога должны одарить Марутту необходимым для жертвоприношения богатством.

[79] *Супруг Умы.* — В мифологии индуизма богиня (Парвати), дочь Химавана, выступает как супруга Шивы.

[80] *Бхуты* — злые духи, ассоциируемые с неупокоенными душами умерших. Включаются в демоническую свиту Шивы (иногда также сопровождают Куберу).

[81] *Трезубец* (*Pināka*) — один из главных атрибутов Шивы.

[82] *Махешвара* — «Великий Владыка», имя Шивы.

[83] Перечисляются различные божества и целые классы мифологических существ, сопровождающих Шиву: *рудры* — его непосредственное окружение, 11 божеств, из которых он (как Шива-Рудра) является главным (в Ведах связаны с явлением грозы, бури); *садхьи* — разряд небожителей, часто отождествляемых с сиддхами, достигшими совершенства святыми; *вишвы* (*вишвадевы*) — «все-боги», класс небожителей, состоящий из 10 божеств; *васу* — группа из 8 божеств, персонифицирующих природные явления (Апа — вода, Анила — ветер, Анала — огонь и т. д.) и возглавляемая Васавой — Индрой; *Яма* — царь мира мертвых; *Варуна* — в эпосе бог вод и западного направления; *Кубера* — бог богатства; *пишачи* — разряд демонов, пожирателей трупов; *Ашвины* — ведийская пара богов-близнецов, связанные с утренними и вечерними сумерками, божественные врачеватели (их древний эпитет *Насатьи* «Носатые» может быть связан с их изначально зооморфным [конским] обликом); *апсары* — небесные танцовщицы, возлюбленные гандхарвов; *якши* — изначально древесные духи, а в эпосе — воинственные стражи сокровищ Куберы; *риши* — святые мудрецы, творцы ведийских гимнов; *Адитьи* — «сыновья Адити», группа из 12 (как правило) ведийских богов (Митра, Варуна, Арьяман и др.), возглавляемая Индрой; *Маруты* — группа ведийских божеств, связанных с явлениями ветра, бури, грозы и молнии и выступающих как помощники громовержца Индры в его битвах с демонами; *ятудханы* — колдуны-оборотни, ассоциируемые со злыми духами.

[84] *Сияньем подобный юному солнцу — bālādityasamadyutiḥ* — сравнение это неточно (утреннее, восходящее солнце не дает такого сияния, как дневное), и не встречается более нигде — ни в «Махабхарате» (по всем версиям, — см., напр.: Pratika-index 1967—1972), ни в «Рамаяне». Оно производит впечатление неестественности, искусственности, и содержит, весьма возможно, некий исторический намек: *bālāditya* встречается в индийской истории как имя-прозвище царевичей, становившееся иногда и именем-прозвищем правящего царя. Наиболее известен из носителей этого имени Нарасинхагупта Баладитья, представитель императорской династии Гупта, отражавший разрушительное нашествие на Индию гуннов в начале VI в. н. э. Предположение о том, что неизвестный литератор именно при дворе Нарасинхагупты Баладитьи внедрил в текст прозвище этого царя в лестном для него контексте, хорошо согласовывалось бы с тем, что: 1) фиксация текста Мбх приблизительно в том виде, как она дошла до нас, имела место именно при Гуптах, и 2) начальные главы «Ашвамедхикапарвы» по многим признакам должны быть отнесены как раз к этому позднему, завершающему периоду становления текста эпопеи.

[85] Уже комментировавшийся ранее эпитет *bhagavat* (см. примеч. 32) здесь применен к «Владыке сокровищ» Кубере, от которго ожидается, что он снабдит царя Марутту необходимыми для совершения обряда богатствами. Мы приняли здесь чтение многих рукописей *Kubero 'nucaraiḥ saha* вместо *kuberānucaraiḥ saha* (по Критич. изданию); последнее предполагает, что вся строфа Мбх XIV. 8, 7, состоящая из шести пад, описывает Шиву, «предающегося играм вместе со слугами Куберы», а не самого Куберу. Однако определенно царский атрибут описываемого персонажа — его пламенная «Царская Удача» (*Шри*) заставляет видеть в нем именно *царя* Куберу. О Кубере же идет речь и непосредственно вслед за этим (в стихе 11).

[86] Отсюда до конца абзаца следует перечень имен Шивы, открывающийся именем-эпитетом *bhagavat* («Владетель» = «Щедрый даритель»), который несомненно призван побудить бога к тому, чтобы оправдать это имя. Вообще называние в определенной последовательности «тайных» имен божества имеет целью магически подчинить себе адресата и заставить его выполнить обращаемую к нему просьбу. Именно этой цели вообще-то и служили встречающиеся в эпосе и в пуранах списки имен богов, подобные комментируемому (имен чаще всего бывает 108, здесь их больше). См., напр., в кн. III Мбх эпизод (гл. 3), в котором риши Дхаумья сообщает Юдхиштхире 108 имен Сурьи, бога Солнца, специально для того, чтобы царь мог добиться от бога исполнения своего желания: стоит только Юдхиштхире произнести имена бога, как к нему является Сурья и снабжает Пандавов с сопровождающими их брахманами волшебной пищей на все время их жизни в лесах (см.: Махабхарата 1987. С. 21—24). Так и здесь Марутта, получив от Самварты знание тайных имен Шивы, произносит их и тем самым побуждает бога даровать ему искомые богатства. За каждым из перечисляемых имен стоит соответствующий миф; недостаток места лишает нас возможности комментировать все эти мифы, знание которых не является необходимым для понимания событий, описываемых в «Ашвамедхикапарве».

[87] *Бильва* — Aegle marmelos (Correa) — вид дикой яблони, дерево, связанное с культом Шивы.

[88] *Джаташведас* — «Ведающий существами», или «Ведающий поколениями (людей)», ведийское имя-эпитет Агни, бога Огня (см.: *Findly* 1981).

[89] *Пурухута* — «Многими призываемый», имя-эпитет Индры.

[90] *Дымознаменный* — Агни, бог огня, которому дым служит как бы воздетым знаменем.

[91] *Приготовить ему... сиденье... приведи корову.* — Все перечисленные действия входили в церемониал приема почетного гостя по правилам домашнего ритуала, включая подведение гостю коровы, которую он мог «принять», т. е. приказать зарезать для пира, но чаще «отпускал» (см.: *Кудрявский* 1904. С. 117—129, 132—133).

[92] *Дхумакету* — «Дымознаменный», имя-эпитета Агни (см. примеч. 86).

[93] Букв.: «не-старения» (*ajarām*).

[94] *Праджапати* — древний Бог-Творец, породивший мир; в эпосе практически синонимичен Брахме.

[95] *Павака* — «Чистый», «Яркий», имя Агни.

[96] *Ашваттха* (или *пипал* — Ficus religiosa) — дерево, известное, в частности, тем, что его листья с длинным и тонким черенком, шевелятся при малейшем дуновении ветра. Эта особенность (у многих народов мира объясняемая присутствием в дереве сверхъестественных сил) и послужила, вероятно, исходной причиной высокого сакрального статуса ашваттхи в Индии (ашваттха — «мировое древо» ведийско-индуистской культуры, «дерево бодхи» у буддистов и т. д.).

[97] *Ваджра* — оружие (дубина, палица, «перун») громовержца Индры в его борьбе с асурами (см. подробнее: Индуизм 1996. С. 105—106).

[98] *...царь гандхарвов* — имеется в виду царь гандхарвов по имени Дхритараштра (*dhṛtarāṣṭra*), приближенный Индры.

[99] По представлениям раннего индуизма, молодой брахман, соблюдая обет *брахмачарья* (характеризующийся воздержанием всякого рода и прежде всего целомудрием), накапливал сверхъестественную энергию, дававшую ему возможность убивать обидчика взглядом или предавать его действию страшных проклятий.

[100] *...покуда не устремится на меня, (как разъяренная) слониха, (сама) Чандика.* — Перевод условен, сочетание слов *na caṇḍikā jaṅgamā no keraṇur* плохо осмысляется. Рукописная традиция свидетельствует в этом месте порчу текста, доводящую его до бессмыслицы. Если речь действительно идет так или иначе о Чандике — грозной, воинственной ипостаси Великой богини позднего индуизма, то это дает нам еще один повод рассматривать текст легенды о Самварте и Марутте как «пураническую» интерполяцию в Мбх, допускающую датировку лишь никак не ранее эпохи Гупт.

[101] *Калакейи* — разряд демонов-асуров.

[102] *Прахрада*, или Прахлада — царь асуров (дайтьев), некогда отнявший у Индры небесный престол, но побежденный им.

[103] Пример наслоения на древний мир более позднего. Как эпитет созданного брахманом Чьяваной на погибель Индре асуры Мады («Опьянение»), использовано здесь имя Вишварупы («Способный принимать любые формы») — трехглавого дракона, в ведийском мифе сотворенного Тваштаром также для мести Индре.

[104] *Дхритараштра* — имя царя гандхарвов, см. также примеч. 98.

[105] Здесь слово *aśman* (камень) употреблено как синоним *ваджры* — громовой дубины Индры. Представлении о каменной палице Громовержца восходит к до-ведийской, неолитической древности (эпоха индоиранской общности [см.: *Васильков* 1998а. С. 25—26]).

[106] *...все десять сторон света* — четыре основные, четыре промежуточные, зенит и надир.

[107] *Жрецы под нашим священным навесом.* — В оригинале здесь одно слово — *sadasyāḥ* — находящиеся в *cadase*, т. е. в священной ограде или под специальным навесом на жертвенной площадке.

[108] *Ваю* — бог ветра.

[109] *Мантры* — ведийские гимны или их фрагменты, а также отдельные сакральные формулы, произносимые в ходе ритуалов с магической целью (см. подробнее: Индуизм 1996. С. 262—263).

[110] *Шастры* — древнеиндийские тексты, трактовавшие разные отрасли специальных теоретических знаний, в том числе и правила ритуала (см. подробнее: там же. С. 457—458).

[111] *Установи, кому какие доли назначать.* — Принимаем здесь чтение нескольких рукописей: *svayaṃ sarvān kuru bhāgān* вместо *svayaṃ sarvān kuru mārgān* по Критич. изданию (в последнем случае пришлось бы с натяжкой переводить примерно так: «Установи сам все способы действия»).

[112] *Садасья* — семнадцатый жрец на жертвоприношениях сомы, надзирающий за всеми жертвенными действиями.

[113] *...править всей землей в пределах океана.* — Т. е. всем центральным континентом индийской космологии — Джамбудвипой.

[114] *Васудева* (*Vāsudeva*) — имя Кришны, традиционно понимаемое как патроним, т. е. имя по отцу: «Сын Васудевы (*Vasudeva*)», однако по контекстам Кришну определяют этим именем чаще всего тогда, когда необходимо подчеркнуть его божественную сущность.

[115] *Адитья* — здесь — Солнце, *Раху* — периодически поглощающий светило демон солнечных затмений.

[116] *Вришни* — род в составе племени ядавов, к которому принадлежал Кришна.

[117] *Брахман* — здесь — высочайший принцип мироздания, безличная Абсолютная реальность. Осознание тождества (или «слияние») глубинного не-эмпирического «Я» человека с Брахманом, равнозначное *мокше* (освобождение), являлось практической целью большинства систем древнеиндийской религиозной философии.

[118] Здесь начинается изложение уникального мифа, в котором отложились представления, восходящие к различным, разделенным веками и тысячелетиями этапам в развитии древнеиндийского традиционного мировоззрения. Древнейший слой представлен мифом о битве бога-Громовержца с хтоническим противником (Змеем) — основным мифом еще индоевропейской мифологии; для него характерен мотив последовательного укрывания Противника в разных предметах (камне, дереве, воде, скоте, человеке), которые бог последовательно поражает своей громовой стрелой или дубиной (см., напр.: *Иванов, Топоров* 1974. С. 75—81 и др.). В ранних упанишадах этот архаический миф впервые получает религиозно-психологическую интерпретацию: борьба между богами и демонами-асурами (частным выражением которой является битва Индры с Вритрой) идет, как выясняется, за контроль над жизненными силами (*пранами*) человека, в число которых входят различные способности восприятия, а также *манас*, речь и дыхание, т. е. *прана* в специальном смысле (БрУп I.3, *1—16*; ЧхУп 1.2 [Брихадараньяка 1964. С. 69—71; Чхандогья 1965. С. 5—51]). Демоны поочередно «поражают злом» праны, но боги (в БрУп: прана-дыхание) освобождают их. В рассматриваемом варианте из «Ашвамедхикапарвы», с одной стороны, возрождается очень архаичный мотив «вхождения» преследуемого демона в различные элементы,

последовательного «укрывания» в них, а с другой — поражаемые и высвобождаемые жизненные начала толкуются уже в духе *санкхьи*, как объекты или предметы (здесь *viṣaya = artha*) органов восприятия (*индрий*), составляющие в то же время «специфические свойства» (*viśeṣa*) разных материальных первостихий (*махабхут*, первоэлементов; связь между отдельными *пранами* и первостихиями обозначена уже в мифе БрУп).

[119] Ср. ЧхУп I.3,*3* «[Асуры], набросившись на него [обоняние], поразили его злом. Зло, [которое заключается в том], что оно обоняет дурное, и есть это зло» (Чхандогья 1965. С. 69).

[120] Хотя в тексте это прямо и не выражено, речь здесь идет о *манасе* — особом органе, осуществляющем координацию и синтез данных, которые поступают от других индрий (органов восприятия).

[121] *Васиштха* — мифический святой мудрец (риши).

[122] *Ратхантара* — название нескольких ведийских распевов (*саманов*).

[123] *śārīra* и *mānasa*.

[124] *Качества психики* — *ātmaguṇāḥ* — в данном контексте *саттва* будет означать умиротворенность, ясность, *раджас* — страстность, активность и *тамас* — косность, тупость, пассивность.

[125] *«Врожденная природа»* — термин *svabhāva*.

[126] В этом абзаце перечисляются различные обиды, причиненные Пандавам их врагами: кауравы, обманом выиграв у Пандавов в кости их общую супругу Драупади, силой привели ее, нарушая тем самым древний обычай, в Дом собрания воинской знати (Мбх II. 59—63; Махабхарата 1962. С. 118—132). Интерпретацию см. в статье: *Vasilkov* 1990; ср. *Васильков* 1988. С. 107—108. По условию повторной игры в кости кауравы вынудили Пандавов уступить им царство и уйти на 12 лет в лесное изгнание (Мбх III.1; Махабхарата 1987. С. 14—16). Демон Джатасура напал на Пандавов и Драупади во время их лесного изгнания, но был убит Бхимой (Мбх III. 154; Махабхарата 1987. С. 313—316). Битва с царем гандхарвов Читрасеной описана в Мбх III. 230—235. См. также: Махабхарата 1987. С. 473—481. Царь страны Синдху (долина Инда) Джаядратха пытался похитить Драупади, но был повержен и унижен Пандавами (Мбх III. 248—256; Махабхарата 1987. С. 504—517). Во время пребывания Пандавов инкогнито при дворе царя матсьев Вираты Драупади (Яджнясени-дочь Яджнясены), скрывающаяся под видом служанки, подверглась грубым домогательствам и оскорблениям со стороны военачальника Кичаки (Мбх IV. 3—23; Махабхарата 1967. С. 26—46). В тексте подчеркивается, что Юдхиштхиру не волнуют воспоминания об этих обидах, так как он, в соответствии с этикой героического фатализма, видит во всем происходящем проявления Рока, Судьбы (здесь: *diṣṭaṃ*). Во втором, довольно темном и, возможно, дефектном стихе абзаца скрыт, возможно, намек и на то, что Юдхиштхира не чужд и другому фаталистическому учению, объяснявшему все происходящее действием непостижимой «исконной/врожденной природы» (svabhāva) всех вещей.

[127] *Дрона* — брахман-воитель, наставник кауравов и Пандавов в военной науке. Хитростью убит Пандавами в великой битве (см.: Махабхарата 1992. С. 419—420).

[128] Логику рассуждений Кришны в этой главе можно восстановить следующим образом. Исповедуемый Юдхиштхирой героический фатализм ведет к этическим следствиям двоякого рода: либо к отказу от действий вообще, либо к стоическому бескорыстному исполнению героического долга при любых обстоятельствах, безотносительно к причудам непостижимой слепой судьбы. Кришна не просто направляет царя по этому второму пути: он призывает его к тому, чтобы достичь посредством деятельности *освобождения* — т. е. по сути дела учит его «йоге (незаинтересованного) действия», *карма-йоге*, которая была в то же время и *буддхи-йогой*, поскольку предполагала перестройку сознания (высшего начала психики — *буддхи*). Это учение ранее Кришна открыл Арджуне в знаменитой «Бхагавадгите» (Мбх VI. 23—40: Бхагавадгита 1945 [текст]; Бхагавадгита 1977 [перевод]; *Семенцов* 1985. С. 144—222 [перевод]).

[129] *Атман* — многозначный термин, в своем наиболее известном (ведантистском) значении: иеэмпирическое, глубинное «Я», которое йогин должен сперва выявить в себе, а затем достичь осознания тождества своего Атмана с Абсолютом (Брахманом). Здесь, скорее, термин употреблен в более широком значении, в котором он встречается также в «Бхагавадгите»: сознание, психика, внутренний / духовный мир (ср. сказанное ранее в этом же абзаце об «оружии манаса» — по контексту синонимичном).

[130] Ср. учение Бхагавадгиты (гл. 2, *40*; 6, *40—44*), согласно которому усилия человека, вступившего на стезю «йоги действия», не пропадают впустую: даже если он не достиг цели в этом рождении, он не отбрасывается назад, но обретает в новом бытии статус, максимально благоприятный для дальнейшего прогресса в деле освобождения.

[131] *Дух* — в подлиннике — *sattva*.

[132] *Рассекая тела живых существ, не изменяет* (*принципу*) *ахимсы*. — В подлиннике: *bhittvā śarīraṃ bhūtānāṃ ahiṃsā pratipadyate*, букв. «рассекши тело живых существ, ахимса (принцип невреждения живому) имеет место / соблюдается» (рассогласованность деепричастного оборота — элемент позднего стиля в Мбх, признак, свидетельствующий о создании данного фрагмента текста, скорее всего, уже в письменной традиции).

[133] Под «*великой напастью*» (*mahābhaya*) надо понимать сансарное бытие, а обещанное избавление от него означает *мокшу*, освобождение.

[134] Как «чувственность», «чувственное желание» и просто «желание» здесь переводится одно слово: *kāma*.

[135] *Кама* «Желание» — древнеиндийский бог любви.

[136] *Тех подвижников, чье богатство составляет пыл подвижничества* (*munibhis tais tapodhanaiḥ*). — Заслуживает внимания то, что в непосредственно предшествующих главах 11—13 к Юдхиштхире обращался Кришна Васудева, а как речи «подвижников», и прежде всего главного из них, святого мудреца Кришны Двайпаяны Вьясы, можно рассматривать более ранние главы: 2—10. Отсюда следует предположение, что текст глав 11—13, довольно темный, содержащий противоречия и довольно невразумительные места, но явно свидетельствующий о попытке снова вложить в уста Кришны Васудевы некоторые (на этот раз — довольно плохо усвоенные) идеи Бхагавадгиты, скорее всего, является поздней интерполяцией (если не клубком интерполяций).

[137] *Всепрославленный Владыка* (*bhagavat viśvaśravas*). — Как «Владыка» (*bhagavat*), так и «Широкославный» (*viśvaśravas*) засвидетельствованы в качестве эпитетов Вишну-Кришны, хотя могут в принципе относиться и к иному персонажу, здесь в частности — к Кришне Двайпаяне Вьясе.

[138] В данном перечне *Девастхана* является именем древнего мудреца-риши, Кришна «Черная / Смуглая» (*Kṛṣṇa*) — имя-эпитет супруги Пандавов Драупади; Бхима, Накула, Сахадева и Виджая («Победоносный», прозвище Арджуны) — имена остальных Пандавов, братьев царя Юдхиштхиры.

[139] *Мужами-тиграми* — т. е. воителями, царями.

[140] *...дед мой...* — Кришна Двайпаяна Вьяса как фактический отец (по обычаю *нийога*) Дхритараштры, Видуры и Панду, отца Пандавов.

[141] *Владыка* — здесь — *bhagavat*, см. также примеч. 137.

[142] *Пхальгуна* («Рожденный под созвездием Пхальгуни») — одно из имен Арджуны.

[143] *...Пропустив вперед Дхритараштру* — как старшего в роде, в знак уважения.

[144] *Город, носящий имя слона.* — Поэтическое (отчасти, возможно, и шутливое) именование столицы страны Куру Хастинапуры (в названии которой «народная этимология» выявляет слово *hastin* — «слон»).

[145] Дхритараштра, дядя Пандавов, считался их отцом, так как принял на себя заботу о них после смерти своего брата и их действительного отца Панду.

[146] *...коему мудрость его служила единственным оком...* — Эпитет *prajñācakṣus*, фиксирующий контраст между физической слепотой и духовным ви́дением, в Мбх может быть применен по отношению ко всякому слепому, но мудрому человеку (как, напр., в кн. III. 281, *91* — об отце Сатьявана, героя «Повести о Савитри»), но эпитетом закрепленным, переходящим в номинационный эквивалент, он является именно в отношении трагической фигуры Дхритараштры.

[147] *Завоеватель богатств* (*Dhanaṃjaya*) — имя-эпитет Арджуны.

[148] *Нандана* («Веселящая») — чудесная увеселительная роща богов в небесном мире Индры.

[149] Имеется в виду *Дом собрания* (*sabhā*), построенный для Пандавов в их столице *Индрапрастхе* зодчим богов Майей; зависть Кауравов к Пандавам, вызванная великолепием этого дворца, явилась одной из главных причин роковой игры в кости и последовавшей великой распри (Мбх II. 1—4, 43; см. также: Махабхарата 1962. С. 7—12, 87—88).

[150] В традиции раннего индуизма эпические герои Арджуна и Кришна (соотносившиеся прежде с Индрой и Вишну соответственно как их земные воплощения) были признаны воплощениями двух древних святых (в свою очередь интерпретировавшихся как формы Вишну) — Нары и Нараяны.

[151] *Джанардана* — это имя-эпитет с тройным прочтением — (1) «Побуждающий людей», 2) «Уничтожающий [злых] людей», 3) «Почитаемый человечеством») — может относиться как к богу Вишну, так и к Кришне — его полному воплощению на земле. Здесь имеется в виду именно Кришна, называемый также по своему деду «Шаури» — *внук Шуры*.

[152] *Саттвата* (*Sātvata*) — племенное имя ядавов, выступающее так же как имя-прозвище Кришны.

[153] *Гудакеша* (*Guḍākeśa*) («с шаром волос на голове») — прозвище Арджуны (как здесь), а иногда и Кришны.

[154] *Савьясачин* («Равно владеющий правой и левой рукой») — прозвище Арджуны.

[155] *Бхимасена* («Грозное воинство») — полная форма имени «Бхима»; *Близнецы* — младшие Пандавы Накула и Сахадева, сыновья Панду не от Кунти, а от второй жены Мадри.

[156] *Сын Шуры* — Васудева (*Vasudeva*), отец Кришны; *Баладева* (также Баларама, Рама) — старший брат Кришны, в генетическом аспекте — божество, связанное с земледелием. Первоначально Кришна и Баладева почитались в Северной Индии, как свидетельствует, в частности, эпиграфика, в составе группы «пяти вришнийских героев» полубожественного характера.

[157] Кауравья — «потомок Куру», здесь: обращение к Арджуне.

[158] *Дваравати* (Дварака) — «Многовратная», великолепная столица Кришны, построенная им на крайнем западе Индии, на берегу океана; в нее он переселил из Матхуры племя ядавов, чтобы укрыть его от врагов.

Главы 16—50: Анугита

(Составитель *Я. В. Васильков*)

[1] Имеется в виду знаменитая «Бхагавадгита» — эпизод из кн. VI Мбх («Бхишмапарва»), в котором Кришна перед началом великой битвы открывает Арджуне свое божественное величие и проповедует ему учение об особом мистическом пути «незаинтересованного действия», открывающем возможность обретения религиозного спасения без отказа от повседневной деятельности и ухода из мира; напротив, на пути «карма-йоги» добросовестное исполнение человеком своего родового и общественного долга само становится средством к освобождению (см.; *Telang* 1882; Бхагавадгита 1945; Бхагавадгита 1977; *Семенцов* 1985; в настоящее время готовится к изданию новый перевод «Бхагавадгиты» — в составе всей «Бхишмапарвы», — выполненный проф. В. Г. Эрманом).

[2] *Мадхава* — именование вождей племени ядавов по одному из легендарных предков; здесь относится к Кришне.

[3] *Брахма* — один из трех верховных богов индуизма; в мифологических представлениях его небесный мир выступает наивысшим в иерархии небесных миров (сказывается, по-видимому, корреляция между мифологической фигурой Брахмы, мужского рода, и религиозно-философским понятием Брахмана, в среднем роде, — Абсолюта, безличного божественного начала мироздания).

[4] *Сопровождаемый свитой... сиддхов.* — Мы принимаем здесь чтение ряда рукописей (*siddhair... cā 'nucaraiḥ saha'* — «и с сопутствующими /ему/ сиддхами»). В Критич. издании: *siddhair... cakradharaiḥ saha* — «с сиддхами-дисконосцами» или «с сиддхами и чакрадхарами», где *чакрадхары* (букв. «дисконосцы») выступали бы как некий неизвестный по другим источникам разряд мифологических существ. *Сиддхи* — класс полубожественных существ, достигших духовного совершенства и обладающих сверхъестественными способностями.

[5] *Коснулся... стоп.* — В традиционной культуре Индии до настоящего времени это жест, которым обычно приветствуют наставника.

[6] Здесь, согласно чтению Критического издания и многих рукописей, в применении к Кашьяпе использован эпитет, широко распространенный в батальных книгах эпоса: *paraṃtapa*, в исходном значении — «испепелитель (букв.: тот, кто обжигает, опаляет, притесняет) недругов», эпитет сугубо воинский и брахману Кашьяпе явно не подходящий. Можно было бы предложить, что здесь имела место порча текста, и эпитет, прежде стоявший в звательном падеже и относившийся к Кришне (ср. в следующем стихе обращение: «О Джанардана!»), оказался переделан в именительный падеж; но такое предположение отводится тем фактом, что далее, в обращении неизвестного брахмана-наставника к Кашьяпе обращение *paraṃtapa* употреблено вновь, и уже не может быть никаких сомнений в том, что оно адресовано именно брахману Кашьяпе (стих 41). Следовательно, автор данного фрагмента в Мбх неправильно понимал значение традиционного героического эпитета. Он, по-видимому, интерпретировал *tapa* («жгучий, обжигающий») в связи с *tapas* «внутренний жар (пыл), накапливаемый в подвижничестве», а *paraṃ* воспринимал как наречие: «в высшей степени», «преизбыточно» и т. п. И это дает нам ценную деталь для характеристики условного автора (скорее, авторов) «Анугиты». Это уже был явно не кшатрийский певец-сута, владевший всем арсеналом героико-эпической формульности, а, скорее, носитель традиций «аскетической поэзии», хранивший пуранические по характеру предания, вроде

предваряющей «Анугиту» легенды о Самварте, а также популярные тексты древнеиндийского гносиса, к каким несомненно принадлежит «Анугита». Вполне возможно также, что этот условный «автор» «Анугиты» был уже книжником, а не устным поэтом-сказителем.

[7] Здесь снова употреблен эпитет *paraṃtapa* в неправильном его понимании (см. предыд. примеч.).

[8] Знание мыслей и желаний незнакомого посетителя (а иногда и его биографии) издревле демонстрировалось индийскими аскетами и мистиками, сторонние свидетельства находим уже у античных авторов (см.: *Филострат* 1985. С. 57—58). И в наши дни подобный акт «чтения мыслей» нередко служит в Индии «визитной карточкой» лица, обладающего глубинным религиозным опытом или претендующего на это.

[9] *Сансара* — круговорот перерождений; мир конечного, превратного, невечного в противопоставлении Абсолюту.

[10] *Совершенный* — в санскритском тексте *siddha* — термин, означающий человека, обретшего в процессе йогического совершенствования — *siddhi* — паранормальные телесные или психические способности, реализуемые прежде всего как власть над первостихиями во внешнем мире (см. о них: Индуизм 1996. С. 399—400). В частности, власть над стихией ветра дает «совершенному» возможность летать по воздуху; отсюда рассказы о левитации исторических святых, а также распространенное мифологическое представление о *сиддхах* как «полубогах» (точнее сказать — достигших совершенства святых), сонм которых (числом 88 000) носится в пространстве между землей и солнцем (см., напр.: *Dowson* 1993. P. 292). Об этих обезличенных *сиддхах* (как спутниках обретшего совершенство брахмана в его странствиях по мировому пространству) говорится выше, в стихе 16, 22, где мы предпочли оставить термин без перевода. «Великими совершенными», *махасиддхами*, называются 84 легендарных (отчасти и исторически существовавших) йога, культ которых процветал в VI—XII веках, как, напр., Горакхнатх, Матсьендранатх и др. (Индуизм 1996. С. 271).

[11] В действительности, как отмечает Дж. Брюс Лонг, брахман отвечает лишь на три вопроса из числа заданных Кашьяпой: о процессе смерти и оставления тела; об обретении нового тела; о механизме перерождения (*Bruce Long* 1983. P. 52).

[12] *Противоположной направленности (viparītāni)* — т. е. сокращающие жизнь, бесславные.

[13] *Гуморы.* — Этим восходящим к античности термином старинной европейской медицины (лат. *humoris*) мы передаем близкое индийское понятие, обозначаемое термином *doṣa*. Имеются в виду три телесных первоначала (санскр.): pitta (желчь), kapha (флегма, слизь) и vāyu (ветер, пневма), равновесие которых в организме означает его здоровье, а доминирование того или другого означает неподобающую крайность и болезнь (см. о них, напр.: *Бонгард-Левин, Герасимов* 1975. С. 293—295, 298—299).

[14] *Природный жар* — в санскритском тексте — *ūṣman*, что Дж. Брюс Лонг (*Bruce Long* 1983. P. 53) определяет как «изнуряющий / разрушительный жар» (debilitating heat) и идентифицирует с «лихорадкой» (*jvara*); однако, в «Сушрута-самхите» (Uttara-tantra. XXXIX. 6—7) *ūṣman* — это именно природный жар в теле, который, лишь будучи возмущен, распространяется по всему организму, вызывая лихорадку (*jvara*).

[15] *«Свирепый ветер»* — *tīvravāyu*. Как отмечал К. Теланг в примечаниях к своему переводу АГ, традиционные комментаторы подчеркивают отличие этого «свирепого ветра» от «жизненных ветров» внутри человеческого организма — *пран* (*Telang* 1882. P. 237). Двойственное отношение к Ветру как к стихии и божеству, совмещающие в себе живительно-целительную и разрушительно-губительную функции, восходит, возможно, к индоевропейской мифологии и уже определенно проявляется в образе индоиранского бога Ваю/Вайу, выступающего и как податель жизни, бог жизненного дыхания, и как губитель, бог, пресекающий всякое дыхание и жизнь (*Абаев* 1965. С. 11—115; *Абаев* 1990. С. 105—106; *Васильков* 1991; Индуизм 1996. С. 115—116; *Vasil'kov* 1993. P. 785) Данное место АГ свидетельствует, что двойственность Ваю проявилась и в древнеиндийских протонаучных представлениях: «свирепый ветер» (ср. «злой Вай» в среднеперсидской традиции) здесь нагнетает жар, в результате чего прекращают свою деятельность *праны* — жизненные дыхания, жизненный ветер (ср. также Рам. VII. 35 и Мбх XII. 315, где бог Ваю и ветер как первоэлемент определенно выступают в связи со смертью).

[16] *Праны* (*prāṇāḥ*) — жизненные ветры (*pañcavāyu*), или потоки жизненосной тонкой энергии в теле: 1) собственно *прана* — выдох, 2) *апана* — вдох, 3) *удана* — верхнее дыхание, выносящее с собой речь, 4) *самана* — центростремительное, метаболическое, 5) *вьяна* — центробежное, по всему телу расходящееся дыхание.

[17] *Жизненные центры* — *marmāṇi*. В традиционных медицинских представлениях индийцев *марманы* — точки или «узлы» в организме, по которым движутся «жизненные ветры» — *праны*. Главным таким центром является сердце, другие *марманы* в разных текстах перечисляются по-разному (см., напр., Яджнявалкья-смрити 3, *92*; *Nilakantan* 1989. P. 78; ср. *Feuerstein* 1990. P. 215).

[18] *Душа — jīva.*

[19] Глагол, обозначающий действие, которое мы здесь переводим, как «разрыв» (ср. ранее: *«разрывает* жизненные центры») — *chid* — или синоним *bhid* — («рассекать», «раскалывать») — здесь, скорее всего, употреблен в значении «заставлять лопаться» (*марманы* лопаются, вскрываются под воздействием жара).

[20] *Точно такие же страдания...* — В тексте явно выражена мысль о сходстве и даже однопримордности страданий, переживаемых человеческим существом в момент смерти — и в перинатальный период. Так же понимает это место Дж. Брюс Лонг, поясняющий, что речь идет о страдании, испытываемом человеческим существом в тот самый момент, когда оно, пребывая в «тонком теле», внедряется в утробу своей будущей матери и там резко переходит к новой форме существования — в «грубом теле» (*Bruce Long* 1983. P. 55). Однако нам кажется возможным понимать эти слова и как описание «травмы рождения», которая не раз упоминается в древнеиндийских текстах, в том числе и в Мбх (см., напр.: XI. 4,5. См. также: Махабхарата 1998. С. 58, 192). Утверждая однопримордность психологических переживаний в момент смерти и в перинатальный период, древнеиндийская протонаучная мысль оказывается предшественницей некоторых тенденций в психологии XX века (см., напр.: *Топоров* 1983. С. 246; ср. сходные идеи в трансперсональной психологии Грофа (*Гроф* 1992. С. 78—80; *Гроф* 1994. С. 136).

[21] *Чьи сочленения повреждены...* — *bhinnasaṃdhi* — это может означать повреждения, полученные существом в «тонком теле» при переходе к новой форме существования в материнской утробе, в «грубом» теле эмбриона; но возможно видеть здесь и повреждения, получаемые плодом в акте рождения вследствие сокращений стенок матки. В Мбх XI. 4.5 прямо сказано, что, проходя через родовой канал, плод испытывает страдания (по традиционным представлениям, они имеют своим психологическим следствием утрату памяти о прошлых рождениях) *«из-за сдавленности лоном»* (yonisaṃpīḍanāt).

[22] *Ощущает влажность вод...* — Имеются в виду, возможно, околоплодные воды. Следует также, по-видимому, помнить о том, что в известном фрагменте с «перинатальной» тематикой из поэмы тамильского мистика Маниккавашагара «Тирувашагам» (ок. IX в.) припоминаемое автором переживание им собственного рождения описывается как прохождение им (на завершающем, десятом месяце утробного существования) через «горестное *море* страданий» (*Кёйпер* 1986. С. 130; *Топоров* 1995. С. 610).

[23] Т. е., если речь идет о моменте рождения, выхода из утробы, — вступает в мир, состоящий из пяти первоэлементов. Если же речь идет о моменте вхождения *дживы* в утробу, то подразумевается его соединение с «грубым» телом эмбриона, состоящим из пяти элементов.

[24] *Брахман* — судя по контексту, этот термин относится здесь к «душе» — *дживе* (см. *Bruce Long* 1983. P. 54).

[25] *По тем каналам, через которые (прежде) облеченный в тело воспринимал предметы чувств.* — Имеются в виду пять органов восприятия, вызываемые «пятью протоками» или «рукавами (реки)» уже в ШветУп (I.5). См. также: Упанишады 1967. С. 115, 277.

[26] *Джива* (*jīva*) — индивидуальный дух или душа конечного существа, то, что подвергается перерождениям и переходит из тела в тело. Джива обременен всем аппаратом индивидуальной психики, но в то же время несет в себе Атман (*jīvātman*), который в принципе тождествен высшему началу мироздания.

[27] *«Жизненный центр»* — *marman* (см. примеч. 17 к данному разделу).

[28] *Существо, хоть и сохраняет способность сознания, ничего не сознает* (*tataḥ sacetano jantur nābhijānāti kiṃcana*). — Дж. Брюс Лонг полагает, что речь здесь идет о коматозном состоянии (*Bruce Long* 1983. P. 54).

[29] *...с чистым сердцем...* — Здесь и ниже в этом абзаце таким образом переводим слово *manas*.

[30] *...повинуясь руководству сердца (как родового жреца)* — *purodhāya mano* — такой смысл предполагается глаголом *puras* + *dhā* («ставить перед собой»); ср. термин, обозначающий родового жреца при царе, его духовного руководителя — *purohita*.

[31] Именно подверженность этим двум порокам, как указывает К. Теланг, и есть причина, по которой человек не может выйти из сансары, но обречен на новое рождение (*Telang* 1882. P. 241).

[32] *Сознание* — здесь так переводим слово *manas*.

[33] *Вместилища пран* — возможно, имеются в виду «жизненные центры» — *марманы* (см. примеч. 17).

[34] *Сознание* — здесь так переводим слово *cetanā*.

[35] *Джива* в этом примере, по-видимому, проявляет себя через сознание (cetanā). См. след. стих и ср. также использование того же примера с раскаленным железным шаром применительно к cetanā в комментарии Шанкары на БхГ 10.22, где сказано, что сознание проявляет себя в теле, «как огонь в раскаленном железном шаре» (taptaiva lohapiṇḍe agnir).

[36] *Сознание* — здесь: cetanā.

[37] *Брахмачарья* — здесь, по-видимому, обет целомудрия. Иногда употребляется и в более широком смысле — воздержания вообще.

[38] *Претерпевает приход свой в этот мир* — nikṛto 'yam ihāgataḥ' — букв.: «претерпевающее умаление/унижение/страдание (nikṛto) оно сюда пришло». В Бомб. изд. вместо nikṛto — vikṛto (измененное к худшему, исказившее свою природу). Нилакантха комментирует: «Этот Атман, будучи тождествен Брахману, деградирует, перейдя в состояние дживы (*дживатва*)». Брюс Лонг полагает, что в стихе АГ речь идет о дживе, который под воздействием плода своих прежних деяний обретает статус существования, «отличный от своей истинной природы (т. е. противоположный ей)» и поясняет: «О ненормальности для *дживы* статуса воплощенного (*дехин*) свидетельствует стандартное использование термина doṣa (скверна, грязь, нечистота) применительно к трем основным гуморам тела» (*Bruce Long* 1983. P. 59).

[39] *Прадхана* (букв.: «Основа») — синоним Пракрити (первоматерии, из которой, в ходе ее эволюции, разворачивается и внешний, и психический мир), а иногда — только высшей ее формы (Непроявленного).

[40] *Сознание* — cetanā.

[41] Этот трудный стих можно понять только в свете БхГ 15, *16—18*, где говорится о пребывающих во Вселенной «трех пурушах»: «тленном» (kṣara), который разъясняется как совокупность «всех существ», нетленном (akṣara), который именуется также «вышним», «пребывающим на вершине» (kūṭastha), и еще более высоком, «Высшем», который тождествен «Высшему Атману» и Богу — Ишваре. В нашем стихе из АГ третье начало определяется как «Бессмертное» (amṛta). Из этих трех начал в каждом отдельно взятом живом существе присутствуют лишь первые два: «тленное» и «нетленное». Третье («бессмертное») признается, по-видимому, трансцендентным.

[42] *Разум* — caitanya.

[43] *Кто привержен «узкому пути»...* — ekāyane līnaḥ.

[44] *«Бездействующий»* — nirārambhaka.

[45] *...кто к моменту разрушения телесных элементов достиг ясности духа* — dhātukṣayaprasādātmā. Слово dhātu в разных контекстах имеет разные значения. Иногда это — пять первоэлементов (mahābhūta), — иногда — гуморы (doṣa) или органы восприятия (indriya). Теланг переводит: «Whose self is tranquillised by the exhaustion of the primary elements of the body». Гангули: «Who wastes the elements of his body for attaining to a tranquillised soul».

[46] *Подобен* (*перевернутой*) *ашваттхе.* — В Критич. издании иначе: «(Кто видит мир пребывающим) в неестественном состоянии и лишенным своей воли» (asvastham avaśam). Мы принимаем здесь чтение Бомб. издания и многих рукописей: aśvattha-sadṛśaṃ. В Гите (*15.1—4*; Мбх VI. 37.*1—4*). Кришна уже приводил образ дерева ашваттха (растущего «корнями вверх, ветвями вниз») как символ иллюзорного и преходящего сансарного мира. Адепт должен приучать себя видеть мир в этом образе, чтобы потом «острым мечом срубить ашваттху», т. е. отбросить его. Шанкара в своем комментарии к этому месту Гиты дает «этимологическую реинтерпретацию» слова aśvattha: na śvo 'pi sthāt 'ety aśvattha tat («не простоит даже до утра — такова эта ашваттха»), т. е. священное дерево архаической мифологии, служившее прежде моделью мира, в раннем индуизме выступает как символ бренности.

[47] *Гуны* (букв.: «нити») — три составляющие / три аспекта Пракрити (Природы, первоматерии), в ходе взаимодействия или перекомбинирования которых осуществляется ее развертывание (эволюция). Характеристики *саттвы* — светлость, ясность, прозрачность, умиротворенность; *раджаса* — цветистость, активность, страстность; *тамаса* — темнота, помраченность, инертность.

[48] Не только термин nirvāṇa (этимологически: «без-вейность»), но и выраженная в этом стихе концепция спасения как «угашения» или успокоения сознания посредством подавления в нем всяких возмущающих импульсов весьма напоминают буддизм.

[49] Здесь слово saṃskāra употреблено в специальном значении, характерном для учений санкхьи и йоги: «латентные предрасположенности», или «импульсы» (Ларсон), являются «отпечатками» в сознании человека его прошлого опыта.

[50] *Нетленному* — akṣaram.

[51] *Сознание* — здесь: manas.

[52] *Прозревает своим духом Атман* — ātmanātmānaṃ... prapaśyati — здесь, как и в предыдущем стихе (yoktum ātmānam ātmani... paśyaty ātmānam ātmani), идет игра на различных значениях слова ātman (1) возвратное местоимение; 2) совокупность индивидуальной психики [= *антахкарана*]; 3) высшее, не-эмпирическое, или космическое «Я», и др.).

[53] Из куста растения *мунджа* (Saccharum Sara), достигающего иногда значительных размеров (до 3 метров в высоту) извлекали твердые и гибкие стебли, которые затем использовались для плетения корзин.

[54] Возможно — в собственном, но, возможно, и в любом другом теле.

[55] Пример со стеблем *мунджа* популярен уже в самых ранних текстах, связываемых с протосанкхьей (см.: *Шохин* 1987; *Шохин* 1995. С. 22; ср. Мбх V. 44.*4*). В переводе «Санатсуджатапарвы», содержащемся в книге В. И. Кальянова, те же, что и в АГ, слова muñjāt... iśīkām («[как] из растения мунджа... стебель») переданы словами «[как] тростник из зарослей» [?] (Махабхарата 1976. С. 108).

[56] Возможно и другое понимание, которому следует К. М. Гангули: «Над ним тогда нет господина, ведь он сам является Владыкой трех миров».

[57] *Чье сознание умиротворено* — śāntamānasaḥ — букв.: «Тот, чей манас умиротворен».

[58] *Но и презрение к миру не пристало подвизающемуся* — nirvedas tu na gantavyo yuñjānena katham cana. — Другое возможное понимание (в зависимости от избранного значения слова nirveda): «Но предающийся йоге не должен отступаться (от нее — ради обретения мирских благ, вкушение которых сделало бы его равным Индре)».

[59] *Индрии* — часто представляются как «органы», но в действительности, скорее, способности восприятия (*buddhīndriya*, числом пять: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), осознавания (*manas*) и деятельности (*karmendriya*, числом пять: манипуляции, хождения, говорения, выделения и размножения).

[60] *«Узилище сердца»* — hṛdayabandhanam — термин, скорее всего, анатомический (напр.: «сердечная сумка» или «сердечная мышца»). У Теланга: «seat of the heart»; у Гангули: «ligatures of the heart»; у Дейссена: «die Adernverbindung des Herzens»; у Б. Л. Смирнова: «сердечные жилы». Ср., однако, метафорические «узлы сердца» (hṛdayasya... granthayaḥ) в КатхУп (6.*15*).

[61] Принимаем здесь чтение многих рукописей ity uktaḥ sa tadā или ity uktaḥ sa tataḥ — вместо ity uktaḥ sa mayā «услышав это от меня» Критич. издания. Ведь брахман, «пришедший из небесного мира» (16,*14*), пересказывает Кришне (Губителю Мадху) диалог между брахманом-сиддхой и его «смышленым учеником», Кашьяпой. Общепринятое чтение этого места лишено смысла, но никто из переводчиков никак его не комментировал.

[62] *Губитель Мадху* — Кришна, убивший асуру по имени Мадху.

[63] Референт этого местоимения неясен; однако оно присутствует во всех основных версиях текста. Можно предположить, что здесь имела место порча текста на очень глубоком уровне рукописной традиции. Можно думать, что местоимение первого лица употребляет брахман, «пришедший из небесного мира» и беседующий с Кришной, но тогда не ясно, кто выступает в роли вопрошающего ученика.

[64] *Озаряет в душе Великого* — mahān ātmani dṛśyate — игра слов, содержащая намек на то, что под словом mahān (великий) определенно подразумевается mahān ātman (Великий Атман), в ранней санкхье — первый, ближайший результат эволюции Непроявленной Пракрити, который здесь по контексту оказывается тождественным Атману и Брахману.

[65] *Словно стебель растения мунджа.* — Так согласно комментарию Нилакантхи (muñjeṣīkāvat paśyati).

[66] *Вайшьи* — члены третьей по статусу из четырех варн — сословий древнеиндийского общества: занимались в основном земледелием, скотоводством и торговлей. *Шудры* составляли четвертую, низшую варну (зависимые лица, «черный» народ).

[67] Этот стих на три пады из четырех совпадает со стихом БхГ 9, *32*: «Даже те, кто зачаты в грешных лонах, женщины, вайшьи и даже шудры, если только они... обретают тот высший удел». Однако условием достижения высшей цели в Гите названо «искание во Мне прибежища» (māṃ hi pārtha vyapāśritya), тогда как в АГ они должны для этого «указанным способом следовать дхарме» (evaṃ hi dharmam āsthāya). «Указанным способом» (букв. «так именно» — evaṃ) — означает, по контексту, познание Брахмана. Вариантами стиха красноречиво свидетельствуется основное мировоззренческое различие между БхГ и АГ — различие между теистическим бхакти и не-теистическим гносисом Санкхьи.

[68] *Что уж и говорить о брахманах или многознающих кшатриях...* — kiṃ punar brāhmaṇāḥ pārtha kṣatriyā vā bahuśrutāḥ — эта полушлока варьирует полушлоку БхГ 9, *33ab*: kiṃ punar brāhmaṇāḥ puṇyā bhaktā rājarṣayas tathā («Что уж говорить о чистых брахманах или о царственных риши-бхактах...»). Вариация в АГ имеет опять-таки (см. предыд. примеч.) мировоззренческий характер: удалено упоминание о *бхактах* (и следовательно, о *бхакти*, теизме), зато подчеркнуто *многознание* тех же мудрецов-кшатриев, а во второй полушлоке их практика описана как гносис, направленный на постижение безличностного Брахмана. Словом «многознающие» в нашем переводе передан эпитет bahuśrutāḥ — букв. «много слышавший», — отражающий специфику традиционного индийского образования, преимущественно — устного.

[69] *Мирское знание* — lokatantra — букв.: мирская доктрина, мирское учение. Возможно, речь идет просто о мирской системе ценностей, но не исключено и то, что имеется в виду конкретно философский материализм (*локаята*).

[70] *...о счастливая!* — subhage — обычное (с ведийских времен) обращение к замужней женщине, имеющее значение магического пожелания ей счастливой женской доли.

[71] Речь идет, по-видимому, о физическом действии другого лица, которое можно ощутить благодаря способности осязания.

[72] *Бесами* — rakṣobhiḥ — ракшасами.

[73] *Сома* — бог Луны и священного жертвенного напитка.

[74] *Где входит (в тело) тот Мудрый, что поддерживает все живые существа.* — Согласно комментарию Нилакантхи, имеется в виду Ваю — Ветер, жизненное дыхание. Имя «Ваю», возможно, и в самом деле «зашифровано» здесь в существительном vyavāya (вхождение, проникновение).

[75] *Непреходящему* — tad akṣaram.

[76] *Набор (элементов)* — tantra — что можно было бы здесь перевести также как «система». Согласно комментарию Арджунамишры, имеется в виду система элементов психокосма: пять первоэлементов (*махабхута*), 11 индрий (5 индрий действия, 5 — восприятия, плюс *манас*), ветер (жизненное дыхание) и индивидуальная душа (*Telang* 1882. P. 258). У Нилакантхи — «функционирование творения и прочего». П. Дейссен перевел как «ткань/паутина творения».

[77] Текст в этом месте явно испорчен, причем вариант Критич. издания (prāṇān āyamyate yena) не является более осмысленным, чем другие. Мы ориентировались на чтение Бомб. издания и многих рукописей, представляющих так называемую Вульгату — prāṇānām āyatattvena.

[78] *Вайшванара* («Всенародный») — имя-эпитет Агни, бога Огня; часто — обозначение огня как стихии.

[79] *Буддхи* — познавательно-волевая способность, или «высший ум», стоящий над манасом. В схеме эволюции этим термином в классической санкхье также обозначается первый продукт развертывания Пракрити, предшествующий Самости (*ахамкаре*), порождающий ее и синонимичный понятию «Великого» (*махат*).

[80] *Для меня* — mama. — Референтом местоимения является, по-видимому, брахман-йогин, рассказывающий супруге-брахманке о своей йоге, которая и описывается как «внутреннее жертвоприношение», совершаемое на огне индрий (органов восприятия). Теланг, однако, полагал, что местоимение относится к Агни Вайшванаре. Дейссен переводил mama как «для моего Я» (fur mein Ich), чем в принципе не противоречил пониманию Теланга, поскольку считал, что «Агни Вайшванара» в этом отрывке является символическим обозначением Атмана (*Deussen* 1922. S. 906).

[81] По мнению Ратнам Нилакантан (*Nilakantan* 1989. P. 168—169) имеются в виду специальные божества, ведающие отдельными индриями.

[82] *В подобающих им лонах,* — т. е. в соответствующих средах — первостихиях (см. след. стих.).

[83] *Во время гибели мира и (нового) сотворения живых существ* — pralaye bhūtabhāvane — толкование предполагает необычное (но допустимое) употребление в данном случае сложного слова bhūtabhāvana. Если допустить, что оно все же употреблено здесь в традиционном значении, перевод будет иной: «В момент гибели мира, ведущей (в конечном счете) к благополучию живых существ». Возможно также понимание слова bhūtabhāvane в связи с tatra («там»): «Там, в лоне всего сущего, они...».

[84] *«Сознание» и «твердое решение»* — предметы (или функции) соответственно манаса и буддхи.

[85] *...жертвенные возлияния полным ковшом* — pūrṇāhutibhiḥ — букв.: «...полными жертвенными возлияниями», когда ковш, до краев полный жертвенного масла, выливают в огонь. Здесь аллегорически подразумевается, что йогин полностью, без остатка «приносит в жертву» свои чувственные ощущения. Все предложение в подлиннике построено на игре словами, образованными от корня *pṛ-* — «наполнять».

[86] *Жрецы* обозначены здесь термином hotṛ, т. е. каждый из них является жрецом, исполняющим главное обрядовое действие — возлияние в огонь жертвенного масла. Стихи Вульгаты, исключенные из текста Критич. издания, разъясняют, что «десять хотаров» — это 5 индрий восприятия и 5 индрий действия.

[87] *Для (грубого) тела и (тонкого) тела.* — Так, согласно комментарию Нилакантхи. Большинство переводчиков (Гангули, Дейссен, Смирнов) следует за ним.

[88] *Гархапатья и ахавания...* — Гангули (вслед за Нилакантхой) понимает здесь огонь гархапатья («огонь домохозяина») как аллегорию сердца, а другой жертвенный огонь — *ахавания* — как аллегорию манаса.

[89] *Сознание* — manas. Чтобы сохранить здесь хоть сколько-нибудь связный текст, возвращаемся к чтению Вульгаты: taṃ manaḥ paryavekṣate вместо samānaḥ paryavekṣate (?) (Критич. издание).

[90] *...причастной природе апаны.* — Т. е., по-видимому, превращает мысль в речь, направленную (как и вдох — *апана*) внутрь, в глубь тела, — неслышную, беззвучную, внутреннюю речь (см. далее в этом же абзаце).

[91] *Бхутатман* (*bhūtatman* «атман живых существ»), — здесь, по-видимому, = Праджапати.

[92] *Сарасвати* — здесь: богиня Речи (= *Vāc* «Речь») и санскритской учености, супруга (или дочь) Брахмы, покровительница учащихся, писцов и книжников.

[93] Каким именно образом Речь удовлетворяет желания Праджапати, описано в ШатБр 6.*1*, *2*, *5—9*: манасом своим Праджапати четырежды совокупился с Речью, породив от нее восьмерых Васу — на земле, одиннадцать Рудр — в воздушном пространстве, двенадцать Адитьев — в небесах и Все-богов — по сторонам света (*Eggeling* 1882—1900: III, 149—150; ср. *Dange* 1996. P. 6). Таким образом, в комментируемом отрывке Сарасвати-Вач, обиженная тем, что Праджапати отдал первенство Манасу, напоминает ему о своей роли в космогонии.

[94] *...подвижный манас... ты важнее (его).* — Эти слова Праджапати делают комментируемый текст этапным в развитии древнеиндийских представлений о взаимоотношении речи и сознания или, по крайней мере, характеризующим точку зрения ранней *санкхьи*. В значительно более раннем тексте, ШатБр (1.*4*, *5*, *8—12*) уже описывался спор о главенстве между Речью и Манасом, которые обратились за разрешением его к Праджапати. Согласно ШатБр, Праджапати решил спор в пользу Манаса, поскольку Речь лишь выражает мысль, формируемую сознанием (ср. ШатБр 1.4.*4*, *7*; 11.3.*1*, *1*; ДжаймБр 1.19; ТандМБр XI.1.3; *Dange* 1996. P. 27—29). Однако в традиции *санкхья-йоги* статус *манаса* довольно невысок: своей «подвижностью», непостоянством, неспособностью самостоятельно, без должного контроля со стороны *буддхи* отвлечься от *индрий* и сосредоточиться на Атмане он препятствует делу освобождения. «Анугита» вырабатывает в данной главе компромисс между древним традиционным воззрением (Манас выше Речи) и позицией санкхья-йоги: оказывается, есть высший манас Праджапати, «устойчивый», с космогонической функцией, и он, конечно, выше Речи. Но Речь превосходит «подвижный» индивидуальный манас, поскольку она вольна выражать или не выражать сформулированную им мысль. Кроме того, Речь тоже делится на высшую — беззвучную, внутреннюю, и низшую — звучащую. Это разделение и представление о высшей, безмолвной Речи, восходящие к «Гимну-Загадке» РВ (I. 164,*45*) и упанишадам (напр.: БрУп 5.8.*1*) впоследствии имели следствием создание концепции *спхота* в древнеиндийской лингвистической философии (*Dange* 1996. P. XIII—XV).

[95] Богиня Речь является в образе дойной коровы уже в Ригведе (РВ VIII.100, *10—11*; Ригведа 1995. С. 442; ср. РВ IV.1,*16*; VII.87,*4*; см. также: *Wayman* 1975. P. 68; *Dange 1996.* XVI, 27; *Ludwig* 2000. S. 121, 129).

[96] Настоящая глава является, вероятно, наиболее темной и трудной для понимания в АГ. Текст ее местами явно подвергся порче. Что касается ее содержания, в дополнение к сказанному в предыдущих примечаниях важно отметить (вслед за Арвиндом Шармой; *Sharma* 1978. P. 265), что проблема соотношения речи и сознания/мысли в «Бхагавадгите» *не* поднималась и ставится «Анугитой» в данной главе самостоятельно.

[97] О функции жреца-хотара (*hotṛ*) см. примеч. 86.

[98] *...и те, кто рассудок потеряли...* — *vaimanasyaṃ gataḥ* — можно перевести и как «манаса лишились».

[99] Дейссен и Смирнов уточняют в переводе: «все это *тело*...». Ближайший смысл, весьма вероятно, и в самом деле таков, но нельзя забывать, что «все это» (*sarvam*

idam) в Мбх, как и в предшествующей традиции, — синоним «вселенной», а *iha* («здесь») во многих контекстах означает «этот мир».

[100] *Веда* понимается здесь расширительно, как корпус ведийской литературы в целом. К. Теланг (*Telang* 1882. P. 276) отмечал, что цитированные слова встречаются, помимо прочих контекстов, в «Айтарея-брахмане» (I.1).

[101] *Агхара* — возлияния жертвенного масла в ходе двух больших ведийских обрядов: первое совершает жрец-*адхварью* ковшом *срува* в то время, когда он сидит с северной стороны жертвенного огня; второе возлияние тот же адхварью совершает ковшом *сруч* или *джуху*, стоя на южной стороне от жертвенного огня (см.: *Eggeling* 1882—1990: I, 124; *Sen* 1982. P. 45—46). Вот почему в данном стихе «Анугиты» *Вкуситель жертв* — Агни, Огонь — назван пребывающим *между* двумя порциями жертвенного масла и двумя *агхара*.

[102] В данном случае имеется в виду, скорее всего, жертвенный огонь, разводимый в утренних и вечерних сумерках, которые служат границей между ночью и днем.

[103] *Два пути* (*солнца*) — *ubhe... ayane*. — Подразумеваются *uttarāyana* — «северный путь» солнца, полугодие, когда солнце возрастает, и *dakṣiṇāyana* — «южный путь» солнца, полугодие, когда оно убывает. *Вкуситель жертв*, пребывающий между ними, — по-видимому, жертвенный огонь, разводимый в праздники зимнего и летнего солнцестояния, которые служат границами полугодий.

[104] *Вкуситель жертв* — в данном случае это, скорее всего, Огонь «божьего суда», «огненной» формы судебного испытания. Именно Агни (Огню) в этой его ипостаси приписывалась способность различать истину и ложь, мотивируемая тем, что Агни «живет внутри всех существ» и для него нет ничего тайного (см.: *Лубоцкая* 1973. С. 195).

[105] Теланг вслед за комментатором Арджунамишрой полагает, что последовательность пран *самана-вьяна-самана* соотносится здесь с последовательностью трех ежедневных выжиманий сомы (*savana*): дневное-полдневное-вечернее. *Vāmadeva* — возможно, то же, что *Vāmadevya*, название гимна РВ IV.31, авторство которого приписывалось риши Вамадеве. Арджунамишра соотносит этот гимн с третьим, вечерним выжиманием сомы.

[106] *Орудие, действие, деятель — karaṇaṃ karma kartā*. — Ср. БхГ 18.*18*, где «орудие, действие и деятель» (*karaṇaṃ karma kartā*) выступают тремя составляющими действия в широком смысле слова.

[107] *Средства* (*для познания*) *свойств* — guṇahetavaḥ.

[108] *Средства* (*для познания*) *действия* — karmahetavaḥ.

[109] *Средства* (*к познанию*) *деятеля* — kartṛhetavaḥ.

[110] У глагола *pacati* возможно также значение «*переваривает*».

[111] *Адхварью* — ведийский жрец, который совершает определенные обрядовые действия при жертвоприношении, сопровождая их возглашением формул из «Яджурведы».

[112] В подлиннике слово *śāstra*, понимаемое здесь в расширительном смысле: как священные тексты вообще.

[113] *Нараяна* — древнее космическое божество (как иногда полагают — неарийского происхождения), Творец и Хранитель мира, уже в некоторых до-эпических текстах идентифицируемый с Вишну.

[114] «*Связывание жертвенных животных*» символизирует, согласно Нилакантхе, подавление обращенной на внешние объекты деятельности индрий, которые затем йогически «приносятся в жертву» божеству.

[115] ***Саманы*** (ед. число — ***са́ман*** [***sāman***], **не путать с** ***самана́*** [***samāna***], **названием** одной из *пран*) — зафиксированные в «Самаведе» распевы, на которые жрецы-*удгатары* исполняли гимны в ходе ведийского ритуала.

[116] **Первый стих главы представляет собой ведантистскую переделку древней эпической формулы-клише, выражающей идеи неортодоксального героического фатализма: «Один лишь есть Повелитель и нет иного. Человеком, (еще) в утробе (матери) покоящимся, Повелитель повелевает. Это им направляем я, как вода — вниз по склону, куда укажет, туда и движусь (теку)» (Мбх II. 57.*8* = XII. 219.*8*). В исходной формуле под «Повелителем» подразумевался, скорее всего, эпический бог личной судьбы Дхата (Дхатри). В переделке «Анугиты» человек (*puruṣa*), покоящийся в утробе матери и являющийся там объектом судьбоуказующих воздействий Повелителя, превращается в Пурушу (Атмана), пребывающего в сердце и повелевающего человеком. Стихи 2—5 варьируют с первым стихом главы.**

[117] **В индийской мифологии встречаются сюжеты, в которых божество сообщает асурам под видом истинного — ложное учение, чтобы тем самым ослабить их и погубить** (см., напр.: ЧхУп 8.*8*).

[118] ***Образцовые мифические друзья*** **— семь древних святых провидцев-риши (иногда это — первые жрецы, «манасом рожденные» сыновья Брахмы) — вознеслись на небо и превратились в созвездие Большой Медведицы.**

[119] О многолетнем пребывании Индры в ученичестве у Праджапати, который открыл ему в конце концов тайное учение об Атмане (Высшем Пуруше) см.: ЧхУп 8.7—*12* (Чхандогья 1965. С. 137—141). Там же (8.12.*4*) говорится о том, что Атман — истинный агент в акте слухового восприятия, истинный «Слышащий» («И кто знает: „Да услышу я это", тот — Атман; ухо [служит ему] для слуха» [Перевод А. Я. Сыркина]).

[120] *Познающий поле* (*kṣetrajñā*) — в санкхье: Пуруша, Дух, понимаемый как бездействующий зритель материальных (в том числе, психических) процессов (= перекомбинации гун), происходящих в Пракрити (= «поле»).

[121] «*Чаща*» — используемый в эпической дидактике образ *сансары* — мира смерти и перерождений (см., напр.: Мбх XIV.5 [Махабхарата 1998. С. 58—59]).

[122] *Viṣayaikātyayādhvānam*. — Возможен также перевод: «...в которой тропа объектов чувств проходима только в одиночку» (так, следуя комментарию Нилакантхи, переводит К. Теланг [*Telang* 1882. P. 284]).

[123] Из дальнейшего ясно, что под «*великим лесом*» подразумевается *Брахман*.

[124] **Между Пракрити и Пурушей, «*Полем*» и «*Познающим поле*».**

[125] Здесь уже речь идет не о «*пути к лесу*», а о том, что скрывается за иносказанием «*лес*», т. е. о Брахмане. Ср. КратхУп 1.2.20: «Меньше малого, больше большого» (об Атмане); ШветУп 3.9; БхГ 8.*9* (о Пуруше).

[126] В оригинале текст испорчен; vasiṣṭhapramukhāḥ saha — букв. «возглавляемые Васиштхой вместе-с».

[127] ...*rcam* — «ведийский гимн».

[128] ...*Исконная природа — svabhāva*.

[129] *Предрасположенности* — так мы переводим в данном случае слово bhāvān.

[130] *Атмана* (*всех*) *существ* — то же, что Бхутатмана (bhūtātman).

[131] ...*на* «*исконных природах*» — *svabhāveṣu* — множественное число в данном случае трудно объяснить.

[132] Популярный в эпосе и вообще санскритской литературе образ лотоса, не пятнаемого водой понятен лишь с учетом того, что в индийских водоемах вода обычно очень мутна, на ее фоне чистые цветы лотоса, на которых илистая вода не задерживается, выглядят очень контрастно.

[133] *Ямы* — аскет-отшельник.

[134] **В обрядовой традиции индийцев, как и многих других народов мира, перед началом жертвоприношения животное, предназначаемое в жертву, обрызгивали холодной водой. Если животное отряхивалось, это считалось знаком того, что жертва угодна богам.**

[135] В данной главе приводятся аргументы *за* и *против* по вопросу о допустимости насилия в ходе жертвенного обряда (полемика по этому поводу шла с переменным успехом на протяжении всего периода существования древнеиндийской цивилизации) (см.: *Houben* 1999). **Своеобразие нашего текста в том, что он предлагает «компромиссное» решение, основанное на идеях, близких Гите.**

[136] ...*evam etādṛśaṃ mokṣaṃ susūkṣmaṃ brāhmaṇā viduḥ*. — Дейссен перевел mokṣaṃ susūkṣmaṃ как «весьма изящное оправдание» (*Deussen* 1922. С. 929), а Смирнов — как «рассужденье освобождающее, утонченное» (Анугита 1977. С. 60), оба перевода снижают и суживают значение слова mokṣa 'освобождение', для чего нет оснований в тексте. Слово это здесь очевидно употреблено в своем основном значении религиозного спасения, путь к которому указан учением о совершении действий при правильной установке сознания (незаинтересованность). **Адхварью не может бросить обрядовую деятельность, но пусть совершает все действия, правильно мысля, без заинтересованности. В интерпретации П. Дейссена и Б. Л. Смирнова победу в споре одерживает *адхварью*, представляющий ведийскую ортодоксию, а проигрывает *яти*, «отшельник сомнительного свойства», возможно — буддист. Б. Л. Смирнов даже усматривал в его позиции нечто буддийское (см.: Анугита 1977. С. 142). В действительности же *яти* по тексту — очень уважаемая фигура, чья точка зрения побеждает уже потому, что основана на «непосредственном опыте» (pratyakṣa), под которым имеется в виду, очевидно, духовный, йогический опыт (гл. 28,*18*; ср. высшую оценку мистического опыта как источника знания в гл. 16,*12*). Яти по существу представляет точку зрения ранней санкхьи, известную и по ряду других источников: *ахимса* считается высшим этическим принципом, но ведийские обряды не признаются ненужными (разве что для аскетов-санкхьяиков), они приносят определенную благую заслугу, хотя и уступающую заслуге *ахимсы*, но перевешивающую грех насилия, заложенный в этих обрядах** (*Houben* 1999. P. 140). Комментируемый текст добавляет к этому существенную деталь: грех насилия вообще может быть снят, если осуществлять сопряженное с насилием ритуальное действие при правильной установке сознания, т. е. без заинтересованности (известно, что идея незаинтересованного действия как средства достижения освобождения в той или иной форме существовала в традиции санкхья-йоги задолго до БхГ). **Ведийские обряды потому и приносят благую заслугу, что они совершаются в значительной мере во исполнение религиозного долга, а не для личных целей.**

[137] Речь идет об «агонистическом» ритуале приема гостя, предполагающем поединок между гостем и хозяином (см.: Мбх VIII. 12; [Махабхарата 1990. С. 45, 242; *Васильков* 1979. С. 79—80; *Васильков* 1982. С. 56—57; *Васильков* 1989. С. 93—94]). *Рама Джамадагнья* («сын Джамадагни») — герой пробрахманского эпоса, брахман-воитель, истребитель кшатриев, иначе известный как *Парашурама* («Рама с топором»).

[138] **Рама Джамадагнья является легендарным представителем брахманского клана Бхаргавов («потомков Бхригу»), которые сыграли большую роль в «брахманизации»** Мбх, выступая как «редакторы» эпопеи. Популярность в позднем слое Мбх сказаний о Раме Джамадагнье (Парашураме) объясняется, скорее всего, именно деятельностью Бхаргавов, которые считали его одним из своих предков (*Sukthankar* 1944. P. 278—337; *Goldman* 1977).

[139] В ряде текстов Мбх утверждается, что кшатрии могут полноценно исполнять свои обязанности только при духовном руководстве брахманов (возможно, в этом **сказывается «бхаргавская редакция» кшатрийского эпоса — см. предыд. примеч.).**

[140] *Драмиды* (вариант формы «дравида» и одновременно праформа слова «тамил» — название крупнейшего из современных дравидийских народов) — в Мбх этот этноним обычно обозначает жителей современной страны тамилов; *каши* — жители царства Каши в Восточной Индии (р-н современного г. Варанаси); *пундры* — «варварское» племя, жившее на Востоке Индии, в нижнем течении Ганга; *шабары* — неарийское лесное племя, обитавшее на Декане к югу от гор Виндхья.

[141] *Алярка* упоминается также в Мбх III.26.*12*. См. также: Махабхарата 1987. С. 65; развернутый сюжет — в МаркПур (см.: Pargiter 1888—1905. P. 212—213) как благочестивый царь страны Каши (в районе совр. Варанаси), который, стремясь к освобождению от всего мирского, без сопротивления отдал врагу свое царство.

[142] **Как «средоточия жизни» и «жизненные узлы» переводим термин *marman*, в традиционной индийской медицине и антропологии обозначающий жизненно важные центры человеческого организма, через которые проходят токи жизненной энергии — *праны*.** Часто в текстах говорится о 18 или же о 107 таких центрах (иногда европейцы сравнивают их с точками китайской акупунктуры). В батальных эпизодах Мбх стандартным является описание смерти героя на поле битвы после того, как оружием врага были рассечены его «жизненные центры».

[143] ...*Разнообразными стрелами*... — Имеются в виду стрелы с наконечниками различной формы.

[144] Обращение предков к Раме Джамадагнье.

[145] ...saṃsiddhiṃ paramāṃ yayau — сходное выражение употребляется в Гите, 3.*20*; 8.*15* и во всех контекстах обозначает достижение Освобождения — *мокши*.

[146] *Амбариша* — древний царь Айодхьи, прославившийся совершением грандиозных жертвоприношений и личным подвижничеством (Мбх III.129.*2*, Махабхарата 1987. С. 268).

[147] Имеется в виду Атман. Ср. распространенный эпитет *vijitātman* «подчинивший себе Атман».

[148] *Джанака* — легендарный царь-философ, правитель Митхилы. В Упанишадах выступает как ученик знаменитого мудреца Яджнявалкьи, в эпосе — санкхьяика Панчашикхи.

[149] *Джанапада* (janapada) — в исходном значении: «место расселения племени», т. е., как полагают, территория, на которой впервые осело то или иное арийское племя, до того ведшее кочевой образ жизни. Так назывались первые государственные образования (как монархические, так и кшатрийские «олигархии»), сформировавшиеся к концу ведийского периода (см. о них, напр.: *Agrawala* 1953. P. 48—61, 91, 424—426). Царством легендарного Джанаки была джанапада Видеха в Восточной Индии (совр. Северный Бихар) со столицей в г. Митхила.

[150] **В дидактических главах Мбх именно глубинное изживание привязанности к чему бы то ни было, и прежде всего чувства собственности, описывается как главное достижение Джанаки.** Неоднократно цитируется стих, произнесенный им в то время, когда пожар уничтожал столицу его царства: «В пылающей Митхиле ничего моего не горит!» (mithilāyāṃ pradīptāyāṃ na me dahyati kiṃcana — Мбх XII. 17.*18cd*; 171.*5bcd*).

[151] В классической санкхье *индрии* (органы восприятия) имеют своими предметами «тонкие элементы» (*tanmātra*), числом пять (запах, вкус, форма/цвет, касание, звук), которые, в свою очередь, могут быть соотнесены с пятью стихиями или «великими элементами» (*mahābhūta*). В начинающемся с этого стиха отрывке именно танматры и выступают как будто представителями первостихий, что может свидетельствовать о позднем происхождении этого места в АГ (по связи уже с классической санкхьей). Соотнесение танматр со стихиями проведено, впрочем, непоследовательно, есть некоторые сбои в составе стихий. Общий смысл фрагмента таков: йогин, подчинивший *индрии*, предоставляет им самим воспринимать предметы (танматры), сам ничего не воспринимая. «Победив» индрии, он превзошел воспринимаемые ими танматры и представляемые этими последними «великие элементы» — первостихии (а тем самым — весь материальный мир). Непосредственно в данном стихе речь идет о «тонком элементе» запаха, который связан с «великим элементом» земли (в классическом перечне танматр обычно — *pṛthivī*, здесь — *bhūmi*). Представлялось, что запах вызывается мельчайшими частицами земли, проникающими в нос. Связь запаха со стихией земли намечена уже в Гите (БхГ 7.*9*: «В Земле Я — запах»...), но там запах упомянут не как танматра, связанная с землей, а как «лучшее» в земле.

[152] Ср. БхГ 7.*8*: «Я — вкус в водах...».

[153] В классической санкхье танматре *rūpa* 'форма' соответствовала бы первостихия «огонь», «блеск» (*tejas*), а не «свет» (*jyotis*).

[154] Танматра «касание» (*sparśa*), стихия — «ветер» (*vāyu*).

[155] В классической санкхье танматре «звук» должен был бы соответствовать первоэлемент «пространство / эфир» (*ākāśa*). Лишь в трех южноиндийских рукописях (одна — в графике телугу и две — малаялам) это соответствие введено в текст, причем, поскольку чтение всей пады во всех трех случаях совпадает (*ākāśaṁ me jitaṁ tasmād* — «вот почему пространство мне подвластно»), оно явно есть результат какой-то одной первоначальной правки.

[156] Поскольку санкхьяики считали шестым органом восприятия *манас*, автор как бы домысливает здесь шестую танматру («мысль») и некую шестую стихию, обозначая все одним и тем же словом *manas* (в частном значении: «мысль», «замысел»).

[157] В основе метафоры лежит традиционный образ «колеса царской власти», периодически «запускаемого» правителем на новый временной цикл. Этот образ часто встречается в эпосе, наиболее же полно символизм данной мифологемы раскрыт в буддийской сутре «Львиный рык Миродержца» (см. перевод А. В. Парибка: История и культура 1990. С. 172—189). О ритуальных соответствиях «колеса царской власти» см. (*Vassilkov* 1995. P. 43; *Васильков* 1998. С. 151—152). К этому представлению восходит общеиндийский, но лучше всего известный по буддийским памятникам титул *чакравартин* 'вращатель колеса' в значении «всемирный правитель», «миродержец» (см.: Индуизм 1996. С. 449). Образ колеса в рассматриваемом стихе не имеет, вопреки мнению Б. Л. Смирнова (Анугита 1977. С. 143), ничего общего с водочерпальным колесом: это ирригационное приспособление появилось в Индии лишь в период развитого Средневековья. Анугита использует образ «царского колеса» метафорически: колесо, чья ступица — *Брахман* (здесь: Непроявленное), спицы — *буддхи* и обод — *саттва* символизируют совокупность психофизического мира (*Пракрити*). Возможно также, что *Брахман* здесь синонимичен Пуруше (ср. гл. 34), а *буддхи* и *саттва* названы как те именно элементы психики, через которые осуществляется самоидентификация с Пурушей. В любом случае «*вращатель*» колеса — йогин, стремящийся к освобождению.

[158] Текст в данном месте достигает предела эзотерической недоговоренности и вследствие этого, возможно, попорчен переписчиками. Перевод этого и последующих стихов в достаточной мере условен. *Познается по-пчелиному* (*bhramarair iva lakṣyate*) — может означать «интуитивно» (пчелы находят свой «объект», не будучи как-либо обучены правилам для этого) или же «неполно», «несовершенно» (так понимал это место, например, К. Теланг: «Как пчелы, роящиеся над цветком, воспринимают запах, не касаясь самого цветка, так эти средства дают несовершенное знание Брахмана, которое впоследствии должно быть усовершенствовано посредством постоянной медитации (*nididhyāsa*) (*Telang* 1882. P. 309)».

[159] *...разумение в действиях — karmabuddhiḥ* имеется в виду правильная установка разума, исключающая заинтересованность в результатах («плодах») совершаемого деяния. Осуществляемая при такой установке разума деятельность является особой мистической практикой (*буддхи-йога* или *карма-йога*), ведущей к освобождению. Термин «Анугиты» *кармабуддхи* можно понять только в свете излагаемого в БГ (прежде всего в Мбх VI.24 [БхГ 2]. *39—53*) учения о *буддхи-йоге*.

[160] *Частей — aṁśan*. Судя по контексту, так определяются здесь микрокосмические и макрокосмические начала, образующие в совокупности мироздание и классифицируемые санкхьей.

[161] Отметим, что здесь четко выражен «знаниевый» — термин В. Г. Лысенко (см.: *Лысенко* 1994. С. 187, 191) — аспект пути освобождения, проповедываемого школой санкхья: требуемое состояние сознания достигалось посредством медитации на всей совокупности выделяемых этим учением макро- и микрокосмических начал, «интеллектуальной интериоризации» всей классификационной схемы санкхьи. Однако конечная цель йогического пути описывается здесь не так, как в классической санкхье, где конечной инстанцией «восхождения» является Пуруша (= «Познающий Поле»). Здесь «Познающий Поле» соответствует, скорее, Атману упанишад, за которым остается еще высшая цель — Абсолют, Брахман. Под «Тем, выше чего ничего уже нет», «что отлично от Познающего Поле» и лежит «за его пределами» (см. следующий стих): имеется в виду именно Брахман, о чем свидетельствует начало гл. 35. О том, что в некоторых традициях протосанкхьи, напр. в ряде эпических текстов и в учении Арада Каламы, как оно излагается у Ашвагхоши (Буддхачарита XII.19—30), индивидуальное духовное начало было представлено не Пурушей, а именно Атманом, характеризуемым в то же время как «Познающий Поле» (см.: *Johnston* 1974. P. 58; *Larson* 1979. P. 105—106, 115—116). Очевидно отличие излагаемого здесь учения от теистической концепции БГ, где божественная Личность, Кришна-Васудева, ставится безусловно выше Брахмана.

[162] В некоторых рукописях здесь, согласно колофону, заканчивается раздел «Брахмана—Гита».

[163] *Кальпа* — период существования мира между регулярно повторяющимися светопреставлениями, возвращающими мир к хаосу (*пралая*).

[164] *āṅgirasa* (потомок Ангираса) — здесь: эпитет Брихаспати.

[165] *ubhau karmapanthānau...* — Вслед за Арджунамишрой все переводчики (Теланг, Дейссен, Гангули, Смирнов) понимают это как северный и южный пути солнца и соответственно два разных пути души умершего, предопределенных действиями его (прежде всего — ритуальными) в этой жизни (о значении термина *карман* в контексте учения о «двух путях» см.: *Семенцов* 1981. С. 88—89).

[166] *tapas* — подвижничество и особая внутренняя теплота, энергия, накапливаемая в процессе подвижничества, и уже в поздних, умозрительных текстах Ригведы понимаемая как космогонический фактор: «Космический жар».

[167] *Великое — mahat*.

[168] Или: «Использующие дхарму как мост (к спасению)» — *dharmasetavaḥ*.

[169] *cāturvidya* — «четырехчастное знание» — т. е. ведийское знание (содержащееся в 4 Ведах).

[170] Здесь стадия домохозяина обозначена как *gārhasthya*, более употребителен термин *gārhaspatya*.

[171] *adhyātma* ('духовная стадия' или, точнее: стадия «устремленности к Атману») — термин специфичен для санкхьи (см., напр.: *Larson*, *Bhattacharya* 1987. P. 60—61, 330). В традиционной классификации ашрам эта стадия именуется «стадией отрешенности» — *saṁnyāsa* (см.: *Альбедиль М. Ф.* 1) Варна-ашрама-дхарма; 2) Саннъясин // Индуизм 1996. С. 112—113, 390).

[172] devayānā... panthānaḥ — букв. «пути, относящиеся к „стезе богов"». О «пути богов» (devayāna), ведущем к прекращению перерождений, см. примеч. 53. См. также: ЧхУп 5. 10.*1—2*; Чхандогья 1965. С. 101; БрУп 6.2,15; Брихадараньяка 1964. С. 145—146. Детальному рассмотрению учение Упанишад о «двух путях» в процессе его становления подвергнуто в книге *Семенцов* 1981. С. 71—96.

[173] eteṣāṁ pṛthag adhyāste yo dharmam saṁśitavrataḥ /
kālāt paśyati bhūtānāṁ sadaiva prabhavāpyayau // (*35*)

В понимании этого стиха мы следуем за П. Дейссеном, расходясь с остальными переводчиками, которые единодушно понимали стих в том смысле, что все, кто так или иначе следуют дхарме, в конце концов прозревают, осознают истинную причину возникновения и гибели существ. Данный стих явно содержит противопоставление практики «частных дхарм» (и прежде всего — практики жертвоприношений), ведущей на «путь предков», к новым перерождениям после смерти, — практикам гностического типа, ведущим на «путь богов», в вечность, что и подразумевает, по-видимому, предшествующий стих.

[174] *Tattva* (*tattva*) — этимологически производное от основы указательного местоимения *tat* «то» с суффиксом абстракции (см.: Индуизм 1996. С. 415—416), нечто вроде «тойности» (*Иванов* 2000. С. 206), «thatness» (*Feuerstein* 1990. S. 367), «thisness» (Dasgupta 1922. P. 248—249; *Larson* 1979. P. 39). В индийской философии вообще — роды сущего, признаваемые в той или иной религиозно-философской системе (при этом *tattva* могло означать и *Высшую Реальность*). В санкхье *таттва* — ключевой термин, относящийся к основным принципам или сущностям, ступеням эволюции Пракрити, базовым компонентам системы. Здесь и в некоторых местах далее в тексте мы передаем *таттва* словом «сути».

[175] Великий Атман — mahān ātmā — термин, впервые появляющийся в КатхУп (*3.10—11*) в контексте, представляющем космологическую схему древнейшей протосанкхьи: «Ибо предметы (*артха*) [восприятия] — выше чувств (*индрий*), и разум (*манас*) — выше предметов, / И рассудок (*буддхи*) — выше разума, великий Атман (*атма махан*) — выше рассудка. // Непроявленное — выше великого [Атмана], *пуруша* — выше непроявленного. / Нет ничего выше *пуруши*. Это конечная цель. Это высший путь» (Упанишады 1967. С. 105 / Перевод А. Я. Сыркина). Впоследствии, когда в эволюционную схему санкхьи включается *ахамкара* (принцип индивидуации), «великий Атман» замещается ею (*Johnston* 1974. P. 49, 60), память же о нем остается только в том, что *буддхи* все четче начинает осознаваться как индивидуальное, микрокосмическое начало, которому в макрокосмическом плане соответствует Мировой Разум — «Великое» (*махат*); в классической санкхье *буддхи* и *махат* выступают как синонимы. Но здесь, в комментируемом отрывке, перед нами уникальная последовательность таттв, в которой «Великий Атман» занимает место перед *авьяктой*, «Непроявленным», скорее всего, соответствует «дживе» или *атману* Упанишад, так же являясь последней инстанцией на пути восхождения к Пуруше (= Брахману). Менее вероятно, что Великий Атман здесь совпадает с Пурушей, который, таким образом, включен в совокупность таттв. Другую уникальную последовательность таттв см. далее в тексте (гл. 46, *52*), где в восходящей последовательности «*манас — буддхи — Атман — Непроявленное — Пуруша*» *Атман* стоит на месте древнего *mahān ātmā* и более поздней *ахамкары* — выше *буддхи* и ниже *Непроявленного*.

[176] *...специфические (свойства)... пяти элементов* — viśeṣāḥ pañca bhūtānām — имеются в виду, скорее всего, пять предметов индрий восприятия (звуки, формы, поверхности, вкусы, запахи), в АГ обычно называемые «предметами» (*artha*) *индрий* (см., напр.: Мбх XIV.22.*18—23*; 46.*52*, а в классической санкхье — «тонкими элементами» (*tanmātra*), которые коррелируют с пятью «грубыми», «великими» элементами.

[177] Имеются в виду десять индрий и манас, пять предметов *индрий* восприятия, пять великих элементов, *ахамкара*. Непроявленное и либо «Великий *Атман*» (как высшая из категорий, входящих в комплекс Пракрити — тогда речь идет о 24 таттвах одной лишь Пракрити), либо — «Великий Атман» (как обозначение Пуруши — тогда перед нами уникальный вариант «Санкхьи 24-х элементов», включающий в их число Пурушу). В любом случае видно, что «Санкхья 24-х элементов» отнюдь не обязательно исключает духовное начало и «выводит все явления бытия из первоначальной материи» (*Бонгард-Левин*, *Герасимов* 1975. С. 217, 223; *Бонгард-Левин* 1980. С. 176—182; ср.: *Бонгард-Левин* 1993. С. 215).

[178] Эта последовательность эпитетов относится к Пракрити.

[179] *Девятивратный град* — тело с его девятью отверстиями: глаза, ноздри, уши, рот и органы выделения. Метафора тела как «девятивратного града» известна из Упанишад (ЧхУп 8. 1.*3—5*; ШветУп 3,*18*); ср. также БхГ 5.*13*. Впрочем, тело человека как «девятивратная твердыня» описано еще в «Атхарваведе» (АВ X. 2.*31*, гимн «Тело Человека»; перевод см. в кн.: Ведийская поэзия 1984. С. 192, 255).

[180] *Пять природных начал — pañcadhātu* — здесь они, по-видимому, тождественны пяти «великим элементам».

[181] *Одиннадцать...* — здесь: пять *индрий с манасом* и пять *органов действия*.

[182] *Одиннадцать высших...* — Согласно комментарию Арджунамишры: 3 гуны, 5 «великих элементов», все *индрии* в совокупности (десять, принимаемые за одно), *ахамкара* и *манас* (*Telang* 1882. P. 318). П. Дейссен интерпретировал два последних элемента как «*манас* и *буддхи*» (*Deussen* 1922. S. 948).

[183] *Три потока внутри...* — trīṇi srotāṁsi — по-видимому то же, что в других источниках описывается как три «канала» (*nāḍī*; ср. далее в этом же стихе *prāṇādyas tisra*) внутри «тонкого тела» человека (*iḍā*, *piṅgala* и *suśumnā*), по которым движутся праны или (в тантрической практике) — энергия кундалини.

[184] Ср. 12 стих в основополагающем трактате классической санкхьи «Санкхья-карика» Ишваракришны, где *гуны* определяются как «взаимодоминирующие» (или «взаимоодолевающие»), «взаимоопирающиеся», «взаимопорождающие», «взаимосочетающиеся» и «сосуществующие / взаимодействующие» (*Шохин* 1995. С. 150—151, 307).

[185] В комментариях Гаудапады и Вачаспатимишры к 12 карике трактата Ишваракришны приводится очень близкий по смыслу стих («Пара раджасу — саттва, пара саттве — раджас, / Обоим — саттве и раджасу — парой зовется тамас»), источни-

ком которого является «Деви-Бхагавата-пурана» (III. 50). См. также: *Шохин* 1995. С. 151, 270—271.

[186] ...в соответствии с истиной — tattvahetubhiḥ — переводим так, принимая чтение ряда рукописей.

[187] ***Чандалы*** — члены низшей касты, происходившие от считавшегося наиболее противоестественным брака шудр с брахманками. В новое время так называли неприкасаемых.

[188] В этом стихе перечислены «пять разновидностей заблуждения». Они входят в число *бхав* [bhāva] — предрасположений или установок сознания, известных классической санкхье; *tamas* — 'Мрак', *moha* — 'Помрачение', *mahāmoha* — 'Великое помрачение', *tāmisra* — 'Тьма' и *andhatāmisra* — 'Кромешная тьма' (см.: Санкхья-карика. 47—48; *Larson, Bhattacharya* 1987. P. 160—161; *Шохин* 1995. С. 210—212, 309). Вачаспатимишра в своем комментарии «Таттва-каумуди» так же, как и «Анугита» в данном стихе, соотносит «Великое помрачение» с «привязанностью к объектам», однако «Тьме» у него соответствует не «гнев», а «отвращение», и «Кромешной тьме» — не «смерть», а «страх» (*Шохин* 1995. С. 212).

[189] *Свадха*! (*svadhā*) — ритуальное восклицание, употребляющееся в обрядах заупокойного культа в честь Предков (*питаров*). Восклицание *Сваха!* (*svāhā*) заключало собой ритуальную форму (*мантру*), это жрец произносил при возлиянии жертвенного масла в огонь. *Вашат*! (*vaṣat*) — восклицание, завершавшее собой жертвенные формулы в некоторых обрядах (см.: *Sen* 1982. P. 104).

[190] Восстанавливаем здесь чтение ряда рукописей (*kurvate vai tatas tanūḥ*). Принятое в Критич. издании чтение *kurvate vai tatas tataḥ* («действуют тут и там») — в смысловом отношении неполно и выпадает из контекста. По распространенному в Мбх представлению, праведники, достигнув неба, создают себе светящиеся тела и видны с земли в облике звезд.

[191] См.: Санкхья-карика. 12: «Гуны друг над другом доминируют, друг на друга опираются, друг друга порождают, друг с другом сочетаются и сосуществуют» (ср.: *Шохин* 1995. С. 150—151, 307).

[192] Этот стих с небольшой вариацией воспроизводит стих БхГ 14.*18*.

[193] Под ***недвижными*** (sthāvara) *существами* понимаются прежде всего растения. Слово sneha в таком контексте явно имеет значение «маслянистость», хотя следует помнить также значение «нежность», «любовь». Маслянистость, влажность осознавались как свойства, приятные для осязания; при этом гуна *саттва* в санкхье «имеет природу приятного» (*Шохин* 1995. С. 150). Вот почему маслянистость — «саттвична».

[194] *Шамбху* («благодетельный», «милостивый») — имя Шивы (реже — Вишну).

[195] ***Вишну становится... Самосущим Владыкой.*** — В индуистской мифологии Вишну, пробуждаясь в конце *пралаи*, порождает из себя бога, функцией которого является сотворение мира — Брахму. *Самосущий* (svayambhū) — обычный эпитет Брахмы. *Владыка* — здесь prabhu.

[196] *...кто так знает...* — О значении этой формулы, уже в Брахманах подытоживающей изложение мистического знания и вводящей описание «плодов» этого знания, см.: *Семенцов* 1981.

[197] ***...в пещере сокрытого...*** — Подразумевается часто упоминаемая в подобных контекстах «пещера сердца».

[198] *Вселенская форма* — viśvarūpa — имя, которым в БхГ (11.*1б*) определяется космическая форма бога (Кришны), явленная им Арджуне.

[199] ***Разум*** — так везде в этом стихе мы передаем слово buddhi.

[200] Это, очевидно, следует понимать лишь в том смысле, что *ахамкара* («основание „Я"», «эгоизм») является порождением или модификацией Великого (Великого Атмана, буддхи).

[201] Содержащиеся в этом стихе три определения *ахамкары* («Начало первоэлементов» — bhūtādi, «Изменяющаяся» — vaikārika, «Основа теджаса» — tejasaś... dhātuḥ) соответствуют трем составляющим *ахамкары* в классической Санкхье: vaikṛta или vaikārika — «модифицируемая» *ахамкара*, в которой преобладает гуна *саттва*; из этой составляющей развиваются саттвические начала в индриях действия и восприятия; bhūtādi — «являющаяся истоком (пяти) первоэлементов», составляющая, в которой доминирует *тамас*; и taijasa «исполненная теджаса», т. е. пыла или энергии, — эта составляющая, в которой доминирует гуна *раджас*, питает энергией две другие составляющие: без нее они не могли бы функционировать (санкхья-карика 25; санкхья-вритти 25; *Larson, Bhattacharya* 1987. P. 157, 187).

[202] В некоторых классификациях поздней санкхьи *ахамкара* соотносится с богом Праджапати (*Larson, Bhattacharya* 1987. P. 62).

[203] В данном стихе, как и во всей главке, можно усмотреть поэтическое и религиозно-теистическое преломление идей философской санкхьи, выделявшей, как известно, в *ахамкаре* три составляющие: vaikṛta или vaikārika — «Изменяющаяся» или «модифицируемая», в которой преобладает гуна *саттва*; bhūtādi — «Начало первоэлементов», составляющая, в которой доминирует *тамас*; и tajiasa «исполненная теджаса», в которой доминирует гуна *раджас* и которая питает энергией две другие (см. примеч. 12). В нашем стихе на философскую концепцию, похоже, накладываются теистические представления: *Источник первоэлементов* (bhūtādi) здесь определяется и как bhūtakṛt — «Создатель первоэлементов» или даже «Создатель существ», который при этом действует через ахамкару, а не является ее аспектом. Упоминание об «огненном пыле» (tejas) является, по-видимому, образно-поэтической заменой концепции третьей «теджасной» (taijasa) составляющей ахамкары в классической санкхье.

Создатель творит для Воспринимающего (все) эти (воспринимаемые) объекты — āharato guṇān imān... sṛjate — переводим, следуя Нилакантхе: āharato — bhoktum icchataḥ, puruṣasya). Под «объектами» (guṇān) здесь разумеются, очевидно, «тонкие элементы» (*танматры*), из которых в дальнейшем процессе эволюции порождаются «великие элементы» (*махабхута*).

[204] ***...Памятливые*** — smṛtimantaḥ. Роль памяти в данном случае не должна удивлять, ибо в традиции санкхьи как Знания (гносиса, jñāna) необходимым условием спасения было твердое знание Учения, сохранение в памяти классификаций и перечней его категорий.

[205] Ср. Санкхья-карика 26.

[206] Ср. Санкхья-карика 27: *манас* является одновременно и индрией восприятия, и индрией действия (*Larson, Bhattacharya* 1987. P. 158; *Шохин* 1995. С. 183).

[207] ***Ходят по-звериному*** — т. е. держа туловище горизонтально (в отличие от человека — прямоходящего).

[208] Ср. более раннюю форму этого учения, с тремя видами рождения: «рожденные из яйца, рожденные от живых, рожденные из ростка» в ЧхУп (4.3,*1*).

[209] ***Лоно Брахмана*** (brahmayoni) может быть понято здесь и как стадия духовного развития человека, на которой в результате двойственных усилий (подвижничества и праведных трудов) достигается состояние сознания, именуемое «Брахман», или как достигаемая тем же двойным путем «брахманская утроба», т. е. рождение в варне брахманов (см. комментарий Нилакантхи: brahmayoniḥ — brahmopalabdhiṣthānaṁ brahmajanme 'tyarthaḥ).

[210] ***Личностное*** — adhyātmam, *внешнее* — adhibhūtaṃ, *божественное* — adhidaivatam. *Стороны света* — diśaḥ.

[211] Во всем отрывке с начала абзаца коррелятом каждого из великих элементов, «относящимся к личности» или «к внутреннему миру» (adhyātma) выступает связанный с ним орган восприятия: пространству / эфиру (ākāśa) соответствует *ухо*, ветру — *кожа*, свету — *глаз*, водам — *язык* и земле — *нос*. Мы последовательно заменили названия органов названиями соответствующих видов чувственного восприятия, чтобы показать, что речь идет об органах восприятия как об элементах психического мира человека.

[212] ***Ваю*** — ветер, бог ветра. Заметим, что ветер как элемент, уже упомянутый ранее в тексте этого же абзаца, обозначен другим именем / термином: māruta.

[213] Вишну сделан «божеством хождения» явно в связи с известным мифом о его «трех шагах» (см.: *Кёйпер* 1986. С. 101—111).

[214] ***Митра*** — древнее ведийское божество, представляющее благой аспект царственности, устанавливающее мир и согласие среди людей, ассоциируемое с днем, белым цветом, огнем, солнцем. В индуизме под влиянием иранского культа Митры все более превращается в солнечное божество. По какой своей мифологической характеристике Митра оказался здесь увязан с функцией индрии выделения — остается неясным.

[215] Учтена древняя функция *Праджапати* как божества, порождающего мир от своего семени (см., напр.: *Gonda* 1982).

[216] ***Шакра***, или Индра — бог-громовержец, является идеальной персонификацией воина-кшатрия, а у последнего (в отличие от жреца-брахмана, чье оружие — слово) сила заключена в мощи его *рук*, которыми он совершает героические *деяния* (см., напр.: Мбх II. 19.47).

[217] См. диалог Манаса и Речи в гл. 21.

[218] ***Месяц*** — Candramās.

[219] Классификация, содержащаяся в стихах 27—39 во многом совпадает с подобными классификациями, известными по достаточно поздним текстам, таким, например, как *Крамадипика*. Но в этом средневековом тексте классификация гораздо более продуманна. Если в Анугите речь идет сначала об элементах, а потом об индриях, то в Крамадипике в основу классификации логично положена последовательность *способностей* человека. Например, в личностном мы имеем способность различительного мышления или познания (*буддхи*), во внешнем этому соответствует «то, что подлежит познанию» (boddhavya, в Анугите — vijñeya), в божественном — бог Брахма; способности слышания в личностном соответствует «то, что можно услышать», а в божественном — богиня Сторон света (Diś) и т. д. (см.: *Larson, Bhattacharya* 1987. P. 60—61, 324).

[220] Ср. БхГ 2.*58*: «И когда он отрывает свои органы восприятия (*индрии*) от их предметов (artha), как черепаха втягивает все конечности, — тогда его мудрость (prajñā, в контексте = buddhi) правильно установлена».

[221] ***...приходит к единению с Брахманом*** — brahmabhūyaṃ sa gacchati. Ср. БхГ 14.*2б*: brahmabhūyāya kalpate — «становится достоин соединения с Брахманом».

[222] ***Самопорождающий*** — человек, достигший высшей цели йоги, определяется здесь уникальным термином svayaṃyoni — «сам себе Лоно / Источник / Начало». В Бомб. изд. и ряде рукописей здесь стоит другое слово: svayaṃjyoti «тот, кто сам себе — свет», обозначающее человека, способного к непосредственному познанию, без участия органов восприятия.

[223] «***Поток***» — srotas. Согласно традиционным индийским представлениям — канал в теле, по которому движется пища.

[224] ***...пятью каналами*** (*восприятия*) — здесь также употреблено слово srotas (см. предыд. примеч.), но уже в ином значении: органа чувств.

[225] Представление о теле как «*девятивратном граде*», под вратами которого понимаются естественные отверстия тела, представлено уже в АВ (X.2.*31*).

[226] ***...обитаемо двумя божествами...*** — Согласно П. Дейссену, это — Джива (индивидуальная душа) и Великий Атман (общая душа всего живого). Нилакантха: jīvaparameśvarau, т. е. Джива и Бог; за ним следует К.М.Гангули.

[227] Дхата и Видхата (*Dhātā*, *Vidhātā*) — «Установитель» и «Распределитель», пара эпических божеств судьбы.

[228] ***Владыка, чьи лики обращены на все стороны света...*** — Брахма или Шива.

[229] ***Ньягродха*** — знаменитый многоствольный индийский баньян, *Ficus indica*; *джамбу* — вечнозеленое дерево *Eugenia jambolana*; *пиппала* — то же, что *ашваттха*, *Ficus religiosa*, священная смоковница, выступающая как символ мирового древа; *шалмали* — дерево *Bombax heptajohyllum*, ветви которого покрыты шипами; *шиншапа* — дерево *Dalbergia sissoo*; *мешаширинга* («бараний рог») — вид дерева; *кичака* — полый бамбук, стволы которого при ветре, стуча друг о друга, издают специфический звук.

[230] ***Париятра*** (или Парипатра) — западная часть современной горной системы Виндхья; *Сахья* — северная часть Западных Гхатов (к северу от реки Кавери); *Виндхья* — горный хребет Виндхья, отделяющий Северную Индию от Южной; *Трехвершинная* (*Trikūṭavān*) — вероятно, то же, что ведийская гора *Трикакуд* и современная *Трикона*, к югу от Кашмира и к северу от Пенджаба; *Швета* — горный массив Гималаев в Восточном Тибете; *Нила* — «Синяя гора», скорее всего: современные горы Нильгири, часть Западных Гхатов на севере штата Тамилнаду (возможны и другие идентификации, например: в Ориссе, Ассаме или Тибете); *Бхаса* — возможно, гора Бхаснатх в городе Гая, штат Бихар; *Каштхаван* «Богатая древесным топливом» — не идентифицируется; *Шубхаскандха* «С прекрасными склонами / отрогами» (?) — не идентифицируется; *Махендра* — горный массив в Ориссе; *Мальяван* — современная гора Анагунди на берегу реки Тунгабхадры.

[231] *Гана* (*gaṇa*) — в древнейшем (реконструируемом) значении: группа юношей, проходящих посвящение, живущих в изоляции и участвующих в набегах на соседей или в ритуальных экспедициях к ним для участия в их празднествах; дружина молодых воинов, на которую опиралась в своем становлении власть древнеиндийского племенного вождя или царя (*раджан*). В Ведах идеальной воинской *ганой* выступают именно *Маруты* — юноши-сверстники, духи грозы, спутники Индры в его битвах с демонами. Своего рода брахманской ганой являются в РВ Ангирасы во главе с Брихаспати. В мифологии индуизма *ганы* фигурируют как сонмы устрашающего вида духов, составляющих свиту Шивы-Рудры (отметим при этом роль Рудры как древнего божества посвящения). В городском социуме ганы превратились в различные корпоративные объединения (вероятно, сохранявшие определенные посвятительные ритуалы), в том числе — воинские союзы, во многих районах Индии сформировавшие государственные образования немонархического типа (*ганы* или *сангхи*).

[232] ***Тваштри есть повелитель форм.*** — Ср. ведийский эпитет Тваштри (Тваштара) — viśvarūpa — «(творец) всех форм».

[233] *Шива — владыка жертвенного скота* — paśūnām īśvaraḥ śivaḥ — ср. эпитет Шивы — paśupati.

[234] Перечисляются различные классы мифических полубожественных существ: *Киннары* — певцы и музыканты из свиты Куберы, изображавшиеся с конскими головами; *змеи* (*uraga*) — здесь: разряд мифологических змей, обитающих в подземных мирах; *наги* — полулюди, полузмеи, оборотни, способные принимать полностью человеческий облик, по происхождению во многих случаях это — местные доарийские божества — податели дождя.

[235] *Адхарма* — понятие, противоположное *дхарме* как закону, религиозному долгу, благочестию, беззаконие, упадок нравов, анархия.

[236] *Характеристика Великого — йогическое созерцание, Непроявленное характеризуется благостью* — lakṣaṇaṃ mahato dhyānam avyaktaṃ sādhulakṣaṇam — полустишие, которое допускает и второе чтение: «Великий (человек) характеризуется йогическим созерцанием. Характеристика святых — неприметность».

[237] *...обладающий (верно направленной) буддхи* — buddhimān — переводим не традиционным «разумный» и т. п., а в соответствии с теми контекстами БхГ, где *буддхи* следует понимать именно как «правильно установленный / верно направленный высший ум» (о значении термина *буддхи* в БхГ см.: *Brassard* 1999).

[238] *...свойства* — guṇa — здесь не в значении «трех гун», а в более общем значении «свойств», «качеств».

[239] *...пребывающий в сердце элемент сознания* — hṛdistha cetanādhātuḥ.

[240] *Поднявшись над гунами...* — Принимаем здесь чтение Бомб. изд. и ряда рукописей: guṇātītaḥ — вместо guṇān hitvā Критич. издания, что создает неуместный повтор (снова: «оставив гуны»).

[241] *...не возглашая «Свадха»* — т. е. не совершая более заупокойные обряды для предков — *шраддху* (возгласом «Свадха» сопровождалось каждое жертвенное приношение предкам-*питарам*).

[242] В различных древних списках лунных домов — накшатр — *Шравиштха* стоит обычно на 21-м (или на 22-м, 24-м) месте. Почему она названа здесь первым из «домов» лунного зодиака — неясно. В Бомб. издании здесь названа другая накшатра — *Шравана*, имеющая гораздо большее мифологическое значение: это зодиакальное созвездие состоит из трех звезд (α, β и γ нашего созвездия Орла), которые мифологически связываются с тремя шагами Вишну; последний выступает и богом-«правителем» этой накшатры.

[243] *Савитри* — наиболее употребительная в традиционной индийской культовой практике молитвенная формула-мантра, изначально содержавшаяся в одном из гимнов солнечному богу Савитару в РВ (III.62,*10*).

[244] *Гаятри* — стихотворный размер мантры Савитри.

[245] *Плакша* — дерево *Ficus racemosa* (иначе: *Ficus infectoria*). Упоминается в текстах мифическая Плакша, растущая высоко на горах в центре Земли, при истоке святой реки Сарасвати — один из индийских вариантов мифологемы «Мирового древа» (см.: *Viennot* 1954. P. 29, 35, 136, 268).

[246] Сказанное выше о бренности мира может напомнить читателю пафос некоторых буддийских текстов (см., напр., «Главу о старости» (IX) «Дхаммападны»: Дхаммапада 1960. С. 84—85). Совпадение не случайно: как и буддизм, учение санкхьи отталкивается от проблемы страдания (duḥkha), понимаемого прежде всего как преходящесть всего сущего, влекущая за собой необходимость претерпевать старость и смерть; ср. «первую благородную истину» буддизма — о страдании — и первый стих базового текста классической санкхьи — «Санкхья-карики» Ишваракришны, формирующий цель учения как противодействие «тройственному страданию» (см.: *Шохин* 1995. С. 110—114). Следует, впрочем, иметь в виду, что акцент на идее duḥkha появляется в санкхье, как отметил Д. Ларсон, не изначально, а ближе к концу классического периода ее развития; поэтому логично предположить, что санкхья заимствовала эту идею из буддизма. В поздний период между санкхьей и буддизмом вообще, по-видимому, шел оживленный обмен идеями (*Larson* 1979. P. 91—93). Литературу об отношениях между Санкхьей и буддизмом см.: *Eliade* 1990. P. 377—379). Освобождение от duḥkha постулируется в качестве главной цели и некоторыми другими течениями индийской философской мысли (*Шохин* 1995а. С. 315).

[247] Что означает: объемлет весь мир проявленной Пракрити: от Великого (*Махат*) до специфических свойств первоэлементов (viśeṣa), которые служат объектами восприятия.

[248] *Человек должен оставить и отбросить его, (чтобы) познать мир бессмертия!* — visṛjet saṃkṣipec cāpi bodhayet sāmaraṃ jagat. Принимаем здесь интерпретацию П. Дейссена, хотя возможно иное чтение: «Человечество вместе с богами пусть отбросит, отринет (его) и прозреет!».

[249] *...пусть исполнит обряд «возвращения»* — букв.: «...да возвратится» (samāvarteta), но имеется в виду именно особый обряд «возвращения» (samāvartana), совершавшийся послушником-брахмачарином по окончании срока ведийского обучения в доме наставника, перед тем как вернуться в мир и вступить в жизненную стадию «домохозяина» (*грихастха*) (см., напр.: *Heesterman* 1968; *Пандей* 1982. С. 135—140).

[250] *...пять великих жертвоприношений* (mahāyajña) — пять ежедневных жертвоприношений или актов благочестия, которые должен совершать всякий домохозяин после того, как он исполнил *самавартану* (см. предыд. примеч.), или после свадьбы: 1) возлияния в священный огонь жертвенного масла для богов (devayajña); 2) приношения риса духам (baliyajña, bhutayajña); 3) приношение рисовых шариков (piṇḍa) предкам (pitṛyajña); 4) изучение ведийских текстов, жертва Брахману (brahmayajña); 5) дарение, «жертва людям» (mānuṣyayajña) (см.: *Sen* 1982. P. 148).

[251] *Камандалу* (*kamaṇḍalu*) — узкогорлый сосуд для воды, обычный атрибут аскетов, носивших в нем освященную воду для питья и ритуальных возлияний.

[252] *Палаша* — дерево *Butea frondosa Roxb*, или *Butea monosperma Taub.*

[253] *Поднимая вверх семя* — ūrdhvaretāḥ — удержание семени (имевшее следствием, как полагали, подъем его вверх по телу) являлось особой практикой, составлявшей, по-видимому, эзотерическую основу уже древнейшей ведийской *брахмачарьи* (соблюдаемого брахманами-учениками обета целомудрия). Предполагалось, что удерживаемое семя трансформируется в жизненную энергию (*оджас*), питающую нервно-психические центры человеческого тела (*Feuerstein* 1990. P. 377).

[254] Эта *последовательность* обычно является нарастающей: сначала — лесные плоды, потом — вода и в конце концов — «ветер» или «воздух», т. е. полный пост (см.: Ману IV.24—31; Мбх. III.39,*21—23*; Махабхарата 1987. С. 96—97). *Обряд посвящения* — в данном случае dīkṣa — правила поста для лесного отшельника устанавливались, по-видимому, во время посвящения его в этот статус.

[255] *Живет... бездеятельно* — naiṣkarmyam ācaret — Теланг в примечании отсылает к БхГ *3.4* и *18.49*, полагая, что как и там, в данном стихе АГ под «бездействием» (naiṣkarmya) может пониматься «незаинтересованное действие». Однако, судя по контексту («без-действенность» сопряжена, почти в джайнском духе, с обетом неврежденья всем живым существам), мы имеем дело в АГ с более древней концепцией, той самой, против которой восстает Кришна в БхГ, говоря: na karmaṇām anārambhān naiṣkarmyaṃ puruṣo ‘śnute («от непредприятия действия не пожинает человек бездейственности / бескармности»), подразумевая, что если человек прекращает действовать, кармические следствия не перестают вырабатываться. В БхГ 18.*49* под «высшим совершенством бездейственности / бескармности» (naiṣkarmyasiddhiṁ paramāṁ) также понимается способность действовать без заинтересованности в результатах и соответственно без выработки кармических следствий, обретаемая путем *истинной* санньясы (отрешения). Но АГ в данной главе излагает именно архаическую концепцию санньясы, предполагающую воздержание по мере возможности вообще от всяких действий. П. Дейссен перевел naiṣkarmya как Untatigkeit («бездеятельность»), не комментируя. Б. Л. Смирнов понимал под naiṣkarmya в данном случае отказ от *обрядовой* деятельности, естественный для *санньясина*.

[256] *Пусть не принимает от других дарений и сам ничего не дарит* (*взамен*) — parebhyo na pratigrāhyaṃ na ca deyaṃ kadācana. — Это место в тексте всегда было камнем преткновения для переводчиков, вынужденных прибегать к очень натянутым, искусственным объяснениям (см., напр.: *Теланг*: «Он не должен брать больше чем нужно и скапливать запасы, из которых мог бы дать другим»; *Дейссен*: «Он не должен ничего принимать для другого...» (ср.: Анугита 1977. С. 114). Странным кажется запрет принимать что-то от других, когда рядом детально излагаются правила, по которым надлежит принимать подаяние. Объяснение заключено в глаголе prati-grh, обозначающем не просто принятие чего-либо, а именно принятие *дара*, *предполагающего возмещение* по закону регулярных, циклических взаимных дарений. О пережитках у индоариев архаической системы циклического обмена см.: *Mauss* 1954; *Heesterman* 1968; *Васильков* 1979.

[257] *...не должен искать второго источника пропитания...* — dvirannaṃ no' ta kāmayet. — Можно понять и как «не должен просить вторую порцию еды». Все прежние переводы основывались на чтении Бомб. издания: hiraṇyam вместо dvirannaṃ, т. е. «он не должен желать золота».

[258] *...в сезон дождей...* — Когда дороги становились непроходимыми, а в лесах царила сырость, отшельники селились поближе к селам и городам, часто — в известных центрах паломничества. Строгая монашеская дисциплина требовала, как видно из этого стиха, чтобы *санньясин* не покидал раз избранного места — иначе он мог получить слишком много мирских впечатлений.

[259] По окончании сезона дождей *санньясин* возобновлял свое странствие, причем оно, как видно из данного стиха, должно было быть совершенно беспорядочным и бесцельным.

[260] Этот обычай сохранился в подвижнической практике джайнов.

[261] Смысл, возможно, в том, что ему нельзя, как обычным людям, входить для совершения возлияний по пояс в воду. Санньясин, вероятно, не должен был никогда смывать с себя грязь.

[262] *Пусть... не совершает... действий... диктуемых долгом перед сообществом людей.* — lokasaṃgrahadharmaṃ ca naiva kuryāt. Ср. БхГ 3.*20*, где тоже фигурирует термин lokasaṃgraha, но общий смысл совершенно противоположен: lokasaṃgraham evāpi saṃpaśyan kartum arhasi — «ты должен действовать (без личной заинтересованности) но, имея в виду именно (благо всего) сообщества людей». Таким образом в данной главе АГ излагается древняя концепция *санньясы*, против которой направлена проповедь Кришны в БхГ.

[263] *...ни взглядом, ни мыслью...* — Б. Л. Смирнов, по-видимому, прав, отметив, что речь идет здесь о чем-то вроде «сглаза». Бесконтрольная мысль достигшего некоторых сверхъестественных способностей *санньясина* могла, как считалось, иметь опасные последствия.

[264] *...не произносящий более возгласа «Сваха»!* — Т. е. не совершающий более ведийского ритуала возлияния жертвенного масла в огонь, которые обычно и сопровождались этим возгласом (со значением благословения).

[265] *...не нанося при этом вреда стезе благочестивых.* — Т. е. не соблазняя, скажем, своим примером других к тому, чтобы вести образ жизни «заблудшего».

[266] Параллель предоставляет сходная практика (юродство) в восточном христианстве (см. образы идеальных юродивых в византийской житийной литературе, напр.: *Полякова* 1972).

[267] *Санньяса* — «отрешение», четвертая, высшая стадия религиозного пути, знаменуемое разрывом всех связей с миром и уходом в последнее странствие «куда глаза глядят», которое, собственно, и описывается в предыдущей гл. 46, *17—55*.

[268] *Сути* — tattva.

[269] См. примеч. 241 к стиху 40 в гл. 43.

[270] Ср. гл. 45, *1—10*, где рекомендуется таким же способом «отринуть» эквивалентный Мировому древу образ «Колеса Времени». См. также: БхГ 15.*1—3*, где содержится призыв «срубить крепким мечом непривязанности» перевернутое Мировое древо — *ашваттху*. О значении этих образов как символов мироотречения см.: *Васильков* 1998. С. 154—155; *Vasil'kov* 1995. P. 265; *Vassilkov* 1995. P. 45—46.

[271] Образ двух птиц-«друзей» на вершине Мирового древа впервые появляется в «Гимне-загадке» (Asya vāmasya) Ригведы (I.164, *20—22*); птицы символизируют, по-видимому, бессмертное и бренное начала в человеческой душе, устремленной к познанию. В упанишадах наблюдается развитие этого образа и появляется эквивалентный образ человека, висящего на древе ради познания того, что выше древа — Бога, Пуруши (ШветУп 4.*6—7*; МундУп 3.*3*). Подробнее см.: *Васильков* 1998. С. 152—153; *Vasil'kov* 1995. P. 263—264; *Vassilkov* 1995. P. 44—45. В варианте древнего образа, представленном в комментируемом стихе АГ, характеристика «двух птиц» как «лишенных сознанья» должна, по-видимому, подчеркнуть отличие даже высшего начала в индивидуальной психике — Атмана, относимого ранней саянкхьей к миру Пракрити, — от единственного подлинного носителя сознания — Пуруши.

[272] *Высшее и Безущербное — param anāmayam.*

[273] *...Задерживает праны посредством дыхательных упражнений пранамы, сначала — на десять—двенадцать* (*матр*), *а затем выйдя за пределы двадцати четырех* — prāṇāyāmair atha prāṇān saṃyamya sa punaḥ punaḥ / daśadvādaśabhir vāpi caturviṃśāt paraṃ tataḥ. Большинство переводчиков полагало, что речь идет о десяти или двенадцати «видах» *пранаямы* (Теланг) или о практиковании пранаямы «десять—двенадцать раз» (Дейссен, Смирнов). Гангули перевел просто: «Задерживая жизненные дыхания вновь и вновь по методу пранаямы, посредством десяти или двенадцати, он достигает того, что за пределами двадцати четырех». Гангули сослался при этом на комментарии Нилакантхи, который видел в *десяти* восемь «звеньев» йоги Патанджали плюс такие принципы, как *тарка* «размышление; рассуждение» и *вайрагья* «мироотречение», а в *двенадцати* — те же восемь «звеньев» йоги плюс дружелюбие (*майтри*), сострадание (*каруна*), веселье (*мудита*) и терпение (*упекша*). Интерпретация Нилакантхи, разумеется, вполне искусственна. В действительности речь идет о после-

довательной практике пранаямы с нарастающей задержкой (растяжением) дыхания. Единицей измерения длительности вдоха (а также выдоха и задержки дыхания с воздухом в легких — все три должны быть равны) является «мера» (*матра*, или *матрапрамана*), соответствующая «нормальному» вдоху (= 2 с половиной *палы*, или «мгновения ока»). Начав с одной *матры* на каждый вдох, выдох и задержку, йогин должен в идеале довести их длительность до *двадцати четырех* матр (*Eliade* 1990. P. 58—59).

У выражения caturviṃśāt paraṃ tataḥ возможно и второе значение: «(достигает) того, что за пределами двадцати четырех (таттв)» (в ранней санкхье двадцать пятой *таттвой*, т. е. высшим элементом системы, мыслился Пуруша); но в таком случае выражение чересчур эллиптично (отсутствует глагол).

[274] *Саттва и Пуруша... — одно* — sattvaṃ ca puruṣaś caikas — в связи с этим можно вспомнить о некоторых древнейших традициях протосанкхьи (например, учения Арады Каламы, учителя Будды — по Ашвагхоше), в которых место высшего принципа (впоследствии доставшееся Пуруше) занимала *саттва*. Адепт достигал высшей цели, истребив в себе *тамас* и *раджас* и став *саттвастха* — «пребывающим в *саттве*» (*Johnston* 1974. P. 35, 83).

[275] Эти «примеры» (мошка и дерево, рыба и вода) употреблялись уже в древнейшей «протосанкхье», в частности — в учении Арады Каламы, одного из наставников Будды (по Ашвагхоше; см.: *Шохин* 1997. С. 94).

[276] *...А последователи учения об элементах — «врожденную природу»* — svabhāvaṃ bhūtacintakāḥ. — Имеются в виду, вероятно, представители одного из древнейших течений индийской философской мысли — материалистической *локаяты*. Понятие «врожденной природы» (svabhāva) было выработано, по-видимому, именно в их системе.

[277] Об исключительной важности принципа «невреждения живому» (*ахимса*) как в эпической («Мокшадхарма»), так и в классической санкхье (вместе с йогой, противостоящей в этом вопросе всем остальным брахманским даршанам) см.: *Houben* 1999. P. 134—140.

[278] *Шадджа, ришабха, гандхара, мадхьяма* и *панчама, а кроме них еще нишада* и *дхайвата*. — Перечислены семь кардинальных элементов индийской музыкальной системы — *свар* (*свара* — букв. «звук»), отдаленно соответствующих ступеням звукоряда в традиции европейской музыки (подробнее о *сварах* см. развернутый комментарий А. М. Дубянского в кн.: *Менон* 1982. P. 64—65).

[279] *Кто так знает.* — О происхождении и значении этой формулы см. выше, примеч. 196.

[280] *Знающий Поле — kṣetravid.*

[281] *Вдохновенные ришии — viprāḥ.*

[282] *...в должное время* (*в него*) *вернувшийся* — samayajño gataḥ punaḥ — букв.: «Зная правильное время (для всякого действия), вернувшийся (в него)».

[283] Подразумевается, что неправильно называть человека, просто знающего наизусть Веды, традиционным термином vedavid — «знающий Веду». Этим словом следует обозначать лишь человека, который познал «Познающего Поле» (Атмана-Пурушу) и тем самым приобщился истинному тайному смыслу Вед.

[284] Параллели этой мысли встречаются в христианской традиции. Б. Л. Смирнов в своем комментарии к данному месту цитирует Иоанна Златоуста: «В мире до тех пор будет зло, пока будут существовать два слова: „твое" и „мое"» (Анугита 1977. С. 154).

[285] Это высказывание «Анугиты» особенно резко противоречит мировоззрению «Бхагавадгиты», осуждающей отказ от деяния и проповедующей *карма-йогу*, «йогу действия» (см., в частности, главу II, которая, кстати, в колофонах многих рукописей Гиты озаглавлена «Карма-йога»). Сопоставление Гиты и Анугиты в их отношении к действию позволяет заключить, что встречающееся в Гите порицание тех, кто призывает к бездеятельности, относится именно к представителям соответствующих тенденций в гностической санкхье.

[286] Согласно текстам классической санкхьи, 16 начал, составляющих телесную природу человека, суть: 5 индрий действия, 5 индрий восприятия, манас и пять материальных первоэлементов (см.: Санкхья-карика 3 и комментарий Гаудапады. См. также: *Шохин* 1995. С. 119—120, 307). Общее представление о том, что «человек состоит из шестнадцати частей», встречается уже в упанишадах (см., напр.: ЧхУп 6.7.1; ср. также ПрашнаУп 6; Упанишады 1967. С. 196—197, где фигурирует «*пуруша* из шестнадцати частей»), однако установить, как конкретно мыслились эти 16 частей, не представляется возможным.

[287] *ya ebhiḥ kāraṇair dhruvaḥ* — неясное выражение, скорее всего подразумевающее, однако, отвлекающую человека от высшей цели деятельность *индрий*, органов восприятия (слово kāraṇa, помимо таких значений, как «условие», «причина», «материальный элемент», «инструмент, орудие» и т. п., может иметь и значение «орган восприятия»).

[288] *yathā syāt svapnadarśanam.* — Нилакантха в своем комментарии разъясняет эти слова иначе: человек, достигший «ясности», уже совершенно изолирован от внешнего мира, он видит все только в своем внутреннем, психическом мире, как видят сновидение.

[289] *Город, носящий имя слона* (*gajasāhvaya*) — иносказательно-шутливое название столицы племени куру Хастинапуры, в котором как бы слышится слово *hastin* — слон. В действительности название, скорее, связано с именем основателя города — древнего царя Хастина.

Глава 51—96

[1] *Дарука* — колесничий бога-героя Кришны.

[2] *Пандава* — здесь: Арджуна.

[3] *Город, носящий имя слона* — то же: Город, названный в честь слона, т. е. город Хастинапура, название которого по традиции связывается с именем царя Хастина, означающим «слон».

[4] *Партха* — здесь: Арджуна.

[5] *...о лучший из бхаратов...* — Традиционное обращение, в данном случае — повествователя, риши-брахмана Вайшампаяны к царю Джанамеджае.

[6] *...хранитель рода Вришни...* — vṛṣṇikulodvaha — букв. «продолжатель рода Вришни», одного из родоначальников племени вришниев; значение слова udvaha в целом дает возможность и данного перевода.

[7] *...царем... возвращено царство...* — Имеется в виду победа царя Юдхиштхиры над соперниками-кауравами в великой битве «Махабхараты», когда Пандавы отстояли свои права на престол.

[8] *Куру* — этноним, определяющий и героев эпоса Пандавов, и их противников кауравов в силу их принадлежности к разным ветвям одного и того же рода. Здесь *куру* — кауравы, побежденные Пандавами при деятельном участии Кришны.

[9] *Поклон тебе...* — namas te 'stu — этими словами, типичными для начала эпико-пуранического гимна, открывается прославление Кришны Арджуной (подробно об эпическом гимне см.: *Невелева* 1995. С. 235—256).

[10] *...создатель всего, Атман всего, источник всего...* — В этой характеристике Кришны как Всебога повторяется слово «все» (viśva), в контексте гимна означающее «Вселенная».

[11] *...каким храню тебя в сердце своем.* — В оригинале: yathā cāhaṃ bhavanmanāḥ.

[12] *Пожиратель жертв* — Агни как огонь жертвоприношения, уста, «вкушающие» жертву.

[13] *Майя* — здесь: мировая иллюзия; другое значение термина — волшебство, чары.

[14] *...всей извечной совокупности существ...* — sarvaṃ... bhūtagrāmaṃ sanātanam; другой вариант перевода — «всей извечной совокупности первоэлементов».

[15] *Падма-Шри* — Лотосоподобная Шри, богиня процветания, успеха, идентифицируемая с Лакшми, супругой Вишну.

[16] *...тебя провозглашают* (*несущим*) *погибель миру в конце каждой юги...* — Кришне как богу Тотальности приписывается, таким образом, функция разрушения мира в конце космического периода (здесь термин *юга* используется, как обычно в эпосе, в значении «махаюга», т. е. совокупность четырех мировых периодов — Крита-, Трета-, Двапара- и Калиюга).

[17] *Девала* — он же: Асита Девала, святой мудрец-риши из рода Кашьяпы, являющийся, по преданию, современником происходящего в «Махабхарате».

[18] *Кауравья, сын Дхритараштры* — Дурьодхана, главный среди ста братьев-кауравов.

[19] *...тобой... спалена... рать, побежденная мною в сражении.* — По-видимому, текст отсылает к эпическому пониманию битвы как жертвоприношения, идентифицируя бога Тотальности — Кришну с жертвенным огнем (подробно о битве как особом жертвоприношении см.: Махабхарата 1988. С. 213).

[20] (*Тобой*) *был подсказан мне способ, как надлежит сокрушить и Карну, и Сайндхаву... и Бхуришраваса.* — Здесь перечислены противники Арджуны, сражавшиеся во время битвы на стороне кауравов: *Карна* — его старший брат, рожденный Кунти до ее брака с Панду, отцом Пандавов и в том числе Арджуны; *Сайндхава* — Джаядратха Вардхакшатри, властитель северо-западных народностей синдху и сауиров; *Бхуришравас* — внук Бахлики, царя бахликов, народности Пенджаба, возможно, переселившейся из Ирана. В ходе битвы Кришна не раз дает Арджуне советы, противоречащие правилам ведения честного боя.

[21] *...с моим дядюшкой...* — Т. е. с Васудевой, отцом Кришны, дядей Арджуны по материнской линии (mātula).

[22] *Баладева* — он же: Баларама, Рама, старший брат Кришны, почитающийся как божество, связанное с земледелием.

[23] *Бхимасена* — второй по старшинству (после Юдхиштхиры) среди пятерых братьев-Пандавов, сын Панду и Кунти; по «небесной» родословной — сын бога ветра Ваю.

[24] *...обоих Пандавов — сыновей Мадри...* — Т. е. Накулу и Сахадеву, младших братьев-близнецов, сыновей Панду; их «небесными» отцами считаются Ашвины, близнечная пара божеств.

[25] *Ютсу* — сто первый сын царя Дхритараштры от женщины-вайшьи.

[26] Здесь перечисляются эпические героини старшего поколения: *Гандхари* — имя-этноним («царица Гандхары», страны на северо-западе), принадлежащее супруге царя Дхритараштры, матери ста братьев-кауравов; *Притха* — она же: Кунти, мать старших Пандавов — Юдхиштхиры, Бхимасены и Арджуны; *Кришна* — «Черная», одно из имен Драупади, супруги пятерых братьев-Пандавов; *Субхадра* — младшая сестра Кришны, одна из жен Арджуны, мать его сына — героя Абхиманью, павшего в битве.

[27] *...назвали свои имена...* — Такие процедуры, как называние имени, равно как и поклон в ноги, а также вопросы о здоровье и благополучии, входят в число правил встречи младшего по возрасту (или по статусу) «гостя» с «хозяином», в данном случае — со старым царем Дхритараштрой (подробно см.: *Невелева* 1999). К тому же царь слеп.

[28] *Бхима* — Грозный, имя-характеристика героя-Пандавы Бхимасены.

[29] *Кшаттри* — имя Видуры, данное ему ввиду происхождения от кшатрия и шудрянки (так обозначается потомство от смешанного брака этого типа, который считается в эпосе неканоническим, поскольку муж берет жену не из своей варны).

[30] *Куру* — царь Лунной династии, общий предок и Пандавов, и кауравов, принадлежащих к разным ветвям одного и того же рода.

[31] *...Кришна... отправился в покои Завоевателя богатств.* — Лишний раз подчеркивается, таким образом, глубинная связь образов Кришны и Арджуны, имя которого — *Завоеватель богатств* — связано с его воинскими подвигами при ритуальном покорении земель, входящем как основная часть в царские ритуалы посвящения (раджасуя) и утверждения власти (ашвамедха).

[32] *Царь Дхармы* — именование Юдхиштхиры, отражающее, возможно, не столько его справедливость и т. п., сколько законность претензий на царский престол, на который посягают кауравы во главе с Дурьодханой.

[33] *...точно двое Ашвинов перед Царем богов.* — В данном сравнении делается акцент не на конкретные черты мифологической пары Ашвинов (божеств-врачевателей, славящихся в эпосе своей красотой и генетически связанных с утренними и вечерними сумерками), а на их близнечный статус, что очередной раз подчеркивает близость восприятия образов Арджуны и эпического Кришны. *Царь богов* — Индра, эпической параллелью которого мыслятся земные цари.

[34] *...Васудева... желает увидеть отца своего.* — Васудева, имя Кришны, отличается при написании на санскрите от имени его отца лишь долготой первой гласной.

[35] *Город анартов* — Дварака, столица Кришны. *Анарты* — народность, проживавшая в одноименной стране в Западной Индии, на территории Гуджарата, и подвластная Кришне.

[36] *Дваравати* — то же: Дварака, столица Кришны.

[37] *Сын Шуры* — Васудева, отец Кришны. *Шура* — царь шурасенов и вришниев, отец Кунти-Притхи, матери старших братьев-Пандавов, дед Кришны.

[38] *Девааки* — супруга Васудевы, мать Кришны, считающаяся иногда воплощением праматери богов Адити.

[39] *Сатвата* — Владыка сатватов, т. е. Кришна (в других случаях — Баларама или Сатьяки), имя-этноним его как вождя одного из родов, входящих в племя ядавов.

[40] *...Кауравья Юдхиштхира...* — Любой герой из обоих враждующих станов Пандавов и кауравов может зваться Кауравья (производное от имени Куру) в силу общности происхождения от одного родоначальника.

[41] *...ответил сын Дхармы старшему брату Гады...* — Т. е. Юдхиштхира, считающийся по «небесной» родословной сыном бога Дхармы, отвечает Кришне, о младшем брате которого по имени Гада в эпосе практически ничего не известно.

[42] *...сестру своего отца...* — Т. е. Кунти-Притху, мать старших братьев-Пандавов.

[43] *...обошел ее по кругу прадакшины.* — *Прадакшина* — ритуальное обхождение объекта (человека, божества или святыни) слева направо как выражение почтительности; часто прадакшина сопровождает прощание эпических персонажей.

[44] *Хари* — имя Вишну, которое с ним разделяет Кришна.

[45] *Город слона* — Хастинапура (см. примеч. 3). Варьирование понятия *слон* (здесь — nāga) свидетельствует о стирании связи названия этого города с именем царя Хастина.

[46] *Тот, на чьем стяге — лучшая из обезьян* — имя-характеристика Арджуны, на стяге которого — божественная обезьяна Хануман.

[47] *Сатьяки* — он же: Ююдхана, герой из рода ядавов, родственного Кришне.

[48] *...оба сына Мадравати...* — Т. е. Накула и Сахадева, сыновья Мадри, младшие герои-Пандавы.

[49] *...хранителям царства куру...* — kururāṣṭravardhanām, — точнее: «взрастителям царства куру»; «взращивание царства», т. е. расширение его пределов и умножение богатств, является обязанностью эпического царя, претендующего на упрочение своего могущества.

[50] *Шини* — дед Сатьяки, героя из рода ядавов.

[51] *Шатакрату* — Совершитель ста жертвоприношений, имя бога Индры; другое, связанное с этим, толкование — Стосильный, т. е. умноживший свою силу жертвоприношениями.

[52] *Быки-бхараты* — образец широко распространенной в эпохе «животной» метафоры, использующей образ быка как символ физической мощи воина (подробно об эпической метафоре см.: *Невелева* 1991. С. 124—147).

[53] *...Васава... излил на Владетеля (лука) Шарнга... воду и... цветы.* — *Васава* — Индра как Властитель Васу, восьмичленной группы ведийских богов, олицетворяющих природные явления (Анила — Ветер, Анала — Огонь и т. д.). *Владетель (лука) Шарнга* — Кришна. Примечательно, что в эпосе боги практически не вмешиваются в происходящее, выражая свое одобрение, главным образом, цветочными ливнями и поощрительными возгласами. Индра в данном случае изливает воду в силу своей роли подателя дождя.

[54] *Уттанка* — святой мудрец-риши, посвятивший подвижничество Вишну, который воочию явился ему и, после того как был воспет мудрецом, даровал дар своему адепту-бхакту (см.: Махабхарата 1987. С. 402—403). Следует отметить включенность фигуры Уттанки в круг вишнуитско-кришнаитских мифологических сюжетов.

[55] *Шаури* — «потомок Шуры», имя Кришны по его деду (см. примеч. 37).

[56] *...когда ты... усмирил кауравов...* — Как и ранее, в прославлении Арджуной Кришны, здесь подчеркивается его главенствующая роль в победе Пандавов над своими соперниками-кауравами.

[57] *...что склонны к противному дхарме* — adharmaṛucayo — букв. «привержены адхарме», т. е. тому, что противоречит дхарме как универсальному закону мироздания. Традиция разделяет героев эпоса не на положительных и отрицательных, а на тех, на чьей стороне дхарма, и тех, чьи действия ей противоречат. Усилиям Кришны примирить Пандавов и кауравов посвящена кн. V «Махабхараты» (Махабхарата 1976).

[58] *...нельзя отвратить предначертанное судьбой ни силой, ни разумом.* — Подобное фаталистическое осмысление действительности нередко встречается в поздних слоях содержания «Махабхараты».

[59] *...отправились в обиталище Ямы.* — Таково иносказательное выражение понятия «умирать»; *Яма* — бог Смерти в древнеиндийской мифологии.

[60] *Бхригу* — имя ведийского риши, основателя жреческого рода, связанного с почитанием огня. По мнению В. С. Суктханкара (*Sukthankar* 1944. P. 278—336), поддержанному Р. П. Голдманом (*Goldman* 1977), Бхригуиды (Бхаргавы) внесли существенный вклад в придание эпосу его современного вида за счет привлечения традиционной сюжетики (так называемое «редактирование» эпоса).

[61] *Бхаргава* — потомок Бхригу (см. примеч. 60).

[62] *Адхъятма* — Высочайший Дух. Кришна идентифицирует себя с высшим началом Вселенной.

[63] *Брахмачарья* — здесь: обед воздержания, связанный с первой из четырех ашрам, т. е. жизненных стадий, — стадией ученичества, но практикуемый и далее как элемент подвижничества.

[64] *...тамас, раджас и саттва суть состояния...* — Такова совокупность трех гун (здесь — «состояний» bhāva): *тамас* — темное, косное начало; *раджас* — деятельное, активное; *саттва* — светлое, благостное; гуны определяют, в том числе и этически, каждое явление в мироздании.

[65] *Дайтьи* — сыновья прародительницы демонов Дити и святого мудреца Кашьяпы; смешиваются как разряд с данавами, происходящими от того же Кашьяпы и его супруги Дану.

[66] *Ракшасы* — демоны-оборотни, враждебные, в отличие от асуров, дайтьев и данавов, не богам, а людям, нападающие по ночам и создающие помехи жертвоприношению (так, в «Рамаяне» ракшасы оскверняют алтарь мудреца Вишвамитры).

[67] *...дхармы, что установлены для четырех ашрам...* — Имеются в виду обязанности индивида на каждой стадии жизни (ашрама): 1) *брахмачарья*, когда ученик должен жить в доме наставника-брахмана, изучать под его руководством Веды и соблюдать обеты, в первую очередь — воздержания; 2) *грихастха*, стадия домохозяина, требующая заботы о благосостоянии семьи и порождении потомства; 3) *ванапрастха*, когда предполагается уход в леса для духовного совершенствования; 4) *санньяса*, время полного разрыва мирских связей.

[68] *...и нет превыше извечного бога богов.* — Раскрывая понятие Адхьятмы, высшего принципа Вселенной, Кришна затрагивает (наряду с философским и социальным) мифологические пласты воззрений, обращаясь не только к «низшей», но и к «высшей» мифологии. *Бог богов* — обычно титул Шивы.

[69] *...Веды, начинающиеся произнесением ОМ...* — oṁkāraprabhavān vedān. *ОМ* — священный слог, имеющий сложную символику, которая широко используется в Упанишадах, олицетворяя, например, целостность трех сфер мироздания (небо, земля и подземный мир), единую совокупность начала, середины и конца миропроявления и т. д.

[70] *...я — жертвенный столб и сома, приводящий Тридцать (богов) на жертвоприношение.* — Здесь и далее самоотождествление Кришны с жертвоприношением в целом и его деталями с очевидностью восходит к литературе Брахман, где Вишну отождествляется с жертвой. *Тридцать (богов)* — традиционная группа эпических богов, некая совокупность, неразложимая на составляющие (ср. Тридцать три бога).

[71] *...я — хотар и хавья, я же — адхварью...* — *Хотар* — жрец, функция которого состояла в рецитации гимнов Ригведы во время жертвенного обряда и приглашении богов. *Хавья* — жертвенное подношение. *Адхварью* — жрец, отвечавший за действенную часть ритуала (выжимание сомы давильными камнями, подготовка священного огня и т. п.).

[72] *Удгатри* — жрец, поющий гимны, сведущий в мелодике.

[73] *Вишвакарман* — ведийское божество с неопределенными функциями творца, считающееся в эпосе небесным зодчим; применительно к Кришне это имя должно быть интерпретировано как Всесозидатель. Другая, связанная с данной, интерпретация имени является уточняющей: «(Творящий) во время обряда (karman) Вселенную (viśva)» и подтверждается ассоциацией Кришны с жертвоприношением.

[74] Общий смысл этой фразы, указывающей на понимание бытия как круга сансары, подчеркивается причастием (наст. вр.) saṁsaramāṇa от глагола saṁsṛ — «перемещаться», «проходить перерождения».

[75] Идентифицируясь с крупными богами эпического пантеона, Кришна адресует себе главные космологические функции — творение и разрушение.

[76] Среди вишнуитских мотивов «автопанегирика» Кришны явно присутствует идея о земных воплощениях бога, его аватарах, и в данном случае — об аватаре в образе Калкина Вишнуяшаса, восстанавливающего основу социума — дхарму после мировой катастрофы, пралаи, завершающей очередной космический цикл (здесь «юга» имеет значение «махаюга» как совокупность четырех мировых периодов; см. примеч. 16).

[77] *...вновь явил... свой истинный облик...* — punar yathāvad anudarśitāḥ. Судя по контексту, речь идет о Вселенском образе (Вишварупа) Кришны, который был явлен им кауравам в «Удьогапарве», когда они пытались бросить его в темницу, а также Арджуне в «Бхишмапарве» перед началом великой битвы.

[78] *...настигнутые дхармой Времени...* — parītāḥ kāladharmaṇā — упоминание о смерти как действии закона (дхармы) Времени принадлежат к числу фрагментов древнего учения калавады (см. об этом: *Васильков* 1999. С. 222—223; Махабхарата 1998. С. 200; *Васильков* 1999. С. 17—34).

[79] Для воинов обоих станов путь на небеса, таким образом, один — гибель в честном бою, и битва по своему результату приравнивается к жертвоприношению.

[80] *Ачьюта* — Неколебимый, одно из имен Вишну-Кришны.

[81] *Ишвара* — Владыка, личный бог с функцией созидания, иногда тождественный в эпосе богу Дхатри, ассоциируемому с понятием судьбы. В индуизме боги нередко осознаются как проявления Ишвары.

[82] *...вечный облик Вишну, что раньше был явлен... Завоевателю богатств.* — См. примеч. 77. В данном случае обращает на себя внимание отождествление Кришны как бога Тотальности с Вишну.

[83] Устанавливается, следовательно, определенное единство образов Кришны, Вишну, Ишвары и Вишварупы.

[84] *Всесозидатель* — Вишвакарман (см. примеч. 73).

[85] Начало славословия Уттанки, обращенного к Всебогу-Кришне, содержит реминисценции гимна Пуруше («Пурушасукта» из X мандалы Ригведы X.90): весь мир происходит из принесенного в жертву тела антропоморфного гиганта (Ригведа 1999. С. 235—236).

[86] *Все это* — idaṁ sarvam — «весь мир», «вся Вселенная» (ср. примеч. 10).

[87] Здесь фиксируется восходящая своими корнями к глубокой архаике ситуация ритуального обмена дарами между божеством и прославляющим его адептом.

[88] *Чандала* — человек, стоящий вне общества и обреченный в силу низкого социального происхождения на нечистые занятия.

[89] *Одетый в стороны света* — digvāsas, т. е. «обнаженный». (О связи данной характеристики с оппозициями «добро—зло» и «жизнь—смерть» см.: Махабхарата 1987. С. 698; ср.: *Невелева* 1979. С. 10, 11).

[90] *...тотчас исчез* — tatraivāntaradhīyata. Такой выход из контакта свойствен обычно мифологическим персонажам высшего уровня, так что это выражение можно расценивать как намек на божественную природу того, кто скрывается в обличье испытателя-чандалы.

[91] *Владетель чакры, раковины и палицы* — именование-характеристика воина-героя Кришны, а также Вишну, по его атрибутам (оружию).

[92] *Сокрушитель крепостей, Держащий в руке ваджру* — древние имена-определения бога-воителя Индры: первое — по главному деянию, состоящему в разрушении укрепленных цитаделей демонов, второе — по характерному атрибуту-оружию, ваджре.

[93] *Амрита* — напиток бессмертия, в «Ригведе» отождествляемый с сомой, добываемым в процессе жертвоприношения.

[94] *Владыка Шачи* — śacīpati, имя Индры, включающее оба толкования своего первого компонента — śacī: 1) сила и 2) супруга Индры, персонифицирующая силу.

[95] *Индра богов* — здесь имя Индра имеет по существу нарицательное значение — «царь».

[96] *...Вишну, великого властелина* — viṣṇave prabhaviṣṇave. При общей окказиональности эпической звукописи, утратившей в целом магический смысл, в «Махабхарате» отчетливо выделяется такой тип, как звукопись вокруг имени собственного, отмечаемая Ф. де Соссюром и О. М. Фрейденберг в качестве характерной черты поэзии Древности (см.: *Невелева* 1991. С. 118, 119). Кришна здесь также идентифицируется с Вишну.

[97] *...знанием обрядов...* — В переводе используются разночтения: vijñānena... karmaṇām.

[98] *Тысячи учеников отпустил от себя Гаутама...* — По завершении первой стадии жизни — брахмачарьи (когда ученик живет в доме наставника, исполняя определенные обязанности) юноша возвращается в семью.

[99] *Риши-брахман* — представитель первого из трех разрядов святых мудрецов эпоса; остальные — риши-боги, или божественные мудрецы, и цари-риши, или царственные мудрецы.

[100] *Бык-дваждырожденный* — см. бык-брахман, так называемая «животная» метафора, подчеркивающая в этом случае не воинскую, а подвижническую мощь пыла.

[101] *Что мне дать (тебе) как наставнику* — gurvartham̐ kam̐ prayacchāmi. Точнее: «Какое имущество я должен дать наставнику?» — Речь идет, очевидно, о материальном вознаграждении (artha), положенном гуру за обучение ученика.

[102] *Дар* — здесь: дакшина, дар брахману за совершение жертвенного ритуала.

[103] *Ахалья* — супруга риши Гаутамы.

[104] *...матушка...* — Такое обращение Уттанки к супруге своего гуру лишний раз подтверждает тот факт, что ученик-брахмачарин, живущий в доме наставника, считается его сыном (см.: *Семенцов* 1988. С. 5—32).

[105] *Саудаса* — царь Солнечной династии, потомок Икшваку; другие его имена — Митрасаха и Калмашапада.

[106] *...просить в дар...* — bhikṣitum — букв. «просить милостыню». Одаривание брахмана провозглашается в эпосе обязательным для того, к кому он обращается с просьбой.

[107] *...проклят тот царь...* — В результате проклятия святого мудреца Васиштхи Саудаса был обречен стать людоедом.

[108] *...на третий день поста...* — ṣaṣṭhe kāle, т. е. на шестой раз приема пищи (вечером на третий день).

[109] Это высказывание имеет явно эвокативный смысл — вызвать Саудасу на поступок, соответствующий желанию просителя.

[110] *Великие ураги* — разряд демонов-змеев.

[111] *...если надеть, не совершив очищения после еды...* — ucchiṣṭadhṛtam; перевод следует специальному значению слова ucchiṣṭa (обычно — «остатки пищи», в том числе — жертвенной): «...тот, кто не омыл рук и рта и поэтому считается нечистым» (см.: *Monier-Williams* 1899. P. 173).

[112] *Шкура черной антилопы* — атрибут отшельника (в иных случаях — символ царской власти).

[113] *...испущу праны...* — Т. е. «умру». Прана в ед. ч. — «жизненное дыхание», во мн. ч. — «жизнь»; «испустить праны» (ср. русск. «испустить дух») — одна из религиозно-философских в своем генезисе метафор смерти. Учение о пранах формируется в Упанишадах.

[114] *Апана* — одно из пяти жизненных дыханий, направленное вниз и исходящее из ануса.

[115] *Агни-Джатаведас* мыслится наставником жреца.

[116] *Васуки* — один из змеиных царей, входящих в пантеон индуизма как податели дождя; источниками подобных образов служат местные культы.

[117] Почетный напиток аргхья, как и вода для омовения ног (падья), входят в число вещных подношений почетному гостю-брахману.

[118] *Ююдхана* — Сатьяки, герой-ядава.

[119] *...золотые навесы.* — Перевод условен: kāśa — вид травы, используемой для плетения циновок, навесов и т. д.

[120] *...деревьями, исполняющими желания...* — Древо желания, кальпаврикша, считается одним из пяти мифических деревьев на небе Индры, способных исполнить любое желание.

[121] *...вины, мриданги и вену.* — *Вина* — струнный музыкальный инструмент; *мриданг* — небольшой двусторонний барабан, обтянутый кожей, с каркасом из обожженной глины; *вену* — инструмент типа флейты.

[122] *Сура* — хмельной напиток.

[123] *...будто Васава, разгромивший данавов.* — Демоноборчество Индры (Васавы) — доминирующая тема эпических сравнений (см.: *Васильков, Невелева* 1988. С. 152—175). Данное сравнение отсылает к мифологической трактовке великой битвы эпоса как сражения Пандавов, пятерых Индр, с демонами-кауравами, подчеркивая, однако, первенствующую роль Кришны в победе над ними.

[124] *Бходжи, вришнии, андхаки* — члены родов, подчиняющихся герою Кришне. *Бходжи* — ветвь племени ядавов, жившая на территории Западной и Центральной Индии. *Вришнии* — род ядавов, к которому принадлежит Кришна. *Андхаки* — род, входящий в состав племени ядавов.

[125] *Васудева* — здесь: отец Кришны.

[126] *Бхишма, Карна, Крипа, Дрона и Шалья* — полководцы кауравов, воины старшего поколения. *Крипа* — как и его родственник Дрона, военный наставник Пандавов и кауравов; согласно традиции, он получил знание военной науки от бога Рудры, частичным воплощением которого считается. *Шалья* — царь мадров, состоящий в родственных отношениях с Пандавами (младшие братья-близнецы Накула и Сахадева — племянники Шальи); перешел на сторону их соперников, обласканный царем Дурьодханой.

[127] *Васудева* — здесь: Кришна.

[128] *Кауравеи* — то же: кауравы.

[129] *...Шикхандин, охраняемый... Савьясачином.* — *Шикхандин* — сын панчалийского царя Друпады, рожденный девочкой и обменявшийся полом с неким якшей, чтобы отомстить впоследствии Бхишме, который оскорбил ее в прошлом рождении (см.: Махабхарата 1976. С. 334—339). *Савьясачин* — имя Арджуны, трактуемое как «Равно владеющий и правой, и левой руками при стрельбе из лука», что считалось особым достоинством воина.

[130] *Владетель лука Гандивы* — имя Арджуны. *Гандива* — волшебный лук, появившийся, согласно одной из версий, вместе с амритой при пахтании богами и демонами молочного океана; по другой версии, лук создан Брахмой и передан герою Арджуне богом огня Агни.

[131] *Шикхандин... множеством стрел поразил... Гангею, отвратившегося от битвы.* — *Гангея* — сын богини-реки Ганги, матроним Бхишмы; он перестал сражаться против окруживших его Пандавов, видя, что среди них находится *Шикхандин*, воин, некогда бывший женского пола. Таким образом, Пандавы во главе с Арджуной нарушили правила ведения честного боя, согласно которым нельзя нападать на того, кто сложил оружие. Сразил Бхишму не Шикхандин, а Пандавы — обычное эпическое противоречие.

[132] «Северный путь солнца», называемый также «путем богов», — полугодие от зимнего до летнего солнцестояния, когда солнце возрастает. «Южный путь солнца» («путь предков») — остальное время, когда смерть чревата новыми рождениями. Бхишма, желая миновать этот срок, с помощью йоги продлевает свою жизнь, лежа на стрелах, унизавших его тело (Махабхарата 1998. С. 208).

[133] *Индра кауравов* — Дурьодхана, главный среди ста братьев. «Индрова» метафора указывает обычно на царский статус определяемого субъекта, его главенство.

[134] *...подобный Кавье при властителе дайтьев.* — *Кавья* — Шукра Ушанас, мифологический аналог-антипод наставника богов Брихаспати. В эпосе кауравы во главе с Дурьодханой уподобляются демонам (здесь: дайтьям), и поэтому Дрона, военный наставник обеих соперничающих сторон, закономерно сравнивается с Шукрой Ушанасом, наставником демонов.

[135] *Вриша* — Бык, одно из имен Карны, связанное, возможно, с тотемными представлениями; дано герою брахманами по прибытии на воспитание к ангам, после того как его мать Притха-Кунти была вынуждена расстаться со своим сыном, рожденным ею до брака с богом Солнца Сурьей. По поводу связи сюжета о Карне-подкидыше с архаическим посвящением вождя-героя см.: *Невелева* 1985. С. 76—87.

[136] *Дхриштадьюмна* — сын Друпады, царя Южной Панчалы, брат Драупади, супруги Пандавов, их союзник в великой битве, павший от рук Ашваттхамана, сына Дроны, отомстившего таким образом за смерть своего отца.

[137] *...охраняемый... как Варуна — Митрой.* — *Варуна* — один из крупных богов ведийского пантеона, ведавший охраной космического миропорядка; в эпосе — божество, связанное с земными водами (океан — обиталище Варуны), покровительствующее как локапала («хранитель мира») западной стороне. *Митра* — в ригведийском пантеоне — бог, тесно ассоциирующийся с Варуной; устанавливает согласие среди людей, будучи издревле связан с понятием договора; в эпической мифологии роли не играет. Данное сравнение, основанное на древней связи образов, лишний раз подтверждает консерватизм содержания этого приема эпической поэтики.

[138] *...помня о страданиях своего отца...* — Дрона в поединке сразил Друпаду, отца Дхриштадьюмны.

[139] *Паршата* — внук Пришаты, Дхриштадьюмна.

[140] *...отвратившись (от боя), Дрона попал во власть к Дхриштадьюмне.* — Дрона перестал сражаться, так как услышал ложную весть о смерти своего сына. Нападая на воина, сложившего оружие, Пандавы в очередной раз нарушают воинский кодекс чести, не подвергаясь осуждению со стороны Кришны, который сам подсказывает им вероломные ходы во время битвы.

[141] *Бибхатсу* — Отвратившийся (от мира), имя Арджуны; смысл имени связан, по-видимому, как с величием подвижничества и глубиной медитации героя, так и с определенным эпизодом «Махабхараты», когда при виде своих родичей, против которых он должен сражаться, Арджуна готов отказаться от боя, и лишь Кришне, раскрывающему герою мудрость «Бхагавадгиты», удается вернуть его к исполнению долга кшатрия. О мотивированности прозваний эпических героев см.: *Невелева* 1973. С. 232—247.

[142] *Сын суты* — именование Карны согласно этнической принадлежности его приемного отца Адхиратхи, при дворе которого рос и воспитывался Карна-подкидыш, оказавшийся в поселении сутов, когда его мать Притха-Кунти рассталась с ним, пустив корзину с младенцем по реке (см.: Махабхарата 1987. С. 595—596).

[143] *...в бою с Партхой, принял смерть...* — Карна был вероломно убит Арджуной, когда колесо его колесницы увязло в расселине (см.: Махабхарата 1990. С. 222—229); *...принял смерть* — pañcatvam agamat, букв. «превратился в совокупность пяти (первоэлементов)», в числе которых — эфир, воздух, огонь, вода и земля. Такова одна из религиозно-философских метафор смерти.

[144] *Владыка мадров* — царь Шалья.

[145] *...Шакуни, который и привел (соперников) к той распре.* — *Шакуни* — царь Гандхары, дядя братьев-кауравов по материнской линии (его сестра Гандхари — супруга их отца, царя Дхритараштры), хитростью обыграв Юдхиштхиру во время игры в кости, приведшей к изгнанию Пандавов.

[146] *...настиг его в озере Двайтавана...* — Пребывание Дурьодханы перед поединком с Бхимасеной в воде озера П. А. Гринцер рассматривает в числе глухих ссылок на змеиную природу антагониста эпического героя (*Гринцер* 1974. С. 205).

[147] Об истреблении сыном Дроны Ашваттхаманом воинства Пандавов см.: Махабхарата 1998. С. 25—31.

[148] *Бходжа* — этническое имя Критавармана, отца супруги Кришны — Рукмини.

[149] *Санджая* — колесничий и советник царя Дхритараштры, один из главных повествователей «Махабхараты», рассказывающий о батальных событиях слепому царю.

[150] *...страдая от горя и боли.* — Используются разночтения: duḥkhaśoka-parikleśā.

[151] *...о великой битве потомков Бхараты...* — mahābhāratayuddhaṁ — букв. «о битве Махабхараты»; в переводе используется традиционный вариант русского названия эпопеи, тем более, что Кришна действительно рассказывает лишь о событиях битвы.

[152] *Абхиманью* — герой, сын Арджуны и младшей сестры Кришны — Субхадры, похищенной Арджуной с согласия ее брата.

[153] *Саубхадра* — сын Субхадры, матроним героя Абхиманью.

[154] *Духшасана* — один из самых известных, наряду с Дурьодханой, ста братьев-кауравов, сыновей царя Дхритараштры.

[155] *Саншаптаки* — «связанные клятвой», воины из Северо-Западной Индии, давшие клятву сражаться до тех пор, пока не убьют Арджуну.

[156] *...удалился стезею, очищенной оружием.* — Имеется в виду эпическая мифологема «битва—жертвоприношение», обе составляющие которой едины по своему результату — достижения небес.

[157] *...рыдая, точно курари.* — *Курари* — птица скопа (или орлица другого вида); данное сравнение типично для описания женского плача (ср.: *Невелева* 1979. С. 107).

[158] *Драупади* — дочь царя панчалов Друпады, супруга пятерых братьев-Пандавов, инкарнация Шри-Лакшми, появившаяся на свет из жертвенного алтаря; при этом Пандавы считаются, согласно мифу, пятью воплощениями бога Индры.

[159] *Сказала Уттаре Бхадра...* — *Уттара* — дочь царя Вираты, супруга павшего в битве героя Абхиманью, сына Арджуны. *Бхадра* — Благая, имя, совпадающее по значению с основным именем Субхадры, сестры Кришны, супруги Арджуны и матери Абхиманью.

[160] *Дочь Вираты* — Уттара, дочь царя матсьев, племени, жившего на территории совр. Раджастхана. Событиям тринадцатого года изгнания Пандавов, прожившим это время неузнанными при дворе Вираты, посвящена книга IV «Махабхараты» (см.: Вирата-парва 1967).

[161] *Притха* — она же: Кунти, супруга Панду, мать старших братьев-Пандавов.

[162] *...сражен дхармой Времени* — ...hataḥ kāladharmaṇā; смертоносное Время-Кала, подчиняющееся собственной дхарме (закону), — образ, восходящий, по-видимому, к учению калавады и входящий в состав эпической метафоры смерти религиозно-философского содержания.

[163] *...близнецов, подобных Яме...* — yamau yamopamau; сравнение мотивируется здесь исключительно созвучием слов «близнецы» и «Яма» (о звукописи в составе сравнения см.: *Невелева* 1979. С. 115; *Невелева* 1991. С. 120).

[164] *Мадхава* — здесь: отец Кришны.

[165] *Сын Шуры* — Васудева, отец Кришны.

[166] *...провозглашали здравицы в его честь* — prabhūtam iti cābruvan.

[167] *Сатьяка* — сын Шини.

[168] *Провидя... божественным оком...* — представление о том, что мудрец-риши «божественным оком» (divyena cakṣuṣā) проникает в суть происходящего за пределами его местопребывания, широко распространено в Индии (см.: Махабхарата 1987. С. 674).

[169] *...большеокой Притхе...* — pṛthāṁ pṛthulalocanām — имя и определение связаны звукописью, что характерно для эпической поэтики (см. примеч. 163).

[170] *Прародитель* — pitāmaha, титул Вьясы, совпадающий с именованием Брахмы.

[171] *...о многомудрый знаток дхармы...* — обращение риши-сказителя Вайшампаяны к царю Джанамеджае, которому он рассказывает о событиях «Махабхараты» во время змеиного жертвоприношения (такова рамочная история эпопеи).

[172] *...скрылся из вида.* — Так в эпосе удаляются, главным образом, боги; здесь этой формулой подчеркивается высокий мифологический статус Вьясы (см. примеч. 90).

[173] *Двайпаяна* — Островной, имя Вьясы, рожденного до брака рыбачкой Сатьявати и оставленного ею на острове.

[174] *Кришна* — Черный, одно из имен Вьясы, мотивированное его внешностью.

[175] *...великим царем...* — Перевод следует разночтению mahārājñā (Ашвамедхика-парван 1960. С. 241), так как используемое в критическом тексте обращение mahā-prājña («о многомудрый») не соответствует контексту: Юдхиштхира обращается ко всем братьям.

[176] *Авикшит* — имя царя Марутты, укрывшего в Гималаях оставшиеся после совершения ашвамедхи богатства.

[177] *Почтив Капардина, совершив поклонение Гирише...* — *Капардин* — Носитель капарды (узел волос на макушке в форме раковины-капарды или заплетенная косица как знак отшельничества), имя Шивы, подвижника-йогина. Другое толкование — капарда как монета или игральная кость — связывает Шиву с инициацией. *Гириша* — Житель гор, одно из имен Шивы, преимущественным местом пребывания которого считаются горы (черта образа, унаследованная от ведийского Рудры). Отправляясь в Гималаи, Пандавы поклоняются Шиве.

[178] *Словом, мыслью и делом...* — Индоевропейское триединство как три уровня ритуальной культуры рассматривает В. С. Семенцов (см.: *Семенцов* 1981. С. 99—106). Здесь подразумевается полный комплекс ритуальных жертвенных действий.

[179] *Иша* — Владыка, одно из имен Шивы, повторяющее звуки его основного имени (ср. Ишвара, Ишана, Махешвара).

[180] *Тот, у кого бык на знамени* — имя-эпитет Шивы, символом и средством передвижения (ваханой) которого является бык, что позволяет некоторым исследователям усматривать в генезисе образа Шивы его связь с пантеоном древних скотоводческих племен.

[181] *...в день созвездия Дхрува...* — *Дхрува* — Постоянный, определение накшатры, лунного дома, включающего Рохини и три Уттара — Пхальгуни, Бхадрапада и Ашарха (*Monier-Williams* 1899. P. 524).

[182] *Махешвара* — Великий владыка, именование Шивы.

[183] *...брахманов, поддерживающих огонь...* — Брахманы с огнем (agnisahitāḥ) — по-видимому, женатые брахманы-домохозяева (грихастха), поддерживающие всю жизнь зажженный во время брачного обряда огонь, используемый для совершения домашних обрядов (см.: Араньякапарва 1987. С. 605; *Stevenson* 1920. P. 245).

[184] *...радостны были люди, ведущие их* — prahṛṣṭanaravāhanāḥ; или: «люди и ездовые животные»; возможно также иное понимание: вместо «люди» — *нары*, т. е. духи из свиты Куберы.

[185] *Суты, магадхи и вандины...* — *Суты* — сказители-колесничие, очевидцы воинских подвигов царей и кшатрийской элиты, одновременно — их генеалогисты и панегиристы, первоначальные носители эпической традиции. *Магадхи* — придворные певцы и панегиристы; *вандины* — певцы особого типа, панегиристы, связанные с кшатрийским сословием (см., напр.: Махабхарата 1990. С. 245).

[186] *Белый зонт* — одна из обязательных царских регалий (*Gonda* 1969. P. 37).

[187] *Следуя за... пурохитой, сведущим в Ведах и Ведангах...* — *Следуя за...* — Пандавы пропускают вперед в знак особого уважения, наряду с брахманами-подвижниками, *пурохиту*, родового царского жреца (должность, возможно, наследственная). *Веды* — древнейшие памятники индийской словесности: Риг-, Сама-, Яджурведа — соответственно Веды гимнов, напевов и жертвенных формул; позже к ним добавляется Атхарваведа, собрание магических заговоров. *Веданги* — раздел словесности, возникший из потребности пояснения ведийского текста, правильности рецитации которого придавался сакральный смысл, и включающий шесть частей (анга): *шикша* — произношение, *чхандас* — просодия, *вьякарана* — грамматика, *нирукта* — этимология, *джьотиша* — астрономия и *кальпа* — ритуал.

[188] *...обряд отвращения... злых сил...* — Т. е. обряд *шанти* (см. *Monier-Williams* 1899. P. 1064).

[189] *...в девяти местах на пересечении шести путей...* — Согласно примечанию к английскому переводу текста (*Roy* 1926. P. 127), три дороги, идущие с севера на юг и три — с востока на запад, пересекаясь, образуют девять квадратов с двумя ограничительными линиями.

[190] *...слонов, истекающих мадой...* — Во время муста, временного функционального расстройства, у слона из височных желез истекают темные выделения (Махабхарата 1987. С. 611). «Индрова» метафора — «Индры среди слонов» — подчеркивает их величие, мощь.

[191] *Куша* (другое название — дарбха) — *Poa cynosuroides*, или *Cynodon dactylon* — священная трава с длинными иглообразными стеблями, используемая в ряде брахманских ритуалов.

[192] *...подобные... Уносителям жертв на жертвенных обрядах.* — *Уноситель жертв* — священный огонь жертвоприношения, уносящий жертвенный дар богам; сравнение мотивировано пониманием ритуального смысла происходящего.

[193] *Чару* — жертвенное возлияние богам или предкам, состоящее из риса, ячменя или бобовых, сваренных с добавлением молока и масла.

[194] *Свиштакрит* — Совершающий правильно жертвоприношение, т. е. Агни как жертвенный огонь-посредник между людьми и богами.

[195] *...Индре якшей — Кубере...* — *Кубера* — бог богатств, владыка якшей, воинственных полубогов, стражей сокровищ.

[196] *Манибхадра* — якша, особой функцией которого считалась охрана путешественников (Махабхарата 1987. С. 629).

[197] *...что властвуют над бхутами.* — Согласно построению мифологического мира как симметричного по своей структуре земному, властители духов-бхутов, спутников Шивы, являются их царями.

[198] *Крисара* — блюдо, включающее зерна сезама, злаки, рис и горох.

[199] *Ганы* — духи из свиты Шивы, позднее ассоциирующиеся с Ганешей, его сыном (имя которого означает — Властитель ганов).

[200] *...вслед за Вьясой* — букв. «пропустив вперед», «поставив впереди», формульное выражение, означающее почтительность по отношению к тому, кого выдвигают на передний план (ср. примеч. 187), в данном случае — к Вьясе.

[201] *Владыка богатств* — бог Кубера, упоминание о котором в данном случае согласуется с целью похода Пандавов в Гималаи — добыть сокровища царя Марутты.

[202] *Ашмантака* — растение, из волокон которого, возможно, изготавливался брахманский шнур, служивший поясом (*Monier-Williams* 1899. P. 114).

[203] *Бхара* — «ноша», крупная мера веса, который человек может нести на голове.

[204] *Гавьюти* — мера длины, равная приблизительно 8 км.

[205] *Сын Рукмини* — герой Прадьюмна, сын Кришны от Рукмини. *Ююдхана* — Сатьяки, герой из рода ядавов. *Чарудешна* — один из сыновей Кришны (см., напр.: Махабхарата 1987. С. 58). *Самба* — сын Кришны от Джамбавати. *Гада* — младший брат Кришны. *Критаварман* — царь из рода бходжей, военачальник объединенного войска союзных племен вришниев, бходжей, андхаков и куккуров. *Сарана* — младший брат Кришны, воин-ядава. *Нишатха* — сын Баларамы, брата Кришны, от Ревати. *Улмука* — сын Баларамы.

[206] *...отец твой Парикшит, погубитель героев-недругов.* — *Парикшит* — сын царевны Уттары и павшего в битве Абхиманью, сына Арджуны, отец Джанамеджаи, царя, которому риши Вайшампаяна рассказывает «Махабхарату». *Погубитель героев-недругов* — типичный для эпического воина эпитет, употребленный здесь, скорее, по инерции, поскольку описание героических деяний Парикшита в эпосе отсутствует.

[207] *Сраженный оружием Брахмы, царь тот был мертв...* — Ашваттхаман, сын Дроны, владеющий оружием Брахмы (называемом «голова Брахмы», иногда — Раудра или Пашупати, т. е. принадлежащим Рудре-Шиве), мстя Пандавам за убийство отца, уничтожает потомство Пандавов еще не рожденным, но Кришна тогда же предрекает Парикшиту судьбу основателя нового рода (см.: Махабхарата 1998. С. 43—47).

[208] *...во внутренние покои дворца.* — Антахпура, женская половина дома, обычно закрыта для мужчин.

[209] *Деваки* — мать Кришны.

[210] *...дитя твоего племянника, убитого Ашваттхаманом еще в утробе матери.* — Речь идет о Парикшите, сыне Абхиманью, внуке Арджуны, внучатом племяннике Кришны, отец которого Васудева и мать старших Пандавов Притха (Кунти) считаются братом и сестрой. Парикшиту, как и всему потомству Пандавов, было суждено погибнуть от оружия Ашваттхамана в материнском чреве (см. примеч. 207).

[211] *Айшика* — вид оружия, «тростниковая стрела»; используемое в оригинале это слово в местн. пад. позволяет рассматривать его как название заключительного раздела кн. X «Махабхараты» (Махабхарата 1998. С. 35, 176).

[212] *Ты должен спасти (нас) всех...* — Согласно индуистским представлениям, умереть, не оставив после себя мужского потомства, значит быть обреченным на муки ада, поскольку некому будет приносить поминальные жертвы (подробно см.: Махабхарата 1987. С. 657).

[213] *Дашарха* — Владыка дашархов, этническое имя Кришны по одному из предков рода, отражающее его главенство над дашархами, ветвью рода ядавов (ср. Варшнея, Мадхава, Ядава).

[214] Поминальными жертвами следует поддерживать по крайней мере три поколения предков.

[215] Речь идет о семье Кришны.

[216] *...получит он знание военной науки, оружие разное и (овладеет) наукой правления.* — *Военная наука* — дханурведа, букв. «Веда лука»; главным видом военного искусства считалась стрельба из боевого лука. *Наука правления* — нитишастра. О воспитании юноши в чужой семье вместе со сверстниками и обретении им (наряду с другими навыками) знания военного искусства в связи с отражением в эпосе черт архаической инициации см.: *Невелева* 1985. С. 76—87.

[217] Женщины из рода Панду потеряли нерожденными своих младенцев, погубленных оружием Ашваттхамана.

[218] *Когда приблизился к концу (род) Куру, иссякла жизнь...* — Дважды повторяется причастие от глагола *pari-kṣi*, имеющего антонимические значения: 1) «гибнуть» и 2) «продолжать существовать», «выживать» (ср. Махабхарата 1998. С. 190). Как и в самом имени Парикшита, оба этих значения сохраняются и в данном контексте. Этой фразой открывается плач Субхадры по своему убитому сыну Абхиманью (о жанре плача в эпосе см.: Махабхарата 1998. С. 133—146).

[219] Метафорический смысл фразы заключается в том, что сын Дроны Ашваттхаман, настигнутый Пандавой Бхимасеной (Махабхарата 1998. С. 41), умертвив Парикшита во чреве Уттары, нанес ущерб всем его предкам (о значении мужского потомства для принесения поминальных жертв см. выше, примеч. 212).

[220] *Увенчанный тиарой* — другой вариант: Увенчанный диадемой, имя Арджуны, мотивируемое эпизодом вручения ему Индрой военного снаряжения и украшений перед битвой с демонами (Махабхарата 1987. С. 342, 671). Об инициационных мотивах эпизода см.: *Васильков* 1974.

[221] *...сможешь возвратить жизнь трем мирам в случае их гибели* — Кришне как богу Тотальности адресуется здесь функция Брахмы-творца, возрождающего Вселенную после мировой катастрофы — *пралаи*.

[222] *Погубитель Кешина* — Кришна, именуемый так согласно одному из его асуроборческих деяний — убийству демона Кешина.

[223] *...древний риши...* — Арджуна и Кришна считаются в «Махабхарате» воплощениями древних святых мудрецов — риши Нары и Нараяны, представляющих бога Вишну.

[224] Здесь не случаен выбор имени-эпитета бога Агни — Пожиратель жертв: смерть в огне понимается как жертвоприношение, через которое лежит путь на небеса.

[225] Имеется в виду Кунти-Притха, мать старших Пандавов и в том числе Арджуны.

[226] *Панчали* — этническое имя Драупади, дочери царя панчалов Друпады, супруги Пандавов.

[227] *Сатвати* — Субхадра, сестра Кришны, супруга Арджуны.

[228] *Владыка мира* — Кришна как верховный бог.

[229] *...как у отца твоего...* — В переводе следуем разночтениям: piteva вместо pureva (Ашвамедхикапарван 1960. С. 258).

[230] *Царь матсьев* — Вирата, отец Уттары, в царстве которого Пандавы провели неузнанными тринадцатый год изгнания. *Матсьи* — арийское племя, близкое куру и панчалам; в битве сражались на стороне Пандавов.

[231] *...совершил очищенье водой...* — Перед совершением любого обряда или важного деяния требовалось совершить очищение, коснувшись воды (upa-spṛś). Немного воды помещают на ладонь правой руки и касаются ею губ, ноздрей, ушей и глаз (см.: *Roy* 1926. P. 134).

[232] Здесь и далее Кришна прибегает к магическому акту «заклятия истиной», суть которого — утверждение лицом, призывающим в свидетели богов, подлинности своих чувств или поступков в прошлом с целью осуществления своих намерений (по формуле: «Если истинно то-то и то-то, то пусть исполнится это»).

[233] *...не ведаю я... разногласий с Виджаей...* — В очередной раз подчеркивается особая близость Кришны и Арджуны.

[234] *...мною... убиты Камса и Кешин...* — *Камса* — брат Деваки, матери Кришны, захвативший престол и угрожавший смертью престолонаследникам — Балараме и Кришне; впоследствии был повержен героем-Кришной. *Кешин* — один из демонов, с которым расправился Кришна.

[235] *Прародитель* — Брахма-Питамаха. Речь идет об оружии «брахмаширас», «голова Брахмы», полученном Ашваттхаманом от своего отца Дроны (тот в свою очередь получил его от Парашурамы, Рамы с топором, частичного воплощения Вишну); именно этим оружием было уничтожено еще неродившимся все потомство Пандавов (см. примеч. 207, 210).

[236] О *переправе* как метафоре религиозного освобождения, включая библиографию вопроса, см.: Махабхарата 1987. С. 620.

[237] Здесь имя *Парикшит* мотивируется одним из значений глагола, от которого оно образовано: «иссякать», «гибнуть», «заканчиваться» (см. выше, примеч. 218).

[238] *...почести святилищам богов.* — В «Махабхарате» отсутствуют описания храмовых сооружений (*Hopkins* 1915. P. 1—72); возможно, здесь говорится об открытом индуистском святилище (ср.: Махабхарата 1987. С. 392, 684).

[239] *Вайшравана* — бог богатства Кубера, чья небесная столица Алака, расположенная на пике Химавана, символизирует красоту города.

[240] *...указывали куру с юга на север.* — Уттаракуру, страна на Севере Индии, описывается как край вечного блаженства, земной рай (данные и библиографию см.: Махабхарата 1998. С. 214).

[241] *Сын вайшьи* — Ююцу, сын Дхритараштры от женщины-вайшьи, уцелевший после гибели ста братьев-кауравов.

[242] *Сатьявати* — дочь рыбака, родившая от риши-мудреца Парашары Кришну Двайпаяну Вьясу.

[243] *...ашвамедха... очищает от всех грехов... Совершив это жертвоприношение, ты станешь безгрешен...* — Таким образом, формулируя цель ашвамедхи, Вьяса делает акцент не на укреплении суверенной власти (такова провозглашаемая цель жертвоприношения коня), а на очищении от греха братоубийства, который лежит на Пандавах после великой битвы.

[244] *...о кауравья...* — обращение к слушателю — царю Джанамеджае, происходящему из того же рода Куру, что и Пандавы, и кауравы.

[245] *...владеющий Словом* — vāgmin, понятие, не сводимое к красноречию, элоквентности, но связанное с древнеиндийским представлением о священности Речи (Вач).

[246] *Прими посвящение как наш высочайший гуру... — Посвящение* — дикша, особая религиозная церемония, предшествующая отправлению важного ритуала. Определением Кришны как «*высочайшего гуру*» подчеркивается его главенствующая роль в судьбе эпических героев и конкретно — в ритуале ашвамедхи, второго, наряду с раджасуей (и последнего) крупного эпического жертвоприношения.

[247] *...ты — вся жертва нетленная... ты... — Праджапати.* — Начиная с периода Брахман с жертвой (яджня) отождествляется Вишну, воплощением (аватарой) которого считается Кришна. Об определяющем значении для символики ведийской ашвамедхи *Праджапати*, древнего бога-творца, в эпосе практически слившегося с Брахмой, см.: *Семенцов* 1981. С. 58, 59.

[248] *Пайла* — имя мудреца-гуру, наставника, обучающего Ведам. *Яджнявалкья* — древний риши, основатель известной школы Белой Яджурведы; считается создателем свода законов.

[249] *...в полнолуние* (*месяца*) *чайтра. — Полнолуние*, как и новолуние, — время отправления крупных обрядов. Месяц *Чайтра* соответствует марту—апрелю, началу древнего календарного года, отмеченному крупными торжествами и ритуалами.

[250] Важная функция выбора жертвенного коня возлагается, следовательно, на колесничих-сутов и на брахманов, знающих «науку о конях» (ашвавидья).

[251] *Шастры* — древнеиндийские религиозно-философские трактаты, чаще — сочинения по различным отраслям знания.

[252] *Спхья* — предмет, используемый при жертвоприношении; описывается иногда как деревянная дощечка в виде меча для помешивания вареного риса или как приспособление для подравнивания алтарного холма (см.: *Monier-Williams* 1899. P. 1271; ср. *Roy* 1926. P. 138 — деревянный меч для убиения жертвенных животных). *Курча* — вязанка священной травы куша (дарбха), имеющий длинные острые стебли; используется в качестве сидения. Во время ашвамедхи жертвователь и жрец-адхварью восседают на изукрашенном золотом помосте-курче (*Sen* 1982. P. 61).

[253] *...Джишну выносливый и отважный...* — jiṣṇuḥ sahiṣṇur dhṛṣṇur — имя Арджуны и определяющие героя эпитеты связаны звукописью, подчеркивающей значение его имени: Джишну — Победоносный.

[254] *Явившись Смертным часом для ниватакавачей...* — nivātakavacāntakaḥ. В прославлении Вьясой Арджуны накануне его военного похода упоминаются его достоинства, а также героическое прошлое: расправа над демонами-*ниватакавачами* — букв. «одетыми в непробиваемые панцири» (Махабхарата 1987. С. 343—348; о типологической связи таких монологов с приемами воинской магии см.: Махабхарата 1990. С. 257). *Смертный час* — Антака, ипостась бога смерти — Ямы.

[255] *...небесный лук и два колчана...* — Лук Гандива, появившийся вместе с амритой при пахтании молочного океана богами и демонами (либо же созданный Брахмой) получен Арджуной от бога Агни, как и два неиссякающих колчана (Махабхарата 1950. С. 563).

[256] *Дхарма и артха* — две из трех (третья — кама) целей (ценностей) человеческой жизни в индуизме, приводящих к религиозному освобождению (мокша): *дхарма* — соблюдение надличностного религиозно-этического долга и его конкретных заповедей; *артха* — деятельность, ведущая к материальному благополучию.

[257] *Темнокожий* — śyāma, точнее: «черный»; ср. одно из имен Арджуны — Кришна (Черный), данное ему, как объясняет традиция, в детстве за красоту. О несводимости понятия «черный» к цветовой (этнической или эстетической) характеристике см.: *Невелева* 1975. С. 12—13. В данном случае возможны богатые мифологические ассоциации, связывающие Арджуну с Кришной.

[258] Игра образами: белые кони Арджуны (отсюда его имя Белоконный) и черный жертвенный конь. Слово *kṛṣṇasāra* может означать также «черно-белый», и тогда характеристика масти коня совпадает с ведийской: черный конь с белыми ушами.

[259] *...защитные ремни на руку и наконечники на пальцы.* — О приспособлениях, надеваемых индийскими лучниками для защиты рук от повреждений при обращении с луком, см.: Махабхарата 1990. С. 243.

[260] *...заполнили... десять сторон света.* — Т. е. четыре главные (север, юг, запад, восток) и четыре промежуточные (северо-восток, северо-запад и т. д.), а также зенит и надир; иносказательное выражение означает «все пространство».

[261] *...по земле, покоренной Пандавами силою их оружия...* — Считается, что в великой битве «Махабхараты», в которой победу одержали Пандавы, принимали участие все народы субконтинента.

[262] *...конь шел по земле кру́гом прадакшины, с севера на восток...* — Выше (как и далее) конь называется «вольно идущим» — типичное эпическое противоречие, когда содержание постоянного эпитета (здесь оно соответствует ведийским представлениям об ашвамедхе) не вписывается в конкретный сюжет (об эпитете вне логики контекста см.: *Невелева* 1979. С. 34—36).

[263] *Кираты* — дикое воинственное племя, как предполагается, монголоидного типа, обитавшее в предгорьях Гималаев на всем их протяжении. Словом «недруги» переведено определение *vikṛtā*, которое, помимо избранного для перевода, имеет значение «чужой», «уродливый», характерное для восприятия враждебного этноса, тогда как сам выбор определения мотивирован здесь, возможно, звукописью.

[264] *Млеччхи* — «варвары», народы, чуждые арийской культуре Ямуно-Гангского междуречья.

[265] *Арии* — в данном случае, по-видимому, определение народностей, входящих а ареал ведийско-брахманистской культуры, оппозиционной «варварской» периферии млеччхов.

[266] *Тот, кто увенчан тиарой* (или: *Увенчанный тиарой — диадемой*) — одно из имен Арджуны.

[267] *...с враждебными ему тригартами... — Тригарты* — воинственная народность Пенджаба, сторонники кауравов в великой битве, возглавившие союз племен, связавших себя клятвой уничтожить Арджуну или погибнуть (отчего они зовутся саншаптаками).

[268] *...окутанных тамасом и раджасом. — Тамас* — одна из трех гун, мрачное, косное начало; *раджас* ассоциируется с воинственностью, агрессией (см. примеч. 64).

[269] *Сын Пакашасаны* — Арджуна, считающийся по «небесной» родословной, сыном Индры, имя которого — *Пакашасана* трактуется двояко: 1) Повелевающий урожаем (соответственно древней функции Индры как подателя дождя) и 2) Погубитель демона Паки (в соответствии с асуроборческими мотивами в связанных с Индрой сюжетах).

[270] *Оружие Индры* — радуга, которой уподобляется огромный лук Арджуны с натянутой тетивой, падающий на землю.

[271] *Калантака-Яма* — сложный образ бога Смерти Ямы, предстающего как божество губительного Времени — Кала, а также как воплощение смертного часа — Антака.

[272] *...стрелами... подобными ваджре Махендры.* — Типичное батальное сравнение, построенное на уподоблении стрел героя-воина оружию бога-громовержца Индры (Махендра — Великий Индра), которым он повергает демонов, и отвечающее эпической параллели демоноборческого мифа: «герой — антагонист», с одной стороны, и «Индра (или боги) — демоны» — с другой. *Ваджра* — метательное оружие (возможно, с шипами), сделанное из костей мудреца Дадхичи небесным ремесленником Тваштри, который вручил его Индре для расправы с демоном Вритрой; ваджра символизирует в эпосе разящую мощь.

[273] *Погубитель саншаптаков* — Арджуна, одолевший в битве на Курукшетре возглавляемую тригартами коалицию воинов из Пенджаба и Северо-Западной Индии, которые были связаны клятвой (отсюда название «саншаптаки») — либо убить Арджуну, либо пасть в бою.

[274] Учитывая, что, согласно некоторым рукописям (Ашвамедхикапарван 1960. С. 276), эта глава заканчивается приглашением тригартов на жертвоприношение коня, возможен иной перевод последних слов Арджуны: «...и внемлите воле (Юдхиштхиры)!»

[275] *Прагджьотиша* — согласно археологическим данным, город, локализуемый на месте Гаухати, современного центра Ассама (Махабхарата 1987. С. 613).

[276] *Бхагадатта* — правитель Прагджьотиши, убитый Арджуной в битве на Курукшетре.

[277] Опахало, как и белый зонт, принадлежит к числу царских регалий.

[278] *...слона с лопнувшими висками.* — В период муста на висках у слона, особенно агрессивного в это время, открываются отверстия, из которых истекает резко пахнущая жидкость (см. примеч. 190).

[279] Согласно древнеиндийским правилам ведения боя, противники должны быть равны, т. е. пешему противостоит пеший, коннику — конник и т. д. Нарушение этих правил объясняется здесь, очевидно, принадлежностью Прагджьотиши к краю млеччхов, «варваров» Восточной Индии, которые описываются обычно сражающимися на боевых слонах (тогда как арийские народности Мадхьядеши, родины «Махабхараты», используют в основном практику колесничного боя) — см.: Махабхарата 1990. С. 243—244.

[280] *...подобен был Химавану... (орошаемому) множеством потоков.* — Сравнение содержит аллюзию ригведийского мифа об Индре, сокрушающем скалу Вала, освобождая воды.

[281] *...точно у Шатакрату с Вритрой.* — Традиция постоянно сопоставляет эпический поединок и сражения Индры (Шатакрату) с демонами.

[282] *...убив тебя, совершу... возлияние воды в честь моего отца.* — В данном варианте эпической мифологемы «битва — жертвоприношение» убиение воином своего противника, погубившего его отца, приравнивается к поминальной жертве в честь последнего.

[283] Называя Арджуну «воином кауравов», традиция лишний раз подчеркивает общность происхождения (от царя Куру) и принадлежности к одному роду Пандавов и их соперников, ста двоюродных братьев, за которыми и закрепилось название «кауравы».

[284] *Ма́кары* — мифические морские чудовища, иногда отождествляемые с крокодилами, акулами или дельфинами.

[285] О ригведийских аллюзиях подобных батальных сравнений (Индра — гора) см. примеч. 280.

[286] *...казался сбитой* (*ударом*) *ваджры... горой, летящей на землю.* — Образ связан с древним мифом о том, как Индра срезал крылья горам, и те застыли на месте.

[287] *...когда настанет великая ночь полнолуния в* (*месяце*) *чайтра...* — Ночь полнолуния, как и ночь новолуния отмечаются вообще особыми обрядами.

[288] *Сайндхавы* — то же: синдху, народность Северо-Западной Индии; об осмыслении эпосом Пенджаба, Синда и других близлежащих областей Северо-Запада как «варварской», по отношению к Мадхьядеше, Срединной земле, периферии см.: *Васильков* 1982; Махабхарата 1990. С. 248; *Васильков, Гуров* 1996.

[289] *...Белоконный пришел...* — Букв. «спустился». Маршрут коня, за которым следует Арджуна, поворачивает на запад, пролегая от холмистой местности (совр. Ассам) в низину Инда.

[290] *...прежде поверженные в бою...* — В битве на Курукшетре сайндхавы (синдху), выступавшие на стороне кауравов, потерпели поражение от Арджуны.

[291] *Провозглашая свои имена, названия родов...* — Правила боя требовали «представления» соперников; *названия родов* — точнее: «родовые имена» (названия *готры*).

[292] *Погубителем ниватакавачей*, демонов «в непробиваемых панцирях», Арджуну называют за победу над ними после получения им от богов волшебного оружия (Махабхарата 1987. С. 341—348). Арджуна определяется как *Сокрушитель саншаптаков* после победы над военным союзом народностей Северо-Запада (Пенджаб, Синдху и т. п.), воины которого поклялись насмерть биться с Арджуной и пали в бою. *Сайндхава* — царь синдху-сауиров Джаядратха, получивший от Шивы дар — противостоять в бою всем Пандавам, кроме Арджуны, ибо того хранит сам Кришна.

[293] *Парджанья* — древнее божество, связанное с явлением дождя; в эпосе передает свою функцию Индре как божеству плодородия.

[294] Отсюда начинается описание так называемых «образов пралаи» (М. Бьярдо), мировой катастрофы, которые используются в «Махабхарате» как эсхатологический фон батальных сцен, сопряженный с картиной временного поражения эпического героя, демонстрации волшебного оружия и т. п.

[295] *...Раху одновременно поглотил и луну, и солнце.* — *Раху* — демон, испивший амриты, напитка бессмертия, во время пахтания океана богами и демонами. Вишну отсек ему голову, когда амрита только достигла его горла, и голова Раху, вознесшись на небо, с тех пор поглощает светила, вызывая затмения. Одновременное затмение луны и солнца противоестественно, как и все явления пралаи, предшествующие гибели мира.

[296] *Кайласа* — горный хребет Гималаев (район Камаона), связанный с пребыванием Шивы и других богов.

[297] *Семь святых мудрецов* — семь риши (среди которых наиболее известны Атри, Ангирас, Пуластья и Васиштха), отождествляемых со звездами Большой Медведицы.

[298] *Носящая (знак) зайца* — метонимическое обозначение луны, имеющей пятна указанной формы.

[299] *Радость кауравов* — kauravanandana; другой вариант перевода — «сын потомка Куру», причем оба значения слова nandana — «радость» и «сын» пересекаются в осмыслении мужского потомства как блага для всего рода. Здесь это определение относится к Арджуне.

[300] Словом «механизм» передано yantra, механическое метательное приспособление (Махабхарата 1987. С. 701).

[301] *Владыка богов* — Индра, царь богов, связанный как божество плодородия с ливнем, дождем.

[302] *Гладкие стрелы* — то же: ровные стрелы, или сглаженные в сочленениях; изготовлялись, очевидно, из бамбука с последующей обработкой.

[303] *...Духшала с... сыном Суратхи — Духшала* — единственная дочь царя Дхритараштры и Гандхари, супруга Джаядратхи, царя сайндхавов (синдху), павшего в битве от рук Арджуны. *Суратха* — сын Духшалы от Джаядратхи.

[304] Духшала правомерно считается сестрой Арджуны, так как после смерти царя Панду, отца Пандавов, права отцовства по закону перешли к его старшему брату Дхритараштре, при дворе которого вместе со своими двоюродными братьями-кауравами и росли эпические герои.

[305] *...пришел к погибели...* — pañcatvam agamat, букв.: «превратился в пять (элементов)», одна из религиозно-философских метафор смерти, связываемой с распадом тела на пять «великих элементов» (см. выше, примеч. 143).

[306] *...расстался с жизнью...* — ajahāt prāṇān, букв. «испустил праны», жизненные дыхания (ср. выше, примеч. 113). Важное для эпоса с его батальностью понятие смерти редко выражается непосредственно, обозначаемое разного рода мифологическими метафорами.

[307] *...в поисках покровительства.* — Обращение за покровительством к богу или царю (śaraṇa) представляет собой особый тип ритуального поведения.

[308] *Царь куру* — Юдхиштхира, наказавший Арджуне миром решить судьбу тех, кто будет ему противостоять.

[309] Мотив протеста Арджуны против необходимости соблюдать дхарму кшатрия, т. е. не отказываться от битвы, даже если она приводит к истреблению родичей, неоднократно упоминается в эпосе (ср. прелюдию к «Бхагавадгите» в «Бхишмапарве», когда Арджуна готов сложить оружие).

[310] *...точно Бог богов — Держатель Пинаки по небу за звездной антилопой.* — Шива, носящий в эпосе титул *Бог богов*, стрелой из своего лука Пинака (по другой версии — трезубцем) снес голову Праджапати, принявшему обличье антилопы, за его намерение совершить инцест в отношении своей дочери. Этот миф закреплен в названии одного из созвездий — Мрига (Антилопа), или Мригаширас (Голова антилопы), соответствующего Ориону (Махабхарата 1987. С. 701).

[311] *Манипура* — город калингов, локализуемый иногда на Коромандельском побережье Индийского субконтинента.

[312] *...благородный... Бабхрувахана вышел... навстречу, неся пред собой аргхью для брахманов...* — называя Бабхрувахану, сына Арджуны от змеиной царевны Улупи, «благородным» (а точнее: «арием»), эпос противопоставляет его царям-млеччхам («варварам») — тригартам и синдху. Бабхрувахана явно принадлежит к арийскому культурному кругу, демонстрируя соблюдение одного из важнейших его обрядов — приема почетного гостя.

[313] Арджуна не отвечает, как положено по обычаю, на приветствие сына, «памятуя о дхарме кшатрия», т. е. о долге воина, обязывающем сражаться.

[314] Арджуна «забывает» наказ Юдхиштхиры: попытаться решить дело миром с теми царями, которые решаться ему противостоять — мотив, изначально отсутствующий в действиях Бабхруваханы. Во главу угла ставится здесь испытательный акцент сюжета «бой отца с сыном» (пример эпического противоречия, когда на передний план выходят задачи изложения конкретного эпизода).

[315] Под «*ценностями*», или «*целями*» человека (puruṣārtha) подразумевается триединство: соблюдение религиозно-нравственного долга (дхарма), достижение материального благополучия (артха) и продолжение рода (кама).

[316] Змеиное царство, из которого появляется *Улупи*, дочь царя змеев-нагов Кауравьи, супруга Арджуны, расположено в подземном мире.

[317] Улупи вправе называть Бабхрувахану своим сыном, поскольку она является одной из жен его отца Арджуны.

[318] *...дочь змея, искушенная в дхарме кшатрия...* — В «Махабхарате» миры, противостоящие человеческому (небесный и подземный), описываются обычно по его «образу и подобию», включая достоинства их обитателей.

[319] «*Неправильный*», как и в предыдущих сражениях с царями-млеччхами, характер боя — пеший воин сражается с колесничным — подчеркивает, видимо, тяжесть задачи Арджуны.

[320] *...бой, подобный битве богов и асуров.* — Типичное мифологическое сравнение, используемое в батальных эпизодах. *Асуры* — в эпосе демоны, враждебные исключительно богам, равные им соперники.

[321] *Читрангада* — супруга Арджуны, мать Бабхруваханы.

[322] *...(стрел), блеском подобных ашани-ваджре.* — Очевидно, понятия «ашани» и «ваджра» тождественны как оружие бога-громовника Индры в его битвах с демонами, а также в значении «молния», с блеском которой сравниваются здесь стрелы, тогда как обычно ваджра символизирует силу удара и твердость. Ашани в качестве атрибута Индры не упоминается.

[323] *Сын Держателя ваджры* — Арджуна, считающийся по «небесной» родословной сыном бога Индры.

[324] *...стрела... точно... (огонь) Пожиратель жертв...* — В контексте понимания эпосом битвы как жертвоприношения, ведущего на небеса, такой выбор имени-эпитета Агни не случаен.

[325] *...было оказано такое гостеприимство.* — Об уподоблении поединка героев древнему обряду «божественного гостеприимства», т. е. ситуации «агонистического приема гостя», включая единоборство гостя с хозяином, если оба они — кшатрии (и словесный диспут, если они — брахманы), см.: *Васильков* 1979. С. 79—80; *Васильков* 1988; Махабхарата 1990. С. 242. Данная фраза перекликается по смыслу с началом гл. 78, когда Бабхрувахана пытается оказать Арджуне истинное гостеприимство по правилам почетного приема гостя-брахмана (*Кудрявский* 1900; *Кудрявский* 1904).

[326] *...уходя путем претов...* — Т. е., «умирая», мифологическая метафора смерти; *преты* — враждебные человеку духи, которые, в сочетании с праотцами-питарами как объектом почитания, отвечают универсальной двойственности восприятия смерти.

[327] *Дхатри* — Установитель, древнее божество личной судьбы, в эпосе частично сливающееся с Брахмой, передавая ему свое имя и креативную функцию.

[328] *...объявлю смертный пост...* — Самоубийство путем голодания является в «Махабхарате» не только обычной альтернативой позорной жизни (Махабхарата 1987. С. 695), но и эффективным средством добиться определенной цели; ср. пост Рамы и требование к Океану — дать пройти его войску (там же. С. 538).

[329] *Чайтравахини* — дочь Читраваханы, царя Манипуры, патроним Читрангады.

[330] *...истиной я заклинаю себя!* — Бабхрувахана здесь и далее обращаться к магическому акту «заклятия истиной», восходящему к Ведам (см. примеч. 232), высказывая свои подлинные чувства и намерения и взывая тем самым к богам, которые в ответ должны исполнить его желание.

[331] *...из-за убийства гуру... непременно низринусь в Нараку.* — Отец как старший всегда является для сына его *гуру*, наставником. *Нарака* — индуистский ад, лишь приблизительно соответствующий европейским представлениям.

[332] *...достояние змеев...* — Змеи в древнеиндийской мифологии считаются хранителями сокровищ.

[333] *Мохини* — Приводящая к заблуждению (к иллюзии), женская персонификация волшебства.

[334] *...чтобы в бою испытать твою... мощь...* — Таким образом, проясняется истинная семантика эпизода, связанного с фольклорным мотивом «бой отца с сыном».

[335] *Он — ...риши, Пуруша...* — Арджуна и Кришна считаются в «Махабхарате» воплощениями пары древних мудрецов-риши — Нары и Нараяны, а последние в свою очередь представляют собой парное воплощение Вишну. *Пуруша* — Муж, ведийский образ, также связанный в эпосе с кругом вишнуитско-кришнаитских представлений (ср. Махабхарата 1987. С. 381—382). О цепочке идентификаций Арджуна-Кришна-Вишну см.: *Невелева* 1975. С. 37.

[336] *Индры среди змеев* — змеиные цари; этот пример лишний раз подтверждает сходство, в том числе и социальной структуры, мифологических миров и человеческого мира.

[337] *...словно бы пробудившись ото сна...* — Во многих культурах древности сон выступает аналогом смерти (*Елизаренкова* 1995. С. 261; Махабхарата 1996. С. 111).

[338] *...осененный Лакшми...* — lakṣmīvant. *Лакшми* — богиня царской удачи и благополучия, пребывающая в праведном царе, являясь его мифологической супругой; в ранних слоях эпического содержания — супруга Индры, царя богов, позже ассоциируется с Вишну. Такое определение Арджуны как «идеального царя» «Махабхараты» вполне уместно и в контексте вишнуитских ассоциаций его образа.

[339] *...Пакашасана ливнем излил... цветы.* — Индра-Пакашасана, эпический податель дождя, небесный отец Арджуны, выражает таким образом радость и одобрение своему сыну. Ср. далее: звуки небесных барабанов, одобрительные возгласы — обычная благожелательная реакция богов, прямо не вмешивающихся в эпические события, на то, что происходит на земле (см., напр.: *Невелева* 1975. С. 101, 102).

[340] *...вдыхал запах его головы.* — Таков традиционный способ выражения добрых и в первую очередь родственных чувств при встрече, когда старший прижимает младшего к груди, приближая свое лицо к его голове.

[341] *Сын Шантану* — герой Бхишма, дед кауравов и Пандавов.

[342] См. примеч. 131.

[343] *...Васу и Гангой... установлен (путь) искупления...* — *Васу* — восьмичленный разряд ведийских божеств, возглавляемый Индрой-Васавой, включает в себя персонифицированные природные явления (см. примеч. 53). Участие Васу в сюжете, в отличие от Ганги, священной реки-очистительницы, матери Бхишмы, трудно объяснить, если не усматривать среди них персонификации первоэлементов сущего, раздельное существование которых символизирует смерть — идея, соотносимая с якобы-смертью Арджуны, заплатившим так за убийство Бхишмы.

[344] *Бхагиратхи* — дочь риши по имени Бхагиратха, патроним Ганги, связанный с мифом о ее нисхождении с небес на голову мудреца, явившегося ее земным отцом.

[345] *Царь богов* — Индра.

[346] *Носитель тиары* — то же: Увенчанный тиарой, Арджуна.

[347] *Раджагриха* — совр. город Раджгир в Бихаре, древняя столица страны Магадхи на северо-востоке Индийского субконтинента.

[348] *Джарасандха* — царь Магадхи, убитый Бхимасеной (Махабхарата 1962. С. 44—54); об историзме сюжета о Джарасандхе, его мифологических и ритуальных связях см.: *Васильков* 1982. С. 50—60.

[349] *...совершил в честь битвы возлияние в жертвенный огонь.* — samarāyājuhāva; в данном случае эпическая параллель «битва — жертвоприношение» примечательна сходством лексического выражения понятия «битва» — samara с ведийским samaya, обозначающим и «битва», и «жертвоприношение» (подробно см.: Махабхарата 1998. С. 213).

[350] Об обряде агонистического «приема гостя» см. примеч. 325.

[351] *Магадхи* — жители страны Магадха, которая локализуется на юге совр. Бихара; Магадха враждебна Малхьядеше, что в обобщенной форме выражает «Махабхарата» (Махабхарата 1990. С. 289).

[352] *Тысячеокий* — Индра, имя которого, позже осмысленное как символ всевидения, первоначально связано с мотивом соблазнения Индрой праведной женщины, за что он покрылся «знаками позора».

[353] По правилам ведения честного боя не допускается использовать оружие против безоружного.

[354] *Сахадева* — сын Джарасандхи, царя Магадхи.

[355] *Ванги* — племя, жившее в Восточной Бенгалии. *Пундры* — также считающееся в эпосе «варварским» племенем, селилось в нижнем течении Ганги (Восточная Индия). *Кералы* — дравидийская народность, проживающая на Малабарском побережье Южной Индии (совр. Керала).

[356] Как можно видеть из предшествующего описания, особо подчеркнута главная цель ритуального похода Арджуны вслед за конем — покорение млеччхов-«варваров», иноземцев и иноверцев.

[357] *...направил того коня...* — Ср. постоянное определение жертвенного коня как «вольно ступающий», «движущийся по своей воле» и т. п. Видимо, в сознании сказителя прочно удерживается представление о военном характере похода Арджуны вслед за конем, тогда как его ритуальный смысл несколько затемнен. (Описание ведийской ашвамедхи предполагает покорение народов, по землям которых ступает пущенный на свободу конь).

[358] *...достиг... города чеди под названием Шукти.* — *Чеди* — арийская народность, проживавшая к западу от долины Ганги (приблизительно совр. штат Виндхья-Прадеш). *Шукти* — сокращенное название Шуктимати, столицы страны Чеди.

[359] *...оказал уважение... сын Шишупалы, прежде чем (вступить) в битву.* — *Шишупала* — царь страны Чеди, убитый Кришной. Рисунок поведения арийского царя отличается, таким образом, от того, как ведут себя цари-млеччхи, нападающие на Арджуну без оказания ему подобающих почестей. (Ср. далее: почести царя чеди распространяются и на коня). Тем не менее и здесь очевидны аллюзии обычая «агонистического гостеприимства».

[360] *...направился... к (владениям) каши, андхров, косалов, киратов и тангановв.* — *Каши* — население царства с одноименным названием, столица которого Каши позже называется Варанаси (совр. Бенарес). *Андхры* — дравидийская народность, занимавшая территорию между реками Годавари и Кистна (центральная часть совр. штата Андхра). *Косалы* — то же: кошалы, жители одноименной страны в долине Ганги (совр. Уттар-Прадеш, район г. Лахснау). *Кираты* — воинственные охотничьи племена, жившие в предгорьях Гималаев от крайнего Северо-Запада до Ассама на Востоке. *Танганы* — предположительно северное по происхождению племя, занимавшее гористую местность совр. штата Уттар-Прадеш, чуждое по своей культуре индо-ариям.

[361] *Дашарны* — дружественная Пандавам народность, занимавшая территорию южнее Ямуно-Гангского междуречья.

[362] *Ниша́ды* — аборигенные (вероятно, дравидийские или мунда) племена на территории Северной Индии, стоящие вне арийской культуры.

[363] *...препятствовать жертвоприношению.* — Согласно древнеиндийским представлениям, жертвенному обряду наносят вред демоны-ракшасы (ср. в «Рамаяне» историю риши Вишвамитры). Народности, чуждые арийской культуре, осознаются в «Махабхарате» имеющими демонскую природу (ср.: *Васильков* 1982. С. 50—60; Махабхарата 1987. С. 613).

[364] *Дравиды* — этноним, давший название всей группе носителей дравидийских языков, в эпосе обозначающий, по-видимому, определенное племя или объединение племен юга Индии. *Махишаки* — население одноименной страны на юге Индии, локализуемой либо на р. Нарбада, либо в районе Майсура. *Коллагиреи* — «обитающие на горе Коллагири», название племени.

[365] *...достиг... сураштров... дойдя до Гокарны, направился к Прабхасе.* — *Сураштры* — племя, населяющее полуостров Катхиавар и примыкающую к нему часть Гуджарата. *Гокарна* — совр. Гокарн на Малабарском побережье. *Прабхаса* — совр. Сомнатх на полуострове Катхиавар.

[366] *...героями-вришниями.* — Возможен также перевод: «героем вришниев», т. е. Кришной.

[367] *Панчанада* — Пятиречье, местность вдоль реки Панджнад от слияния Гхары с Тринабом до впадения в Инд.

[368] *Гандхара* — страна на территории Северного Пенджаба в районе впадения р. Кабул в Инд.

[369] *...битва с сыном Шакуни, помнящим о былой вражде.* — Шакуни, брат Гандхари, супруги царя Дхритараштры, хитростью обыграл Юдхиштхиру в царской игре в кости, что привело к изгнанию Пандавов. Гандхарцы под водительством Шакуни, возглавлявшие объединение племен Северо-Запада, в битве на Курукшетре выступали серьезными противниками Пандавов.

[370] *...кто в деяниях равен Шакре.* — *Шакра* — Могучий, Индра. Богоравность Арджуны, важная мифологическая характеристика, объясняется здесь его «небесным» родством с Индрой.

[371] *...точно голову — Джаядратхе.* — Арджуна, сын которого Абхиманью был убит в бою при участии Джаядратхи, предводителя союза племен Северо-Запада, расправился с ним во исполнение своей клятвы.

[372] *Аргхья* — почетное питье, входящее в число подношений высокому гостю-брахману, предназначается здесь воину-кшатрию Арджуне, напоминая о ситуации «божественного гостеприимства» (см. примеч. 325).

[373] *...ибо ты — брат мой...* — Арджуна считается братом сына Шакуни через брак его сестры Гандхари с царем Дхритараштрой, статус сыновей которого получили Пандавы после смерти их отца.

[374] *Магха* — предпоследний месяц древнеиндийского календаря, соответствующий январю-февралю.

[375] Цари покоренных земель прибывают на ашвамедху, представляющую собой классический ритуал *шраута*, в качестве гостей с богатыми подношениями, демонстрируя, таким образом, «эксцессы расточительности», свойственные докласси́ческому «обмену дарами», — след архаики в сюжете эпоса (*Васильков* 1979. С. 73—82).

[376] *...диспутанты принялись вести... споры, стараясь взять верх друг над другом.* — Под «диспутантами (hetuvādinaḥ), ведущими споры (hetuvāda)», а точнее, «выдвигающими аргументы», возможно, подразумеваются брахманы, участники *брахмодьи* (*Елизаренкова, Торопов* 1984. С. 14—16), ритуальных диалогических прений, входящих в структуру ведийской ашвамедхи.

[377] *...что родились из чрева... из яйца... из пота и проросли (из земли)...* — Таковы, согласно традиционной индийской классификации, четыре вида живых существ.

[378] Необычайное обилие пищи на жертвоприношении Юдхиштхиры может быть рассматриваемо в связи с ответными дарами принимающей стороны в агонистическом ритуальном обмене (архаическом потлаче); ср. примеч. 375.

[379] *Джамбудвипа* — согласно эпико-пуранической космографии, главный из семи (или четырех) материков, вокруг которого располагаются остальные, разделенные морями. Бхаратаварша, Страна Бхаратов, т. е. Индия, располагается южнее горы Меру, центра мира.

[380] *Близнецы* — Накула и Сахадева, младшие Пандавы.

[381] *...на теле, наделенном всеми благими признаками...* — Имеются в виду благоприятные знаки, присутствующие на теле воина от рождения (например, на шее — линии в виде спирали раковины, на руках — в виде лука и стрел и т. д.).

[382] *...Вишну Хришикеша, взрастивший воинство Бходжей...* — свидетельство прочности памяти традиции об идентичности Кришны богу Вишну. *Бходжи* — часть племени ядавов, занимавшая территорию в Западной и Центральной Индии; в великой битве бходжи сражались против Пандавов, тогда как Кришна стал на их сторону, предоставив, согласно договору, свои войска каурава́м.

[383] *Пиндики* — то же: пиндаки, шарообразные наросты на теле (в частности, на икрах ног).

[384] *... ведь Хришикеша, друг ее мужа, воочию сам Завоеватель богатств.* — В переводе следуем разночтениям: вместо sakhyuḥ («друга») читаем patyuḥ («мужа») (Ашвамедхикапарван 1960. С. 326); текст постоянно упоминает о сближении Арджуны с Кришной вплоть до их отождествления.

[385] *...наслаждались, слушая... истории о Завоевателе богатств...* — Эпическое описание ведийской ашвамедхи сохраняет память о древних *париплавах* (pāriplava), циклически повторяющихся повествованиях о воинских подвигах царей, которые рассказываются в течение года странствий жертвенного коня.

[386] *...опора Пандавов.* — Называя Арджуну «опорой» Пандавов — dhuraṁdhara означает букв. «несущий бремя (власти)», — традиция подчеркивает его роль как «идеального» царя, родственного тому же Кришне.

[387] *Уччайхиравас* — мифический конь, появившийся вместе с сокровищами из молочного океана во время пахтания его богами и демонами (Махабхарата 1950. С. 76).

[388] *Сагара* — прославленный царь Солнечной династии, правивший в Айодхье. Согласно известному сюжету, сыновья Сагары, пытавшиеся вернуть ему похищенного во время ашвамедхи жертвенного коня, были обращены в пепел гневом риши Капилы из-за того, что они приняли его за похитителя.

[389] *...деяние...* — В тексте — karma, означающее также «обряд». Здесь и далее речь идет о том, что ашвамедха Юдхиштхиры, обряд, в котором существенная роль отведена батальной деятельности Арджуны, не имеет поэтому аналогов ни в прошлом, ни в будущем.

[390] *...пересек (океан) и добрался до берега.* — Древняя символика водной переправы традиционно связана с преодолением смертельной опасности.

[391] *...с обеими матерями.* — Т. е. с Читрангадой и Улупи, женами Арджуны.

[392] *...точно Прадьюмна пред Говиндой.* — *Прадьюмна* — сын Кришны от Рукмини, *Говинда* — Кришна. Этим сравнением подчеркивается близкородственный по отношению к Кришне статус сына Арджуны, царя Бабхруваханы.

[393] *Сын Сатьявати* — Вьяса.

[394] *Дакшина* — плата жрецам-брахманам за совершение жертвенного обряда, понятие, персонифицированное в «Ригведе» в виде богини (см.: Ригведа 1989. С. 453, 488).

[395] *...ибо брахманы тут — источник (успеха).* — Иными словами, чем крупнее дакшина, дар брахманам-жрецам, тем больше заслуга жертвователя, т. е. Юдхиштхиры (ср. *Roy* 1926. P. 167). Как «источник» передается слово *kāraṇam*, имеющее также значение «средство», «инструмент», но и тогда смысл фразы практически не меняется: «...ибо брахманы тут — средство (достижения успеха)».

[396] *...избавившься от греха... убийства родичей.* — Еще раз подчеркивается, что если военный поход Арджуны соответствует основному назначению классической ашвамедхи — укрепление верховной власти царя, то обусловленная конкретными эпическими обстоятельствами цель жертвоприношения Юдхиштхиры — искупление греха (впрочем, и искупительный аспект данного ритуала согласуется с ведийскими данными).

[397] *Очищение* — avabhṛtha — ведийский термин, означающий очищение жертвователя и жертвенной утвари после совершения обряда (*Sen* 1982. P. 43). Общий смысл контекста связан с конкретизацией искупительной цели эпической ашвамедхи.

[398] *Посвящение* — dīkṣā, — религиозный обряд, совершаемый в данном случае над царем Юдхиштхирой как жертвователем-ядж́маной.

[399] *Ваджимедха* — то же: *ашвамедха*; варьирование термина свидетельствует, по-видимому, о вытеснении ведийского ритуала, как не актуального для эпического мира, новыми религиозными ценностями (подвижничество, дарение, паломничество и т. д.).

[400] *Праваргья* — церемония, открывающая жертвоприношение сомы, во время которой свежее молоко возливается в подогретый сосуд или в кипящее масло (*Sen* 1982. P. 91).

[401] *Абхишава* — процедура выжимания камнями сока сомы из его стеблей (упоминается в шраутасутрах и «Шатапатха-брахмане», которые содержат основные сведения о ведийской ашвамедхе).

[402] *...достойнейшие из вкушающих сому (жрецы)...* — Ритуальное вкушение сомы, признавалось ведийскими текстами исключительным правом брахманов (Махабхарата 1987. С. 628).

[403] *...один за другим (обряды) савана.* — В терминологическом ряду составляющих ведийского жертвоприношения упоминается особый обряд savana, связанный с выжиманием сомы, и совершавшийся три раза в день: утром, днем и вечером.

[404] *Садасья* — участник жертвенного обряда.

[405] *...не был бы искусен в споре.* — В структуру ведийского жертвенного обряда входили ритуальные словопрения между жрецами-брахманами (брахмодья); см. примеч. 376.

[406] *...из билвы... кхадиры... сарваваринна... девадару... шлешматаки.* — *Билва* — *Aegle marmelos* (*Correa*) — вид дикой яблони. *Кхадира* — *Acacia catechu*, или *Mimosa catechu*. *Сарваварнин* — возможно, то же: сарваварника, дерево *Gmelina Arborea*, иное название — кашмари. *Девадару* — то же: *дару* (совр. деодар), гималайский кедр (*Cedrus libani*, или *Cedrus deodara*). *Шлешматака* — то же: *шлешмата*, дерево *Cordia Latifolia*. Древесина перечисленных пород деревьев использовалась в ряде религиозных церемоний.

[407] *Царь-мудрец* — rājarṣi — один из разрядов *риши*, святых мудрецов; остальные — брахмические мудрецы (brahmarṣi) и божественные риши (devarṣi).

[408] *...точно Семь мудрецов... украшенные (присутствием) Васу, явившихся... вслед за Индрой людей.* — *Семь мудрецов* — saptarṣi — семь риши, олицетворяющих созвездие Большая Медведица. *Васу* — разряд ведийских божеств, связанных с природными явлениями (огонь, ветер, вода и т. п.). *Индра людей* — царь. Образ сравнения становится понятным, если следовать разночтениям: maheṅdrānugatā (Ашвамедхикапарван 1960. С. 332), «вслед за Махендрой», т. е. Индрой, возглавляющим группу Васу.

[409] *...точно (алтарь) Дакши Праджапати.* — *Дакша* — один из Праджапати (мн. ч. — «Владыки сущего»), наделенных креативными возможностями мудрецов, духовно рожденных сыновей Брахмы, от которых происходит все живое. С именем Дакши связан сюжет о разрушении Шивой жертвоприношения, в котором ему не была выделена подобающая доля (подробно см.: *Hiltebeitel* 1976. P. 312—335).

[410] *Кара* — «рука», «хобот», мера длины, согласно К. М. Гангули — «локоть» (см.: *Roy* 1926. P. 169).

[411] *Гаруда* — царь птиц, ездовое животное (вахана) Вишну; похитил у демонов-змеев амриту, чтобы вернуть ее богам.

[412] *Полнилось... песнопениями кимпурушей, украшенное киннарами и покоями... сиддхов.* — *Кимпуруши* — разряд полубогов, ассоциируемых с киннарами. *Киннары* — класс небесных певцов-музыкантов из свиты Куберы. *Сиддхи* — группа полубогов, отмеченных духовным совершенством и наделенных сверхъестественными способностями.

[413] *...Тумбуру, Вишвавасу, Читрасена...* — *Тумбуру* — известный в эпосе гандхарва-песнопевец (см.: Махабхарата 1987. С. 107—108). *Вишвавасу* — гандхарва, пре-

вращенный в чудовище-ракшаса Кабандху и освобожденный от проклятия Рамой и Лакшманой (Там же. С. 528). *Читрасена* — небесный музыкант-гандхарва, друг героя Арджуны, обучивший его Веде гандхарвов, т. е. пению и музицированию (Там же. С. 341).

[414] О ритуальном характере пения и танца в составе ригведийского жертвоприношения см.: Ригведа 1989. С. 457. Память об этом, очевидно, сохраняется в эпосе, однако здесь, на ашвамедхе, музицируют не жрецы, а небожители-гандхарвы в присущем им качестве, и не в течение самого обряда, а в промежутках между его этапами. Т. е. искусство танца и пения осознается уже отделившимся от непосредственно ритуала.

[415] ***...испросив у коня согласия...*** — По свидетельству древнеиндийских источников (в частности, «Шатапатха-брахманы»), жертвенное животное нельзя умертвить без его согласия.

[416] *...жрецы-быки...* — широко распространенная в эпосе «животная» метафора, подчеркивающая обычно физическую силу воинов, но в тех случаях, когда она определяет брахманов, оттеняет их духовную мощь (см.: *Невелева* 1991. С. 129—132).

[417] ***...подвели... дочь Друпады... с тремя составляющими жертвенного подношения.*** — Важный этап ашвамедхи, указывающий на ее древнюю связь с идеей плодородия, состоит в том, что жрецы укладывают супругу царя («дочь Друпады» — Драупади) рядом с жертвенным конем в знак символического соития (saṁveśana). Ср. в «Рамаяне» («Балаканда») тот же обряд, совершаемый царем Дашаратхой ради обретения потомства; *Три составляющие жертвенного подношения* — согласно традиционному комментарию Нилакантхи к данной шлоке, *kalā* представляет собой триединство: ***мантра*** (заклинание), ***дравья*** (субстанция) и ***шраддха*** (вера). Возможно, по-видимому, понимание этого триединства в связи с индоевропейской формулой «мысль — слово — действие», соотносимой с тремя уровнями ритуальной культуры и полным комплексом жертвоприношения.

[418] Таким образом, комплексная структура центрального этапа эпической ашвамедхи описывается в должной последовательности: 1) жертвоприношение сомы, 2) жертвоприношение животных, 3) жертвоприношение огню.

[419] ***Коти*** — наибольшее число в древнеиндийской системе счета (совр. крор, десять миллионов).

[420] *Четыре жреца — хотар*, ведающий рецитацией гимнов «Ригведы» и приглашающий богов на жертвоприношение; *удгатар* — знаток мелодий, поющий гимны; *адхварью*, принимающий непосредственное участие в жертвенных приготовлениях (выжимании сомы давильными камнями, подготовке костра и т. д.), а также *брахман*, руководящий жертвоприношением и следящий за недопущением ошибок (Ригведа 1989. С. 458—459).

[421] ***...следуя путем Марутты.*** — Ашвамедха царя Марутты, благодаря оставшемуся после его жертвоприношения золоту, осмысливается как образцовый прецедент богатого обряда.

[422] ***...очистившись от греха и завоевав небо.*** — Таким образом, достигнуты обе цели классической ашвамедхи: и та, что продиктована конкретно-эпическими обстоятельствами — необходимостью очищения от греха братоубийства, и та, к которой всегда стремится жертвователь-яджамана, совершая ведийский жертвенный обряд, т. е. обретение небес. Утверждение же суверенной власти царя — основная задача ашвамедхи — обеспечено успешным воинским походом Арджуны.

[423] *Даровал... драгоценности, слонов, коней, украшения, женщин, одежды и золото.* — Типичный для контекстов дарения перечень, вызывающий в памяти ситуацию архаического обмена с его «эксцессами расточительности» (ср.: *Невелева* 1985. С. 80—81).

[424] *Вайшравана* — Кубера, бог богатства.

[425] ***...возвратился в свой город.*** — Царь возвращается в свой город по завершении ведийского жертвенного обряда, проходящего, как предписано, за пределами поселения — еще одно свидетельство точности эпических данных об ашвамедхе.

[426] *...не стоит и горстки муки... жителя Курукшетры, живущего сбором колосьев... после жатвы.* — Словом «горстка» переводится prastha, малая мера веса. *Курукшетра* — то же: Поле Куру, Поле Дхармы, Поле Брахмы, священная для индуиста земля между реками Сарасвати и Дришадвати, названная так в честь царя Куру, вершившего здесь подвижничество и благие обеты (подробно см.: Махабхарата 1987. С. 637). *Сбор колосьев после жатвы* — религиозный обет, связанный с исполнением одного из предписанных приемов поста (uñchavṛtti).

[427] *Чему ты обучен?* — śrutaṁ понимается здесь в связи с понятием *шрути*, т. е. Веды, которой наставник-брахман на слух обучает ученика. Возможен также перевод: «Что ты слышал?»

[428] Под «правилами» здесь подразумеваются агамы (āgama), в расширительном толковании — традиционные религиозные тексты (включая Веды и шастры).

[429] *...подобный голубю.* — Как и в сходном сюжете «Сказания о дроне риса» (Махабхарата 1987. С. 497—503), эта характеристика брахмана служит «сигналом», настраивающим на последующее восприятие его образа о («сигнальной» функции сравнений в «Махабхарате» см.: *Невелева* 1991. С. 117).

[430] ***...был он чист нравом...*** — перевод следует разночтению — babhūva śuklavṛttaḥ sa (Ашвамедхикапарван 1960. С. 341). В критическом тексте — vadhūcaturthoḥ: «и, в-четвертых, с супругой», но супруга брахмана уже упомянута в начале фразы: sabhāryaḥ... tapasi sthitaḥ — «Вместе с супругой... вершил он подвижничество».

[431] *...принимал... пищу лишь вечером третьего дня...* — Подвижник, соблюдающий пост, ест только «на шестой раз» (saṣṭhe kāle), т. е. один раз в три дня, тогда как в обычных условиях едят два раза в день (Махабхарата 1987. С. 632, 678, 703).

[432] ***...на мелкие порции.*** — Букв. «каждому по кудава» (kuḍava), т. е. по четверти прастха, малой меры веса или объема.

[433] *...гость — некий дваждырожденный...* — Появление неизвестного до поры «гостя» в контексте испытания им «хозяина» можно связать с одним из мотивов архаической инициации — с масочной закрытостью испытателя (*Невелева* 1988. С. 128—160).

[434] Этот перечень достоинств праведного индуиста представляет собой так называемый каталог — прием устно-эпической композиции, для которого характерны тенденция к полноте описания, а также мнемотехническая функция (регулирование темпа сказа) и функция хранения информации (ср. каталоги рек и гор — Махабхарата 1987. С. 385—386).

[435] *...о прекрасная...* — Об использовании в качестве вокатива постоянного эпитета «вне логики» окружающего контекста см.: *Невелева* 1991. С. 107—108. Вневременной характер признака, свойственного постоянному эпитету в эпосе, идет вразрез с ситуативными характеристиками, порождая, по Л. С. Выготскому, «аффективное противоречие».

[436] *...оттого что поддерживаешь меня, ты — супруг мой...* — bhartāsi bharaṇān mama — характерный пример эпической этимологии.

[437] *...истина эта...* — В подлиннике: śrutir eṣā; *шрути* — священное знание, Веда.

[438] *...сын оттого и (зовется) сыном, что спасает отца (от ада).* — Подобная этимология слова *putra* (сын) встречается в Брихадараньяка-упанишаде (*Сыркин* 1971. С. 71).

[439] *...к своему наставнику...* — Для невестки ее свекор как старший является наставником-гуру.

[440] *...триада (целей), первая из которых — дхарма...* — О трех целях-ценностях индуиста см. примеч. 256, 315. После *дхармы*, религиозно-нравственного закона, следует *артха* (материальное благополучие) и *кама* (продолжение рода).

[441] *...совокупность трех огней...* — Три обязательных огня жертвенного ритуала: 1) *гархапатья* — священный огонь, постоянно поддерживаемый домохозяином (грихапати) и передаваемый из поколения в поколение; разводится в восточной стороне жертвенной площадки; 2) *дакшина* — «южный огонь» жертвоприношения; 3) *ахавания* — огонь, в который совершаются жертвенные возлияния; возжигается на западе.

[442] *...триединство — отец, сыновья и внуки.* — В переводе следуем разночтениям (Ашвамедхикапарван 1960. С. 346), поскольку в критическом тексте слово «отец» опущено.

[443] Ср. примеч. 438; здесь несколько варьируется этимология слова «сын»: вместо «спасает отца» — «спасает предков», т. е. несколько поколений умерших, принося поминальные жертвы.

[444] *...на третий день поста.* — См. примеч. 431.

[445] *Ты — наставник наставника моего...* — Женщина называет своим наставником мужа, наставником по отношению к которому является его отец.

[446] *...сам Дхарма в человеческом облике...* — В «Махабхарате» бог Дхарма нередко выступает испытателем праведности человека, в частности, Юдхиштхиры в Араньякапарве (гл. 295—299), а также в последней книге эпоса (см.: Испытание адом 1997. С. 55).

[447] *...стоя в небесных колесницах...* — Как «небесная колесница» переводится слово vimāna — средство передвижения небожителей, перемещающееся само по себе; иногда рассматривается как трон или дворец.

[448] *...те, что удалились в мир Брахмы...* — Т. е. благочестивые люди, праведники, попадающие по завершении земного существования в высший мир эпической космографии, принадлежащий богу Брахме.

[449] *Рантидева* — царь, имя которого символизирует в эпосе щедрость одаривания брахманов мясом во время жертвоприношения. Ассоциирующаяся с его именем р. Чарманвати (carman — «шкура») названа так якобы потому, что в нее стекала кровь жертвенных коров, когда на кухне Рантидевы их ежедневно забивали по две тысячи (Махабхарата 1987. С. 418, 634).

[450] Таким образом, посягательство на чужую собственность подается как причина утраты накопленных религиозных заслуг и падения в ад.

[451] *Шиби, сын Ушинары* — В широко известном сюжете этот царь, щедрый даритель, жертвует своим телом ради спасения голубя, в образе которого Агни скрывается от ястреба — Индры, преследующего его (об испытании богами жертвенности Шиби см.: Махабхарата 1987. С. 270—272; библиография — там же. С. 667).

[452] *Совершив... многие ашвамедхи, не (обретаешь) плода, подобного этому.* — В уста бога Дхармы, олицетворяющего в индуизме универсальный надличностный религиозный долг, вкладывается, таким образом, опровержение ценности ведийского царского ритуала.

[453] ***...безраздельную власть над богами.*** — В оригинале: devarājyam... akhilam; иной вариант перевода — «все царство богов».

[454] ***...вред, наносимый живому.*** — В подлиннике: hiṃsā, один из ключевых терминов доктрины ахимсы, «невреждения живому».

[455] ***Вишвамитра*** — известный в ряде памятников древнеиндийской словесности, включая Веды, святой мудрец-риши, кшатрий, который благодаря суровому подвижничеству стал брахманом.

[456] *...Асита... Джанака, Какшасена, Аришшена... Синдхудвипа...* — *Асита* — то же: Асита Девала, риши из рода Кашьяпы. *Джанака* — мудрый царь Видехи, прославившийся верностью Дхарме. *Какшасена* — подвижник. *Аришшена* и *Синдхудвипа* — цари-подвижники, обретшие брахманский статус в тиртхе Вишвамитры на берегу священной реки Сарасвати.

[457] Словом «быль» передан термин «итихаса», определяющий «Махабхарату» в целом, свидетельствуя достоверность происходящих в ней событий.

[458] *Агастья* — святой мудрец-риши; наиболее известные из связанных с ним сюжетов — о поглощении демона-асуры Ватапи (миф имеется также в «Рамаяне», кн. III) и о том, как Агастья своей мощью остановил рост горы Виндхья (см.: Махабхарата 1987. С. 216—222, 656—658).

[459] *Яти* — подвижничающий отшельник, порвавший мирские связи.

[460] *...принесу я умственную жертву...* — cintāyajñaṁ kariṣyāmi; «умное» жертвоприношение — внутренний ритуал, противопоставляемый в позднем ведизме и индуизме «вещной» обрядности.

[461] *Киннары* — небесные певцы и музыканты.

[462] *Вишвавасу* — гандхарва, считающийся автором одного из гимнов «Ригведы» (см. также примеч. 413).

[463] ***Сокрушитель твердынь*** — Пурандара, имя Индры, определяющее его в «Ригведе» как разрушителя вражеских крепостей (pur), принадлежащих дасам (или дасью) — так назывались демоны или же враждебные местные племена (см.: Ригведа 1989. С. 433).

[464] *Брихаспати* — в Ведах — царский жрец (*пурохита*) владыки богов Индры, его наставник, в астрономическом плане — «правитель» планеты Юпитер; вместе с наставником асуров — Шукрой-Ушанасом, «правителем» Венеры, Брихаспати считается создателем науки об устройстве общества и человеческой деятельности (*нити*).

[465] *Джамадагни* — мудрец-отшельник из рода Бхригу, отец Парашурамы (Рамы с топором), брахмана-воина, покаравшего кшатрия Арджуну-Картавирью за смерть отца.

[466] *Праотцы* — то же: *питары*, умершие предки, пребывающие на небесах и сохраняющие связь с живущими на земле, которые поддерживают их существование поминальными подношениями и возлиянием воды.

[467] ***Леса дхармы*** — по-видимому, леса, куда, согласно индуистской теории четырех *ашрам* (стадий человеческой жизни), удалялись подвижничать те люди, которые по завершении периода домохозяйствования (*грихастха*), вступали на третью жизненную ступень — *ванапрастха* («уход в лес»).